

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

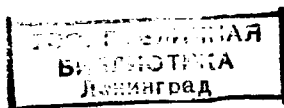
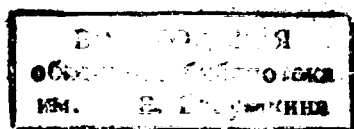
Ноябрь — Декабрь

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

С. Е. Стеценко

РАЗВИТИЕ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ В УКРАИНСКОЙ ССР

XXV съезд КПСС начертал грандиозную программу экономического и социально-политического развития нашей страны на десятую пятилетку. Видное место в этой программе занимают вопросы идейно-нравственного воспитания. Важным условием эффективности этой работы является «комплексный подход к постановке всего дела воспитания, т. е. обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся»¹. На XXV съезде КПСС была поставлена задача в полной мере использовать в этой работе все средства идейно-политического и нравственного воспитания. Определенное место среди таких средств занимает советская обрядность, выполняющая важные социальные, мировоззренческие функции. Являясь важной частью культуры и быта народа, она служит одним из средств передачи от поколения к поколению передовых социалистических идей и представлений, способствует утверждению в сознании масс революционных, трудовых и патриотических традиций, норм и принципов коммунистической морали.

Большое внимание вопросам создания советских обрядов уделил XXV съезд Компартии Украины. В отчетном докладе ЦК Компартии Украины, с которым выступил член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КПУ тов. В. В. Щербийский было сказано: «Активно способствуют воспитанию трудящихся новые, советские праздники и обряды. Очень важно, чтобы все торжественные события общественной и личной жизни человека были насыщены глубоким идейным содержанием, оставляли неизгладимый памятный след»².

В постановлении ноябрьского (1977 г.) Пленума ЦК Компартии Украины, обсуждавшего вопрос «О работе партийных организаций республики по выполнению решений XXV съезда КПСС об улучшении коммунистического воспитания молодежи и усилении партийного руководства комсомолом» поставлена задача: «Активнее внедрять новые советские обряды, повышать их роль в формировании у молодых людей материалистических убеждений и здоровых эстетических вкусов».

Социалистическая обрядность является средством воспитания людей в духе материалистического мировоззрения. Общеизвестно, что церковь использует обрядность как средство эмоционально-психологического воздействия на верующих и что соответствующие обряды стимулируют религиозные переживания. К тому же неоднократное повторение эмоциональных переживаний, связанных с обрядами, создает потребность в них, что способствует превращению обрядов в традицию.

¹ Л. И. Брежнев. Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней политики. М., 1976, с. 8.

² «Правда Украины», 11 февраля 1976 г.

А поскольку религиозно-бытовые пережитки в значительной мере базируются на вошедших в традицию религиозных обрядах, то борьба с ними требует также и борьбы с религиозной обрядностью. Чтобы решить эту последнюю задачу, нужны не только научная критика реакционной сущности религиозной обрядности, но и внедрение в быт советских людей новых высокоидейных и высокохудожественных обрядов, которые полностью отвечали бы этическим нормам и возросшим эстетическим вкусам советского народа.

Борьба за создание новой обрядности на Украине превратилась за последние годы в массовое народное движение.

Как и в других республиках, здесь выработалась широкая система праздников и обрядов — государственные, революционные, посвященные памяти выдающихся деятелей международного коммунистического и рабочего движения и погибших защитников Родины, детские (пионерские), молодежные (комсомольские), трудовые, бытовые, семейно-общественные. Наибольшее распространение получили общенародные государственные праздники и обряды, в которых непосредственно отражены коммунистические идеалы, революционные, боевые и трудовые традиции, социально-нравственные ценности советского народа.

Яркий пример тому — празднование таких знаменательных дат, как 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, 50-ти и 60-летие Великого Октября и юбилея образования СССР, 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Проводившиеся в эти дни массовые театрализованные представления, манифестации и митинги, карнавальные шествия, народные гуляния продемонстрировали перед всем миром единство партии и народа, трудовую и политическую активность советских людей.

Революционные праздники закрепляют чувства классовой солидарности, причастности к великим целям и идеалам коммунистического общества, они обращают наше сознание к историческим судьбам человечества, к его прошлому, настоящему и будущему.

Приподнятое настроение создают праздничное убранство городов и сел, звучащие повсюду революционные и современные массовые песни и марши, многолюдные группы празднично одетых людей.

С 1966 г. по решению XX съезда комсомола Украины со 2-го по 9-е мая проводится ставшая традиционной Неделя памяти героев, павших в боях за нашу советскую Родину. Сложились торжественные обряды, связанные с Неделями — почетный караул у памятников павшим, могил и обелисков, переключки по «Книге вечной славы», минуты молчания, факельные шествия, марши ветеранов, походы рабочей и сельской, студенческой и учащейся молодежи, соревнование за право сфотографироваться у Знамени Победы, зачисление героев войны в состав трудовых коллективов и многие другие.

Сегодня мы являемся свидетелями рождения и новых трудовых праздников. Тематика и содержание их тесно связаны с социально-экономическими изменениями в советском обществе и изменениями в духовной жизни нашего народа. В последние годы появились и праздники посвящения в профессии, прежде всего в рабочие и хлеборобы.

Церемония посвящения в рабочие на разных предприятиях республики различна, но имеются и общие черты: выступления ветеранов труда — наставников молодежи, их наказы новому пополнению рабочего класса, торжественность обстановки. Содержательно и интересно проводится этот праздник на киевском заводе «Арсенал» имени В. И. Ленина, Южном машиностроительном заводе (Днепропетровск) и других предприятиях. Здесь посвящаемым вручают памятные медали, дарят рабочий инструмент.

В селах Херсонской области во время посвящения в колхозники дается клятва верности нелегкому, но почетному труду земледельца.

Колхозные ветераны произносят приветственные речи, вручаются памятные подарки.

Возникло множество праздников посвящения в отдельные профессии; они узаконены государственными актами — правительственными постановлениями об учреждении дней отдельных профессий, торжественно отмечающимися всей страной.

Формированию у молодежи гордости за принадлежность к славной армии труда способствуют чествование ветеранов и передовиков производства, занесение на Доску Почета, торжественные проводы на пенсию ветеранов предприятий.

Одной из эффективных форм воспитания молодежи являются также торжества, посвященные рабочим и крестьянским династиям, на которых не только воздаются почести представителям знатной трудовой семьи, но и ведется речь о рабочей славе и чести, о трудовой преемственности, о сознательном труде всего народа, о героях нашего времени. Традиция чествования династий хлеборобов стала распространяться после Всесоюзного слета трудовых династий, состоявшегося в 1972 году в г. Донецке. Позднее во многих областях Украины — Кировоградской, Днепропетровской, Винницкой и других — были проведены областные, городские и районные слеты трудовых династий. Новые трудовые праздники и обряды прочно вошли в жизнь украинского села. Во многих областях стали традиционными праздники животноводов, механизаторов, связанные с трудовым календарем праздники Урожая, Первого снопа, Обжинок и др. Большой опыт их проведения накоплен в Донецкой, Днепропетровской, Киевской, Харьковской, Херсонской областях.

И все же ещё не везде найдены оптимальные формы проведения трудовых праздников и обрядов. Подчас эти торжества выливаются в митинги или собрания с концертом, превращающие участников в зрителей. Нет еще оригинального сценарного оформления праздников. А между тем каждому из них нужны свое лицо, своя яркая символика и атрибутика, богатые и разнообразные средства выражения.

Чрезвычайно важное воспитательное значение имеют обряды, связанные с такими знаменательными событиями в жизни гражданина Советского Союза, как получение паспорта и уход в армию. Комиссией по обрядам разработаны и рекомендованы сценарии их проведения.

Обряд вручения паспорта осуществляет Государственный наставник³. Помощником его выступает офицер, рабочий районного или городского отделов МВД. Перезвон курантов Спасской башни Кремля, возвещающий начало обряда, музыка советских композиторов, речь Государственного наставника, оглашение и подписание юнгами гражданами торжественного обещания «Слово Родине», приветствия от учителей и других уважаемых людей, архитектурно-художественное оформление помещения — все это делает обряд незабываемым, памятным событием в жизни юношей и девушек, которые должны почувствовать себя наследниками всех материальных и духовных ценностей советского народа, строителями коммунистического общества.

Высокая патриотическая идея заложена в серии обрядов, связанных с проводами в Вооруженные Силы. Цель этого торжественного акта вдохновить юношей на выполнение своего гражданского долга — защиту первой в мире страны социализма. Торжество готовят исполкомы городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов, районные и городские военные комиссариаты, профсоюзные, комсомольские организации, ДОСААФ, органы народного просвещения, руководители

³ Исполком местного Совета народных депутатов присваивает это почетное звание лицам из числа членов исполкомов, представителей партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов, а также наиболее уважаемым гражданам, не занимающим официальных постов.

предприятий,строек, организаций, колхозов и совхозов. Вся церемония состоит из четырех частей: общественные проводы, проводы из родного дома, выезд из районного (городского) сборного пункта и митинг на областном сборном пункте. Общественные проводы — наиболее значительная часть церемониала. Они устраиваются накануне призыва на предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях. Оформление помещений, где происходит церемония, посвящается Советской Армии и Военно-Морскому Флоту. Важные атрибуты оформления сцены — пятиконечная Красная Звезда, символ боевых и трудовых побед нашей великой державы, знамена родов войск, гильза снаряда, наполненная колосьями — символ оберегаемой от посягательств врагов мирной трудовой жизни советского народа. Переключка новобранцев, «Слово о воинском долге», произносимое ведущим церемониал, напутствия ветеранов войны, представителей комсомола, материнские благословения, «Торжественное заверение» — обещание честно и доблестно служить на благо Отчизны делают эту церемонию важным общественным событием, придавая ей широкий гражданский резонанс.

Большой популярностью в республике пользуются детские и молодежные праздники, которые с раннего детства (Первый школьный звонок, Праздник Букваря, прием в октябрята, пионеры) и до совершеннолетия, включая прием в комсомол, Последний звонок, вручение паспорта, сочувствуют подрастающему поколению, способствуя формированию его духовного облика.

Памятные события в жизни отдельного гражданина и соответствующие этим событиям обряды часто связываются с нашими общенародными революционными праздниками. Так, празднику Дня Победы сопутствуют встречи с допризывниками или проводы в армию, торжество в честь Дня Конституции СССР — вручение паспорта шестнадцатилетним и т. д. Следовало бы, очевидно, подумать над расширением тематики и поводов, по которым проводятся общегражданские обряды. Так, в дни революционных праздников можно было бы проводить встречи поколений, специально разработанные концертные программы и другие выступления у памятников народным героям, а также в местах, где в свое время происходили важнейшие политические события. Показателен в этом смысле почин самостоятельных коллективов города Малина Житомирской области, которые через журнал «Соціалістична культура» обратились в свое время ко всем участникам художественной самодеятельности Украины с открытым письмом, призывая их ежегодно отмечать День Победы тематическими концертами у памятников, братских могил и обелисков погибшим воинам. С тех пор уже много лет подряд в исполнении заслуженной капеллы бандуристов и лучших хоровых коллективов района звучат здесь песни: «Фронтовики, наденьте ордена!», ставшая народным реквиемом «Степом, степом», а также родившаяся тут же в Малине песня о славной комсомолке, участнице подполья в годы фашистской оккупации Нине Сосниной.

Наряду с общегражданскими праздниками и обрядами на Украине широко распространяются семейно-бытовые обряды. Идет целенаправленный поиск новых форм обрядов, посредством которых в социалистическом обществе всякое важное событие в личной и семейной жизни людей санкционируется обществом и приобретает общегражданские звучание и значимость.

Бракосочетание — один из самых важных семейных праздников. Обычно он на всю жизнь остается в памяти молодоженов, их близких, друзей. В последние годы родилась традиция, согласно которой в день торжественной регистрации брака молодожены возлагают цветы к памятникам В. И. Ленина и на братские могилы павших воинов в знак глубочайшего уважения к людям, жизнь которых была примером беззаветного служения Родине. Во всех областях республики многое де-

ляется для архитектурно-художественного оформления залов бракосочетания. Специально подбирается освещение, широко используется государственная, революционная символика. Во многих местностях Украины в честь молодоженов и новорожденных в парках, садах и скверах сажают деревья. Все это и делает указанные обряды семейно-общественными.

В сельских районах Житомирской, Полтавской, Винницкой областей при исполнении обряда, связанного с рождением ребенка, самый старший, уважаемый житель села преподносит семье при рождении девочки — несколько колосьев и веточек калины, как символы благополучия и красоты, а при рождении мальчика — колоски и веточки дуба — символы благополучия и силы.

Из религиозных обрядов наиболее живучи те, которые связаны с проводами людей в последний путь и с увековечением памяти о них. Религиозные служители пытаются использовать горе близких усопшего, их потребность в сочувствии; в таком состоянии люди быстро поддаются чьему-либо влиянию. Нам же, совершенствуя погребальные и поминальные обряды, необходимо акцентировать внимание их участников на идее социального бессмертия человека.

Формирование безрелигиозного, гражданского похоронного обряда, его печальный церемониал возникли давно. По гражданскому обряду хоронили еще бойцов Парижской Коммуны, гражданские почести воздавались погибшим революционерам, коммунистам.

Похоронный обряд на Украине уже во многих городах и районах совершается в мемориальных Домах и Залах, предназначенных для траурных церемониалов, или же на благоустроенных траурных площадках кладбищ.

* * *

Каждый обряд имеет глубоко личный и в то же время общественный смысл, выполняет сложную многофункциональную нравственно-воспитательную роль. Отсюда и специфические черты обряда, среди которых важнейшее место занимает определенность формы и ее художественная закреплённость, устойчивость. Люди не просто привыкают к тем или иным общественно-значимым обрядово-праздничным действиям, но и в определенные моменты испытывают потребность в них.

Опыт показал, что новая обрядность способна со временем полностью вытеснить церковные обряды. В ряде областей, например, Житомирской, Львовской, Крымской и других начался стабильный спад религиозной обрядности. Можно сослаться на опыт г. Трускавца Львовской области, где за последние пять лет почти перестали крестить детей.

Процесс формирования новой социалистической обрядности не может быть стихийным. Он нуждается в руководстве — не только научном, позволяющем теоретически обосновать актуальные проблемы создания новых обрядов, но и организационном, практическом. Такое практическое руководство осуществляют созданные в соответствии с постановлением ЦК Компартии Украины и Указом Президиума Верховного Совета СССР — Комиссия по советским традициям, праздникам и обрядам при Совете Министров Украинской ССР и соответствующие комиссии при всех исполкомах городских, районных, поселковых и сельских Советов народных депутатов, работающие под руководством партийных комитетов и местных Советов. В состав республиканской комиссии входит более сорока человек — представители всех министерств и ведомств, научных и творческих союзов и общественных организаций, причастных к изучению, разработке и внедрению обрядности.

За период с 1970 г. при помощи областных комиссий, ученых и практиков был изучен опыт проведения десяти праздников и обрядов во всех областях Украинской ССР. Члены Комиссии ознакомились также

с постановкой этой работы в Российской Федерации, Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Грузии. В результате были созданы рекомендации по празднованию Дня Победы и проведению трех семейно-общественных обрядов: «Бракосочетание», «Рождение» и «Похороны». Эти рекомендации уже в течение пяти лет повсеместно внедряются в жизнь.

Перед Комиссией возник ряд проблем методологического и теоретического порядка. Требовалось, в частности, определить соотношение в обряде: 1) нового, родившегося за годы советской власти, и старого, традиционного, дошедшего к нам из глубины веков; 2) народного, национального и общесоветского, интернационального; 3) строгой официальной обстановки при исполнении государственного акта и элементов импровизации и театрализации.

В течение 1972—1974 годов на основании обобщения накопленного опыта и его научного анализа были сформулированы некоторые общие положения:

1. Структура обряда и его идеологическое содержание должны быть новыми, советскими, а прогрессивные элементы народной традиционной обрядности следует применять для усиления эмоционального воздействия обряда.

2. Обряд строится в соответствии с известной характеристикой советской, культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме, интернационалистской по духу и направленности; это значит, что он должен быть близким и понятным представителям всех наций и народностей, проживающих на территории республики.

3. Праздник и обряд следует превратить в красочные театрализованные акты с большой эмоциональной нагрузкой.

4. Праздник и обряд должны отвечать потребностям широких народных масс и в дальнейшем постоянно развиваться, совершенствоваться в соответствии с развитием духовной жизни народа.

Эти принципы были положены в основу рекомендаций к обрядам «Бракосочетание», «Рождение» и «Похороны».

Сценарии свадебного обряда предусматривают напутственное слово, произносимое обрядовым старостой в момент торжественной регистрации, «Торжественное согласие» и подписание акта государственной регистрации брака, свадебный факел, зажженный от Огня Вечной Главы, поздравительный кубок вина, пригубленного вступающими в брак на счастье, обмен кольцами.

Вручение именной звездочки новорожденному, пожелания, напутствия маленькому гражданину, торжественное подписание Акта о рождении родителями и названными родителями, исполнение Государственного гимна СССР, поздравление родителям, бабушкам и дедушкам — все эти элементы составляют обрядовый цикл, ознаменовывающий рождение нового гражданина.

Прощальные речи организатора похоронного ритуала и других ораторов, траурная музыка, возложение венков и траурных лент, почетный караул и его регулярная смена, минута молчания, торжественно-траурная процессия к кладбищу или крематорию, скорбные краткие речи непосредственно до или после захоронения или кремации — составляют похоронный обряд.

В работе над рекомендациями к указанным праздникам и обрядам Комиссия стремилась прежде всего к тому, чтобы любой элемент — будь то атрибут или символ, оформление зала или речь исполнителя, музыкальное или хоровое сопровождение — имели глубокий смысловой подтекст, в обрядовой форме отражающий нормы коммунистической морали, социалистический образ жизни, духовный мир нашего народа, его вкусы, этику.

Эту черту обрядности очень точно сформулировал русский писатель В. В. Вересаев: «Вся сила, все значение обряда именно в его художественной закреплённости, в том, что он даёт уже готовое русло для проявления теснящихся в душе чувств, избавляя человека от необходимости искать в минуту сильной эмоции путей её проявления»⁴. При формировании новых праздников и обрядов мы должны, очевидно, не только отбирать самое лучшее, самое прогрессивное из того, что создано творчеством народа, но и преобразовать его поэтической фантазией, доводить народное творчество до классических форм. Живопись, музыка, поэтическое слово, песня, театрализованное представление, архитектура обрядовых сооружений, костюм исполнителя обряда должны удовлетворять эстетическим запросам его участников.

* * *

Центральный Комитет Компартии Украины и Совет Министров Украинской ССР постоянно уделяют внимание вопросам становления и развития советских обрядов в республике. Принят ряд постановлений, определяющих конкретные задачи обкомов и облисполкомов, министерств и ведомств, различных общественных организаций, которые должны осуществлять ряд организационных и идейно-политических мер по широкому распространению новых праздников и обрядов, по созданию прочной материально-технической базы их проведения.

В мае 1973 года были приняты меры по улучшению работы органов загса и укреплению материально-технической базы для осуществления гражданских обрядов. На помощь загсам пришла специально созданная обрядовая служба Министерства бытового обслуживания. За четыре года в 726 районах и городах областного подчинения уже организовано более 500 салонов обрядовых услуг. При салонах действуют более 1100 хороших и кокальных коллективов, обслуживающих общественно-семейные обряды.

В Киеве создана и успешно работает первая в стране специализированная фирма «Свято». («Праздник»). Она выполняет все виды работ по подготовке и проведению семейно-общественных обрядов. Приведем пример, характеризующий возможности и перспективы дальнейшего развития фирмы. В ноябре 1976 года фирме было поручено расширить работу по торжественной регистрации новорожденных. В результате, за 11 месяцев 1977 г. количество соответствующих обрядов возросло с 3,8% к общему числу новорожденных до 25,1%, а по Московскому и Печерскому районам города — до 51,1%. Используя опыт Киева, Министерство бытового обслуживания населения УССР организовало подобные фирмы в Донецкой, Днепропетровской, Запорожской областях. Есть все основания предполагать, что в недалеком будущем появятся реальные возможности для создания самостоятельных фирм обрядовых услуг и в остальных областных центрах республики.

В ряде областей УССР накоплен значительный положительный опыт по созданию более или менее прочной материально-технической базы советской обрядности. Во многих городах Донецкой области построены специальные здания для загсов. Большой положительный опыт организации обрядового обслуживания населения накоплен на Житомирщине. За последнее время заметно улучшилось состояние дела и в

⁴ В. В. Вересаев. Собр. соч., т. 8, с. 224.

Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Крымской, Львовской, Одесской областях.

Из многих союзных республик приезжают на Украину делегации для изучения накопленного здесь положительного опыта. Побывали у нас с этой целью и друзья из Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии. Наш опыт внимательно изучается и широко распространяется областными обрядовыми комиссиями через систему курсов, семинаров и совещаний.

* * *

Новизна всегда вызывает повышенный интерес у народа. Особенно если эта новизна относится к сфере семейно-бытовых обрядов, которые касаются всех и каждого. Нередки случаи, когда люди упрекают работников загса за то, что они в спешке сокращают обряд, упускают те или иные элементы, делают «купюры» в текстах речей. В г. Борисполе под Киевом, например, после обряда к заведующей загсом подошел отец новобрачного и с обидой в голосе сказал: «Как же так, раньше я слышал, Вы благодарили родителей и говорили в обряде о том, что они явили своим детям и жизнь, и свет, и красоту земли, а мне и моим детям этого не сказали!». Это яркий пример того, как заинтересованно народ воспринимает слова, произносимые во время обряда и, как, привыкая к ним, требует точного их воспроизведения. Впрочем, вопрос о соотношении твердо закрепленных и импровизируемых речевых формул в советском обряде нуждается в специальной теоретической разработке. Но уже и сейчас мы можем безошибочно сказать, что придерживаясь закрепленного текста обряда, его исполнитель может допускать словесную импровизацию, когда речь идет о деятельности конкретного человека, чтобы подчеркнуть общественную значимость трудового вклада данного лица в дело социалистического строительства.

Немаловажную роль в оформлении обрядов играет одежда их непосредственных исполнителей. Большая заслуга в разработке эскизов обрядовой одежды принадлежит киевской художнице Ариадне Ефимовне Перепелице. На основе глубокого изучения исторического и современного материала она создала, как нам кажется, удачные образцы костюмов исполнителей обрядов, работников соответствующих служб. Ею и другими художниками разработаны также костюмы для вокалистов, музыкантов, фотографов и пр.

Важен и интерьер помещения, где проходит обряд, его оформление. Надо учитывать, какое воздействие на участников оказывают обрядовая символика и атрибутика, с чем они ассоциируются в сознании людей, какие рождают мысли и чувства, какие морально-нравственные качества воспитывают.

Улучшение качества проведения обрядов и повышение их эффективности зависит на данном этапе, прежде всего, от кадров исполнителей и от повышения уровня организационной работы. Подготовка кадров для исполнения обрядов по всем ведомствам, причастным к организации, проведению и обслуживанию обрядов, приобретает сейчас важное значение, является нашей центральной задачей. К сожалению, в республике, да и в стране, нет специальных учебных заведений, готовящих кадры для Домов торжественных событий, для загсов, для обрядовой службы быта. Сейчас Киевский государственный институт культуры имени А. Е. Корнейчука разрабатывает систему обучения студентов институтов культуры и учащихся культпросветучилищ мастерству проведения обрядов. Очевидно, все институты культуры нашей страны должны взять на себя подготовку необходимых специалистов. По нашей республике нам нужно подготовить и переподготовить до 40 тысяч че-

людей общественных исполнителей обрядов, вовлекая в эту благородную деятельность местную интеллигенцию. На первых порах подготовку исполнителей обрядов можно будет осуществлять путем организации областных, кустовых, районных семинаров, краткосрочных курсов. Обучающимся надо дать краткий теоретический курс и достаточно продолжительный практикум под руководством опытных местных специалистов.

Необходимо повсюду привлекать к созданию и исполнению обрядов художественную интеллигенцию: писателей, поэтов, композиторов, художников, режиссеров, артистов — всех, кто своим талантом способен обогатить и украсить новые советские праздники и обряды.

В городских и районных Домах культуры, во многих профсоюзных и сельских клубах созданы методические кабинеты, уголки, стенды, пропагандирующие новые праздники и обряды. Но сделано далеко еще не все. Методические центры советской обрядности должны быть созданы повсеместно. Возглавить и направить процесс внедрения новых обрядов, задать тон в этом деле должны, конечно, комиссии местных Советов народных депутатов по советским традициям, праздникам и обрядам, в проведении методической работы опирающиеся на областные дома народного творчества и дома художественной самодеятельности профсоюзов. Подчеркнем здесь заодно и необходимость усиления роли профсоюзов в целом в этой работе.

Поскольку советские праздники и обряды имеют большое значение для воспитания трудящихся и особенно молодежи, большая ответственность ложится на обкомы, горкомы, райкомы комсомола и первичные комсомольские организации. Речь идет не только об организации встреч с ветеранами партии и ленинского комсомола, героями труда и войны, посвящений в различные профессии, чествовании лучших тружеников города и деревни, но и участии комсомольского актива в проведении обрядов «Бракосочетание» и «Рождение», поскольку «виновниками» этих торжеств являются, как правило, люди комсомольского возраста.

В развитии советской обрядности многое зависит от районного звена, в частности, от комиссий по советским традициям, праздникам и обрядам исполкомов районных Советов народных депутатов, возглавляемых, как правило, заместителями председателей исполкомов. Важнейшая функция районных и городских комиссий — объединение усилий и организация взаимодействия учреждений культуры, службы быта, жилкоммунхоза, автотранспорта, государственной, кооперативной торговли и общественного питания в выполнении каждым из них соответствующих функций во всех населенных пунктах района. Обрядовая служба Министерства бытового обслуживания населения УССР призвана выполнять комплексное обслуживание обрядов, т. е. оказывать все услуги, связанные с подготовкой и проведением торжеств. Такая задача предполагает активное использование возможностей ряда ведомств в зависимости от профиля выполняемых работ. Один заказ на все виды услуг по данному обряду — этим правилом должны руководствоваться обрядовые салоны службы быта. Мы добиваемся того, чтобы все заказы, относящиеся к обрядам, выполнялись безотказно. Это касается всех служб, причастных к проведению новых советских обрядов: службы быта, торговли, общественного питания, транспорта, пошивочных предприятий, цветочного хозяйства и т. п.

Следует отметить, что вопрос о материально-техническом обеспечении обрядовой службы сохраняет пока свою остроту. Большие и ответственные задачи в этом отношении ложатся на обрядовые службы Министерства бытового обслуживания населения УССР уже сделавшие немало. В комбинатах бытового обслуживания — службы, на которые возложено выполнение заказов на все виды услуг, связанных с проведением

торжественной регистрации браков и рождений. Поставлена задача создания в каждом районном центре салона обрядовых услуг, рассчитанного на обслуживание всех сел района. В дальнейшем по мере развития этой службы, она все больше будет сближаться с работой культпросветучреждений и загсов.

Особо следует сказать о необходимости коренного улучшения похоронного обслуживания сельского населения, строительства ритуальных площадок, благоустройства кладбищ. Чтобы организовать эту работу, следует при каждом райжилкомхозе создать бюро ритуальной службы, которое обязано обеспечить как организационную сторону дела, так и методическую помощь колхозам.

В декабре 1977 года Республиканский Совет колхозов Украины по просьбе нашей Комиссии рассмотрел, принял и направил свои рекомендации по проведению обрядов захоронения колхозам. Этими рекомендациями предусматриваются следующие задачи:

1) Деловое участие колхозов Украины в строительстве и благоустройстве сельских кладбищ, на которых прежде всего необходимо построить траурные площадки; 2) На правление возлагается обязанность позаботиться о семье умершего члена колхоза и организовать похороны умершего.

Было бы хорошо, если бы подобные решения приняли руководящие органы профсоюзов и возвели в общественный долг участие в похоронах той профсоюзной организации, в рядах которой трудился умерший. Это должно касаться и пенсионеров, ушедших на заслуженный отдых.

Особого внимания заслуживает вопрос о пропаганде новых обрядов. Приходится предъявлять счет организациям Общества «Знание», которые могли бы делать значительно больше в этом отношении, чем они делают в настоящее время.

Следует отметить значительную помощь, которую оказывают нашей работе любительские киностудии. Кинолюбители Тернопольской области создали кинофильм: «Праздник песни и труда», «Свадьба в Добровлянах», самодеятельная народная киностудия Волинского областного Дома народного творчества — «Проводы в ряды Советской Армии», Житомирского — «Пятьдесят колхозных весен», «Память сердца»; Балтская народная киностудия Одесской области — «Праздник Урожая» и т. д.

Нужно, чтобы кинолюбители глубже вникали в сущность явлений и создавали фильмы не только описательные, но и такие, которые в доходчивой форме раскрывали бы содержание и идею советских праздников и обрядов.

Наше общество располагает сейчас такими материальными и духовными ресурсами, которые дают возможность отмечать важные события в личной, семейной и общественной жизни людей празднично и торжественно. И если эти возможности не используются, некоторые трудящиеся обращаются к церкви.

Формирование и развитие традиций, обычаев, распространение обрядности — задача не местная, не локальная, это дело всего советского общества в целом, и в первую очередь — всех общесоветских институтов, творческих союзов и обществ, ученых и практиков, поэтов и прозаиков, художников и режиссеров, композиторов и журналистов, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, всех средств массовой пропаганды, дело всех воспитательных и учебных заведений — от детского сада до вуза включительно. Видимо, настало время создать единый Всесоюзный общественный центр, который возглавил бы массовое движение по распространению советских традиций, занялся бы практическим решением всех многосложных проблем, связанных с развитием советской обрядности и, быть может, подготовил создание в стране добровольного общества «Советские традиции» с целью про-

паганды коммунистической нравственности, основанной на принципах, провозглашенных нашей партией в моральном кодексе строителя коммунизма.

THE DEVELOPMENT OF NEW SOVIET RITUAL IN THE UKRAINIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

The author describes the work of the Commission for Soviet traditions, celebrations and rituals under the Council of Ministers of the Ukrainian SSR. This Commission directs the work being done on putting into shape and introducing in the Ukraine new rituals connected with State celebrations, with work and everyday life, with family and community occasions, which would be in accordance with Communist ideology and the ethical norms of the Soviet people. The present article deals with the birth of new Soviet ritual and with the practical measures being taken for furthering its diffusion.

Г. Н. Симаков

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У КИРГИЗОВ

[Конец XIX — начало XX в.]

Данная статья представляет собой первую попытку дать типологию скотоводческого хозяйства у киргизов.

Основными источниками для нее послужили статистико-экономические исследования, проведенные в начале века Переселенческим управлением в разных районах Киргизии¹. Кроме того, привлечены работы советских исследователей 20—30-х годов², полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок в Киргизскую ССР в 1973—1974 гг.³ Использованы также исследования советских этнографов, работавших над проблемой хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в последние 20 лет⁴.

Избранные автором принципы выделения типов скотоводческого хозяйства и терминология несколько отличаются от общепринятых в этнографической литературе по Средней Азии, что объясняется характером исследуемого материала.

Для определения типов киргизского скотоводческого хозяйства нами использовался ряд критериев. Главным из них следует считать наличие или отсутствие зависимости скотоводческого хозяйства от земледелия (а при наличии такой зависимости — ее степень). Остальные являются следствием главного. К ним относятся: состав стада (удельный вес крупного рогатого скота и соотношение его с другими видами ско-

¹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. VIII (Пишпекский уезд), вып. 2. Текст. Пг., 1916, с. 52 (далее — «Материалы по обследованию...»); «Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Андижанский уезд». Ташкент, 1913, с. 42 (далее — «Материалы по киргизскому землепользованию...») и др.

² См.: Б. Б. Карп, И. Е. Суллов. Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. X. Ташкент, 1927, с. 69; П. Кушнер. Горная Киргизия, М., 1929, и др.

³ Полевые записи за 1973—1974 гг. Тетради № 7 и 8 (записи хранятся у автора).
⁴ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — «Сов. этнография», 1955, № 4, с. 9; С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по отделению этнографии», ч. I, Л., 1961, с. 2—15; Б. К. Кармышева. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.). — «Сов. этнография», 1969, № 3, с. 44—51; Ю. А. Шибалева. Животноводство у киргизов Восточного Памира. — «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана». Л., 1973, с. 99—131; А. Оразов. Некоторые формы скотоводческого хозяйства в дореволюционной Туркмении. — Там же, с. 70—74; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976, с. 8—9; С. И. Вайнштейн. Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. — Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1973; А. М. Хазанов. Характерные черты кочевых обществ Евразийских степей. — Там же; М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. XXXIII, 1960, с. 19—21.

та); наличие или отсутствие сенокосения (степень его развития) и кочевания (его продолжительность и протяженность маршрута), а также сезонной или постоянной оседлости (длительность пребывания скотоводческих хозяйств на одном месте); наличие или отсутствие стационарных помещений для скота и регулярного кормления скота с помощью заранее заготовленных кормов; степень развития отгона скота (его длительность и удельный вес в хозяйстве); характер использования различных видов скота в хозяйстве; формы организации выпаса скота; количество постоянно кочующих членов семьи, а также продолжительность их пребывания на кочевье и на призимовочной территории; соотношение культурных угодий (посевов и сенокосов) и пастбищных угодий (выгонов) на призимовочной территории.

При разработке классификации учитывались внутренняя взаимобусловленность названных признаков и их взаимовлияние. Например, многие кочевые скотоводческие хозяйства киргизов в течение зимнего времени не кочевали (зимняя оседлость), в составе их стада имелся крупный рогатый скот и хозяйства пользовались для зимней подкормки скота сеном — эти признаки характерны для оседлого скотоводства. Однако они, на наш взгляд, не дают еще достаточного основания для отнесения подобных скотоводческих хозяйств к нековым, так как при отсутствии в хозяйстве земледелия перечисленные признаки были неустойчивыми.

За основу каждого типа было принято некое среднее хозяйство. Правда, при этом указываются его варианты, обусловленные классовыми причинами, особенностями природных условий того или иного района, традиционно-культурными особенностями и т. д. (следует отметить, что кочевое скотоводство к концу XIX — началу XX в. было представлено главным образом байскими хозяйствами).

В киргизоведческой литературе по скотоводству часто в одном и том же значении употребляются термины «тип», «форма» и «система скотоводческого хозяйства». Но, на наш взгляд, каждый из этих терминов имеет свое специфическое значение.

Под **формой** скотоводческого хозяйства мы понимаем способ выпаса и содержания скота. Скотоводческое хозяйство киргизов в конце XIX — начале XX в. было представлено следующими формами: пастбищной, отгонной, выгонной и стойловой.

То или иное сочетание форм скотоводства определяет его тип (или подтип). Своеобразие каждого типа, таким образом, определяется составом входящих в него форм скотоводства, а также хозяйственным значением каждой из них.

Формы скотоводства в зависимости от того, являются они характерными для кочевых или оседлых скотоводческих хозяйств, можно разделить на две группы, каждая из которых составляет самостоятельную **систему**. Так, пастбищное скотоводство — основа системы кочевого скотоводства, а выгонное, отгонное и стойловое (полустойловое) — характерны для оседлого скотоводческого хозяйства и составляют вместе систему оседлого скотоводства. Для Киргизии конца XIX — начала XX в. характерно (что будет видно ниже) тесное переплетение систем оседлого и кочевого скотоводства.

Таким образом, отправным элементом классификации является форма скотоводческого хозяйства. Остановимся подробнее на том, что мы имеем в виду, говоря о той или иной форме скотоводства.

Под **пастбищной** формой подразумевается скотоводческое хозяйство, при котором скот в течение круглого года или части его содержится на подножном корме и в сопровождении скотовода и его семьи переходит с одного сезонного пастбища на другое⁵.

⁵ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 3.

При *отгонной* форме скотоводства весь скот или часть его отправляется на целый год или на несколько месяцев на отдаленное пастбище. Главной особенностью отгонного скотоводства является сравнительно большое удаление пастбища от того места, где оседло живут в данное время скотовод и его семья. В силу этого обстоятельства пастбы скота, а также доение, уход за ним осуществляют пастухи (посторонние люди, родственники или члены семьи скотовода), которые неотлучно находятся со скотом. Таким образом, при отгонном скотоводстве когут со скотом или пасут его (в одном месте) только пастухи.

В условиях *выгонной* формы скот также содержится на подножном корме, но он отходит от места постоянного пребывания скотовода и его семьи на небольшие расстояния, что позволяет один или несколько раз в день доить и подкармливать скот, укрывать его от непогоды в помещениях и т. п. Выгонное содержание скота также часто осуществляется с помощью пастухов. Таким образом, выгонное скотоводство отличается от отгонного лишь расстоянием места пастбы от места постоянного жительства скотовода и его семьи, а также некоторыми особенностями организации молочного хозяйства, что связано с ежедневным возвращением скота на ночь к жилью владельца.

Для *стойловой* формы содержания характерно более или менее регулярное кормление скота заранее заготовленными кормами (сено, солома, овес, ячмень и т. п.), более тщательный уход за ним; а также, как и при выгонном скотоводстве, наличие крытых стационарных помещений — стойл. Разновидностью стойлового скотоводства является полустойловое, при котором скот получает нерегулярную подкормку под открытым небом или в примитивных укрытиях, не имеющих крыши или стен и плохо защищающих его от непогоды.

Отсутствует в киргизоведческой литературе и четкая терминология для обозначения типов скотоводческого хозяйства. Например, термин «кочевое скотоводство» применяется и по отношению к хозяйству, для которого форма пастбищного скотоводства является единственной, и к хозяйству, где наряду с ним имеются формы скотоводства, характерные для системы оседлого скотоводства.

Термин же «оседлое скотоводство» нередко используется и для характеристики хозяйств, в которых кочевание со скотом продолжало сохранять важное значение.

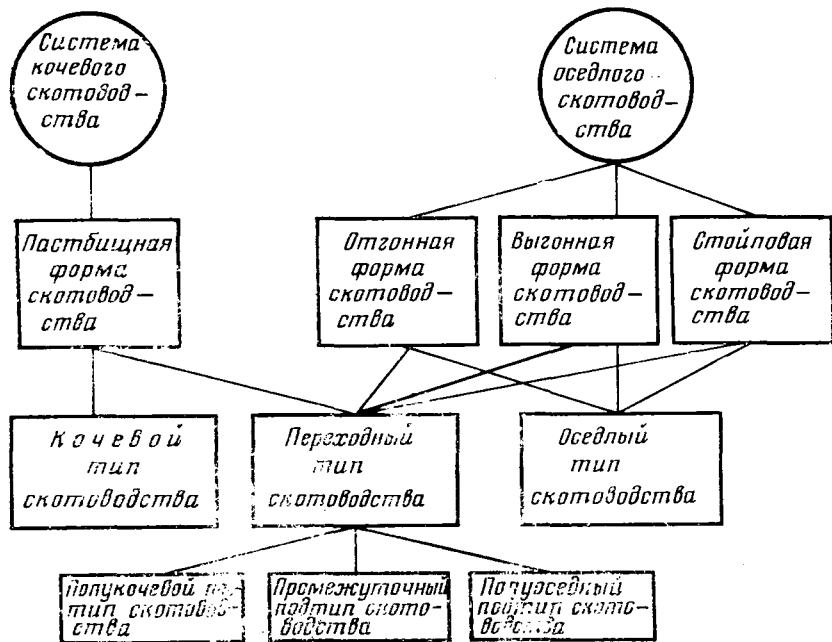
При обозначении различных ступеней переходного скотоводческого хозяйства используются термины «полукочевое», «полуоседлое», которые, как правило, дублируют друг друга.

В соответствии с изложенными принципами классификации у киргизов в конце XIX — начале XX в. нам удалось выделить три основных типа скотоводческого хозяйства: кочевой, переходный (смешанный) и оседлый (см. схему). Перейдем к рассмотрению каждого из них.

Скотоводческое хозяйство кочевого типа в его «чистом» варианте — кочевом скотоводстве — совсем не связано с земледелием: «...надзор и уход за скотом единственный... вид производительного труда... скот единственный... вид богатства, единственная форма капитала»⁶.

В хозяйстве такого типа скот круглогодично находится на подножном корме и кочует с одного сезонного пастбища на другое; почти полностью отсутствует сенокошение; кочевник и его семья в течение круглого года неотлучно находятся со скотом; нет постоянных (глинобитных или каменных) помещений для скота; отсутствует постоянное место зимнего стойбища (в зимнее время скотовод перекочевывает в те районы, где есть бесснежные пастбища); кочевание, как правило,

⁶ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 7.

Типология скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.)

связано с перемещением на большие расстояния (иногда до нескольких сот километров); в стаде отсутствует некочевой крупный рогатый скот, оно состоит из овец, лошадей и верблюдов (отчасти коз); особо важное значение имеют транспортные виды скота (как верховые, так и вьючные) — без необходимого количества вьючных и верховых животных кочевое скотоводство становится невозможным⁷.

К концу XIX и в особенности к началу XX в. скотоводческие хозяйства кочевого типа, сочетавшие в себе перечисленные признаки, сохранились, по-видимому, только у киргизов Памира⁸. На территории Киргизии, судя по данным литературных источников, скотоводческие хозяйства, которые можно было бы назвать чисто кочевыми, встречались еще в середине XIX в., в период присоединения Киргизии к России. В конце же XIX в. и в особенности в начале XX в. такие хозяйства, по имеющимся у нас данным, окончательно исчезли.

В это время можно было еще встретить хозяйства, основанные преимущественно на пастбищном скотоводстве, но уже в той или иной степени занимавшиеся сенокосением или покупавшие сено в обмен на скот, имевшие постоянные стойбища со стационарными укрытиями для скота. В таких хозяйствах кочевание в зимнее время или отсутствовало вовсе, или носило ограниченный характер, так как часть скота, как правило, в течение дня выпасалась на склонах близлежащих гор, а к вечеру возвращалась к месту, где располагались загоны и юрта скотовладельца (другая, большая часть скота была на отгонных пастбищах).

Отмеченные черты кочевых скотоводческих хозяйств говорят о том, что последние обладают уже некоторыми признаками оседлого скотоводства. Однако из-за отсутствия в системе хозяйства земледелия мы все же относим их к кочевому типу.

⁷ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 11.

⁸ А. Е. Снесарев. Индийский театр (военно-географическое описание), ч. 1, Ташкент, 1903, с. 110; Ю. А. Шибалева. Указ. раб., с. 103.

Упоминания о том, что в различных районах Киргизии в конце XIX — начале XX в. существовали скотоводческие хозяйства, не связанные с земледелием, имеются как в дореволюционной, так и в советской литературе⁹. Наличие таких хозяйств в начале века было засвидетельствовано и нашими информаторами в Иссыккульской и Нарынской областях, а также в Таласском районе Киргизской ССР. Наиболее часто они встречались в Прииссыкулье, в особенности на южном берегу озера, в современных Тонском и Джетигоузском районах.

Жить на доходы, получаемые только от скотоводства, кочевать на сравнительно большие расстояния (до 400—500 км) и при этом быстро оправляться от периодических падежей скота в результате зимних бескормиц (*джутов*) могли главным образом экономически сильные байские хозяйства, имевшие более 1000 овец, около 500 лошадей и 20—30 коров и быков.

Однако крупным байским хозяйствам для пастьбы скота и ухода за ним нужна была рабочая сила. Поэтому вокруг богатого кочевника постоянно группировалось некоторое количество бедняцких хозяйств, силами которых за небольшую плату (несколько голов скота, старая одежда и пропитание) выполнялись все необходимые на кочевье хозяйственные работы. Такие лишенные экономической самостоятельности хозяйства могут быть отнесены к кочевому типу лишь с оговорками, так как, при малом количестве собственного скота кочевание для них не было экономически целесообразным. Кроме того, оно часто носило вынужденный характер и не было регулярным, ибо богатый скотовод менял состав своего кочевья и мог всегда отказаться от услуг того или иного бедняка.

Существование относительно небольшого числа скотоводческих хозяйств кочевого типа в значительной степени было обусловлено наличием в той или иной местности благоприятных для кочевого скотоводства природных условий, а именно достаточным количеством доступных бесснежных зимних пастбищ, которые более или менее гарантировали возможность содержания всего скота в течение круглого года на подножном корме.

В сохранении скотоводческих хозяйств кочевого типа определенную роль играло и продолжавшее бытовать среди киргизов-скотоводов традиционное представление, согласно которому кочевому образу жизни отдавалось предпочтение: занятие земледелием и сенокосением считалось недостойным кочевника-скотовода. Однако это представление в результате тех преимуществ, которые давали хозяйству в целом земледелие и сенокосение, фактически уже отступало на второй план, и многие богатые скотоводы, имея в своем распоряжении в достаточном количестве бесснежные или малоснежные пастбища, все же предпочитали оградить скот от капризов природы.

Скотоводческое хозяйство переходного типа является уже составной частью комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Ему присущи черты, характерные для кочевого скотоводства, а также отличительные особенности, вызванные влиянием на него земледелия.

Прежде всего в хозяйстве этого типа изменяется состав стада (за счет увеличения количества крупного рогатого скота, который начинает вытеснять овец, лошадей и коз). Коровы и быки есть во всех хозяйствах без исключения, начиная от самых крупных байских, в кото-

⁹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. VIII (Пишпекский уезд), вып. 2. Текст. Пг., 1916, с. 52; Б. Б. Карп, И. Е. Суллов. Указ. раб., с. 69; П. Кушнер. Указ. раб., с. 42, 63 и 95; П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1934, с. 103; «Организация горно-кочевого хозяйства Нарынского кантона Киргизской АССР», вып. III. Ташкент, 1930, с. 68

рых имелись десятки голов крупного рогатого скота, и кончая беднячками, где нередко была лишь одна корова.

Необходимость регулярных земледельческих работ, а также увеличение их объема повлияли на дальность кочевания и его длительность. Так, на далекие расстояния (до 400—500 км) кочевала лишь небольшая часть крупных байских хозяйств. Для подавляющего же большинства хозяйств переходного типа были характерны перекочевки на расстояния не более двух-трех десятков километров.

Развитие земледелия вызвало сокращение числа постоянно кочующих членов семьи, так как участие в земледельческих работах для большинства кочевников было связано с отрывом от кочевания части работников семьи скотовода¹⁰.

В скотоводческих хозяйствах переходного типа происходят определенные изменения и в организации ведения скотоводческого хозяйства. Например, отпадает надобность в непрерывном круглогодичном существовании кочевых групп — объединений нескольких хозяйств для совместного выпаса скота и ухода за ним. «В зимнее, а отчасти и в осеннее время кочевые группы в большинстве случаев распадаются, что обычно связано с недостатком пастбищ и сокращением затрат труда по приему за скотом»¹¹. При этом следует учитывать сокращение в стадах общего количества скота, а также увеличение в нем процента быков и коров, которые частично или полностью переходят на стойловое содержание. Таким образом, надобность в кочевой группе на зимний период (а в некоторых случаях и на летний) отпадает. Подобного явления мы не наблюдаем в скотоводческих хозяйствах кочевого типа, где круглогодичное содержание скота на подножном корме, основанное на непрерывном кочевании с одного пастбища на другое, требовало круглогодичных коллективных усилий кочевой группы. В холодные и многоснежные зимы кооперирование усилий скотоводов имело особо важное значение.

Ослабление кочевых традиций ведения скотоводческого хозяйства привело к закреплению в среде бывших кочевников сезонной оседлости, более продолжительной и устойчивой. Сроки пребывания на зимовке в хозяйствах переходного типа колебались от 3,5 до 9 месяцев в году.

Появление сравнительно длительной оседлости существенным образом повлияло на развитие скотоводческого хозяйства киргизов. Призывочная территория стала служить той экономической базой, которая давала возможность развивать формы интенсивного оседлого скотоводства. Так, скотоводы получили возможность переходить ко все более активному занятию сенокосением и травосеянием. Год от году все больше и больше земель отходило под пашни, сенокосы, клеверники¹², при этом чем больше посевов было в хозяйстве, тем больше скота перемещалось на сено¹³.

К концу XIX и в особенности к началу XX в. киргизы стали возводить стационарные крытые помещения для скота, в которых зимой, а в некоторых случаях и в течение более длительного периода скот находился на стойловом содержании¹⁴.

Земледелие в хозяйстве киргизов становилось все более развитой отраслью, что проявлялось и в расширении ассортимента высеваемых культур. Это обстоятельство в свою очередь сказывалось на составе кормов для скота, а следовательно, и на степени интенсификации

¹⁰ М. Г. Сахаров. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934, с. 57.

¹¹ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., с. 79.

¹² «Материалы по обследованию...», с. 296.

¹³ Там же, с. 314.

¹⁴ «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 42; полевые записи автора за 1973 г.; хранятся у автора, тетрадь № 7, записи 17, 18, 19 и др.

животноводческого хозяйства. В настоящее время с развитием земледельческого промысла в корм скоту поступают также всевозможные продукты земледелия: зерно, солома, просяной пахал и прочее¹⁵.

Интенсификация скотоводства выражалась и в появлении новых видов выпаса скота. В осеннее и зимнее время скот кормился на стерне или на сенокосных участках, где трава была уже скошена.

Как было сказано выше, все скотоводы в хозяйствах переходного типа зимой прекращали кочевание и располагались на стоянку на призимовочной территории вблизи своих загонів и помещений для скота. В благоприятную погоду часть непригодного для перекочевов (или кочевков) скота выгонялась на склоны близлежащих гор, а вечером возвращалась обратно. Это был в основном крупный рогатый скот, как дойный, так и рабочий; верблюды, ездовые и скаковые лошади, молодежь, а также слабый больной скот всех видов.

Приблизительно так же содержало свой скот значительное число главным образом бедняцких хозяйств и в остальное время года. Таким образом, по мере сосредоточения скота в течение зимнего времени, а иногда и большей части года на призимовочной территории последняя постепенно приобретала черты выгона, т. е. пастбища, расположенного в непосредственной близости от зимовок, откуда скот в течение суток мог возвращаться на стоянку для доения, подкормки, укрытия от непогоды и т. д. При усилении связи скотоводческого хозяйства с земледелием этот выгон используется все более интенсивно: «По мере оседания киргизских хозяйств и расширения площади посева зерновых животноводство начинает базироваться на увеличении, с одной стороны, зерново-фуражных, а с другой — площади выгонов»¹⁶.

Частичное прекращение кочевания и связанное с этим более или менее длительное пребывание скотовода и его семьи на одной и той же территории дало также толчок к укреплению и развитию характерной для оседлого скотоводства отгонной пастбы скота: в зимнее время только часть скота оставалась на призимовочной территории. Остальной скот — гулевые лошади и овцы — отправлялся на высокогорные отгонные пастбища (*отор*), владельцы же скота и их семьи в это время оставались на зимнем стойбище. Наряду с зимним все более важное значение приобретал весенний, летний и осенний отгон скота.

Перечисленные выше черты скотоводческого хозяйства переходного типа характеризуют его как хозяйство двойственное: с одной стороны, ему присуще сохранение в способах ведения скотоводства традиционных кочевых навыков, основу которых составляет преобладание в стаде мелкого рогатого скота (в первую очередь овец), пребывание скота значительную часть года на подножном корме и кочевание с одного сезонного пастбища на другое, а с другой стороны, тенденция к сворачиванию пастбищного скотоводства и развитию скотоводческого хозяйства, характерного для оседлых земледельцев, которое основано на преобладании в стаде крупного рогатого скота, а также на его стойловом, выгонном и отгонном содержании.

В этом типе хозяйства можно выделить три подтипа, которые отличаются друг от друга разной степенью сохранения традиционных кочевых форм, с одной стороны, и развитием форм, присущих оседлому скотоводству, — с другой. Это полукочевой, промежуточный и полуоседлый подтипы. Остановимся на каждом из них.

В системе хозяйства в целом полукошечное скотоводство было преобладающим. Оно продолжало оставаться главным источником существования скотовода и его семьи.

¹⁵ «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 21; М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 82.

¹⁶ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 235.

Несмотря на то что хозяйства этого подтипа имели посевы, земледелие в них носило ограниченный характер: «...сплошь и рядом посевы не дают никакого урожая. Отсюда можно сделать вывод, что земледелие для кочевых хозяйств горного района не может быть твердой опорой и благосостояние их все-таки зиждется на животноводстве»¹⁷. В среднем посевная площадь под сельскохозяйственные культуры составляла всего лишь от 0.3 до 2.7 га на хозяйство¹⁸.

Чрезвычайно низким был и доход, получаемый хозяйствами полукочевников от земледелия. Так, в скотоводческих районах Киргизии доход от скотоводства составлял около 80% валового дохода и лишь 20% его приходилось на земледелие¹⁹. Связь земледелия со скотоводством была незначительной: «Земледелие у этой группы киргизов развивается самостоятельно и только отчасти приспособливает скотоводство к своим нуждам»²⁰. При полукочевом скотоводстве скот в течение круглого года содержался на подножном корме и кочевал по всем сезонным пастбищам, включая самые отдаленные, расположенные на расстоянии нескольких сот километров от места зимней стоянки.

Крупный рогатый скот в стаде полукочевника составлял всего от 5.7 до 9.9%²¹, и, хотя хозяйственное значение его с появлением земледелия возросло, все же по традиции он ценился ниже, чем лошади и овцы.

Несмотря на то что сенокосением занимались до 97.3% всех хозяйств²², развито оно было слабо. Так, запасы сена на одну голову скота составляли всего 0.6 ц²³. Этого запаса хватало всего на 65—76 дней, в течение которых весьма нерегулярно подкармливалась лишь часть скота²⁴: «...в первую очередь небольшое количество сена получали ездовые и рабочие лошади»²⁵. При этом полукочевники пользовались преимущественно естественными сенокосами, посевы трав практиковались чрезвычайно редко.

В литературе приводятся данные, согласно которым 94.8% киргизских полукочевых хозяйств подкармливали скот сеном в течение зимнего времени²⁶. Однако подкормку скота сеном нельзя отождествлять с его стойловым содержанием. Процент хозяйств, имевших возможность и хотевших содержать скот в крытых стационарных помещениях, был гораздо ниже (главным образом байские хозяйства). К тому же на стойловом содержании в таких помещениях находилась всего лишь незначительная часть скота. Так, в Пишпекском уезде, где в среднем на каждое хозяйство приходилось до 66 голов скота, на стойловом содержании было всего около 13.09 голов²⁷. Из них 3.6 лошади, 0.5 верблюда, 2.9 рогатого скота, 6.09 коз и овец²⁸. Таким образом, на стойловом содержании в первую очередь находились лошади и затем уже крупный рогатый скот.

Приведенные выше данные свидетельствуют об отсталости полукочевых скотоводства и зависимости его от природных условий как в зимнее, так и в летнее время. Глубокий снег, гололедница, продолжительные и многоснежные зимы, а также засуха при полном отсутствии или незначительном количестве кормов на зиму — все это регулярно

¹⁷ «Типы хозяйств Туркестана». Ташкент, 1924, с. 38.

¹⁸ «Организация горно-кочевых хозяйств Нарынского кантона Киргизской АССР», вып. III. Ташкент, 1930, с. 138.

¹⁹ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 88.

²⁰ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., вып. VIII, с. 50.

²¹ «Материалы по обследованию...», с. 81.

²² Там же, с. 314.

²³ «Организация горно-кочевых хозяйств...», с. 45.

²⁴ «Материалы по обследованию...», с. 314, 315, 327 и сл.

²⁵ Там же, с. 205.

²⁶ Там же, с. 315.

²⁷ Там же, с. 118.

²⁸ Там же, с. 119.

приводило к массовым зимним и весенним падежам скота в полукочевых скотоводческих хозяйствах Киргизии.

Типичным для полукочевого скотоводства было сохранение полного цикла кочевания (по четырем сезонным пастбищам) только в богатых и зажиточных хозяйствах, которые владели большим количеством скота. Бедняцкие же хозяйства, как правило, кочевали на небольшие расстояния, периодически возвращаясь на зимовку для присмотра за своими и байскими посевами. Большинство их выполняло земледельческие работы на кабальных условиях.

Таким образом, для скотоводческого хозяйства полукочевого подтипа характерно абсолютное преобладание кочевых методов ведения скотоводства, в основе которых лежало круглогодичное содержание большей части скота на подножном корме, а также кочевание с ним с одного сезонного пастбища на другое. Крупный рогатый скот, хотя и приобрел более важное хозяйственное значение, все же считался менее ценным, чем овцы и лошади. В силу слабого развития земледелия, имевшего в хозяйстве явно второстепенное значение, выгонная и отгонная форма скотоводства в подавляющей массе хозяйств имели подсобное значение и практиковались в основном только в зимнее время. Стойловое содержание скота едва зарождалось. В полукочевом хозяйстве ведущую роль продолжала играть система кочевого скотоводства.

Территориально полукочевое скотоводство распространялось на весь Пишпекский (за исключением долины р. Чу, где можно было встретить как полуоседлые, так и оседлые скотоводческие хозяйства) и на Пржевальский уезды; на юг Киргизии — на Кенколкарагырскую волость Андижанского уезда (северная его часть), на южные волости Кокандского уезда — Исфаринскую, Найман-Кипчакскую и Сохскую, на северные волости Наманганского уезда — Кутлук-Сеидскую и Саруйскую, на южную и западные волости Скобелевского уезда — Яуксек-Бостанскую, Ичкиликскую и Кызыл-Суйскую и, наконец, на южную Алайскую волость и восточную часть Гульчиновской волости Ошского уезда.

Промежуточный подтип скотоводства представляет собой нечто среднее между полукочевым и полуоседлым подтипами скотоводческого хозяйства. Выделяем мы его в известной мере условно, так как в литературе нет достаточно подробных сведений, которые позволили бы говорить о промежуточном подтипе скотоводства вполне определенно. Однако имеются указания на то, что в ряде волостей, главным образом Наманганского и Андижанского уездов, скотоводство имело равное хозяйственное значение с земледелием²⁹. Следовательно, двойственность скотоводческого хозяйства, которая у полукочевников не носила глубокого характера, в хозяйстве промежуточного подтипа является уже более существенным фактором, что не могло не сказаться существенным образом на состоянии традиций ведения кочевого скотоводства.

Разница в доходах, получаемых от обеих отраслей, отсутствует полностью или незначительна. Так, например, в тех районах Наманганского уезда, где господствовали оседло-кочевые хозяйства, в среднем в каждом из них из 100 рублей дохода на скотоводство приходился 41 рубль, а на земледелие — 38 рублей³⁰. Земледелие в районах с промежуточным подтипом скотоводства носит более развитый, чем на землях полукочевников, характер. Там уже появляются зачатки севооборота и удобрения полей³¹.

Отмеченные обстоятельства способствовали большему, чем в полукочевых скотоводческих хозяйствах, проникновению оседлых форм, с

²⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 37.

³⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд», с. 62.

³¹ Г. В. Покровский, Н. И. Стогов. Алтайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Ташкент, 1913, с. 128.

одной стороны, и угасанию кочевых — с другой. Этот процесс приводил к уравниванию кочевых и оседлых форм скотоводства в хозяйстве киргизов, к формированию промежуточного подтипа, в скотоводческом хозяйстве которого продолжается сокращение общего поголовья скота. Например, в Наманганском уезде в среднем на одно хозяйство приходилось 22.4 головы скота, при этом 27% поголовья составлял крупный рогатый скот, а 32% — лошади. На долю овец приходилось всего от 15 до 24% стада³².

В скотоводческих хозяйствах промежуточного подтипа значительно лучше, чем у полукочевников, обстояли дела и с заготовкой сена на зиму. В среднем на единицу скота заготавливалось уже от 25.8 до 45 пудов сена³³. Люцерну в Наманганском уезде культивировали уже 27.4% хозяйств. Широко были распространены посевы клевера, урожай которого снимались 2 раза в год.

Значительно повысился процент скота, находившегося на стойловом содержании. Так, в том же Наманганском уезде на стойловом содержании находилось до 80% всего скота (78.2% лошадей, 94.5% коров, 89.7% верблюдов и, что особенно важно отметить, до 57.8% овец и коз). Последние в полукочевом хозяйстве на стойловом содержании находились лишь в случае болезни и зимней бескормицы³⁴. Возросло также количество дней, в течение которых скот содержали в стойлах (крупный рогатый скот — до 122, лошади — до 96, а овцы и козы — до 52 дней в году)³⁵, а также время нахождения его на призовочной территории. В связи с этим повысилось значение выгонного скотоводства, а с ним и ценность выгонных территорий. Открытые загоны (ко-роо) предназначались лишь для зимнего содержания овец, другие виды скота в зимнее время содержались в стационарных крытых помещениях³⁶.

В итоге сократилось и время кочевания. Если полукочевник проводил на высокогорных пастбищах до 6—7 месяцев в году, то в хозяйствах промежуточного типа (даже в самых больших из них) время пребывания вне призовочной территории не превышало 4 месяцев³⁷. Ввиду сравнительно малого количества скота в хозяйствах, а также большей занятости в земледелии дальние перекочевки становились ненужными.

Интересно отметить, что подавляющее большинство хозяйств этого подтипа занималось пастьбой скота собственными силами, не прибегая к посторонней помощи. Поэтому теряли значение характерные для кочевников и полукочевников объединения в кочевые группы для совместного выпаса скота.

Следует отметить также, что в скотоводческих хозяйствах промежуточного подтипа наблюдалась более тесная связь с земледелием хозяйств независимо от степени их обеспеченности скотом, что объясняется увеличением значения земледелия, повышением его удельного веса в бюджете хозяйства в целом, а следовательно, и возросшими материальными и трудовыми затратами, необходимыми для его успешного ведения.

Скотоводческое хозяйство промежуточного подтипа, занимая среднее положение между полукочевым и полuosедлым скотоводством, представляло собой еще один шаг вперед в процессе перехода кочевое скотоводство к оседлым формам; в нем можно предполагать относительное равновесие оседлой и кочевой систем скотоводства.

³² «Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд», с. 33.

³³ Там же, с. 72.

³⁴ Там же, с. 146.

³⁵ Там же, с. 147.

³⁶ Там же, с. 144.

³⁷ Там же, с. 41.

Промежуточный подтип скотоводческого хозяйства был характерен для Чаткальской, Кокандкишлакской, Багишской и Кыргульской волостей Наманганского уезда, а также, по всей вероятности, для Маргеланского Алая и части Андижанского уезда.

К полуоседлому мы относим хозяйство, в котором скотоводство в целом играет подчиненную роль. На первый план в нем выступают занятия земледелием и оседлый образ жизни. В литературе отмечается, что в ряде волостей Андижанского уезда «для большинства каракиргиз, не имеющих чисто кочевого скота (или имеющих его в небольших количествах.— Г. С.), а таких 84.3%, все настоящее и тем более будущее заключено в земле, в перешедших к ним как бы в собственность клочках пашен и покосов и в прилегающем выгоне, словом, в тех площадях, которые названы у нас призимовочными территориями»³⁸.

В полуоседлых хозяйствах площадь культурных угодий составляла уже 25% всей призимовочной территории³⁹. Посевная площадь каждого хозяйства увеличилась до 10 десятин, что составило довольно значительную цифру в условиях скотоводческой в основном Киргизии. Причем изменения эти не ограничились только количественной стороной. Меняется сам характер полевого хозяйства. Так, наряду с традиционными культурами полукочевников — пшеницей, просом и ячменем — на поливных землях культивируются такие культуры, как кукуруза, риз, хлопок⁴⁰, а также кунак, джугара, лен, табак, дыни, арбузы, лук, морковь и т. д.⁴¹ В районах с полуоседлым хозяйством получают значительное распространение более совершенные сельскохозяйственные орудия (например, железный плуг, железная борона и т. п.)⁴².

Максимальный доход от земледелия в хозяйствах этого типа равнялся 81.5%, в то время как прибыль от скотоводства составляла самое большее 18.8% общего дохода отдельных хозяйств⁴³.

Большая занятость населения в земледелии вызвала дальнейшее уменьшение кочевания со скотом. Пребывание вне призимовочной территории кочевавших байских хозяйств не превышало 3—3.5 месяцев⁴⁴. В среднем же скотоводческие хозяйства на одном месте находились 201 день⁴⁵.

Характерным для полуоседлых скотоводческих хозяйств является приближение в ряде случаев летнего кочевания к отгону, так как далеко не все члены семьи в течение периода кочевания находились неотлучно со скотом, часть их вовсе не покидала зимовки и круглогодично находилась на призимовочной территории, занимаясь в основном земледелием.

Улучшилось и содержание скота. Так, в полуоседлых хозяйствах на голову скота уже приходилось до 93.4 пуда сена⁴⁶. В каждом хозяйстве здесь было в среднем от 3.3 до 15.4 голов скота⁴⁷. При этом значительно повысился в стаде удельный вес крупного рогатого скота и лошадей⁴⁸. Интересно отметить, что до 80% всех хозяйств не имели совсем овец и верблюдов⁴⁹. 50% крупного рогатого скота составляли волы, имевшие важное значение в земледелии⁵⁰.

³⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 62—63.

³⁹ Там же, с. 32.

⁴⁰ «Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области». Ташкент, 1915, с. 130.

⁴¹ Там же, с. 140.

⁴² Там же, с. 119.

⁴³ Там же, с. 65.

⁴⁴ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., с. 37.

⁴⁵ Там же, с. 58.

⁴⁶ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 115.

⁴⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 52.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 54.

⁵⁰ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., вып. VIII, с. 36.

В полuosедлом скотоводческом хозяйстве на стойловом содержании⁵¹ находились уже все виды скота, в целом до 79% (97% лошадей, 78% коров и, что особенно важно отметить, до 70.8% овец и коз)⁵². Остальная же, незначительная часть скота, как и в полукочевом хозяйстве, круглогодично находилась на подножном корме, главным образом на выгонах призимовочной территории. Стационарные постройки для скота имелись во всех хозяйствах. В сравнении с полукочевым скотоводческим хозяйством повысилась также и культура стойлового содержания скота. Например, разные виды животных стали содержаться по возможности в отдельных помещениях, оборудованных глиняными яслями (в полукочевом скотоводческом хозяйстве корм бросали скоту, как правило, прямо на землю). Большое распространение получили утепленные четырехстенные стойла из саманного кирпича, крыша которых обязательно обмазывалась глиной⁵³.

Таким образом, скотоводческое хозяйство полuosедлого подтипа сохраняло лишь в пережиточном виде форму кочевого скотоводства. В зимнее время даже при благоприятной погоде лишь небольшая часть скота оставалась на подножном корме. Основным для полuosедлого скотоводства являлось содержание скота в весеннее, летнее и осеннее время на выгонах призимовочной территории, а также в стойлах.

Сказанное в целом свидетельствует о том, что присущие оседлому скотоводству формы утверждаются в полuosедлом скотоводческом хозяйстве как главенствующие, хотя и не единственные. Пастбищное кочевое скотоводство в хозяйствах оседлого типа отсутствовало почти полностью.

Полuosедлое скотоводство было наиболее распространено в южных районах Киргизии. Центром его был Андижанский уезд. Кроме того, такие хозяйства были, по всей вероятности, преобладающими в районах, соседящих с полuosедлыми районами Найманской и Ичкиликской волостей Скобелевского уезда; в Майликской, Карасуйской, Ак-Буринской, Наукатской, Турукской, Куршабской, а также в центральной и юго-западной частях Гульчинской волости Ошского уезда. Полuosедлое скотоводство было также в Чаткальской волости Наманганского уезда.

В литературе имеются лишь отдельные упоминания о наличии у киргизов в конце XIX — начале XX в. таких хозяйств, экономика которых зиждилась на земледелии и где скотоводство окончательно утратило самостоятельность и совсем не было связано с кочеванием. Следуя логической схеме классификации, мы относим такие хозяйства к типу оседлого скотоводческого хозяйства. Они в небольшом количестве были в южных районах Киргизии (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Однако более точных данных о месте их расположения не имеется, как нет, к сожалению, и более или менее исчерпывающей их характеристики. Поэтому мы не имеем возможности, опираясь на фактический и цифровой материал, сколько-нибудь подробно остановиться на особенностях оседлого скотоводческого хозяйства.

Как отмечают Б. Б. Карп и И. Е. Суслов, исследователи одной из южных волостей Скобелевского уезда, «основным и развивающимся хозяйством у жителей рассматриваемого района за последние два века является земледелие»⁵⁴. Сначала основу земледелия составляла исключительно зерновая система полеводства. Пшеница, являвшаяся почти единственной культурой этой системы, в дальнейшем постепенно уступила место другим, более интенсивным культурам: джугаре, рису

⁵¹ Крупный рогатый скот и рабочие лошади находились в стойлах до 180 дней в году. — «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 151.

⁵² Там же, с. 98.

⁵³ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 107.

⁵⁴ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., вып. VII, с. 13.

и главным образом хлопку. Широкое распространение в этих местах получили также просо, кунак, кукуруза, кунжут, лен, бахчевые и огородные культуры.

У скотоводов киргизских кишлаков с оседлым хозяйством в стаде имелось до 41% крупного рогатого скота и лошадей⁵⁵, что почти совпадало с процентным соотношением этих видов скота в стаде исконных земледельцев-узбеков из соседних кишлаков. Правда, общее количество скота в стаде у киргизов превышало таковое в стадах узбекского оседлого населения (главным образом за счет большего числа овец)⁵⁶.

Важно отметить, что в киргизских кишлаках даже самые богатые хозяйства строили основу своего благополучия главным образом на земледелии, получая от него свыше 80% всего дохода⁵⁷.

Для данного типа скотоводческого хозяйства характерно практически полное отсутствие кочевания со скотом. Так, из 643 хозяйств, обследованных Б. Б. Карпом и И. Е. Суловым, продолжало небольшие перекочевки со скотом (больше напоминавшие отгон) всего 4 хозяйства.

Таким образом, мы можем сказать, что в скотоводческом хозяйстве оседлого типа пастбищное скотоводство, основанное на кочевании скотовода и его семьи со скотом, окончательно теряло свое хозяйственное значение. Скотоводство, став подсобной отраслью хозяйства, было основано на удобных для земледельца формах стойлового и выгонного содержания скота, которые в условиях предгорий, по-видимому, успешно сочетались с временным отгоном скота на не очень удаленные высокогорные пастбища.

Оседлый тип скотоводства, так же, как и кочевой, не имел на территории Киргизии в конце XIX — начале XX в. широкого распространения. Его существование в это время объясняется, вероятно, исключительными историческими, историко-культурными и географическими условиями, среди которых отметим тесный и длительный контакт с соседним оседлым узбекским населением, а также с русскими поселенцами, что способствовало относительно быстрому развитию и укоренению прогрессивных хозяйственных форм во всех районах Киргизии. Наличие в этих районах достаточного количества плодородных земель также способствовало процессу оседания кочевников.

Охарактеризованные выше разновидности скотоводческого хозяйства были распространены на территории Киргизии неравномерно. Преобладающим был переходный тип скотоводческого хозяйства, а в его пределах — полукошечное скотоводство, характерное для большей части территории Киргизии и ее хозяйств. Последнее преобладало на севере — в Пишпекском и в особенности в Пржевальском уездах. Ближе к южным районам оно утрачивало свои характерные особенности и приобретало черты промежуточного, полуоседлого и оседлого скотоводческого хозяйства. Причем процесс перехода скотоводческого хозяйства от кочевого к оседлому зашел так далеко, что кочевое скотоводство здесь носило явно пережиточный характер и быстро исчезало, уступая место переходному и частично оседлому типам скотоводства. Вместе с тем оседлое скотоводческое хозяйство было также скорее исключением, чем правилом.

Все это позволяет охарактеризовать скотоводческое хозяйство киргизов в конце XIX — начале XX в. в целом как хозяйство, переходное от кочевого к оседлому, причем процесс оседания, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, носил активный характер.

⁵⁵ Б. Б. Карп, И. Е. Сулов. Указ. раб., вып. VII, с. 14.

⁵⁶ Там же, с. 23.

⁵⁷ Там же, с. 33.

AN ATTEMPT AT A TYPOLOGIZATION OF KIRGHIZ PASTORAL ECONOMY

[late 19th — early 20th centuries]

A first attempt is made to classify the types of pastoral economy of the Kirghiz in the late 19th — early 20th centuries. In an introductory part of the paper the author expresses his attitude towards the terminology pertaining to the classification of pastoral economy that is prevalent in studies of the Kirghiz. He also touches upon the criteria according to which one or another type or subtype is distinguished. Among such criteria the author attaches prime importance to the presence or absence of crop farming in the economy and, in those cases where it is present, to its development level. Kirghiz pastoral economy is subdivided into three types: the nomadic, the mixed and the sedentary. The predominance of the mixed type is noted; consequently the pastoral economy as a whole is regarded as being in transition from the nomadic to the sedentary type.

И. Н. Соломоник

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА НАРОДНОГО ТЕАТРА КУКОЛ

(ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК НАРОДНОГО КУКОЛЬНОГО
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ)

Народный театр кукол, народное кукольное представление заключали в себе комплекс идей, которые охватывали сложившиеся у народа понимание мира, исторического процесса, философские взгляды, моральные и эстетические принципы. Традиционный театр кукол хранил и передавал от поколения к поколению накопленную коллективной памятью культурную информацию. Его представление можно рассматривать как одну из форм выражения общественного сознания. Поэтому изучение народных кукольных спектаклей чрезвычайно полезно, оно открывает еще один путь проникновения в культуру народа, хранителя данной традиции.

В научной литературе полнее всего отражена материальная сторона народных кукольных представлений. Основной вклад в разработку этого направления внесли этнографы. Большой интерес ученых вызывали (и продолжают вызывать) проблемы происхождения театра кукол. Создано много гипотез, реконструирующих его истоки и пути развития в предшествующие эпохи. Примерно со второй половины XIX в. появляются записи текстов. Сначала это были пересказы содержания, а затем и дословные фиксации представлений. Они позволили перейти к анализу драматургии. Это направление зародилось уже в XX в. и сейчас продолжает успешно развиваться¹.

В данной статье мы хотели бы обратить внимание на один из очень существенных, но пока еще мало исследованных аспектов народного театра кукол — на художественный язык его представлений. Под художественным языком мы понимаем систему выразительных средств кукольного спектакля, в состав которой помимо словесного способа выражения входит целый ряд несловесных. Мы хотели бы подчеркнуть, что несловесные способы выражения играют чрезвычайно важную роль в народном кукольном спектакле.

Необходимо также отметить, что каждый театр вырабатывает свой собственный художественный язык, создает свою систему выражения идей. А так как представление всегда является актом общения между театром и его зрителями, то знание законов и условностей данного театра предполагается не только у тех, кто находится на сцене и говорит на этом художественном языке, но и у тех, кому адресовано представление. Нарушение этого условия может повлечь за собой неправильное понимание идей представления. Когда перед нами естественное соотношение «народный театр — его постоянный зритель», это условие не нарушает-

¹ Так, например, сравнительно недавно была защищена диссертация, посвященная анализу драматургии русского «Петрушки» (А. Ф. Некрылова. Русский народный кукольный театр «Петрушка» в записях XIX—XX веков. Автореф. канд. дис. Л., 1973).

ся: театр дает представление по сложившейся у народа традиции, «говорит» на хорошо знакомом, «родном» зрителю художественном языке, зритель, являясь носителем данной традиции, точно понимает этот художественный язык и смысл представления. Однако, когда возникает соотношение «народный театр — посторонний зритель» или «народный театр — его исследователь», это элементарное условие может оказаться нарушенным. Так, например, некоторые европейские путешественники, говоря о явлениях восточной традиции, переносили понятия и представления своей культуры на описываемый объект. Мы встречаемся с таким подходом в работе немецкого режиссера Карла Гагемана, в которой он описывает яванский теневой театр². Мешало верным оценкам и то, что некоторые исследователи упускали из виду принадлежность традиционного театра — даже живущей его формы — по сути к другой, более древней эпохе, более древнему искусству, законы которого он сохранил и которым подчиняется, и что законы искусства разных эпох часто не только не совпадают, но прямо противоположны, «стоят вопиющим противоречием», как выразился один из крупнейших специалистов по древнерусской иконе П. А. Флоренский³. Ошибку такого рода допускал и голландский этнограф В. Рассерс, подходя к архаичному яванскому театру с позиций современного искусства.

Насколько важно при анализе традиционного кукольного представления учитывать принципиальные различия в законах современного и архаического искусства и насколько спорными могут оказаться выводы, построенные на собственном привычном опыте восприятия художественных произведений, можно показать на двух небольших примерах из работы В. Рассерса о происхождении яванского театра «ваянг кулит»⁴.

В этом театре, который по технике может быть причислен к теневым, так как в нем используют плоских кукол и экран, публика в конце XIX в. размещалась по обе стороны сцены-полотна. Представление оказывалось двусторонним зрелищем: одна часть зрителей видела спектакль плоских кукол, другая — теневой спектакль. Это породило в научной литературе споры о том, где было первоначальное место зрителей, был ли этот театр при своем зарождении чисто теневым и публика на стороне кукольника появилась позднее, или наоборот. В. Рассерс был создателем гипотезы о нетеневом происхождении этого театра. В системе своих доказательств он оперирует фактом многоцветной раскраски фигур. Ему представляется очень «странной» трудоемкая работа по украшению кукол, если кукла служит лишь «инструментом», с помощью которого получают черный силуэт⁵.

С точки зрения современного искусства этот ход рассуждений выглядит вполне логичным и убедительным. Но возникает вопрос, можно ли подходить к искусству древнего ваянга, опираясь на логику и законы восприятия современного искусства? Можно ли, исследуя роль цвета в древнем искусстве, принимать во внимание только его эстетическую функцию? Не более ли закономерно подходить к нему с позиций так называемой «магической теории»?

В. Рассерс все время говорит о древности ваянга, выясняет его связи с первобытными ритуальными обрядами, отмечает священный характер его фигур, глубокое уважение, которое испытывают к ним яванцы. Но в таком случае не более ли логично искать смысл раскраски не в том эффекте, который могут сами по себе произвести полихромные куклы, а в тех магических свойствах, которыми наделялись цвет и процесс

² К. Гагеман. Игры народов, вып. I — «Индия». Пг., 1923, гл. «Яванский театр теней».

³ П. А. Флоренский. Обратная перспектива. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 198, 1967, с. 381.

⁴ W. H. Rassers. On the origin of the Javanese theatre. — «Panji, the culture hero». The Hague, 1959 (эта работа В. Рассерса была впервые опубликована в 1931 г.).

⁵ W. H. Rassers. Указ. раб., с. 132, 133.

раскраски в древнем искусстве? Можно напомнить, что у некоторых народов до сих пор сохранилось подобное отношение к цвету и раскрашиванию. А. А. Формозов приводит пример из жизни австралийских племен, которые «периодически „ретушируют“ росписи на скалах, полагая, что это придает изображению мифических персонажей свежие силы. Если рисунки не подновлять, наступит засуха, погибнут съедобные растения и животные»⁶.

Вероятно, при анализе древнего ваянга нельзя не учитывать его подчиненности законам архаического искусства. Но тогда аргументация, основанная на видимости цвета, т. е. на законах восприятия современного искусства, становится менее убедительной и бесспорной, а сам факт раскраски перестает казаться «странным», даже если зрители не могли видеть полихромное изображение⁷.

Другой аргумент В. Рассерса строился на том, что герои представления делятся на «левую» и «правую» партии и что места этих партий на экране соответствуют правой и левой руке кукольника. Отсюда Рассерс делал вполне логичный, с точки зрения современных норм восприятия искусства, вывод: лишь та часть публики, которая сидит на стороне кукольника, видит представление в правильном соотношении и правильной группировке. Зрители теневой стороны получают изображение партий в неправильном, обратном соотношении, и, следовательно, истинное место зрителей — на стороне кукольника⁸.

Однако если и к этому факту подойти с позиций древнего искусства, то несовпадение правой и левой партии с правой и левой рукой зрителя теней предстает совершенно в ином свете.

Сравнительно недавно исследователи древней живописи обнаружили, что позиция древнего и современного художника по отношению к изображаемому миру различна. В современном искусстве точка зрения художника — внешняя по отношению к изображаемому на картине миру, она совпадает с точкой зрения человека, рассматривающего картину. Современный «потребитель» произведения искусства приучен к такому совпадению. В средневековом искусстве Европы и в архаическом искусстве вообще действовал другой закон: «Позиция древнего художника прежде всего не внешняя, а внутренняя по отношению к изображению... он... помещает себя и нас как бы внутрь... изображаемого пространства»⁹. Древний художник пользовался «орфографией», по которой «живописный рассказ ведется от лица... находящегося внутри пространственной системы». «Система, к которой он принадлежит, по отношению к нам повернута на 180 градусов»¹⁰. «Зритель такого пространства... — наш визави... мы как бы принимаем на себя... его систему восприятия»¹¹. «Чтобы начать смотреть его глазами, т. е. воспринимать живописную форму, нужно повернуть систему пространства в нашу сторону на 180 градусов»¹². Если рассматривать индонезийский театр как область архаического искусства, то можно допустить, что и он подчиняется закону «внутренней позиции» художника. Не исключено, что в эпоху, когда

⁶ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 250.

⁷ Видимость цвета нельзя рассматривать как важное преимущество зрителей, сидящих на стороне кукольника, еще и потому, что фигурам ваянга свойствен смысловой параллелизм раскраски и резьбы: вся информация, закодированная в цвете, дублируется в линиях силуэта и, более того, силуэтная характеристика персонажа гораздо шире цветовой. Так, например, если цвет лица фигуры выражает свойства характера, темперамента, то эти же качества с гораздо более тонкой нюансировкой передаются через форму глаза, рта, линию профиля, наклон головы.

⁸ W. H. Rassers. Указ. раб., с. 136, 137.

⁹ Б. А. Успенский. О семиотике иконы. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 284, 1971, с. 197.

¹⁰ Л. Ф. Жегин. Язык живописного произведения. М., 1970, с. 67.

¹¹ Там же, с. 76.

¹² Там же, с. 104.

складывались каноны этого театра, человеку не было свойственно изображать действительность с внешней точки зрения, ставить себя в положение постороннего наблюдателя. Древний кукольник составлял с изображением на экране как бы одну систему и при этом не учитывал, что зритель, сидящий напротив, за экраном, видит зеркальное, повернутое на 180 градусов изображение. А древний зритель ваянга вполне вероятно был приучен к такой системе восприятия изображения на экране. Если принимать во внимание этот закон древнего искусства, то несовпадение места «левой» и «правой» партии на экране с левой и правой рукой зрителя, сидящего на теневой стороне, перестает казаться нелогичным, а сам факт этого несовпадения, как нам кажется, теряет силу веского доказательства нетеневого происхождения представлений «ваянг кулит».

Приступая к анализу традиционного кукольного представления, очень важно найти ключ к его художественному языку, подойти к нему как «к предмету дешифровки, пытаясь выявить особый язык художественных приемов, т. е. специальную систему передачи того или иного содержания»¹³. Но для этого нужно прежде всего разобраться, из чего же складывается художественный язык театра кукол, по каким законам происходит перевод его идей, его содержания в чувственно воспринимаемый зрителями план, какую форму приобретают идеи в представлении. Этот важный, правда трудноуловимый, аспект народного театра кукол до сих пор остается очень мало исследованным. С постановкой вопроса мы встречаемся в статье П. Г. Богатырева¹⁴, а с первой попыткой описания элементов кукольного спектакля — в книге М. М. Королева¹⁵, который подразделяет компоненты кукольного спектакля на основные (относя к ним кукольника и куклу), вторичные (рассматривая среди них «слово», «музыкальность» и «красочность», причем понятие красочности распространяется им на все остальные компоненты: актерское исполнение, куклу, музыку и т. д.) и дополнительные (имеются в виду заменяющие куклу «натуральный предмет», «руки актера», «актер в маске» и «кукольник без куклы»).

Но поскольку П. Г. Богатырев не дал конкретного описания семиотики кукольного представления, а схема М. М. Королева нам кажется недостаточно точной и малопродуктивной с точки зрения подхода к кукольному представлению как к «предмету дешифровки», мы хотели бы предложить наше понимание художественного языка народного театра кукол.

Прежде всего в художественном языке искусства кукол можно выделить план содержания (комплекс идей спектакля) и план выражения (материальная часть спектакля и условия соотношения плана содержания с планом выражения).

План содержания тесно связан с драматургией. В основе плана содержания народного кукольного спектакля лежит та часть общего массива драматургического материала, которая излагается за время одного представления. Однако идеи драматургии могут быть истолкованы исполнителями каждого конкретного представления с некоторыми расхождениями. Содержание конкретного представления всегда как-то отклоняется от существующего вне представления массива драматургии. И особенно это существенно для народного театра кукол, репертуар которого хранился в устной свободной форме.

План выражения включает, во-первых, материальные элементы спектакля, все то, что должен видеть и слышать зритель. В кукольном спектакле это прежде всего кукла, голос актера (если он говорит за куклу

¹³ Б. А. Успенский. Указ. раб., с. 178.

¹⁴ П. Г. Богатырев. О взаимосвязи двух близких семиотических систем. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 308, 1973.

¹⁵ М. М. Королев. Искусство театра кукол. Л., 1973

или комментирует действие), музыка и т. д. Во-вторых, к нему можно отнести условия, по которым смысловое начало спектакля соотносится с материальным.

План содержания можно рассматривать на нескольких иерархически связанных смысловых уровнях.

1. На уровне элементарных признаков персонажей и действия (например, значения отдельных жестов или различных цветов, или определенных мелодий).

2. На уровне конкретных персонажей пьесы и их поступков, конкретных событий пьесы; элементы этого уровня представляют собой определенные сочетания единиц уровня признаков (например, сочетание красного колпака, длинного носа, пронзительного высокого тембра голоса, дубинки, которая постоянно опускается на спины и головы партнеров, создает характеристику главного героя русской «Комедии о Петрушке»).

3. На уровне общих идей представления, отвлеченных понятий, абстракций, выраженных через конкретных героев и конкретные события пьесы.

План выражения представляет собой сложную систему, включающую ряд взаимосвязанных знаковых подсистем, или способов выражения содержания. Если подходить к кукольному спектаклю как к акту коммуникации, то подсистемы художественного языка можно разделить на две группы в зависимости от каналов коммуникации, с которыми они связаны (см. табл. 1). Одна группа связана со звуковыми каналами, другая — со зрительными. На звуковых «работают» *слово* (система естественного языка, оппозиции стилей, разнообразные поэтические приемы литературного языка), *тембр* (система речевых характеристик, среди которых в кукольном спектакле ведущее место занимают тембровые оппозиции)¹⁶, *музыка* (система музыкального языка представления). На визуальных каналах «работают» *пластика* (система движений в сценическом пространстве), *силуэт* (скульптурная форма куклы, система линий и плоскостей), *цвет* (система цветовых оппозиций), *композиция* (символическое использование сценического пространства).

Соотношение этих подсистем в художественном языке кукольного спектакля и определяет специфику языка кукольного искусства, его отличие от языка других видов искусств.

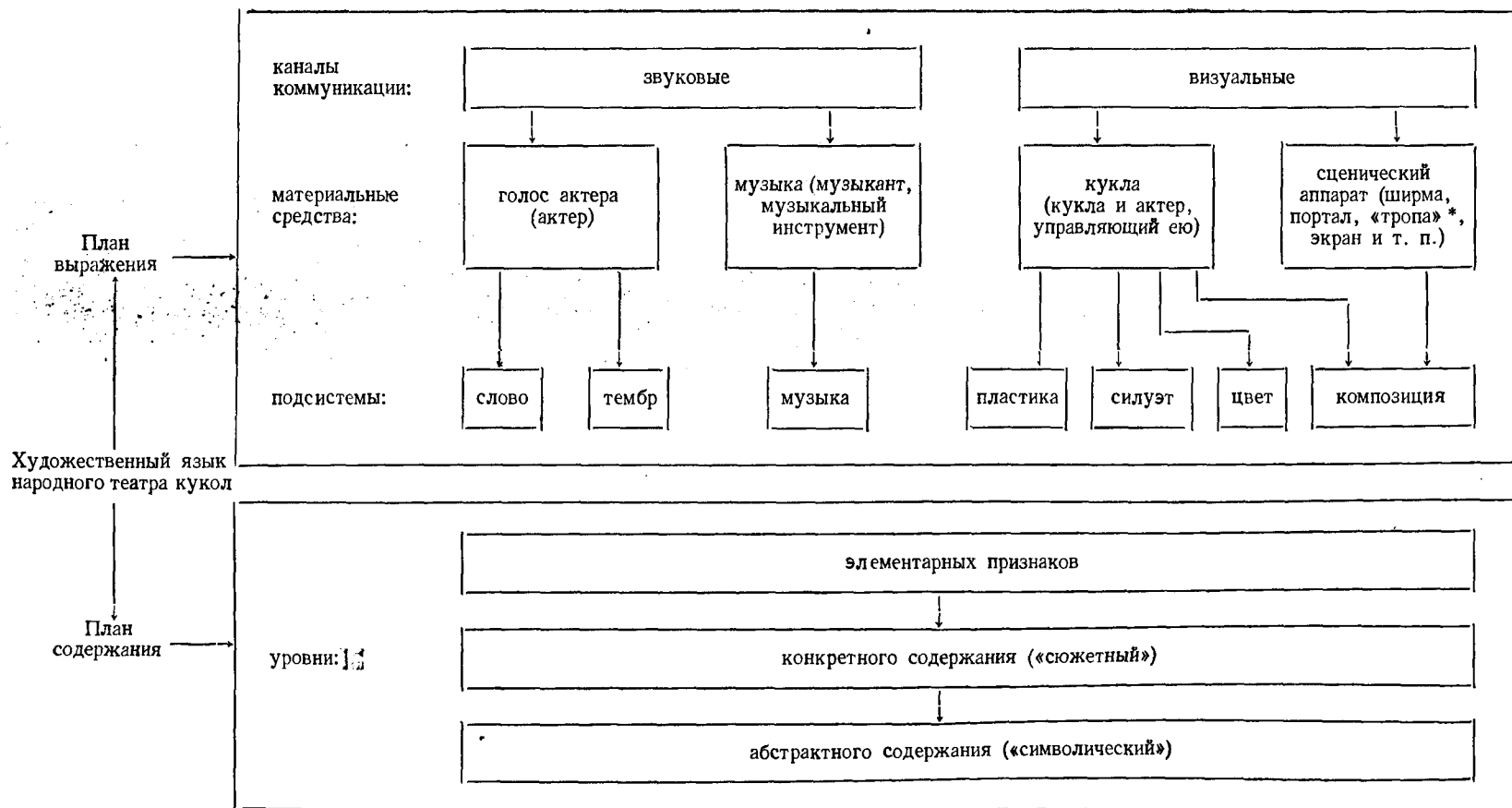
Материальные средства коммуникации включают *актера, музыканта* и его *музыкальный инструмент, куклу, сценический аппарат* — ширму, экран и пр.

Особенностью театра кукол является то, что он занимает промежуточное положение между изобразительным и театральным искусством. Его главный компонент — кукла — представляет собой скульптуру (теневая фигура может рассматриваться как ее уплощенная разновидность), и это обстоятельство относит кукольное представление к области изобразительного искусства¹⁷. С другой стороны, в кукольном представлении эта скульптура движется и разговаривает, и поэтому кукольное

¹⁶ Выбор термина «тембр» несколько условен, так как мы подразумеваем под ним не только сам тембр, но и высоту тона, силу звука, интонацию, манеру произношения — т. е. весь комплекс характеристики речи актера. Но мы назвали этот компонент «тембром», так как именно тембровая характеристика является самой важной среди всех речевых характеристик в народном театре кукол, именно она шире всего применяется в художественном языке народных кукольных представлений.

¹⁷ Речь идет только о традиционном театре, так как это определение не совсем подходит для современного кукольного искусства, которое, стремясь расширить свои выразительные средства, применяет вместо традиционной куклы-скульптуры и голую руку актера, и руку в перчатке, и предметы человеческого обихода, и самого актера, закованного в панцирь из поролона и папье-маше, и тому подобные «заменители», к которым термин «скульптура» неприменим.

Таблица 1

* «Тропой» на профессиональном языке русских народных кукольников называется помост, с которого управляют марионетками.

представление в равной степени принадлежит и к области театрального искусства.

Однако эти два вида искусства выражают одни и те же идеи разными путями, как бы говорят на разных языках, или, точнее, по-разному распределяют нагрузку на способы выражения содержания, общая сумма которых определяется слуховым и зрительным восприятием человека. Вот эта двойственная природа кукольного искусства и определяет особенности его художественного языка.

К основным компонентам языка театрального искусства нужно отнести слово, тембр, музыку и пластику. Рассмотрим, в каких взаимоотношениях с этими основными компонентами театрального искусства находится театр кукол.

1. *Слово.* Словесный способ выражения доминирует в драматических театрах живого актера, т. е. в театрах разговорного жанра. Однако этот наиболее естественный способ выражения мысли живого человека оказывается затруднительным и менее естественным для неживой куклы-скульптуры. Слово, «произносимое» куклой, не может опереться на сопутствующие человеческой речи элементы, ее лицо лишено мимики, природа ее жеста оторвана от природы человеческого голоса, ее размер противоречит силе человеческого голоса и т. д.

Слово выступает на первый план главным образом в тех кукольных представлениях, которые или копировали репертуар драматического театра и всячески старались ему подражать, или широко использовали повествование, не переводя рассказ в драматическую форму. К первым можно отнести народный чешский¹⁸ и немецкий театры марионеток, примером вторых может служить бельгийская кукольная традиция. Но в большинстве случаев народный театр кукол стремился перенести центр тяжести в выражении своих идей на несловесные, более доступные для него и более органичные для скульптуры способы.

2. *Тембр.* Специфическая окраска актерского голоса используется и в театре живого актера, и в кукольном. Она служит для характеристики персонажей и действия, может быть некоторым указанием, дающим ключи к оценке событий, может говорить о возрасте, характере героя, его настроении и т. д. Иногда тембр становится прямым знаком персонажа, как, например, в классической европейской опере или в народном театре кукол типа русского «Петрушки», в котором высокий пронзительный звук голоса, получаемый с помощью пищика (серебряной пластинки), сразу указывает на главного героя представления.

3. *Музыка.* Музыкальным языком театра в данной работе мы называем инструментальный и вокальный способы выражения, т. е. все звуковое сопровождение спектакля, за исключением речи актера. Являясь ведущим для музыкальных театров живого актера, в кукольном спектакле музыкальный язык чаще всего становится вспомогательным, подкрепляющим действие, но в то же время он очень существен, так как расставляет эмоциональные акценты или характеризует действующих лиц и события.

¹⁸ «Публика принимала кукольный театр только как эрзац актерского театра... Подавляющее большинство кукольных пьес, составляющих репертуар чешских кукольных театров... — это обработки современного актерского репертуара... У народного кукольника не было своего собственного репертуара... Его топорные куклы... были, пожалуй, навивны, но это была, однако, сознательная попытка создания в миниатюре живых актеров — это было, следовательно, в большинстве случаев, подражание актерской сцене» (Я. Малик. Чехословацкий кукольный театр. Прага. 1948, с. 6, 7, 10). Это отмечает и Ф. Затка: «Народные кукольники»... приравнивали «свой театр к театру живых актеров и ставили у себя пьесы, написанные для живых актеров, показывая этим, что их куклы „могут исполнять те же роли, что и живые актеры“... Кукольники были очень недовольны, когда слышали, что их деревянных актеров звали „куклами“. Публику больше всего занимало в куклах то, что они походят на людей» (Цит. по: П. Г. Богатырев. Указ. раб., с. 315).

4. *Пластика*. В театре живого актера этот способ выступает на первый план в балете, пантомиме, цирке. В театре кукол в большинстве случаев кукла также «разговаривает» жестом, выражает мысль движением.

При исследовании народного театра кукол важно учитывать, что в разных кукольных традициях пластический язык может быть очень различным и расходиться как по степени условности (т. е. отдаленности от человеческой пластики), так и по значениям.

Если взять театр японской традиции «бунраку», то там язык пластики предельно имитационен, он очень «близко к оригиналу» передает язык человеческого жеста. Куклы этого театра «способны вполне правдоподобно воспроизводить любой вид человеческой деятельности: они могут есть, переодеваться, курить трубки, рыдать, делать харакири»¹⁹. В музее Государственного Центрального театра кукол хранятся несколько кукол и отдельные головки, у которых система рычагов и шарниров позволяет открывать рты, двигать глазами, бровями, свободно поворачивать, поднимать и опускать голову, сгибать руки в плече, в локте, шевелить кистью и даже пальцами, благодаря шарнирному соединению фаланг. Французский японист Р. Сиффер свидетельствует, что некоторые куклы могут шевелить даже носом и ушами²⁰. Но при всей реалистичности жеста японской куклы отклонения от человеческой пластики в нем неизбежны — он немного угловат, слегка расчленен на фазы, — это обусловлено механическим устройством куклы.

Жест марионетки (куклы, висящей на нитях и управляемой сверху) даже при максимальном количестве нитей, число которых может достигать до 20, более условен, чем жест японской куклы: марионетке свойственна некоторая текучесть, замедленность движения; она как бы плавает в воде, потеряв часть своего веса.

Еще большей степенью условности отличается жест перчаточной куклы, так как возможности ее коротенькой ручки — пальца актера — ограничены сравнительной негибкостью пальца, а отсутствие ног делает ее ходьбу и бег чисто символическими.

Высокая степень условности свойственна движению и жесту куклы бельгийской традиции. Она управляется одним металлическим прутом, прикреплённым к макушке. Руки и ноги куклы бесконтрольно болтаются при малейшем движении прута, а голова может поворачиваться только по горизонтали. Как пишет историк льежского театра кукол Рудольф де Версаж, «это приводит к довольно комическому эффекту: на какой бы вопрос ни отвечал герой, выражает он протест или согласие, кукла всегда отрицательно мотает головой»²¹. Или, например, вступая в бой, «герои кукольного театра, будь то благородный сеньор или простолюдин, дерутся врукопашную как грузчики на мостовой. Набрасываясь друг на друга, они истошно кричат: „Ко мне, мой верный меч!“, но так как традиция не позволяет механизировать кукол, клинок не покидает ножен и сражающиеся колошматят друг друга как настоящие бродяги, нанося удары руками, ногами, сталкиваясь лбами как пьяные козлы или за всегдатаи танцзалов»²².

Наконец, если взять вертепный театр, то жест его куклы так далеко отходит от человеческого, что становится чистым символом. Вертепная кукла — это в большинстве случаев деревянный цилиндр с едва намеченной несколькими ударами ножа головой. Чаще всего у такой куклы ноги

¹⁹ J. Brandon. *On Thrones of Gold*. Cambridge, 1970, p. 66. См. также: Tsuruo Ando. *Bunraku. The puppet theatre*. New York — Tokyo, 1970; F. Bowers. *Japanese theatre*. Tokyo, 1974; Shuzaburo Hironaga. *Bunraku*. Tokyo, 1964; Miyajima Tsunao. *Contribution à l'étude du théâtre japonais de poupées*. Osaka — Paris, 1931.

²⁰ R. Sieffert. *Le théâtre japonais*. — *Les Théâtres d'Asie*. Paris, 1961, p. 146.

²¹ R. de Warsage. *Histoire du célèbre théâtre liégeois de marionnettes*. Bruxelles, 1905, p. 34.

²² Там же, с. 67.

и руки отсутствуют. Она насажена на стержень (гвоздь, деревянную палочку, проволочку), за который кукольник ее держит и ведет вдоль сцены. Чтобы изобразить, например, подношение даров младенцу Иисусу в представлении «Рождества», кукольник останавливает куклу царя-волхва у ясель с «новорожденным» и наклоняет стержень — поклон куклы и изображает «подношение даров»²³.

Сложность и разнообразие пластических приемов в разных кукольных традициях, с одной стороны, дают обильный материал для осмысления роли пластики в системе художественного языка кукольного спектакля, а с другой — требуют очень тщательного анализа по крайней мере того материала, который сохранился в описаниях или в не умерших еще формах народных кукольных представлений.

Если говорить о современном театральном искусстве, то в систему его художественного языка необходимо было бы включить и такой компонент, как *свет*, театральное освещение. Он проникает в систему выразительных средств театра во второй половине XIX столетия, а примерно с 50-х годов нашего века иногда становится даже ведущим способом выражения, как, например, в спектаклях свето-музыки²⁴. Однако в народном театре кукол свет применялся очень редко и главным образом как техническое средство, необходимое для освещения вертепного ящика, балаганной марионеточной сцены или экрана теневого театра. Только в традиции яванского театра «ваянг пурво» (одной из основных форм театра «ваянг кулит») он вовлекался в систему художественного языка как символическое средство.

Художественный язык искусства кукол может использовать все компоненты языка театрального искусства. Но не все они для него необходимы. Народный кукольный спектакль мог строиться без слова, без музыки, не прибегать к тембровым оппозициям. Единственный компонент театрального искусства, без которого не мог обойтись ни один кукольный спектакль, — пластика. Это позволяет рассматривать пластику как самый существенный компонент, связывающий кукольное представление с театральным искусством.

Рассмотрим теперь, в каких отношениях находится театр кукол с компонентами изобразительного искусства.

В художественный язык изобразительного искусства не входит ни один из описанных выше компонентов театрального искусства. Изобразительное искусство не может использовать способы выражения, связанные со слуховым восприятием и разворачивающиеся во времени. Его способы выражения связаны со зрительным восприятием и не столько с временной, сколько с пространственной характеристикой. В состав его художественного языка входит:

1. *Рисунок* (система линий, плоскостей, пластическая форма). Применительно к народному театру кукол назовем этот компонент *силуэтом*. Силуэтная характеристика (контур, форма куклы) в кукольном представлении очень важна, она содержит очень большую (или, во всяком случае, основную) информацию о персонаже.

2. *Цвет*. В большинстве народных театров куклы раскрашены или одеты в разноцветные костюмы. Цвет при этом может нести часть смысловой нагрузки. В нем могут быть закодированы определенные признаки героев. В яванском театре «ваянг пурво» для зрителей, сидящих на стороне кукольника, такую знаковую функцию выполняет цвет лица фи-

²³ Г. П. Галаган. Малорусский вертеп. — «Киевская старина», 1882, т. IV, № 10, с. 12, 13; Н. А. Маркевич. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860, с. 36; М. К. Чалый. Воспоминания. — «Киевская старина», 1889, № 1, с. 29, 30; Н. Шукин. Вертеп. — «Вестн. Имп. Русского географического о-ва», 1860, ч. 29, кн. 7, разд. V, с. 30.

²⁴ Б. Галеев. Свет — музыка — архитектура. — «Декоративное искусство СССР», 1970, № 6.

гуры, указывающий на характер или настроение героя, в комедии о Петрушке — цвет одежды, намекающий на социальное положение персонажа.

3. *Композиция.* В некоторых народных кукольных представлениях место персонажа на сцене может дать ему определенную характеристику. Наиболее яркие примеры такого знакового использования сценического пространства мы встречаем в польском, украинском, белорусском вертепном театре и в яванских представлениях «ваянг пурво».

Вертепный театр унаследовал от средневековых мистерийных представлений Европы деление сценического пространства на разные игровые площадки. Появление актера в определенной части сцены давало ему определенную характеристику. Например, появление в «раяу» указывало на святость или праведность персонажа, в «аду» — на грешность или инфернальность и т. д. В вертепном театре сценическое пространство делилось на две или три части по вертикали²⁵. Если сцена состояла только из двух ярусов (наиболее распространенный вариант вертепного ящика), то тогда «святые» персонажи появлялись вверху, а простые смертные и черти — внизу²⁶.

Напомним, что в театре «ваянг пурво» существует разделение героев на «левых» и «правых». Перед началом представления куклы выстраиваются шеренгами, расходящимися вдоль экрана вправо и влево от кукольника, в соответствии со своей партией. Таким образом, место куклы на экране служит пространственно-визуальной характеристикой принадлежности к тому или иному лагерю.

Анализ народного театра кукол показывает, что композиция и цвет не всегда играют существенную роль в народном кукольном представлении, но силуэт, форма куклы всегда очень важны, и именно на этот компонент художественного языка изобразительного искусства больше всего опирается театр кукол.

Строго говоря, проведение границ между набором компонентов театрального и изобразительного искусства условно (как и вообще установление границ в любой классификации). Резкой границы между видами искусства не существует²⁷. Нет ее и между составом компонентов языка театрального и изобразительного искусства. С одной стороны, произведение изобразительного искусства не может восприниматься одномоментно: «сразу мы видим только ничтожно малый кусочек... да и его не видим сразу, а сразу — буквально ничего не видим»²⁸. И уточнение этой мысли мы находим у Р. Якобсона: «Как слуховое, так и зрительное восприятие „работают“ и в пространстве и во времени, но для зрительных знаков важнее пространственное измерение, а для слуховых — временное»²⁹. Кроме того, изобразительное искусство может обращаться к такому способу выражения, как «слово» — с подобным приемом мы довольно регулярно встречаемся в русской иконе, в лубочных картинках, в различных сериях юмористических рисунков. С другой стороны, театр

²⁵ Г. П. Галаган. Указ. раб., с. 10; Н. А. Маркевич. Указ. раб., с. 30; Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 8 — Быт белоруса. Вильна, 1912, с. 72, 73; О. М. Фрейденберг. Семантика архитектуры вертепного театра. — «Декоративное искусство СССР», 1978, № 2, с. 41, 43; М. К. Чалый. Указ. раб., с. 28; Н. Щукин. Указ. раб., с. 26, 27.

²⁶ Г. П. Галаган. Указ. раб., с. 10.

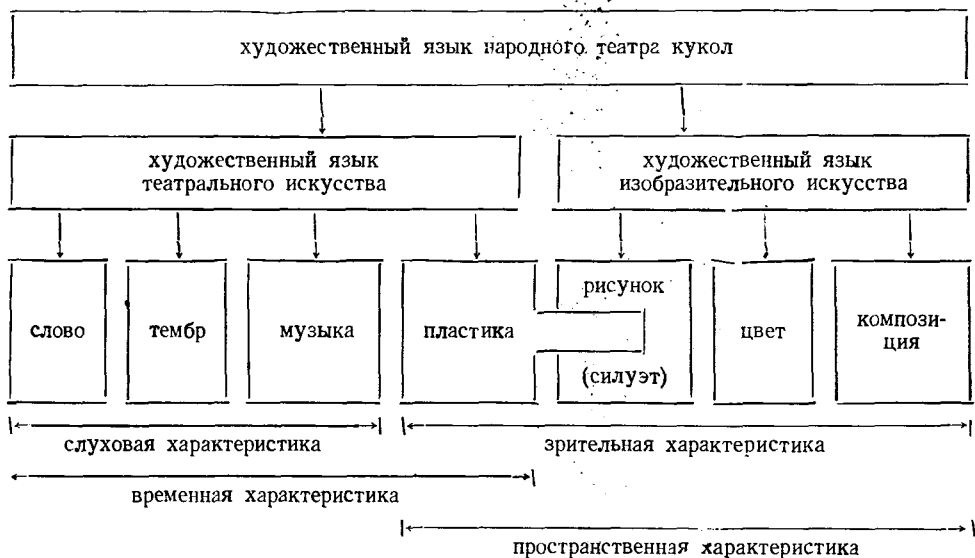
²⁷ Можно ли найти безусловную грань между театральным и изобразительным искусством, если выстраивается ряд промежуточных форм, все больше отдаляющихся от театра и приближающихся к изобразительному искусству? В этой промежуточной зоне мы встречаем сначала театр масок (здесь еще только лицо актера «отнято» у театра), затем идет театр кукол (театр подвижной скульптуры) и, наконец, самая крайняя форма театральных представлений, которую уже трудно даже называть театром — это представления типа яванского «ваянг бебер» или русского райка («театра», действие которого заключается в смене нарисованных картин).

²⁸ П. А. Флоренский. Указ. раб., с. 413.

²⁹ Р. Якобсон. К вопросу о зрительных и слуховых знаках. — «Семiotика и искусствометрия». М., 1972, с. 84.

не может существовать без использования компонентов изобразительного искусства. Только они никогда там не становятся главными. В большей степени, пожалуй, к средствам изобразительного искусства прибегает традиционный театр Востока: тяжелый грим уподобляет лицо его актера маске, а статуарность поз во многих восточных представлениях приближает тело актера к скульптуре. Проводя границы между компонентами художественного языка театрального и изобразительного искусства, мы лишь стремились выделить наиболее существенные, наиболее характерные признаки каждого из этих искусств и установить их взаимосвязи с искусством кукол.

Таблица 2

Сравнение основных признаков, характеризующих компоненты художественного языка изобразительного и театрального искусства (временное и пространственное измерение, слуховое и зрительное восприятие), выявляют компонент, обладающий признаками и театрального, и изобразительного языка. Это пластика. Этот «двуязычный» по своим характеристикам компонент, сочетающий временную и зрительную характеристики, как бы лежит на перекрестке, или в самой точке соприкосновения, театрального и изобразительного искусства. В застывшей, одномоментной форме пластика проникает и в язык изобразительного искусства и отражается там в рисунке, или, в нашем случае, — в силуэте. Так, например, в сиамском теневом театре или в яванском ваянге ряд фигур вырезан в определенной, часто очень динамичной позе (про фигуры некоторых воинов яванцы говорят, что герой собирается «пнуть ногой» своего врага³⁰, и называют таких кукол «дуганган» («пинающий», «имеющий обыкновение пинать»). Эти свойства пластики и выдвигают ее на первый план в «двуязычном» искусстве кукол (см. табл. 2). Но кукольное представление невозможно без самой куклы, а следовательно, без такого компонента, как силуэт. Поэтому, рассматривая компоненты художественного языка искусства кукол с точки зрения их необходимости в кукольном спектакле, можно определить второй базисный элемент: это силуэт, или форма куклы (см. табл. 3).

Нужно также отметить, что почти нет такого произведения изобразительного искусства или театрального представления, в котором со-

³⁰ A. Sano-Sastroamidjojo. Renungan tentang pertunjukan wayang kulit. Djakarta, (1964), h. 26.

держание было бы выражено только одним способом. Это почти всегда сочетание нескольких способов, хотя среди них всегда можно выделить доминирующий над другими, главный, которому в данном виде искусства или в данном представлении отдается предпочтение.

Язык искусства кукол по своим возможностям очень богат и разнообразен. Характеристика действующих лиц и действия может складываться из большого количества признаков. Роль невербальных форм выражения в нем очень велика. В силу двойственной природы этого искусства, в силу сочетания театрального действия с актером-скульптурой,

Таблица 3

слово	тембр	музыка	пластика	силуэт	цвет	композиция
могут отсутствовать (или не нести смысловой нагрузки)			присутствуют обязательно (всегда несут смысловую нагрузку)		могут отсутствовать (или не нести смысловой нагрузки)	

акцент в выборе средств выражения часто смещается в сторону средств изобразительного искусства. Яванский театр «ваянг пурво» дает нам пример того, как одним из основных компонентов художественного языка кукольного представления может стать система силуэта.

Уровень элементарных признаков. Анализ художественного языка удобнее всего начинать с уровня элементарных признаков. Выявив их количество и правила комбинирования сначала в каждой подсистеме, а затем и во всей системе художественного языка, можно перейти к плану содержания, т. е. установить связи между материальными признаками и понятиями, стоящими за ними в данном художественном языке.

Например, в подсистеме силуэта «ваянг пурво» можно выделить более 250 признаков. Среди них встречается 15 вариантов глаза, 18 — юбки, 7 — головного убора, 22 — прически, 13 — ожерелья и т. д. Сочетания признаков в силуэтом языке ваянга строго упорядочены и образуют очень гибкую и объемную систему характеристики персонажа — в графическом рисунке фигуры закодированы данные о его происхождении, возрасте, воспитании, характере, социальном положении (так, форма глаза связана с чертами характера, ожерелья — с возрастом, головного убора — с социальным рангом и т. д.).

Каждую подсистему удобно рассматривать изолированно, но такое расчленение художественного языка не более чем прием анализа, научная абстракция. На деле (или в «художественной речи» театра) все подсистемы взаимосвязаны. Если снова обратиться к ваянгу, то в его художественном языке подсистема тембра жестко связана с подсистемой силуэта: окраска актерского голоса зависит от формы глаза и наклона головы фигуры³¹. Но силуэт фигуры обуславливает и пластический рисунок ее движений, и, таким образом, тембр оказывается связанным с пластикой.

Комбинации признаков разных подсистем создают единицы уровня конкретного содержания, или «сюжетного» уровня.

Уровень конкретного содержания («сюжетный»). На этом уровне театр показывает зрителю конкретных персонажей и разворачивает события, составляющие пьесу (под пьесой применительно к народному театру кукол понимается та часть драматургического материала, которая излагается за время одного представления).

³¹ В системе тембра можно выделить девять типов звуковой окраски голоса актера (R. M. Sulardi. Gambar printjénung ringgit purwa. Djakarta, 1953, k. 8).

Для того чтобы понять содержание сюжета, необходимо знать систему значений конкретного уровня художественного языка данного театра. И здесь нам хотелось бы только еще раз подчеркнуть, что смысл одних и тех же элементов в художественных языках разных театров очень часто не совпадает. Мы подкрепим это положение несколькими примерами.

Элемент силуэтной характеристики — рост, высота куклы — носит знаковый характер в нескольких типах народных представлений: в народном театре кукол Льежа, в украинском вертепе, в яванском театре «ваянг пурво». Но в художественных языках каждой из этих традиций он выполняет разные смысловые функции.

В льежском театре кукол рост используется для того, чтобы зрительно выразить общественное положение персонажа: «Сценическая условность требует, чтобы рост куклы увеличивался в прямой зависимости от социального положения героя... Если высота простого солдата 30 см, а рыцаря примерно 50 см, то принца — предводителя армии — 70 см, короля — 90 см, императора Карла Великого — 1 м 20 см»³² (основной репертуар бельгийского театра кукол строится на легендах о Карле Великом).

В художественном языке театра «ваянг пурво» рост фигуры говорит зрителю в первую очередь о физической силе героя. Кроме того, в сложной разработанной в этом театре системе силуэтной характеристики высота фигуры отражает также моральную оппозицию: «грубость, неотесанность» — благовоспитанность, утонченность, вежливость. Поэтому в противоположность льежской условности яванский персонаж более высокого ранга может оказаться ниже ростом, чем персонаж, занимающий более низкое социальное положение, а герои одного ранга могут изображаться фигурами разного размера.

В украинском вертепе смысловая функция роста сводится к выделению главного героя представления, Запорожца, «который гораздо выше всех остальных фигур вертепа»³³. В художественном языке этого театра действует, таким образом, оппозиция «главный герой — негерои, остальные действующие лица».

Другой пример несоответствия значений одного и того же элемента в системах художественного языка разных театров можно найти при сравнении значений цвета в русском представлении «Петрушка» и яванском ваянге. Если в комедии о Петрушке черный костюм доктора является социальным признаком персонажа, то в ваянге черный цвет содержит или мистическую характеристику (указывает на божественность героя, перевоплощение бога), или подчеркивает огромную волю, самообладание, способность к самоконтролю — во всяком случае, не имеет никакого отношения к социальной характеристике.

А вот противоположные примеры, иллюстрирующие, как одна и та же идея выражается в разных театрах разными путями.

Мы только что показали, что в украинском вертепе главный герой выделяется самым крупным размером куклы. Льежская традиция также стремится противопоставить своего героя остальным персонажам, но, поскольку рост выполняет там другую функцию, прибегает к другому визуальному приему: народный герой льежского театра, Чанчес, по контрасту с рыцарскими доспехами остальных персонажей одет в современный костюм (блузу, кепку и брюки). Кроме того, у Чанчеса огромный нос, резко отличающий его от плоскотицких кукол-воинов (плоские лица льежских кукол обусловлены техникой ведения боев в этом театре, при которой куклы сталкиваются в сражении с такой силой, что рельефно вырезанные части лица моментально были бы отбиты или расплющены;

³² R. de Warsage. Указ. раб., с. 61, 62.

³³ Г. П. Галаган. Указ. раб., с. 22.

Чанчес же может сохранять свой нос, так как в сражениях рыцарей не участвует).

Далее, во многих кукольных традициях применяется визуальный способ характеристики общественного положения. Традиция «ваянг пурво» использует для этого детали костюма. Бельгийский прием — разновысотность кукол — был только что описан. В вертепном театре попытка выразить социальное положение героя несловесным путем разработана слабее и не доведена до такой совершенной, охватывающей всех персонажей формы, как в художественном языке яванского или льежского театра, но тем не менее она прослеживается и там. Об этом свидетельствует следующее замечание русского этнографа Н. Н. Виноградова: «Фарфоровые головки некоторых персонажей вовсе не обозначают того, что подлинная деревянная головка была утрачена и заменена первой попавшейся под руку, как это думают некоторые лица, видевшие этих кукол. Они нарочно приделаны к туловищам тех кукол, которые изображают собой женщин из привилегированных сословий»³⁴.

Все эти примеры показывают, что выяснение основных законов художественного языка данного представления — первое и главное условие полноценности анализа, залог правильного понимания народного кукольного спектакля.

При всем своеобразии художественного языка каждой конкретной традиции, в представлениях даже очень отдаленных территориально и разных по культуре стран встречаются, тем не менее, поразительные аналогии. Скорее всего они обусловлены самой природой кукольного искусства. Нам хотелось бы обратить внимание на два таких широко встречающихся приема художественного языка народного театра кукол.

На сюжетном уровне в систему художественного языка вовлекаются кукла, действующая на сцене, голос актера, звуки музыки, декорации. Все остальное сценическое оборудование, а также актер, музыкант, даже если они и видны зрителю, на сюжетном уровне как бы наделяются «нулевым значением», т. е. по условиям данного театра не должны приниматься зрителем во внимание, так как не имеют отношения к сюжету, к действию драмы. К таким элементам материальной стороны представления прежде всего нужно отнести актера в японской традиции «бунраку» и в яванском театре «ваянг пурво». В японском театре представление идет на открытой площадке. Куклой прямо на глазах у зрителей управляют три кукловода. В яванском театре, где представление является двусторонним зрелищем, эта условность действует только для тех зрителей, которые сидят на стороне кукольника. В обеих кукольных традициях актер виден зрителям (всем или части из них), но он не имеет отношения к сюжету, «не работает» на сюжетном уровне представления и по условиям данного театра должен считаться невидимым.

Такое «нулевое значение» приписывается в бельгийском театре пруту управления, который идет от макушки куклы вверх и часть которого всегда видна публике, в театрах марионеток — нитям, спускающимся к кукле как стропы парашюта, в ваянге — тросточкам, управляющим руками кукол, и т. д. В представлениях «ваянг пурво» на сюжетном уровне «нулевым значением» наделены также фигуры, стоящие в шеренгах, так как хотя они и находятся на глазах у зрителей — по одну сторону экрана в виде кукол, по другую — в виде теней, но в развитии интриги не участвуют: «Когда фигуры не действуют на сцене, они находятся... тесными группами на двух концах лежащего перед экраном ствола... Их тени неопределенной, налегающей друг на друга массой ложатся на оба конца экрана и... дело зрителя их не видеть»³⁵. Эта условность сущест-

³⁴ Н. Н. Виноградов. Белорусский вертеп. — Известия отд. русск. яз. и словесности Имп. Академии наук, т. XIII, кн. 2, СПб., 1908, с. 52.

³⁵ Л. А. Мерварт. Малайский театр. — «Восточный театр». Л., 1929, с. 148, 149.

вует и в малайском теневом театре. Но когда в Москве один из лучших малайских далангов (актеров-кукольников) показал свой спектакль, московские кукольники, не приученные к подобной условности, восприняли эти «посторонние» действию тени как «грязь», как низкий профессионализм исполнителя (что лишний раз показывает, насколько опрометчиво применять правила одного художественного языка к явлениям другого).

Вторая особенность художественного языка народного театра кукол состоит в том, что некоторые элементы материальной части «работают» на сюжетном уровне представления не постоянно, а только в отдельные моменты действия, театр как бы то включает, то выключает их из системы значений своего языка. Один из примеров такой «переменности значения» дает льежская традиция. Часть толстого прута, как уже говорилось выше, всегда видна зрителям, но по условиям этого театра публика не должна обращать на него внимание, «не должна его видеть». Однако есть сцены, в которых это условие меняется. Это сцены сражений. «В этот момент проявляется еще одна сценическая условность. Поскольку невозможно понять, окончательно ли погиб упавший храбрец или он ранен, понадобилось, чтобы завсегдатаи театра приняли следующую диагностическую систему: если рыцарь рухнет, но его прут не упадет вслед за ним, значит воин только ранен, если же прут брошен вместе с ним — значит герой отдал свою прекрасную душу богу войны!»³⁶. Таким образом, прут, становясь знаком жизни или смерти персонажа, начинает «работать» на сюжетном уровне представления, включается в систему выражения сюжета. Подобный прием был свойствен и русской комедии о Петрушке. Шарманщик, который обычно стоял около ширмы и выполнял роль «оркестра», сопровождая действие на ширме музыкой, был виден публике, но, не принимая участия в сценах Петрушки с его партнерами-куклами, был как бы наделен «нулевым значением». Однако в комедии есть сцены, в которых шарманщик вступает в диалог с Петрушкой, т. е. становится персонажем комедии и тем самым включается в систему полнозначных элементов сюжетного уровня, в систему художественного языка представления.

Иллюстрации этой особенности языка народного театра кукол дает и яванский театр. В представлениях «ваянг пурво» трость для управления рукой куклы — чисто технический по функции элемент «нулевого» на сюжетном уровне значения. Однако «бывают моменты, когда она превращается в саблю... и обрушивается на врага куклы»³⁷. В быстрых по темпу, насыщенных движением сценах боев для зрителей теневой стороны герой может вдруг в разгар сражения исчезнуть с экрана, «раствориться в воздухе» (кукольник резко отводит фигуру от полотна). Но яванские зрители не придают этому исчезновению никакого особого мистического смысла — оно воспринимается как технический прием ведения боя, как одна из условностей театра. Наряду с этим в представлении есть моменты, когда подобное исчезновение фигуры приобретает особый мистический смысл и говорит зрителю о сверхъестественных качествах героя, о его способности дематериализоваться, т. е. моменты, когда этот трюк становится обозначением определенного понятия, выражаемого через систему художественного языка представления.

Уровень абстрактного содержания («символический»). Однако сюжет — это только внешняя оболочка содержания. За нею всегда скрывается главный смысл спектакля. Через художественные образы своей драматургии театр стремится выразить и донести до зрителя свое понимание действительности, свою «модель мира». И этот более глубокий смысл представления выражается через глубинный уровень его художественного языка.

³⁶ R. de Warsage. Указ. раб., с. 70.

³⁷ Н. Фрид. С куклами к экватору. М. 1962, с. 175.

На этом уровне конкретные герои, их поступки, сюжетные повороты и конфликты приобретают новый, более обобщенный смысл, становятся символами абстрактных идей и понятий.

Нет такого спектакля, в котором за сюжетом не скрывались бы какие-то абстрактные идеи. Однако расшифровать их значительно сложнее, чем понять сюжет. Понимание смысла представления на глубинном уровне связано со знанием общего культурного кода данного народа, ключи к нему нужно искать в культуре данного общества — в философии, истории, религии, морали и т. д., так как часто смысл этого уровня может и не прозвучать прямо в пьесе, не быть отраженным непосредственно в ее словесном тексте. Здесь необходимо выяснить, какие отвлеченные понятия данный театр шифрует в своем представлении, как их формально выражает. Один из наиболее ярких примеров сложности понимания глубинного смысла представления дает яванский ваянг, который «полон образами или действиями, подразумевающими совершенно иной смысл, чем тот, который выражается непосредственными картинками на экране»³⁸. Исключительно большую нагрузку несут здесь несловесные способы выражения.

Таким образом, между конкретным и абстрактным уровнями существуют иерархические отношения, первый поставляет материал для второго. Происходит перекодировка значений: театр, реализуя содержание сюжетного уровня, наделяет героев и действия новыми, более отвлеченными понятиями. Как это происходит в конкретном представлении, можно показать на примерах из комедии о Петрушке.

На сюжетном уровне определенные сочетания элементов подсистем художественного языка этого представления, а именно: длинный нос (силуэтная характеристика), остроконечный красный колпак (силуэтная и цветовая характеристики), высокий, гнусавый тембр голоса (тембровая характеристика), вступительная формула (словесная характеристика) — говорят зрителю, знакомому с художественным языком русской кукольной комедии о Петрушке, что перед ним на ширме главный герой этого представления — Петрушка. В другой кукле — по ее черному плащу (цветовая характеристика), широкополой черной шляпе (цветовая и силуэтная характеристика), огромным очкам (силуэтная характеристика), вступительной формуле (словесная характеристика) — зритель распознает партнера Петрушки, доктора. На сюжетном уровне происходит сцена, в которой сброшенный с лошади Петрушка зовет доктора, а потом вместо платы за лечение избивает его своей знаменитой дубинкой. На сюжетном уровне сцена носит комический характер — Петрушка дубасит доктора вроде бы на потеху зрителю. На символическом уровне эта сцена приобретает другой смысл. За избиванием доктора стоит конфликт двух социальных типов. Конкретные фигуры доктора и Петрушки предстают на этом уровне как некие абстрактные социальные знаки, и конфликт между ними не простая драка, а символическое столкновение двух враждебных, антагонистических по своему положению слоев русского общества. Этот смысл за рамками текста представления, он не излагается прямо. Не посвященный в культурный код русского народа зритель может и не уловить смысла этого второго плана сцены, плана, связанного с исторически сложившейся в дореволюционной России неприязнью к иностранцам-иноверцам (доктор, как правило, иностранец)³⁹.

³⁸ Mangkunagoro VII. On the Wayang Kulit (Purwa) and its symbolic and mystical elements. N. Y., 1957, p. 11.

³⁹ В одном из писем А. С. Пушкина мы встречаемся со следующим свидетельством, помогающим понять второй план этой сцены: «Времена чрезвычайно печальные! Эпидемия опустошает Петербург. Народ несколько раз возмущался. В народе ходили самые нелепые слухи: утверждали, что доктора отравляли жителей. Бешеная толпа умертвила двух из них» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 14, Л., 1941, с. 184).

В той же комедии о Петрушке финальная сцена представления на сюжетном уровне кажется совсем бессмысленной и нелогичной. В ней появляется собака, и при виде ее Петрушка, который до этого момента никого не боялся, всем дерзил, всех задирает, всех избивал, а то и забивал насмерть своих партнеров, вдруг беспричинно превращается в жалкого трусишку и подхалима: он начинает дрожать, юлить, заискивать перед этой собакой, называть ее ласкательными именами. Но ничто ему не помогает. Собака «хладнокровно» хватается за нос и тащит вниз, за ширму, и зрители слышат только прощальный писк героя: «Ах, пропала моя головушка, с колпачком и кисточкой!» Однако на символическом уровне эта сцена становится ключевой ко всему философскому плану представления: не могут оставаться безнаказанными бесчинства, убийства, разбой и тому подобные поступки. Собака становится здесь символом возмездия⁴⁰.

На абстрактном уровне гораздо шире, чем на конкретном, в систему художественного языка вовлекаются материальные элементы представления. Наиболее яркий пример дает нам яванский театр «ваянг пурво». Весь сценический аппарат, фигуры, стоящие в шеренгах, актер, не «работающие» в смысловой системе сюжетного уровня, ничего там не выражающие (наделенные «нулевым» значением), становятся символами строения вселенной⁴¹. Экран здесь символизирует «небо», опорные бревна — «землю», лампа — «солнце», сам актер — «бога», а шеренги кукол, расходившихся от игровой площадки влево и вправо вдоль всего экрана, — «человечество», людей, живущих на земле⁴².

И, наконец, есть еще одна проблема, на которую нам хотелось бы обратить внимание. Она связана с тем, что художественный язык традиционного театра кукол не представляет собой нечто раз навсегда сложившееся и неизменное. Как и естественные языки, он медленно, но постоянно развивается. Поэтому, анализируя систему художественного языка народного кукольного представления, желательно ограничивать материал сравнительно небольшим отрезком времени.

* * *

В этой статье мы попытались в самых общих чертах описать художественный язык народного театра кукол. Самое первое приближение к нему показывает, насколько сложна его организация, разнообразны приемы и своеобразно их проявление в каждой конкретной традиции, какую большую роль играют в нем несловесные способы выражения, как глубоко в истории и культуре народа — носителя данной традиции — надо искать ключи к идеям народного кукольного представления. Ана-

⁴⁰ Сценой, где Петрушку утаскивают в «преисподнюю», заканчивается подавляющее большинство записанных текстов комедии (Материалы личного фонда П. Н. Тиханова. Рукописный отдел Гос. публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 777, оп. 1, № 187—189; Материалы из рукописного собрания И. П. Еремина. — Архив сектора фольклора Ин-та русской литературы (Пушкинский дом), разряд V, кол. 136, папка 1).

А. Ф. Некрылова, описывая тексты «Петрушки», сообщает: «Финал комедии может быть представлен как возмездие (Петрушку уносят в ад) или как победа Петрушки (он избивает черта). Наиболее типичен первый случай. Так заканчивается большинство спектаклей (31 список из 40). И только в трех вариантах Петрушка выходит победителем (несколько списков не имеют этой сцены). В качестве действующего лица, расправляющегося с Петрушкой, чаще всего выступает черт или собака, в единичных случаях — домовый, людоед, Кедрил-обжора» (А. Ф. Некрылова. Указ. раб., с. 11).

⁴¹ R. P. Hardjowardojo. The Indonesian wayang play. — Australian Puppetry Guild. 5th annual report. 1973.

⁴² Поэтому так важна была видимость фигур, стоящих в шеренгах, в течение всего малайского представления. Они не участвуют в конкретных событиях пьесы, но, как и в яванском ваянге, символизируют «человечество».

лиз художественного языка народного кукольного спектакля, отношение к нему как «к предмету дешифровки» — одно из главных условий правильного понимания глубинного смысла народного представления кукол.

PROBLEMS IN ANALYSING THE FOLK PUPPET THEATRE [THE «LANGUAGE» OF THE FOLK PUPPET SHOW]

An attempt is made in the paper to describe the «language» of folk puppetry. Initially two planes are distinguished: that of the contents and that of expression. On the contents plane the author distinguishes several hierarchically interconnected semantic levels: 1) the distinctive features of the characters and the action; 2) the concrete characters and the concrete events in the play; 3) the general ideas of the show, the abstract concepts that are expressed by means of the characters and the action. The plane of expression is regarded as a complex system comprising a number of such interconnected subsystems as «word», «timbre», «music», «movement», «silhouette», «colour», «composition». The author points to the vigorous expansion of non-verbal subsystems stemming from the specific conditions in the puppet theatre where scenic action is combined with the sculpture actor and non-verbal methods of expressing ideas are more organic. Particular attention is drawn to the survival in the «language» of folk puppetry (even in its few forms still in existence) of archaic art laws and, consequently, to the necessity of taking into account in analysing the folk puppet show the basic differences between the laws of modern and of archaic art. The author also stresses in her paper the differences in the «language» of different puppetry traditions, its close ties with the whole cultural code of the respective peoples, the disparity in the conditions under which the contents plane correlates with the expression plane in the folk puppet show of different countries. At the same time, certain universally applied devices are noted which are present in the different types of traditional puppet shows and are inherent in the very nature of puppetry. The main conclusion of the paper is that the «language» of the folk puppet show should always be approached as an object to be deciphered.

В. И. Богданова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННЫХ ТУВИНЦЕВ

Антропологическое изучение коренного населения Тувы с использованием современных методов исследования было начато в 1926 г. работой Тувинской этнографо-антропологической экспедиции, руководимой В. В. Бунаком¹.

Антропологическое обследование тувинцев долины р. Хемчик (кемчикский антропологический отряд, возглавляемый А. И. Ярхо) проводили А. И. Ярхо и В. И. Белкина, причем измерительные признаки преимущественно определялись В. И. Белкиной, а описательные А. И. Ярхо². Позднее эти материалы были использованы А. И. Ярхо в его фундаментальной работе, посвященной антропологии населения Алтае-Саянского нагорья³.

Кемчикских тувинцев А. И. Ярхо отнес к «саянскому» типу, который в соответствии с его классификацией рассматривался в качестве локального варианта центральноазиатского расового типа⁴.

Касаясь вопроса об антропологическом составе населения Тувы в целом, А. И. Ярхо, проанализировав кроме своих данных старые материалы К. И. Горощенко⁵, материалы, собранные Тувинской этнографо-антропологической экспедицией в Тодже и центральной Туве⁶, и изученные Г. Ф. Дебецем⁷ две небольшие краниологические серии из центральной и западной Тувы, выделяет в составе тувинцев второй расовый тип — южносибирский, который, по его мнению, преобладает в центральных районах Тувы, а в долине р. Хемчик «примешан в виде небольшого компонента»⁸.

А. И. Ярхо в 20-е годы не оставляет сомнений в истолковании генезиса тувинцев и обоих выделенных расовых типов. Он пишет: «Тувинцы несомненные монголоиды. В районе Кемчика как позднейшие, так и древние европеоидные примеси практически исключаются»⁹.

¹ V. V. Bounak. Un pays de l'Asie peu connu: Le Tannou-Touva.— «Internationales Archiv für Ethnographie», Bd. XIX, Leiden, 1928.

² А. И. Ярхо. Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев.— «Северная Азия», 1929, № 5—6, с. 130, 131.

³ А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947. Работа опубликована много лет спустя после ее написания.

⁴ А. И. Ярхо. Казаки русского Алтая.— «Северная Азия», 1930, № 1—2, с. 99.

⁵ К. И. Горощенко. Материалы по антропологии Сибири.— «Записки красноярского подотдела Русского географического общества», т. 1, вып. 2, Красноярск, 1901.

⁶ Материалы В. В. Бунака частично опубликованы А. И. Ярхо. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934).— «Антропологический журнал» (далее — АЖ), 1936, № 1, с. 54, 55.

⁷ Г. Ф. Дебец. Краниологический очерк кемчикских танну-тувинцев.— «Северная Азия», 1929, № 5—6, с. 136.

⁸ А. И. Ярхо. Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев, с. 131.

⁹ Там же.

Согласно классификации А. И. Ярхо, основные отличия между центральноазиатским и южносибирским типами монголоидной большой расы определялись комплексом признаков, среди которых преобладающее внимание уделялось на краниологическом материале форме мозговой коробки, развитию надбровья и наклону лба, а при исследованиях на живых — степени выступания носа, депигментации, частоте эпикантуса и складке верхнего века¹⁰.

В соответствии с этими представлениями группы, характеризовавшиеся брахикранией, наклонным лбом и развитым надбровьем, относились к южносибирскому типу. Так, например, южносибирский тип был выделен в составе калмыков¹¹, к нему были отнесены кеты¹², якуты¹³, нивхи, некоторые группы эвенков¹⁴, чукчи¹⁵, что, как известно, не соответствует современным представлениям о расовых особенностях этих групп¹⁶.

Дальнейшие антропологические исследования древнего и современного населения на территориях Казахстана, Киргизии, Алтая и Хакасии показали, что южносибирский тип (раса) сформировался в процессе длительной метисации европеоидов и монголоидов¹⁷. В классификациях Н. Н. Чебоксарова, М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, Г. Ф. Дебеца южносибирский тип прочно занял место контактного между большой европеоидной и монголоидной расами¹⁸.

Напомним в связи с этим, что проблема участия древнего европеоидного населения в сложении антропологических типов некоторых народов Сибири и Центральной Азии вызвала активную полемику о так называемой голубоглазой расе. История ее начинается с ознакомления европейской науки с данными о «голубоглазых динлинах». С тех пор опубликовано большое количество исследований, рассматривающих эту проблему с различных сторон¹⁹.

С изменением взглядов на происхождение южносибирского типа основное расоводиагностирующее значение получили такие признаки, как: степень выступания носа, вертикальная профилировка лица, степень выраженности монголоидных особенностей глазной области, ширина грушевидного отверстия, пигментация глаз и волос, интенсивность роста бровей и бороды²⁰. Таким образом, стало ясно, что признаки, характеризующие форму черепной коробки, наклон лба и степень развития над-

¹⁰ А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки, с. 124, 125.

¹¹ См.: Н. Н. Чебоксаров. Калмыки западного улуса. — АЖ, 1935, № 1, с. 43—45; М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Калмыки. Краниологический очерк. — АЖ, 1937, № 1, с. 79.

¹² Г. Ф. Дебец. Антропологическое изучение Советского Севера. — «Советский Север», 1934, № 6, с. 63, 64.

¹³ М. Г. Левин. Антропологический тип якутов. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. III, 1947, с. 58.

¹⁴ Г. Ф. Дебец. Антропологическое изучение Советского Севера, с. 71, 72.

¹⁵ М. Г. Левин. К антропологии чукоч. — АЖ, 1936, № 2, с. 232.

¹⁶ См.: Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XVII, 1951, с. 79, 80; М. Г. Левин. К вопросу о южносибирском антропологическом типе. — КСИЭ, вып. XXI, 1954; *его же*. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — ТИЭ, т. XXXVI, 1958, с. 40—49.

¹⁷ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Очерки по антропологии Казахстана. — КСИЭ, вып. XVI, 1952, с. 45.

¹⁸ См. работы: Н. Н. Чебоксаров. Основные принципы антропологических классификаций. — В кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951 (ТИЭ, т. XVI); Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1963; Г. Ф. Дебец. Опыт графического изображения классификации человеческих рас. — «Сов. этнография», 1958, № 4.

¹⁹ См., например: Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926; А. И. Ярхо. Алтае-саянские тюрки; Г. Ф. Дебец. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. — «Советская Азия», 1931, № 5—6.

²⁰ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области, с. 68, 69.

бровья, следует исключить из диагностики южносибирских и центральноазиатских групп²¹.

В свете этих представлений о процессе формирования южносибирского типа и о характере разграничительных признаков были пересмотрены взгляды о расовом составе многих групп населения Сибири, в том числе и тувинцев. Так, в работе 1951 г. Г. Ф. Дебец без оговорок относит их к центральноазиатскому типу²².

К 1952 г. М. Г. Левин собрал новый материал по четырем территориальным группам коренного населения Тувы. Тувинцы западных, центральных и южных районов в антропологическом отношении оказались довольно однородными и отнесены им к центральноазиатскому типу. Тувинцы-тодзинцы — к байкальскому. Южносибирский тип, представители которого имеют значительную европеоидную примесь, по мнению М. Г. Левина, у тувинцев не представлен²³.

Между тем уже первые результаты исследования палеоантропологических материалов различных эпох, полученных за последние 30 лет в результате планомерных археологических раскопок на территории Тувинской АССР, показали, что в древности, начиная по крайней мере с предскифского времени, здесь преобладало европеоидное население²⁴. Имеются также первые свидетельства, доказывающие существование древнего европеоидного населения в Туве и в эпоху бронзы²⁵.

В гунно-сарматское время доля монголоидного компонента в составе населения Тувы заметно увеличивается, происходит интенсивный процесс смешения представителей двух больших расовых стволов²⁶. Интересно, что именно на рубеже I тысячелетия впервые фиксируются европеоидные черты у населения Забайкалья, где в предшествующие эпохи не было обнаружено следов влияния европеоидного населения²⁷. В северо-западной Монголии найдены черепа как с европеоидными, так и с монголоидными чертами строения²⁸.

Эти находки указывают на то, что европеоидное население в гунно-сарматское время продолжало еще проникать далеко на восток, и территория Тувы могла быть своеобразным коридором, по которому проходило движение представителей двух больших расовых стволов, сопровождавшееся их смешением. Наиболее интенсивные связи приходится, по-видимому, на гуннское время.

В период господства тюркских племен (вторая половина I тысячелетия) в Туве происходит некоторое изменение антропологического типа

²¹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области, с. 80.

²² Там же, с. 71.

²³ М. Г. Левин. К антропологии Южной Сибири.— КСИЭ, вып. XX, 1954.

²⁴ Г. Ф. Дебец. К палеоантропологии Тувы.— КСИЭ, вып. 10, 1950; В. П. Алексеев. Основные этапы истории антропологических типов Тувы.— «Сов. этнография», 1962, № 3; *его же*. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.— «Бронзовый и железный век Сибири». Новосибирск, 1974, с. 390.

²⁵ А. М. Мандельштам. Раскопки могильника Аймырлыг.— «Археологические открытия 1972 года». М., 1973, с. 228. Небольшая серия черепов окуневской культуры из этого могильника была изучена И. И. Гохманом, который отметил у них преобладание европеоидных признаков. Результаты исследования были доложены на конференции «Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий» (Новосибирск, 1975) в докладе «Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов».

²⁶ И. И. Гохман. Об антропологических особенностях населения Тувы гунно-сарматского времени.— «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. 1. Новосибирск, 1968; В. П. Алексеев, И. И. Гохман. Палеоантропологический материал гунно-сарматского времени из могильника Кокэль.— «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. III, 1970, с. 269.

²⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.— ТИЭ, т. IV, 1948, с. 121; И. И. Гохман. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-яхтинском отделении Русского географического общества.— ТИЭ, Л., 1977, т. 104, с. 163.

²⁸ T. Toht. Some problems in the palaeoanthropology of Northern Mongolia.— «Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest, 1967.

населения, проявляющееся в увеличении удельного веса монголоидного компонента²⁹. Проведенный анализ изменчивости краниологических признаков от скифского времени до современности показывает, что антропологический тип тюркского населения, хотя и характеризуется смешанными европеоидно-монголоидными особенностями, в биологическом смысле становится более однородным, чем в предшествующие эпохи, что может указывать на начавшийся процесс «стабилизации» антропологического типа тувинцев.

О динамике антропологического типа населения Тувы на протяжении II тысячелетия мы можем только догадываться, так как палеоантропологические материалы этого времени почти полностью отсутствуют. В небольшой серии черепов монгольского времени из западной Тувы европеоидная примесь еще ощутима³⁰. Окончательное сложение антропологического типа современных тувинцев происходит, по-видимому, позднее, на что указывает резко выраженная монголоидность современных тувинцев³¹.

Таким образом, рассмотрение палеоантропологического материала с территории Тувы показывает, что европеоидное население существует здесь по крайней мере с эпохи бронзы и отчетливо прослеживается до средневековья, а антропологические и краниологические исследования современных тувинцев не фиксируют в их составе европеоидной примеси.

Естественно, встает вопрос: как объяснить это противоречие?

Рассматривая эту проблему на основе этнографических, лингвистических и других источников, С. И. Вайнштейн пришел к выводу, «что протекавший во II тысячелетии процесс интенсивного включения в тувинский этногенез монголоязычных групп, характеризовавшихся в расовом отношении ярко выраженными чертами центральноазиатского антропологического типа, не мог не отразиться и на усилении монголоидных особенностей у населения тувинских степей. Только этим может быть объяснено то, казалось бы, загадочное обстоятельство, что современное население Тувы значительно более монголоидно, чем фиксируемое по антропологическим материалам из раскопок памятников I тысячелетия»³². Таким образом, по мнению С. И. Вайнштейна, европеоидные черты древнего населения Тувы ассимилированы монголоидами — поздними пришельцами из Центральной Азии. Если исходить из анализа антропологического материала, то численность монголоидов должна была быть настолько большой, что подавляющую часть современного населения следовало бы считать пришельцами. Это предположение, однако, противоречит наблюдающейся преемственности материальной и духовной культур древнего и современного населения, отмечающейся почти всеми археологами и этнографами, работавшими в Туве³³.

На наш взгляд, отсутствие видимых связей древнего и современного населения Тувы в антропологических материалах объясняется двумя причинами: во-первых, недостаточной антропологической изученностью современных тувинцев (в распоряжении исследователей имелись материалы только по соматологии и краниологии тувинцев), во-вторых, сосредоточением внимания исследователей в 50-е годы на вопросах

²⁹ В. П. Алексеев. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. — «Сов. этнография», 1962, № 3, с. 57.

³⁰ В. П. Алексеев. Материалы по антропологии западной Тувы. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. I, 1960, с. 311.

³¹ Там же.

³² С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. — Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957, с. 192, 193.

³³ См.: Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969; С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. М., 1972; В. П. Дьяконова. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

дифференциации центральноазиатской и южносибирской рас, а не на их связях.

Задачи антропологического изучения современных тувинцев, принятого автором в 1972—1976 гг., формулировались с учетом всего сказанного. Предполагалось, что решение некоторых из поставленных вопросов может быть получено на основе изучения межгрупповых различий и генезиса локальных групп с использованием широкой современной антропологической программы.

Изучены четыре территориальные группы коренного тувинского населения: 1) западная (долина р. Хемчик, Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский и Дзун-Хемчикский административные районы); 2) южная (Эрзинский административный район); 3) центральная (долина р. Улуг-Хема и Каа-Хема), которая делится на две самостоятельные подгруппы: улуг-хемскую (Улуг-Хемский административный район) и каа-хемскую (Каа-Хемский административный район); 4) юго-западная (крайний юго-запад республики — Монгун-Тайгинский и Овюрский административные районы), делящаяся на две локальные подгруппы: монгун-тайгинскую и овюрскую.

Разбивка произведена по территориальному принципу, так как родоплеменные группы тувинцев почти полностью консолидировались в процессе длительной совместной культурной и экономической жизни, но она совпадает с традиционным делением тувинцев по хозяйственным и экономическим областям³⁴. Лингвистически выделяются только жители Эрзинского района (южная группа), которые в отличие от остальных тувинцев монголоязычны³⁵.

Сбор материала в течение четырех полевых сезонов проводился по программе, включавшей в себя не только антропометрические и антропоскопические данные, но и ряд исследований популяционно-генетического характера (изучение кожных узоров ладоней и пальцев, изменчивость частоты лопатообразной формы резцов и распределения групповых факторов крови по системе АВО), а также портретное фотографирование обследуемых в фас и профиль. Всего по соматической программе обследовано 766 человек (307 мужчин и 459 женщин). По дерматоглифике, одонтологии и серологии более тысячи человек, включая детей.

В настоящей статье представлены основные результаты соматического исследования современных тувинцев, а также изучения основных дерматоглифических признаков и распределения генных частот по системе АВО.

Средние значения измерительных и описательных признаков представлены в табл. 1, 2.

Для тувинцев в целом характерно сочетание брахицефалии с широким, высоким, плоским лицом с резко выступающими скулами. Нос, как правило, прямой, процент вогнутых спинок носа невелик во всех группах. Переносье низкое, поперечный профиль спинки носа уплощен.

Монголоидные особенности строения глазной области выражены резко. Глазная щель узкая, в большинстве случаев наклонная (наружный угол выше внутреннего); характерно довольно сильное развитие складки верхнего века во всех трех отделах (проксимальном, медианном и дистальном). Эпикантус развит сильно, хотя процент его значительно варьирует по группам.

Третичный волосяной покров развит слабо, средний балл роста бороды низкий во всех группах. Брови, как правило, негустые, но широкие.

Волосы преимущественно прямые, тугие. Процент волнистых волос незначителен, исключение составляет юго-западная группа. Волосы

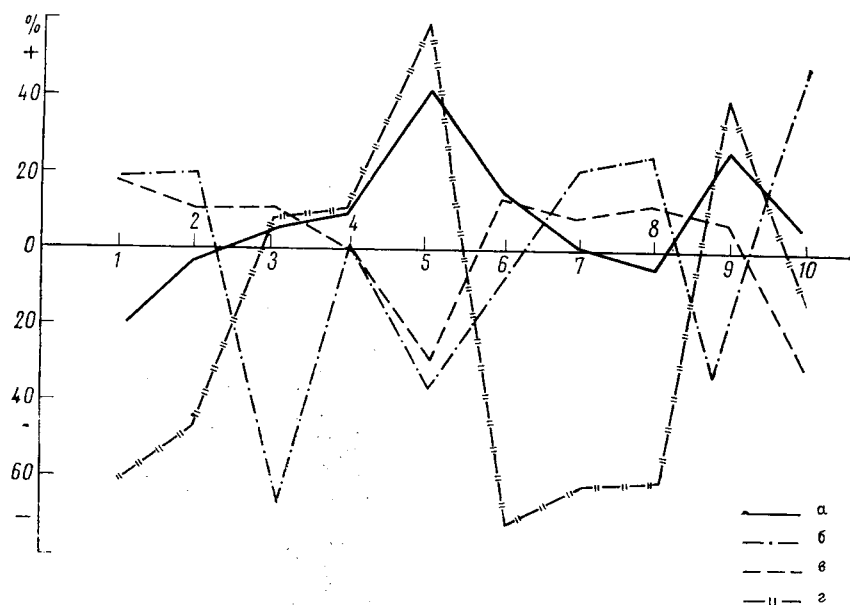
³⁴ «Экономика Тувинской АССР». Кызыл, 1973.

³⁵ В. П. Дьяконова. Южные тувинцы как историко-культурная и этнолингвистическая группа Тувинской АССР. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1975.

очень темные: средний балл близок к 4,0. Частота иссиня-черных волос высокая, хотя распределен этот признак по группам неравномерно.

Окраска радужной оболочки глаза темная, в основном преобладают № 1—4 (по шкале В. В. Бунака). Процент смешанных оттенков в целом невелик. Все тувинцы имеют светлую кожу (№ 7—9 по шкале Лушана).

При несомненном общем сходстве среди тувинцев четко прослеживаются межгрупповые различия. По восьми из десяти наиболее важных антропологических признаков (табл. 3) группы обнаруживают достоверные различия, причем по пяти из них на самом высоком уровне ($P < 0,01$).

Отклонение мужских локальных групп от суммарной тувинской (основа) в масштабе тувинских вариаций: 1 — рост бороды, 2 — форма волос, 3 — частота 27 номера, 4 — цвет глаз, 5 — частота эпикантуса, 6 — выступание скул, 7 — высота переносья, 8 — поперечный профиль спинки носа, 9 — частота вогнутых форм спинки носа, 10 — профиль верхней губы; а — западная группа, б — южная группа, в — центральная группа, г — юго-западная группа

Обращает на себя внимание, что изменчивость большинства признаков имеет четкую географическую направленность. Так, например: с запада на восток уменьшается степень развития бороды и бровей, снижается частота волнистых волос, увеличивается частота эпикантуса и складки верхнего века, чаще наблюдается наклонное расположение осей глазной щели. В направлении с запада на восток уменьшается также высота переносья и повышается частота вогнутых форм спинки носа.

На графике видно, что особенно сильно отличаются от суммарных показателей и от других групп юго-западные тувинцы. По восьми признакам из десяти они занимают крайнее положение, обнаруживая наибольшую величину отклонений от средней. Довольно существенны по тем же восьми признакам отличия и южной группы, но направление отличий по отдельным признакам во всех случаях противоположно таковому в юго-западной группе. Центральные и западные тувинцы более сходны между собой: отклонения их от суммарной, за исключением особенностей строения глазной области, невелики.

По-видимому, на территории Тувы можно выделить два различных комплекса антропологических признаков. Один из них характерен для юго-западной Тувы, другой — для южной.

Признаки	Мужчины								
	Западная группа	Южная группа	Центральная группа			Юго-западная группа			Тувинцы суммарно
			суммарно	Улуг-хемская подгруппа	Кая-хемская подгруппа	суммарно	Монгун-тайгин- ская под- группа	Овюрская подгруппа	
Число обследованных	112	86	72	41	31	37	8	29	307
Рост бороды (1—5)	1.21	1.01	1.01	1.05	1.00	1.42	1.28	1.52	1.11
Рост бровей (1—3)	1.70	1.62	1.96	2.00	1.89	1.94	2.12	1.87	1.77
Форма волос (1—4)	1.12	1.03	1.06	1.05	1.07	1.30	1.43	1.26	1.11
Частота волнистых волос	12.6	5.5	5.8	4.9	7.1	23.3	28.6	21.7	10.1
Цвет волос М	3.96	4.00	3.96	3.97	3.88	4.00	4.00	4.00	3.98
% 27 номера	24.1	48.4	21.9	26.3	14.3	23.1	16.7	25.0	25.7
Цвет глаз М	1.82	1.84	1.84	1.87	1.92	1.82	2.00	1.78	1.84
% смешанных оттенков цвета глаз	18.0	15.5	10.2	12.5	7.4	17.9	—	21.7	15.3
Цвет кожи (№10 и тем- нее %)	3.7	22.5	1.8	—	5.9	16.0	16.4	15.8	10.8
Ширина глазной щели (1—3)	1.08	1.01	1.00	1.00	1.00	1.41	1.37	1.42	1.08
Наклон глазной щели (1—3)	2.77	2.82	2.78	2.78	2.78	2.66	2.87	2.58	2.77
Складка верхнего века (0—3)	2.38	2.77	2.68	2.78	2.54	2.16	2.12	2.21	2.54
Эпикантус М	0.76	1.62	1.52	1.61	1.40	0.39	0.62	0.29	1.14
% эпикантуса	43.2	65.0	72.5	85.4	53.6	25.0	37.5	20.8	55.8
Горизонтальная профили- ровка лица (1—3)	1.18	1.03	1.00	1.00	1.00	—	—	—	1.04
Развитие надбровья (1—4)	1.83	1.59	1.61	1.44	1.86	2.03	2.00	2.04	1.72
Выступание скул (1—3)	2.34	2.44	2.35	2.29	2.43	2.72	2.75	2.70	2.41
Высота переноса (1—3)	1.34	1.20	1.28	1.25	1.32	1.75	1.37	1.87	1.34
Поперечный профиль спин- ки носа (1—3)	1.30	1.15	1.22	1.20	1.25	1.59	1.38	1.67	1.28
Профиль костной части спинки носа (№ 1—3)	1.37	1.45	1.19	1.18	1.21	1.87	1.87	1.87	1.41
Профиль хрящевой части спинки носа (1—3)	1.88	1.85	1.88	1.87	1.89	1.97	2.00	1.96	1.88
Общий профиль спинки носа (1—3)	2.16	1.89	2.13	2.07	2.21	1.97	1.87	2.00	2.06
% вогнутых	12.6	25.3	14.9	15.4	14.3	9.7	12.5	8.7	16.3
% прямых	69.5	66.2	67.2	69.2	64.3	87.1	87.5	87.0	70.1
% выпуклых	6.3	2.8	7.5	7.7	7.1	—	—	—	4.9
% извилистых	11.6	5.6	10.4	7.7	14.3	3.2	—	4.3	8.7
Положение кончика носа	1.87	1.89	1.77	1.76	1.78	2.00	2.00	2.04	1.87
Положение основания носа	1.81	1.78	1.67	1.64	1.78	1.66	1.38	1.83	1.76
Наклон ноздрей (1—3)	1.78	2.07	1.84	2.17	1.64	1.74	2.37	1.46	1.87
Форма ноздрей (1—3)	2.23	1.89	2.27	2.41	2.07	1.97	2.00	1.96	2.07
Высота верхней губы (1—3)	1.44	1.50	1.59	1.63	1.56	1.69	1.62	1.71	1.50
Профиль верхней губы (1—3)	1.37	1.19	1.52	1.46	1.61	1.45	1.25	1.52	1.39
Толщина верхней губы (1—4)	2.22	1.52	1.38	1.34	1.43	1.53	1.50	1.61	1.43
Толщина нижней губы (1—4)	1.66	1.75	1.64	1.66	1.62	1.84	1.75	1.87	1.71
Форма мочки (1—3)	2.07	1.73	1.84	1.83	1.86	2.07	1.62	2.17	1.91

Тувинцы юго-западного района республики (овюрская и монгун-тайгинская подгруппы) обладают целым комплексом отличий, довольно сильно выделяющим их из данного мной описания антропологического типа тувинцев по суммарным данным. Для них характерна более выраженная долихоцефалия, более высокое лицо, большие параметры носа и по высоте, и по ширине, и по указателю.

признаков у тувинцев

Женщины									
Западная группа	Южная группа	Центральная группа			Юго-западная группа			Тувинки суммарно	
		суммарно	Улу-хемская подгруппа	Каа-хемская подгруппа	суммарно	Монгун-тай-гинская подгруппа	Овогская подгруппа		
142	121	95	63	32	104	35	69	462	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1.39	1.25	1.44	1.54	1.25	1.59	1.52	1.62	1.42	
1.06	1.05	1.11	1.07	1.15	1.13	1.40	1.07	1.08	
5.7	5.4	10.1	5.4	13.2	15.4	40.0	3.8	7.9	
3.95	4.00	3.80	3.63	3.94	3.95	3.91	3.96	3.94	
15.9	42.1	21.3	21.8	21.2	6.4	4.5	7.1	21.8	
1.89	1.88	1.89	1.92	1.88	1.86	1.87	1.85	1.89	
10.2	10.7	9.0	7.8	12.1	14.1	12.5	14.8	10.8	
1.2	6.4	3.4	—	5.1	5.1	4.0	5.4	3.4	
1.26	1.02	1.01	1.02	1.00	1.63	1.69	1.60	1.21	
2.82	2.82	2.80	2.78	2.82	2.77	2.77	2.77	2.81	
2.42	2.86	2.56	2.56	2.56	2.14	2.50	2.01	2.50	
1.26	1.69	1.85	1.87	1.38	0.72	0.61	0.77	1.38	
60.8	76.6	84.3	87.3	79.4	43.4	42.3	43.8	66.2	
1.07	1.01	1.00	1.00	1.00	—	—	—	1.01	
1.07	1.05	1.02	1.00	1.03	1.08	1.00	1.12	1.05	
2.50	2.47	2.47	2.56	2.32	2.65	2.54	2.70	2.36	
1.12	1.11	1.07	1.07	1.06	1.46	1.27	1.54	1.18	
1.04	1.07	1.05	1.05	1.06	1.11	1.00	1.16	1.06	
1.21	1.19	1.16	1.18	1.12	1.55	1.46	1.42	1.24	
1.71	1.68	1.60	1.62	1.56	1.83	1.81	1.84	1.70	
1.73	1.54	1.61	1.58	1.65	1.81	1.77	1.82	1.68	
34.6	46.3	42.7	41.8	44.1	26.5	30.8	24.6	37.5	
61.5	49.4	53.7	47.2	69.9	58.2	65.4	71.9	58.7	
2.3	3.1	3.4	8.7	—	—	—	—	1.8	
3.1	1.2	—	—	3.6	—	3.8	3.7	2.0	
1.57	1.69	1.53	1.48	1.72	1.72	1.73	1.75	1.64	
1.49	1.60	1.45	1.45	1.38	1.51	1.31	1.45	1.49	
1.68	1.91	1.89	1.79	1.64	2.17	1.88	1.53	1.78	
1.94	1.73	2.38	2.20	1.64	2.49	2.15	1.40	1.92	
1.45	1.50	1.53	1.50	1.33	1.54	1.46	1.20	1.45	
1.25	1.20	1.45	1.56	1.32	1.38	1.31	1.32	1.30	
1.42	1.45	1.32	1.32	1.63	1.33	1.70	1.46	1.46	
1.75	1.68	1.59	1.62	1.93	1.58	2.00	1.77	1.72	
1.89	1.89	1.75	1.85	1.83	1.69	1.69	1.82	1.85	

По строению глазной области юго-западные тувинцы существенно отличаются от всех остальных. Глазная щель у них значительно шире, более горизонтально расположена. Эпикантус развит слабо и встречается реже (около 20%). Складка верхнего века выражена слабее и неравномерно во всех отделах. Надбровье выражено сильнее. Существенны отличия юго-западных тувинцев от других групп и в строении носовой

Признаки	Западная группа	Южная группа	Центральная группа					
			Суммарно		Улуг-хемская подгруппа		Каа-хемская подгруппа	
Число обследованных	112	86	72		41		31	
Средние и квадратические отклонения	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	$\bar{x}$ s	
Мужчины								
Продольный диаметр	190.1 6.6	186.6 7.2	188.4 6.5	189.5 6.5	187.0 6.5			
Поперечный диаметр	158.3 6.0	159.5 5.6	157.7 5.6	157.5 5.7	157.8 5.5			
Наименьшая ширина лба	107.9 4.8	108.8 4.6	108.3 4.7	108.0 4.8	108.6 4.6			
Скуловой диаметр	148.3 5.0	147.5 5.0	147.2 6.9	147.5 6.9	146.8 6.9			
Нижнечелюстной диаметр	111.4 6.2	111.6 5.8	111.5 6.1	112.0 7.1	110.9 4.9			
Физиономическая высота лица	197.3 8.6	192.8 8.9	197.0 8.3	197.5 8.0	196.1 8.7			
Морфологическая высота лица	131.5 4.1	131.6 7.8	122.7 8.2	121.4 7.2	124.3 9.6			
Высота носа (от бровей)	62.9 5.0	62.7 4.6	59.9 5.2	59.6 5.3	60.3 5.1			
Высота носа (от переносья)	50.6 4.1	51.7 4.0	49.6 3.6	49.8 3.4	49.4 3.9			
Ширина носа	36.4 3.2	36.4 2.8	35.5 3.2	35.3 3.5	35.8 2.7			
Ширина рта	51.1 5.4	51.1 3.7	49.5 5.0	49.3 3.8	49.8 6.7			
Высота верхней губы	16.5 2.8	15.7 3.2	15.9 2.4	15.9 2.8	15.8 1.9			
«Толщина» губ	16.1 4.0	16.4 4.1	15.8 3.4	16.1 3.4	15.5 3.9			
Головной указатель	82.3 9.1	85.5 5.9	85.1 3.8	85.6 4.1	84.4 3.4			
Лицевой физиономический указатель	75.1 3.3	76.7 3.8	75.3 4.0	75.7 3.5	74.9 4.6			
Лицевой морфологический указатель	88.6 7.7	85.3 6.0	83.4 6.5	82.4 5.3	84.9 8.2			
Носовой указатель (от бровей)	58.0 6.2	58.4 6.0	59.6 6.8	59.6 6.8	59.7 6.9			
Носовой указатель (от переносья)	71.8 8.0	70.8 7.0	71.9 7.7	71.2 7.0	72.8 7.6			
Женщины								
Число обследованных	142	119	94	62	32			
Продольный диаметр	181.3 5.2	179.1 6.3	180.5 7.5	180.7 8.8	180.1 4.9			
Поперечный диаметр	150.6 5.6	153.4 4.2	151.1 6.1	149.8 6.4	153.8 5.6			
Наименьшая ширина лба	104.5 4.5	105.5 3.9	104.9 6.0	104.1 4.0	106.4 5.6			
Скуловой диаметр	139.6 5.3	141.2 5.0	140.0 6.4	139.8 6.1	140.4 7.2			
Нижнечелюстной диаметр	105.9 5.8	105.7 5.4	104.2 5.0	103.6 4.7	105.3 4.5			
Физиономическая высота лица	188.2 6.9	184.5 8.3	185.5 7.5	184.8 7.3	188.6 7.8			
Морфологическая высота лица	123.7 12.2	124.3 7.6	116.8 6.3	115.7 5.8	119.0 7.3			
Высота носа (от бровей)	59.6 4.9	61.0 5.1	58.6 5.6	58.2 5.3	59.5 6.4			
Высота носа (от переносья)	46.1 3.3	48.6 3.5	47.2 4.8	47.8 3.4	46.0 7.7			
Ширина носа	33.1 2.5	33.6 2.3	32.8 2.6	32.8 2.6	32.8 2.0			
Ширина рта	47.8 3.5	48.3 3.8	46.5 4.1	45.8 4.0	47.7 4.2			
Высота верхней губы	15.3 2.8	14.8 2.5	14.9 2.9	14.8 3.5	15.1 2.1			
«Толщина» губ	15.5 3.5	16.3 3.5	15.3 3.6	15.8 3.3	14.5 4.1			
Головной указатель	82.3 8.7	85.8 3.5	83.7 4.2	82.8 4.4	85.5 3.6			
Лицевой физиономический указатель	73.3 9.3	76.7 3.9	75.5 3.7	75.6 4.0	75.4 3.1			
Лицевой морфологический указатель	89.3 7.2	88.2 6.1	83.5 6.1	82.8 5.3	85.0 7.6			
Носовой указатель (от бровей)	55.9 6.3	55.5 5.8	56.1 6.1	56.5 5.8	55.4 6.7			
Носовой указатель (от переносья)	72.3 6.6	69.4 6.3	72.4 4.8	72.8 3.4	71.8 7.6			

признаков у тувинцев

Юго-западная группа								Тувинцы суммарно	
Суммарно		Монгун-тайгинская подгруппа		Овюрская подгруппа					
37		8		29		307			
$\bar{x}$	s	$\bar{x}$	s	$\bar{x}$	s	$\bar{x}$	s		
192.2	6.5	191.0	5.8	192.5	6.8	190.5	6.7		
159.0	8.8	156.3	11.0	159.7	8.3	158.5	6.1		
109.0	4.4	109.2	3.5	109.0	4.6	108.4	4.6		
150.2	4.8	148.7	5.2	150.6	4.7	148.0	5.4		
114.5	6.1	116.4	10.9	114.0	5.1	111.8	6.0		
199.7	6.3	199.0	7.0	200.0	6.1	196.2	6.7		
136.2	9.4	133.5	8.6	136.9	9.6	130.5	6.7		
65.3	5.4	63.9	3.7	65.7	5.9	62.4	5.0		
51.4	4.3	50.5	4.4	51.7	4.3	50.8	4.0		
37.7	3.5	37.4	2.4	37.8	3.8	36.3	3.1		
52.8	3.4	54.0	3.4	52.5	3.3	50.6	4.6		
18.1	3.1	19.5	2.3	17.7	3.3	16.3	2.8		
15.6	5.3	17.4	2.6	15.1	5.8	16.0	4.0		
82.8	4.3	81.9	6.3	83.0	3.8	83.9	6.3		
75.0	3.2	74.8	5.3	75.1	2.6	75.6	3.6		
91.0	6.1	89.7	5.0	91.1	6.4	86.7	6.7		
58.1	5.4	59.7	5.9	57.6	5.3	58.5	6.2		
73.3	6.6	74.6	9.4	72.9	5.8	71.7	7.5		
104		35		69		459			
182.6	5.0	180.7	4.7	184.2	5.2	180.5	5.9		
149.0	5.7	148.9	5.6	150.7	5.9	150.7	5.9		
104.5	6.9	103.5	3.5	109.1	8.6	104.8	5.2		
140.8	10.3	140.1	4.9	141.2	12.9	140.4	6.6		
106.4	4.9	104.2	5.0	107.5	4.8	105.6	5.2		
190.0	8.2	188.1	8.3	191.0	8.1	184.9	7.7		
127.5	6.8	125.8	6.3	128.4	7.0	123.3	8.6		
60.9	4.1	61.2	4.2	60.8	4.1	60.0	4.9		
46.5	3.8	47.1	4.7	46.1	3.3	47.1	3.7		
34.4	2.6	34.5	2.7	34.4	2.6	33.5	2.5		
48.3	4.1	49.2	4.2	47.8	4.0	47.8	3.8		
16.3	2.7	16.2	3.8	16.5	2.1	15.6	2.7		
15.6	2.1	15.6	4.0	15.7	3.2	15.7	3.2		
82.2	3.6	82.5	4.6	81.8	3.1	82.4	5.3		
74.3	4.9	74.6	5.1	74.2	4.8	74.8	5.7		
89.6	4.4	89.9	6.0	89.5	3.6	87.9	6.0		
56.9	6.6	56.6	5.7	57.0	7.0	56.1	6.2		
74.4	7.6	74.5	9.3	74.3	6.8	72.0	6.4		

Таблица 3

Оценка достоверности межгрупповых различий у тувинцев по методу χ^2

Признаки	Мужчины	Женщины
Цвет кожи	32.78**	14.61*
Цвет глаз	2.52	2.80
Цвет волос (%27)	13.10*	43.68**
Форма волос	12.53*	23.49**
Рост бровей	23.75*	22.26**
Рост бороды	15.55**	—
Эпикантус	70.72**	56.63**
Наклон глазной щели	8.88	1.37
Высота переносья	39.49**	22.06**
Общий профиль спинки носа	49.20**	9.92

* $P < 0.05$.** $P < 0.001$.

области. Переносье у них (особенно в овюрской подгруппе) значительно выше; поперечный профиль спинки носа менее уплощен. Нос в абсолютном большинстве случаев прямой (процент вогнутых спинок носа минимален — 9,7%). Крыльевая борозда выше, выражена сильнее, чаще наблюдается слияние крыльевой борозды с носо-губной. Цветом глаз они отличаются от остальных тувинцев незначительно, хотя процент смешанных оттенков у них несколько выше. В целом отличия по цвету волос несут незначительности.

Таким образом, юго-западные тувинцы по целому комплексу таксономически важных признаков, дифференцирующих монголоидов и европеоидов, занимают крайнее положение среди всех изученных тувинских групп, характеризуясь ослаблением монголоидных особенностей. Исключение составляют два признака: большая ширина лица и сильно выступающие скулы. Последние особенности, впрочем, выражены и у казахов³⁶, в составе которых европеоидная примесь не вызывает сомнения.

Монголоидный комплекс признаков сильнее всего выражен у южных тувинцев. У них наиболее темная окраска кожных покровов, самый высокий процент 27-го номера (48%), узкая наклонная глазная щель, очень сильно развиты эпикантус и складка верхнего века. Надбровье выражено слабо. Переносье низкое, профиль спинки носа уплощен. Преобладают прямые спинки носа, однако процент вогнутых спинок носа намного выше, чем в остальных тувинских группах. Кончик и основание носа чаще приподняты. Для южных тувинцев характерна более выраженная брахикефалия.

Западная и центральная группы занимают промежуточное положение между южной и юго-западной, но различия между ними также обнаруживают определенную закономерность. Почти по всем признакам центральная группа приближается к южной, а западная — к юго-западной.

По вариациям кожных узоров ладоней и пальцев крупные территориальные группы тувинцев — южная, центральная и западная — имеют сходные значения отдельных признаков и их комбинаций (табл. 4)³⁷. Для них характерны сравнительно небольшие величины дельтового индекса и индекса Камминса, довольно высокая частота осевого трирадиуса

³⁶ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебев, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Очерки по антропологии Казахстана. — КСИЭ, вып. XVI, М., 1952, с. 49.

³⁷ Подробно описание дерматоглифических особенностей у тувинцев см.: Г. Л. Хитъ, В. И. Богданова. Дерматоглифические данные к проблеме происхождения тувинцев. — «Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков». Элиста, 1978.

Таблица 4

Значения основных дерматоглифических признаков у тувинцев

Признаки	Мужчины									Женщины								
	Западная группа	Южная группа	Центральная группа			Юго-западная группа			Тувинцы суммарно	Западная группа	Южная группа	Центральная группа			Юго-западная группа			Тувинцы суммарно
			суммарно	Улуг-хемская подгруппа	Каа-хемская подгруппа	суммарно	Монгун-тайгинская подгруппа	Овюрская подгруппа				суммарно	Улуг-хемская подгруппа	Каа-хемская подгруппа	суммарно	Монгун-тайгинская подгруппа	Овюрская подгруппа	
Число обследованных	100	130	124	42	82	110	58	52	464	118	184	191	50	141	94	51	43	587
Дельтовый индекс	13.85	13.25	13.03	14.04	12.50	13.67	14.30	12.96	13.41	12.75	13.50	12.55	13.58	12.19	13.22	12.98	13.51	12.99
Индекс Камминса	7.60	7.45	7.64	7.68	7.62	7.92	7.72	8.21	7.65	7.57	7.58	7.51	7.76	7.42	7.78	7.49	8.12	7.59
Частота осевого трирадиуса t	72.5	70.1	81.9	83.3	81.1	65.4	66.4	64.4	72.6	68.6	66.4	72.0	63.0	75.2	50.5	50.0	51.2	66.1
Частота узора на гипотенаре	21.5	18.0	22.2	21.4	22.6	22.7	17.2	28.8	20.9	31.3	24.7	37.2	44.0	34.7	29.8	27.4	32.6	30.9
Частота добавочных межпальцевых трирадиусов	9.5	7.6	8.1	8.3	7.9	9.1	8.6	9.6	8.5	6.7	11.2	7.1	9.0	6.4	9.6	7.8	11.6	8.9

t , сравнительно низкие значения частот гипотенарного узора и добавочных межпальцевых трирадиусов.

Юго-западная группа значительно отличается от остальных небольшой частотой осевого трирадиуса t и повышенным индексом Камминса.

Из локальных групп наибольшим своеобразием отличаются овюрские и каа-хемские тувинцы. Овюрцам свойственно абсолютно нехарактерное для типичных монголоидов сочетание признаков (уменьшенная величина дельтового индекса и частоты t в комбинации с увеличенным индексом Камминса и узорностью гипотенара).

Каа-хемские тувинцы, напротив, по совокупности признаков являются гораздо более типичной монголоидной группой, однако имеют чрезвычайно малую величину дельтового индекса.

Тувинцы улуг-хемской, монгун-тайгинской подгрупп, западной и южной групп мало отличаются друг от друга; монголоидные особенности основных дерматоглифических признаков у них выражены достаточно сильно.

Для выяснения степени соответствия дифференциации тувинских групп по расовым особенностям строения лица и элементов кожного рельефа было произведено вычисление показателей связи признаков обеих систем (r_s). Были подсчитаны ранговые коэффициенты корреляции по Спирману между семью соматическими и пятью основными дерматоглифическими признаками; за пограничный был принят 5%-ный уровень достоверности ($r_s \geq 0.886$).

В некоторых случаях обнаружены достоверные связи между признаками обеих систем, свидетельствующие о параллельном проявлении особенностей, связанных со степенью выраженности монголоидного комплекса признаков. Так, в мужских группах высота переносья скоррелирована с частотой осевого трирадиуса t (здесь и далее в скобках приводится величина рангового коэффициента корреляции) с указанием знака ($r_s - 0.89$), индексом Камминса (0.89), процентом добавочных межпальцевых трирадиусов (0.89). Эликантус связан с добавочными межпальцевыми трирадиусами (-0.94), процент вогнутых форм спинки носа — с трирадиусом t (0.89) и добавочными межпальцевыми трирадиусами (-0.89). Сочетания других признаков близки к достоверным по величине и имеют тот же характер. В женских группах количество статистически достоверных коэффициентов корреляции гораздо меньше, но направление связей сохраняется.

Таким образом, хотя устойчивые комбинации признаков обеих систем в мужских и женских группах как будто бы отсутствуют, факт совпадения тенденций их варьирования очевиден.

С помощью критерия Фридмана выявлена связь между комплексами признаков обеих систем у мужчин ($\chi^2 = 20.06$ при $P < 0.001$) и отчетливая тенденция к совпадению этих комплексов у женщин ($\chi^2 = 7.8$ при $P > 0.05$)³⁸.

Направление и степень связи между признаками обеих систем подтверждают сделанный ранее вывод о наличии двух типов в составе тувинцев: ослабленного монголоидного и собственно монголоидного.

Распределение генных частот по системе АВО свидетельствует о сравнительно слабой вариации по группам частоты гена i : от 0.6515 в улуг-хемской подгруппе (центральная Тува) до 0.6837 в монгун-тайгинской (юго-западная Тува).

³⁸ Коррелировались пять дерматоглифических признаков (дельтовый индекс, индекс Камминса, частота осевого трирадиуса t , частота узора на гипотенаре, частота добавочных межпальцевых трирадиусов) и шесть соматических признаков (наклон глаз, эликантус, выступание скулы, высота переносья, профиль верхней губы, рост бороды). Последний признак в женских группах был заменен ростом бровей). Описание метода см. А. Бернштейн. Справочник статистических решений. М., 1968.

Групповые факторы крови системы

Группы	N	Частоты	O	A
Западная группа	307	эмпирические теоретические	45.28 45.28	30.94 30.74
Южная группа	374	эмпирические теоретические	45.45 45.19	21.39 21.69
Улуг-хемская подгруппа (центральная группа)	115	эмпирические теоретические	40.00 42.44	35.65 32.94
Каа-хемская подгруппа (центральная группа)	271	эмпирические теоретические	46.50 46.09	23.25 23.83
Монгун-тайгинская под- группа (юго-западная группа)	198	эмпирические теоретические	45.96 46.74	24.24 23.35
Овюрская подгруппа (юго-западная группа)	199	эмпирические теоретические	43.22 43.19	37.18 37.22
Тувинцы суммарно	1464	эмпирические теоретические	44.94 45.21	27.39 27.08

Таблица 5

ABO у тувинцев

В	AB	Частоты генов			χ^2
		r	p	q	
18.89 18.70	4.89 5.04	0.6729	0.1990	0.1270	0.02
27.54 27.82	5.62 5.32	0.6722	0.1456	0.1823	0.15
21.74 18.89	2.61 5.70	0.6515	0.2167	0.1317	1.57
24.35 24.93	5.90 5.16	0.6789	0.1573	0.1638	0.37
25.76 24.88	4.04 4.98	0.6837	0.1536	0.1627	0.50
14.58 14.62	5.02 4.94	0.6572	0.2396	0.1032	0.002
22.68 22.33	4.99 5.32	0.6724	0.1779	0.1496	0.11

Частоты генов p и q варьируют сильнее (табл. 5). Причем частота гена q последовательно возрастает с запада на восток: от минимального значения в овюрской подгруппе 0.1032 (юго-западная Тува) до максимального в южной 0.1823. В той же последовательности убывает частота гена p . Кроме того, отчетливо выделяются две локальные зоны с противоположным соотношением генных частот. Первую составляют тувинцы западной группы и тувинцы улуг-хемской и овюрской подгрупп, имеющие низкую частоту гена q . По общему соотношению генных частот они характеризуются формулой $r > p > q$. Южные и каа-хемские тувинцы имеют иное соотношение генных частот: $r > q > p$. Следовательно, тувинцев можно объединять в одну суммарную группу по системе АВО лишь условно. По распределению генных частот среди них выделяются те же два типа, которые выявлены при рассмотрении антропологических и дерматоглифических признаков. Выше мы уже обращали внимание на наличие корреляции между признаками этих систем по степени выраженности монголоидного комплекса. Сводя воедино показатели трех систем признаков (шесть соматических, пять дерматоглифических и частоту гена q), обнаруживаем сохранение этих связей. Согласно критерию Фридмана, они имеют статистически достоверный характер ($\chi^2 = 25.66$ при $P < 0.001$).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что тувинцы неоднородны по антропологическому составу. Среди них выделяются два типа: 1) собственно монголоидный и 2) тип с ослабленным комплексом выраженности монголоидных признаков. К первому относятся южные тувинцы, обладающие максимальной концентрацией монголоидных особенностей. Ко второму относятся тувинцы юго-западной группы (овюрская подгруппа), характеризующиеся минимальной в тувинском масштабе выраженностью монголоидных особенностей.

Остальные группы располагаются между двумя вариантами. Возникает вопрос, как можно интерпретировать полученные результаты?

Если исходить из чисто статистического решения, то наиболее просто считать отмеченные различия между группами локальными вариантами центральноазиатской расы, тем более что последние плохо изучены.

Исторический подход дает, на наш взгляд, более интересные возможности. Отличие юго-западных тувинцев по трем системам рассмотренных признаков в «европеоидную» сторону может быть объяснено участием в процессе формирования расовых особенностей тувинцев древнего европеоидного населения, реально существовавшего на этой территории в течение длительного исторического периода.

Мы не ставили перед собой задачу рассмотрения этих вопросов с точки зрения расовой систематики, но дальнейшие работы как среди тувинцев, так и других групп населения, относящихся к центральноазиатской расе, возможно, приведут к коррективам в дефиниции, исторических связях и происхождении центральноазиатской и южносибирской рас.

SOME PROBLEMS OF THE ORIGINS OF THE ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE PRESENT-DAY TUVINIANS

In the years 1972 to 1976 an anthropological study of the indigenous population of the Tuva Autonomous Soviet Socialist Republic was carried out according to a somatological, a dermatoglyphic and a serological (ABO system) program. Material has been collected from the western, central, south-western and southern territorial groups. The population has been classified into two anthropological types: one in south-western Tuva is characterized by a lesser development of Mongoloid features; the other prevails in the southern part of the country and is characterized by the most strongly developed Mongoloid features in Tuva. The Tuvinians of the western and central groups occupy an intermediate position as regards the development of Mongoloid features; among them the former are closer to the south-western and the latter to the southern Tuvinians.

Я. С. Смирнова, А. И. Першиц

ИЗБЕГАНИЕ: ФОРМАЦИОННАЯ ОЦЕНКА ИЛИ «ЭТИЧЕСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ»?

За последние полтора-два десятилетия в советской этнографической литературе оживился интерес к обычаям избегания. Эти обычаи исследуются у народов Кавказа, Средней Азии, Южной Сибири и других историко-этнографических регионов нашей страны. Им посвящен ряд специальных статей или разделов в монографиях. По своему характеру эти работы различны: в одних рассматривается только система обычаев, в других уделяется внимание также их генезису и функциям. Взгляды на происхождение избегания опять-таки различны. Может быть, единственное, что до недавнего времени объединяло все этнографические публикации на данную тему, — это общий взгляд на избегание как на постепенно отмирающий отрицательный пережиток в культуре народов в прошлом отсталых национальных окраин царской России¹.

Теперь положение несколько изменилось. Характерное для современной эпохи развитие пограничных научных дисциплин вызвало к жизни еще одну область знания, расположенную на стыке этнографии с психологией и лингвистикой². В культурной/социальной антропологии Запада приблизительно со второй половины 1960-х годов она часто определяется как поведенческая антропология (behavioral anthropology), у нас же для нее или для близкой к ней области предложено наименование «этнографии общения». И вот в рамках этой новой пограничной дисциплины, в качестве одного из первых опытов изучения национально-культурной специфики общения отдельно взятого этноса, предложен и новый взгляд на сохраняющиеся у адыгских народов Северного Кавказа обычаи избегания между одним из супругов и родственниками другого.

¹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961; Я. С. Смирнова. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — «Сов. этнография», 1961, № 2; *ее же*. Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев. — Там же, 1977, № 2; *ее же*. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — «Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе», М., 1978; А. Е. Тер-Саркисянц (Панян). Обычай избегания у армян и его изживание за годы Советской власти. — «Историко-филологический журнал», Ереван, 1968, № 2. (41); Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; А. А. Исламов. Обычаи избегания (avoidance) у чеченцев и ингушей (к вопросу о пережитках материнско-родового строя). — «Изв. НИИ истории, языка и литературы», т. 1, вып. 1 — «Научный атеизм». Грозный, 1972; Г. А. Сергеева. Об обычае избегания у народов Грузии. — «Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР, 1974», М., 1975; К. Д. Басаева. Преобразование брачно-семейных отношений бурят. Улан-Удэ, 1974; Н. И. Шатинова. Обычай избегания в алтайской семье. — «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. (май 1976 г.)», Душанбе, 1976; Л. Б. Шидова. Социальный институт избегания у кабардинцев. — «Национальная культура и общение», М., 1977, и др.

² См., например: «Национальная культура и общение»; «Национально-культурная специфика речевого общения». М., 1977.

«Сами адыги никаких объяснений им дать не могут, кроме традиционного *арат хабээр* — таков был обычай. А смысл этого обычая в их представлении — все то же взаимное уважение, почитание. И об этом нельзя забывать, особенно тем ученым, которые поддаются соблазну оценивать моральную сторону данного фрагмента культуры с точки зрения стандартов собственной, прежде всего европейской культуры». Запомним эту выдержку из только что опубликованной книги об адыгском этикете, которая содержит особый раздел о табу в коммуникативном поведении и в том числе все о тех же обычаях избегания³. Нам еще придется не раз вернуться к ней в последующем изложении.

Как видно из приведенной выдержки, автор книги хорошо знаком и с обычаями избегания, и с современными течениями в мировой теоретической этнографии. Один из авторов настоящей статьи также пытался изучать избегание у народов Северного Кавказа, а другой — развитие этнографической мысли. Поэтому они сочли целесообразным объединить свои силы, чтобы продолжить разговор о ценностных критериях избегания. Итак, сперва об избегании, а затем о критериях его оценки.

Для народов Северного Кавказа, как и для многих других народов, еще сравнительно недавно живших патриархально-феодальным строем и сохранявших патриархально-родовой быт⁴, характерны четыре subsystemы избегания. Две из них ограничивают отношения между супругами и между родителями и детьми, две — отношения между каждым из супругов и его свойственниками (преимущественно старшими). Задачи этой статьи позволяют ограничиться анализом двух последних subsystemов, а другие будут здесь рассматриваться только в целях сопоставления.

Напомним вкратце содержание традиционных запретов. Невестке определенное время после свадьбы, часто много лет, не полагается входить в соприкосновение со старшими свойственниками, особенно с отцом или дедом мужа. Нельзя находиться в их присутствии или смотреть на них, разговаривать с ними или в их присутствии — как в стенах дома, так и за его пределами. Даже после того как по прошествии какого-то времени свекр обращается к невестке с предложением прекратить избегание, а та (для приличия не сразу) соглашается, общение продолжает ограничиваться лишь самым необходимым, например, ответами на вопросы свекра. Заметно слабее выражено избегание между невесткой и старшими деверями, еще слабее — между невесткой и свекровью, связанными совместным ведением хозяйства. Но и в последнем случае снятие запретов происходит только после специального предложения со стороны свекрови. По отношению к младшим свойственникам избегание выражается лишь в запрете произносить настоящие имена, который распространяется на всю вообще мужнину родню, равным образом как и на саму невестку. Все называют друг друга условными собственными либо нарицательными именами. Зять, со своей стороны, определенное время избегает старших родственников жены, в особенности ее родителей; и в этом случае прекращение избегания разрешается лишь после особого на то предложения. У различных народов северокавказского историко-этнографического региона все эти запреты в принципе сходны. Варьируются преимущественно сроки избегания и такие его конкретные проявления, как, например, запрет в одних случаях вообще показываться на глаза, в других — смотреть в лицо, в иных — разговаривать и т. п. Сильнее всего ограничительные отношения выражены у адыгских народов, а среди них — у западных адыгов, т. е. адыгейцев, слабее всего — у чеченцев⁵.

³ Б. Х. Бгажноков. Адыгский этикет. Нальчик, 1978, с. 143.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, с. 252.

⁵ Подробнее см. соответствующие работы, указанные в сн. 1.

Предложены четыре основных теории происхождения рассматриваемых видов избегания, но фактически их больше, так как в одних случаях генетические (а отчасти и функциональные) механизмы этих обычаев рассматриваются как самодовлеющие, в других — как взаимодействующие и взаимодополняющие. Три первых теории обстоятельно рассмотрены А. Н. Максимовым, а за ним Н. А. Кисляковым, четвертая неявно намечена у того же Максимова и развита Кисляковым⁶. Именно она акцентируется Б. Х. Бгажноковым, и дальше мы увидим почему. Напомним, также очень коротко, эти теории.

Первая, восходящая к Дж. Лёббоку, связывает избегание с некогда общераспространенным насильственным умыканием жен: семейно-родственные ограничения — реакция на немирную форму заключения брака. Показывать внутреннюю противоречивость этой теории нет нужды, так как теперь общепризнано, что насильственное умыкание никогда не было нормальной, сколько-нибудь широко практикуемой формой заключения брака.

Вторая теория, в свое время привлекавшая к себе таких видных этнографов, как Дж. Фрэзер, Э. Кроули, Н. Н. Харузин, М. М. Ковалевский, Л. Я. Штернберг, отчасти М. О. Косвен, рассматривает избегание как запретительный механизм, возникший при переходе от группового брака к индивидуальному для предотвращения ставших недопустимыми половых связей. Концепция группового брака, хотя и получила новую трактовку⁷, продолжает сохранять прочные позиции в науке. Но в данном случае она не «работает». Как уже не раз отмечалось в литературе, она может объяснить избегание между свойственниками разного, но не одного пола. К этому следует добавить, что она, помимо того, совершенно не объясняет, почему избегают преимущественно старшие свойственники, тогда как по логике вещей следовало бы в первую очередь выработать механизм предотвращения недопустимых половых связей между лицами одного возрастного круга.

В третьей теории, предложенной Э. Тайлором, избегание рассматривается как пережиток порядков эпохи перехода от матрилокальности к патрилокальности. Это — своего рода символическое «непризнание» старшими, т. е. основными хранителями традиций, нарушения молодоженами прежней матрилокальной (или, может быть, авункулокальной) традиции. Теория Тайлора объясняет генезис избегания не только между супругами и их старшими свойственниками, но и между супругами при старших (или посторонних) и между родителями и детьми (опять-таки при старших или посторонних). А. Н. Максимов, скептически относившийся ко многим порождениям эволюционистской мысли, считал эту теорию заслуживающей самого серьезного внимания. М. О. Косвен видел в ней основной механизм генезиса избегания, то же и Н. А. Кисляков, хотя он и ввел дополнительное объяснение. Авторам статьи эта теория также представляется наиболее основательной⁸. При этом один из них попытался объяснить столь длительное и упорное сохранение избегания как пережитка переходной локализации брака его новой функциональной нагрузкой: все подсистемы избегания стали органической частью общей системы этих обычаев, а та — одной из составных частей патриархально-шариатского правопорядка, символическим напоминанием о подчиненном, низшем статусе младших членов семьи⁹. Такое

⁶ А. Н. Максимов. Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого. — «Этнографическое обозрение», 1908, № 1—2; Н. А. Кисляков. Указ. раб.

⁷ Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

⁸ Я. С. Смирнова. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа; A. Pershitz. Ethnographic reconstruction of the history of primitive society: goals and possibilities. — «Ethnography and related sciences». Moscow, 1977.

⁹ Я. С. Смирнова. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа.

объяснение функций избегания в известном смысле перекликается с идеей А. Рэдклифф-Брауна, по мнению которого ограничение отношений между собственниками имеет целью предотвратить конфликтные ситуации¹⁰.

Четвертую теорию, выступающую в качестве дополнительной по отношению к одной из предыдущих, можно назвать психологической. Корни избегания, считали А. Н. Максимов и Н. А. Кисляков, не только в изменении локализации брака, но и в той застенчивости, стеснительности, которую испытывают породнившиеся через брак, но чужие друг другу люди. Вот это-то психологическое объяснение и поставил во главу угла Б. Х. Бражников, соединив его со второй (и со смутным намеком на третью) из основных теорий генезиса избегания. «Столкнулись две универсальные тенденции общественного развития: с одной стороны — переход от группового брака к парному, с другой — формирование, кристаллизация скромности, стыда, уважения и экспликативных моделей моральных чувств такого типа. На пересечении этих двух тенденций и возникли обычаи избегания как способ манифестации первобытной вежливости и как реакция на групповой брак и матрилокальную семью. Там, где первая тенденция была особенно сильна, возникла особая, преувеличенная форма демонстрации (экспликативная модель) скромности и уважения друг к другу, получившая название обычаев избегания. Как тут не вспомнить С. Фрейда, который писал: „Если мы не ошибаемся, то понимание табу проливает свет на природу и понимание совести“»¹¹. Таким образом, избегание, с одной стороны, действительно пережиток, но с другой — не какой-нибудь дурной пережиток, а экспликативная модель скромности и взаимоуважения, причем даже не лишенная связи с чувством совести. Функциональная нагрузка тех же запретов оказывается диаметрально противоположной предположенной раньше, и (если не поддаваться «соблазну оценивать моральную сторону данного фрагмента культуры с точки зрения стандартов собственной, прежде всего европейской, культуры») пережиточное бытование избегания в современных условиях не должно вызывать порицания и тревоги.

Здесь мы вплотную подошли как к этической стороне избегания, так и к возможным критериям его оценки.

Для начала попробуем в виде опыта принять основное положение феноменологии («нет объекта без субъекта») и посмотреть на дело не своими глазами, а глазами природных адыгов, осетин, карачаевцев и т. д. Еще на рубеже 1920-х и 1930-х годов адыгеец А. Намитоков, объясняя один из элементов избегания между супругами, писал, что жена «не дерзала», а муж «не снисходил» называть другого супруга по имени¹². Тогда же карачаевцы И. Хубиев (писавший под псевдонимом Карачайлы)¹³ и И. Тамбиев¹⁴ прямо связывали избегание с неполоправием женщины. В начале 1940-х годов осетин С. Д. Кулов охарактеризовал обычаи избегания между невесткой и свекром как «ничтожные и вредные»¹⁵. В начале 1950-х годов адыгейский писатель А. Евтых словами одного из своих героев даже высказал предположение, что родители не оплакивали своего ребенка, так как его «за чело века не считали»¹⁶. Некоторые из этих высказываний, как мы знаем, далеки от научной точности, но они, тем не менее, с очевидностью пока-

¹⁰ A. R. Radcliffe-Brown. Structure and function in primitive society. London, 1952.

¹¹ Б. Х. Бражников. Указ. раб., с. 142, 143.

¹² А. Намитоков. Черкешенка. М., 1928, с. 20.

¹³ И. Карачайлы. Вчерашняя и сегодняшняя Адыгея. — «Революция и горец», 1928, № 11—12; *его же*. Борьба против горских адатов — борьба за социализм. — Там же, 1932, № 8—9.

¹⁴ И. Тамбиев. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону, 1931.

¹⁵ С. Д. Кулов. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941, с. 22.

¹⁶ А. Евтых. У нас в ауле. — «Новый мир», 1953, № 5, с. 69.

зывают, что даже 40—50 лет назад отнюдь не все представители коренных народов Северного Кавказа рассматривали избегание как только вежливость, скромность и взаимное уважение. Этот перечень легко продолжить, но, на наш взгляд, важнее не отдельные высказывания, а массовые статистические данные.

В 1973—1974 гг. Кабардино-Балкарский и Северо-Осетинский научно-исследовательские институты провели этносоциологическое исследование по программе, которая, в частности, включает вопрос об отношении к обычаям избегания. Результаты представлены в таблице.

Отношение к обычаям избегания
(% к числу опрошенных) *

Народ	Следует соблюдать		Следует соблюдать частично		Не следует соблюдать	
	город	село	город	село	город	село
Кабардинцы	15,0	24,4	8,8	6,7	71,7	67,9
Балкарцы	20,0	33,2	7,4	7,1	67,9	59,8
Осетины	9,3	20,1	10,9	7,3	75,3	68,1

* Неопределенные ответы не учитывались.

Следовательно, от двух третей до трех четвертей горожан и приблизительно две трети сельских жителей настроены решительно против избегания и только от десятой части до трети находят эти обычаи желательными — этичными, необременительными и т. д. Интересны также дифференцированные показатели по возрастным группам. Среди сельских жителей в группе 20—24 года отрицательно относятся к избеганию 70% кабардинцев и балкарцев и 90% осетин, а в группе 60 лет и старше — доля меньше, но все же также достигает соответственно 50—55 и 60%. И все это неудивительно. Коренные изменения в экономике, общественном строе и мировоззрении, во всех областях культуры и быта не могли не повлечь за собой радикальных изменений также и в этической психологии. Но для нас в данном случае еще важнее другое. В среде одного и того же народа отношение к одним и тем же обычаям далеко не единообразно. Отсюда ясно, что проблема критериев нравственной оценки традиций отнюдь не сводится к одним только «стандартам» той или иной, в частности европейской или внеевропейской, культуры.

Каковы же эти критерии?

Обычаи избегания — один из элементов соционормативной культуры, и чтобы правильно оценить их роль, нужно обратиться к аксиологии культуры вообще. А здесь в современной теоретической этнографии противостоят друг другу культурный релятивизм, т. е. понимание всех культурных ценностей как ценностей относительных, релятивных, и признание принципиального единства культурно-исторического процесса.

О культурном релятивизме уже немало написано советскими философами и этнографами — С. Н. Артановским, Ю. П. Аверкиевой, С. А. Токаревым. Но в трактовке его нет единодушия¹⁷. Причина, види-

¹⁷ Ср. точки зрения: 1) С. Н. Артановский. Проблема сравнительной ценности культур и теория «культурного релятивизма». — «Сов. этнография», 1961, № 3; *его же*. «Культурный» релятивизм в американской этнографии. — «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции». М., 1963; *его же*. Философский релятивизм и неокOLONиальная идеология. — «Философские науки», 1963, № 6; *его же*. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; Ю. П. Аверкиева. Современные тенденции в развитии этнографии США. — «Современная американская этнография»; *ее же*. Неозвукионизм, релятивизм и расизм. — «Расы и народы», 1971, 1; 2) С. А. Токарев. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе». Л., 1972; *его же*. История зарубежной этнографии. М., 1978.

мо, в том, что само это течение довольно сложно, неоднородно и, на первый взгляд, направлено против европоцентризма и расизма. Показательно, что впервые мысль об относительности культурных достижений и их оценок была сформулирована прогрессивным американским этнографом и антропологом Ф. Боасом. Боас был широко известен своими антирасистскими трудами, много сделал для разоблачения колониалистской, а позднее нацистской идеологии, поддерживал тесные контакты с учеными СССР. Он резко критиковал традиционную оппозицию *Kulturvölker* — *Naturvölker* и высокомерное отношение к культуре последних¹⁸. В таком контексте идея релятивности культурных оценок привлекла к себе многих объективных и честных этнографов Запада и встретила сочувственный отклик в советской этнографии. «Почти общим местом стало сейчас, по крайней мере в этнографической литературе, — считает С. А. Токарев, — правило, что нельзя подходить к оценке моральных норм и обычаев разных народов с меркой европейских моральных понятий; нельзя мерить их европейским аршином. То, что у нас считается нравственно предосудительным, у иного внеевропейского народа может вполне соответствовать кодексу морали, и наоборот. Мы не имеем никакого права выдавать наши европейско-американские оценки за абсолютные: они относительны, релятивны»¹⁹. Отсюда прямо вытекает, что и такие обычаи, как, например, избегание, нельзя мерить европейским аршином, подходить к ним с европейским стандартом. Кстати сказать, выступая против оценки избегания с точки зрения европейских стандартов, Б. Х. Бгажноков ссылается на Боаса и Токарева²⁰.

Но, подкупая своей внешней направленностью против пренебрежительного отношения к внеевропейской культуре, идеи культурного релятивизма на деле оказываются обманчивыми. То, чего не заметил ученый-гуманист Ф. Боас, хорошо понял и оценил другой американский ученый, ставший главой релятивистского направления в этнографии, — М. Херсковиц. Выводы, к которым он пришел, отправляясь от той же посылки, нельзя не признать логичными. Если культурные ценности разных народов относительны, то они несопоставимы, а если они несопоставимы, то их должно считать равноценными. Каждая культура является целостной системой, обеспечивающей существование народа, и ни у кого (и прежде всего у этнографа) нет права выносить оценочные суждения о специфических чертах чужой культуры, будь то моногамия или полигамия (хрестоматийный пример самого Херсковица)²¹, забота о престарелых родителях или их умерщвление (добавим и такой пример, чтобы быть логичными до конца). Таким образом, культурный релятивизм неразрывно связан, с одной стороны, с отрицанием принципиального единства человеческой культуры, с другой — с доктриной так называемого этического нейтралитета. С. А. Токарев, разумеется, не мог не обратить на это внимания, однако он усмотрел здесь лишь доведение до последней крайности в целом здоровой мысли и подверг сомнению релятивистскую идею об исторической неизменности нравственных правил²². Несколько позднее он, повторив общую положительную оценку теории Херсковица, все же оговорился, что «ценность ценности все-таки разнь» и упомянул о формационном критерии культурного развития²³.

Несравненно последовательнее в своей критике культурного релятивизма С. Н. Артановский и Ю. П. Аверкиев, которые показали пол-

¹⁸ Ф. Боас. Ум первобытного человека. М. — Л., 1926; *F. Boas. Anthropology and modern life*. N. Y., 1928.

¹⁹ С. А. Токарев. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи, с. 271.

²⁰ Б. Х. Бгажноков. Указ. раб., с. 143.

²¹ М. *Herskovits*. *Cultural anthropology*. N. Y., 1955. Эти же идеи изложены в более ранней книге М. Херсковица «The man and his works» (N. Y., 1949).

²² С. А. Токарев. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи, с. 242, 271.

²³ С. А. Токарев. История зарубежной этнографии, с. 291, 292.

ную научную несостоятельность культурного релятивизма и его реакционную сущность как одного из идеологических обоснований современного неокOLONиализма. «Основная мысль культурного релятивизма, если ее выразить в нескольких словах, заключается в том, что не существует единого человеческого прогресса, каждая культура развивается своим особым путем, замкнута в себе, и поэтому каждая ее черта, хотя бы самая архаическая, равноценна самой современной черте в любой другой культуре... Все эти рассуждения преследуют одну цель — убедить народы пока еще слаборазвитых стран подольше сохранить свою экономическую отсталость и консервативные черты культуры»²⁴. Концепция особого пути и замкнутости каждой культуры была взята на вооружение одновременно и неокOLONиалистской идеологией, и такими шовинистическими доктринами, как африканизм и негритюд. Выдвинутая для борьбы с расизмом идея культурного релятивизма сама, как это справедливо замечает Ю. П. Аверкиев, стала питать идеологию расизма²⁵. Те же авторы на большом материале показали, что культурный релятивизм с его доктриной этического нейтралитета подвергся острой критике также и со стороны ряда видных этнографов США и Западной Европы: Д. Бидней, Р. Рэдфилд, Ж. Макэ и многие другие. В их числе и К. Леви-Стросс, который поначалу сам разделял релятивистские идеи, но отказался от них, убедившись, что народы развивающихся стран «стремятся к благам индустриализации и предпочитают считать себя временно отсталыми, но не перманентно уникальными»²⁶.

Релятивистская этнография с ее отрицанием сопоставимости культурных ценностей в принципе отвергает критерий культурного прогресса. Марксистская этнография располагает таким критерием: это краеугольный камень исторического материализма — теория формаций. Зная это, многие этнографы-релятивисты демагогически нападают на теорию формаций, якобы противопоставляющую друг другу народы, стоящие на различных ступенях развития²⁷. Но как раз именно теория формаций отнюдь не является питательным источником противопоставления друг другу европейских и внеевропейских народов и их культур. Напротив, она исходит из того, что все народы одинаково способны к универсальному по своим главным параметрам историческому развитию, чем и определяется единство исторического, а следовательно, и культурно-исторического процесса.

Но теория формаций тем и сильна, что базируется на объективных фактах. Факты же говорят о том, что общественное и культурное развитие всегда отличалось неравномерностью, особенно усилившейся с появлением цивилизаций²⁸. В силу различных природно-географических и социально-исторических причин (среди последних далеко не последнюю роль на определенном историческом этапе сыграла колониальная экспансия) человечество проходило и проходит формационные ступени не одновременно. Возникли продвинутые и отставшие в своем развитии материки, регионы, страны, народы.

В науке уже сравнительно давно встал вопрос о глобальном аспекте смены восходящих ступеней развития. Гегелевская философия истории жестко связывала каждую такую ступень лишь с одним историческим

²⁴ С. Н. Артановский. «Культурный» релятивизм в американской этнографии, с. 101, 102.

²⁵ Ю. П. Аверкиев. Неоэволюционизм, релятивизм и расизм, с. 44.

²⁶ C. Levi-Strauss. Anthropology: its achievements and future.—«Current Anthropology», 1966, vol. 7, № 2, p. 125.

²⁷ См., например: A. Schott. More on Marx and Morgan.—«Current Anthropology», 1976, vol. 17, № 4; S. Chilungu. Reply.— Там же.

²⁸ См.: А. И. Першиц, А. М. Хазанов. Проблемы первобытной дихотомии.— «Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов)», М., 1978.

регионом. Этому в свое время была противопоставлена такая же жесткая схема прохождения почти каждой страной и народом большинства, если не всех, восходящих ступеней. И лишь в самое последнее время в работах А. Я. Гуревича, Ю. И. Семенова, Б. Ф. Поршнева, Н. И. Конрада наметилась продуктивная разработка проблемы пространственно-временного соотношения общественно-экономических формаций. По Б. Ф. Поршневу, «...наиболее развитые и чистые формы каждого способа производства, если говорить об антагонистических формациях, имели место действительно лишь в ограниченных регионах, представляющих «передний край» экономической истории. Но и остальные народы при этом не оставались историческим балластом, а прямо или косвенно служили гигантским резервуаром дополнительных ценностей, делавших в конечном счете возможным само существование и прогрессивное развитие на этом „переднем крае“»²⁹. Ю. И. Семенов определил западноевропейский регион как центр капиталистического, а восточно-европейский — как центр пришедшего ему на смену социалистического всемирно-исторического развития³⁰. Н. И. Конрад ввел сюда еще и собственно культурные параметры: исторический процесс в целом направляется народами, вышедшими на «передний край» общественного развития и цивилизации³¹. Иначе говоря, формационный критерий делает возможным сопоставление в каждую историческую эпоху культурных явлений, более и менее продвинутых на шкале всемирно-исторического прогресса. И поскольку этот критерий отражает познанную историческую закономерность смены восходящих ступеней развития, он является не этноцентрическим или регионоцентрическим, а объективным, подлинно научным критерием.

Разумеется, формационным критерием нельзя пользоваться метафизически, например в духе пресловутой теории стадий экономического роста У. Ростоу. Показателем прогресса служит развитие не только производительных сил, но и производственных отношений, а также определяемых ими надстроечных форм и развития личности. В определенные эпохи и в определенных странах прогресс в развитии производительных сил может сопровождаться регрессом в общественно-политической и культурной жизни, что особенно хорошо видно на примере фашистских режимов. Более того, во всех антагонистических классовых формациях в периоды их упадка прогресс всегда сопровождается чертами регресса³². Но с учетом этой диалектики развития формационный критерий является достаточно надежным мерилем объективного сопоставления этнокультурных ценностей.

Естественно возникает вопрос: что дает формационный критерий для оценки тех или иных культурных явлений в оказавшемся сейчас на переднем крае социального и культурного прогресса социалистическом обществе? Применим ли он, в частности, к оценке обычаев избегания у современных адыгских и других народов нашей страны? Нам это представляется несомненным. Избегание — институт, характерный для ранних ступеней общественного и культурного развития, для доклассовой и феодальной (на ее начальном этапе) формации, и он не «вписы-

²⁹ Б. Ф. Поршнев. Роль социальных революций в смене формаций. — «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования». М., 1975, с. 30, 31.

³⁰ Ю. И. Семенов. Теория социально-экономических формаций и всемирный исторический процесс. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, с. 95; *его же*. Марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и всемирная история. — «Актуальные проблемы марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях», М., 1975, с. 85, 86.

³¹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, с. 30.

³² См.: Ю. И. Семенов. О критерии социального прогресса. — «Вопросы философии», 1963, № 7; «Прогресс общественный». — «Советская историческая энциклопедия», т. 11. М., 1968.

вается» в соционормативную систему коммунистической формации даже на ее первом, социалистическом этапе. Конечно, избегание — не кровная месть, не умыкание, не покупной брак и т. п. (именно поэтому оно принадлежит к сфере не правового, а морального регулирования). Однако избегание — и не нейтральная черта культуры общения, подобная, например, специфически этнокультурным вариациям проявления вежливости в формах приветствия («здравствуй», «как дела?», «мир тебе» и т. д.). Впрочем, даже и такие этнокультурные традиции далеко не всегда нейтральны в социальном отношении, они также исторически обусловлены и подвержены изменениям. Так, у русских в феодальном обществе вышестоящему целовали руку, кланялись до земли или в пояс; в буржуазном обществе ограничивались подчеркнуто почтительным обращением; в социалистическом обществе получили развитие иные, демократические формы. Вообще, вежливость, этикет не только этнические, — они прежде всего социально-исторически обусловлены. И вот именно поэтому слепое «следование условностям этикета оборачивается порой утратой принципиальности»³³.

Заметим, кстати, что в этом вопросе также сказывается коренное различие релятивистского и подлинно исторического подхода к явлениям культуры. Релятивизм более или менее явно исходит из их вневременных характеристик, и поэтому он недаром оказался так близок американскому этнопсихологическому («этнорасистскому») направлению с его постулатом неизменного «профиля культуры»³⁴. Марксистский историзм отвергает саму возможность существования вневременных, неизменных, не обусловленных социально-историческим развитием этнокультурных черт, хотя они и могут, раз возникнув, приобрести известную консервативность и автономность по отношению к породившим их условиям³⁵.

Подобного рода консервативное и никак не гармонирующее с советским образом жизни культурное явление и представляют собой обычаи избегания у адыгских и ряда других народов нашей страны. Два вида избегания (между супругами и между родителями и детьми) быстро исчезают и сейчас, по-видимому, составляют величину, которой практически можно пренебречь. Два других вида, более тесно связанных с пережитками утрированного, патриархального почтения к старшим³⁶, отмирают значительно медленнее. Возникает альтернатива: искать пути к их быстрейшему изживанию или же квалифицировать их как этническую специфику «взаимного уважения» и тем самым отнести к национальной форме социалистической культуры адыгских народов? Логика релятивизма ведет ко второму из этих решений. Мы постарались показать, что единственно правильным может быть только первое, к которому уже раньше единодушно, но в значительной мере интуитивно пришли исследователи избегания у народов Северного Кавказа, Закавказья, бурят и т. д. В национальной по форме, социалистической по содержанию культуре народов СССР нет места негативным явлениям, избегание же, как мы видели раньше, со всей определенностью отрицательно оценивается и подавляющим большинством исследователей, и подавляющим большинством охваченного этносоциологическим исследованием населения.

Думается, что этнография, в том числе этнография общения, изучая культуру вообще и такие ее явления, как избегание, в частности, долж-

³³ «Культура поведения». — «Правда», 16 июля 1978 г.

³⁴ Подробнее см.: Ю. П. Аверкиева. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США. — «Современная американская этнография»; С. А. Токарев. История зарубежной этнографии.

³⁵ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 35 сл.

³⁶ См. по этому поводу в особенности: К. И. Чомаев. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа. — «Вопросы национальной психологии». Черкесск, 1972, с. 130.

на пользоваться подлинно историческим, а не релятивистским критерием оценки. Этнография как историческая наука, базирующаяся на теории формаций, не вправе соблюдать,—независимо от того, является ли или нет изучаемая культура родной для исследователя,—этический нейтралитет.

AVOIDANCE: EVALUATION ACCORDING TO THE SOCIOECONOMIC FORMATION OR «ETHICAL NEUTRALITY»

The vestiges of avoidance customs that are still retained among the peoples of the Soviet East were until recently unanimously regarded as a negative survival. At present, however, an attempt has been made in literature to reevaluate this view from the position of cultural relativism and to assess avoidance among the Adyghe of Northern Caucasus merely as a neutral manifestation of mutual respect. In this connection, a brief description is given in the paper of North Caucasian avoidance customs in their historical evolution; various possible criteria of their evaluation are examined. The authors develop the idea that cultural values (including avoidance customs) should be evaluated according to their place in the scale of the progressive sequence of socioeconomic formations. Such an approach is by no means an ethnocentric, nor a «region-centric» one (it is most certainly not the notorious Eurocentric approach), since the criterion of socioeconomic formation corresponds to the comprehended historical regularity according to which stages of development progressively succeed one another.

Л. М. Сабурова, К. В. Чистов

ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНИН

[К 100-летию со дня рождения]

В этом году научная общественность Советского Союза и других европейских стран отмечает столетие со дня рождения одного из крупнейших наших этнографов — члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Константиновича Зеленина.

Заслуги Д. К. Зеленина чрезвычайно велики. Его научная деятельность, начавшаяся в первое десятилетие нашего века, стала живой связью лучших традиций русской науки XIX века и этнографии советского времени. Он был ученым, который сумел осуществить гигантский труд подытоживания достижений русской дореволюционной этнографии в сфере изучения восточных славян и вместе с тем сыграл значительную роль в ее дальнейшем развитии в советское время. В этой связи должны быть прежде всего названы его капитальное обобщение этнографии восточных славян «Russische (Ostslavische) Volkskunde» (1927), т. е. «Русская (восточнославянская) этнография», фундаментальный «Библиографический указатель литературы о внешнем быте народов России» (1913) и трехтомное «Описание рукописей архива Географического общества» (1914—1916) — бесценные пособия для всех исследователей этнографии народов СССР.

Работа, потребовавшаяся для подготовки этих книг, и сейчас составила бы честь целому коллективу высококвалифицированных этнографов. Однако это — только часть научного наследия Д. К. Зеленина. Подобной же источниковедческой основательностью отличается большинство опубликованных им книг, статей и заметок. До сих пор любой славист, а также исследователь народных верований и обрядов, каким бы народом он ни занимался, проверяет свою осведомленность «по Зеленину». Основательность, сочетавшаяся с постоянной теоретической напряженностью и целеустремленностью, непрерывным и вместе с тем осторожным поиском обобщений и закономерностей, формировалась постепенно, но очень обдуманно и осознанно. Следует решительно оставить легенду о Зеленине-эмпирике, возникшую на рубеже 20—30-х годов, так же как и некоторые другие легенды, распространявшиеся

вокруг него в это время. Методические идеи Д. К. Зеленина актуальны и до сих пор. Он отвергал поверхностность, стремление форсировать выводы (и, тем более, публиковать их) до выявления необходимых фактов, считал их максимальную мобилизацию необходимым условием надежных обобщений, но никогда не был подавлен фактами, всегда четко формулировал свои теоретические задачи и метод исследования. «Годы анализа — часы синтеза!» — такое правило предписывал он себе и своим ученикам. Однако, обратим внимание! Именно «анализа», а не равнодушного нагромождения фактов. Поэтому поучительны не только итоги деятельности Д. К. Зеленина, но и его путь в науке.

О Д. К. Зеленине написано незаслуженно мало¹. Это преимущественно некрологи или статьи, касающиеся отдельных, подчас далеко не главных проблем. Исключение составляют только записка о трудах Д. К. Зеленина, составленная четырьмя видными учеными в связи с избранием его в 1925 году членом-корреспондентом АН СССР, в которой характеризуется первая часть его научного пути, и статья А. И. Васиной и Н. И. Гаген-Торн, в которой была предпринята первая попытка общего уяснения научного пути ученого. Поэтому сейчас очень важно выявить все сделанное им и осмыслить хотя бы узловые моменты его научной деятельности. В связи с этим Институт этнографии АН СССР в сотрудничестве с учеными некоторых других учреждений подготовил сборник статей «Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина». Он содержит статьи о Зеленине-этнографе (Л. М. Сабурова), диалектологе (С. М. и Н. И. Толстые), фольклористе (Н. В. Новиков), педагоге (Н. И. Гаген-Торн), о работах его, связанных с Вятским краем (Е. П. Луппова), о харьковском периоде (В. З. Фрадкин) и др. Поэтому в настоящей статье, опираясь на перечисленные работы, мы ограничимся лишь напоминанием самых общих сведений об ученом.

Зеленин родился 21 октября 1878 г. в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. По семейной традиции он должен был учиться в семинарии, а затем стать священником или продолжать образование в Духовной академии. Однако Д. К. Зеленин, несмотря на значительные материальные трудности, стал студентом Юрьевского (Тартуского) Университета и со свойственной ему энергией углубился в изучение лингвистики и этнографии. После окончания университета в 1904 году он был оставлен «для подготовки к профессорскому званию» при кафедре сравнительного языкознания. Его кандидатское сочинение называлось «Германские, романские и латинские элементы, вошедшие в русский язык до XV века». В эти же годы Д. К. Зеленин устанавливает научный контакт с академиками А. А. Шахматовым и Ф. Ф. Фортунатовым, причем особенно значительным было влияние А. А. Шахматова, считавшего диалектологию важнейшей составной частью и источником истории русского языка. Шахматов привлек его к участию в подготовке многотомного «Словаря русского языка», с изданием которого Д. К. Зеленин был связан до середины 20-х гг. В 1916—1925 гг. он преподавал

¹ См. Е. Карский, Б. Ляпунов, В. Перетц, П. Лавров. Записка об ученых трудах проф. Д. К. Зеленина. — «Изв. АН СССР», 1925, серия VI, т. XIX, № 18; Т. В. Станюкович, М. Д. Торн. Д. К. Зеленин (некролог). — «Сов. этнография», 1954, № 4; А. С. Бежкович. Дмитрий Константинович Зеленин (1878—1954). — «Изв. ВГО», т. 87, 1955, вып. 4; Б. Н. Вишневский. Работы Д. К. Зеленина по этнографии Прикамья и Урала. — «На Западном Урале. Сборник статей», Пермь, 1956; Н. И. Гаген-Торн, А. И. Васиной. Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1966, в. 184 — «Труды по русской и славянской филологии», IX; С. В. Смирнов, Д. Н. Кудрявский и Д. К. Зеленин. Биографические материалы. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1968, в. 219 а; Н. И. Гаген-Торн и А. И. Васиной. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина. — «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в. V, М., 1971; М. Я. Мельц. Русские фольклористы-библиографы конца XIX — начала XX века. Там же.

в Харьковском университете, а с 1925 г. и до конца своей жизни жил и работал в Ленинграде — здесь он был профессором Ленинградского университета и сотрудником Института этнографии АН СССР.

С 1899 года стали появляться первые публикации Д. К. Зеленина. Как следует из недавно составленной библиографии его работ, с тех пор им было опубликовано около трехсот книг, статей, рецензий, заметок и т. д.² В Архиве АН СССР в Ленинграде хранится обширный фонд Д. К. Зеленина, содержащий не только рабочие материалы и документы, но и ряд работ, до сих пор по различным причинам неопубликованных. В их числе — «Вопросы этнографии русского народа» (глава из задуманной книги «Этнография русского народа в связи с этнографией братских народов — украинского и белорусского»), «К истории русской народной терминологии», статьи «Польский народ», «Чехи и словаки», «Югославы» и др.³

С первых шагов своей деятельности Д. К. Зеленин очень хорошо, хотя, может быть, сначала интуитивно, понимал, что любые факты народного быта, особенно явления и формы традиционной культуры, не могут быть поняты сами по себе. Их происхождение, смысл, распространение, функционирование, варьирование и т. д. могут получить убедительное истолкование только во взаимосвязи со всей системой народного быта — от его социально-экономической основы до обрядов, верований, фольклора и языка. Д. К. Зеленин не употреблял таких современных терминов как «система», «структура», «функция», «трансмиссия», «корреляция» и т. д., однако стремление к всестороннему рассмотрению каждого явления в его связи со всеми другими доступными исследованию сторонами народного быта было по существу системным подходом к народной культуре как единому, исторически сложившемуся и вместе с тем динамическому явлению.

Интенсивно формировавшийся молодой ученый, уже поступивший в университет, вдруг как бы становится снова краеведом, т. е. тем, с чего он начинал как любитель. Однако это не сопровождалось снижением уровня понимания целей и задач современной ему этнографии, не вело к той провинциальности и кустарности, которые подчас отличали даже лучших краеведов. Он мечтает о всестороннем исследовании родной ему Вятской губернии, которой посвящено большинство его ранних публикаций. Теперь это — осознанное стремление не обрывать многочисленные нити, связывающие отдельные явления народной жизни, понять их во взаимоотношениях и взаимовлиянии. Обнаруживая за отдельными фактами и явлениями определенные связи и отношения, он стремился не только объяснить сами эти факты и связи, но и их происхождение и развитие. Это приводило исследователя к сфере народной психологии, бытовых представлений и верований, выраженных как в производстве и воспроизводстве вещей, так и в определенных формах социального поведения, в том числе обрядового, речевого, обыденного и т. д.

С 1901 года начинают появляться публикации, уже свидетельствующие о сформировавшихся профессиональных интересах Д. К. Зеленина — «Особенности в говоре крестьян юго-восточной части Вятской губ.»⁴, «Новые веяния в народной поэзии»⁵, «Отчет о поездке в Яранский уезд для изучения народного говора»⁶ и др. Одна из этих статей («Новые веяния...») замечена научными журналами. Рецензия на нее

² Библиография составлена А. И. Васиной-Тарасовой и публикуется в сборнике «Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения члена-корр. АН СССР Д. К. Зеленина».

³ Краткие сведения об архиве Д. К. Зеленина см.: Н. И. Гаген-Торн, А. И. Васина. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина.

⁴ «Живая старина», 1901, в. 1, с. 81—96.

⁵ «Вестник воспитания», 1901, № 8, с. 86—98.

⁶ «Уч. зап. Юревского ун-та», 1902, № 3, Научный отдел, с. 1—17.

в журнале «Литературный вестник» принадлежала перу акад. А. И. Соболевского. Так, Д. К. Зеленин еще в студенческие годы входит в большую науку. Эта статья и до сих пор называется в числе публикаций начала века, оказавших влияние на развитие русской этнографии и фольклористики. Она была одним из первых исследований о частушках. Позже основные идеи статьи были развиты Д. К. Зелениным в публикации «Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губ.»⁷, в статье «Черты современного народного быта по частушкам»⁸, «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии (по материалам бумаг В. А. Воскресенского)»⁹, и в других статьях и публикациях, образующих целый цикл исследований.

Окончив Юрьевский университет, Д. К. Зеленин становится профессиональным диалектологом, занимается активными экспедиционными сборами диалектологических материалов. Работа рука об руку с А. А. Шахматовым над академическим словарем русского языка формирует его исторические взгляды. Он приходит к убеждению, что объяснение разнообразия диалектологических явлений надо искать во внелингвистической сфере — в истории и этнографии. Публикуя одновременно и другие материалы, он на протяжении следующих десяти лет упорно трудится над монографией, которая стала его важнейшей диалектологической работой и одновременно одной из классических книг по этнографии русских — «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей русской колонизации» (СПб., 1913, 554 стр.).

Ареал диалектной черты, которая заинтересовала Д. К. Зеленина («Ванька», «чайку»), оказался причудливым и «неправильным». Он не укладывался в позднейшее диалектное членение и не объяснялся старыми племенными границами или границами средневековых княжеств. Все это привело Д. К. Зеленина к мысли выяснить историю отдельных локальных групп, в говоре которых были обнаружены интересовавшие его диалектные черты. Так он пришел к выводу, согласно которому распространение их оказалось связанным с относительно поздними миграционными процессами (XV—XVII вв.), запустением и новым заселением так называемого «дикого поля» — южной и юго-восточной полосы — когда-то бывшей маргинальной зоной великорусской этнической территории. Позже картина еще более усложнилась промысловым «движением по большим рекам», переселениями крепостных крестьян, отхожими промыслами, крестьянскими миграциями, и т. д. Методически очень важно, что Д. К. Зеленин не стремился найти упрощенное однозначное решение, а исследовал воздействие самых различных факторов. Его историческая концепция сформировалась на основе скрупулезно собранных сведений об истории отдельных групп, исторических свидетельств, преданий самих переселенцев, топонимики, антропонимики, так называемых «присловий» (т. е. прозвищ и кличек отдельных групп населения), ранних списков населенных пунктов. Наконец, собирались и обобщались сведения об особенностях бытовой культуры этих групп (в первую очередь таких устойчивых, как женские головные уборы, одежда, пища и т. д.). Выяснилось, что локальные группы-носители мягкого «к» различны по происхождению, но подверглись сходным воздействиям. Формулируя свои выводы, исследователь продвигается с большой осторожностью, он понимает гипотетичность любой интерпретации и стремится создать гипотезу, которая «не противоречила бы известным фактам».

⁷ «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год», Вятка, 1903, с. 19—103.

⁸ «Русские ведомости», 1903, № 8, 8 января, с. 3.

⁹ «Живая старина», 1905, в. 1—2, с. 57—76.

Академик А. А. Шахматов откликнулся на публикацию книги подобным ее разбором¹⁰. Не соглашаясь с автором в ряде частных толкований, рецензент, отнюдь не отличавшийся восторженностью, писал: «Автор расчистил путь для научного изучения великорусской диалектологии»¹¹.

Некоторые локальные группы, которыми занимался Д. К. Зеленин, сейчас исследованы лучше, чем это было в начале века. И все же, нельзя не признать, что это не поколебало основных его выводов в их диалектологической части¹². В этнографическом же отношении книга Зеленина по-прежнему осталась наиболее обстоятельной сводкой сведений о локальных группах на интересовавшей его территории. Д. К. Зеленин впервые в русской этнографии убедительно показал значение изучения локальных групп, в том числе и относительно поздно возникших. В предисловии к «Великорусским говорам...» он писал о том, что в русской исторической диалектологии существует разрыв между представлениями о раннем состоянии диалектов, реконструируемым по древнерусским письменным памятникам (XI—XV вв.), и сведениями о состоянии русских диалектов в XIX—XX в. Он считал, что его работа даст возможность хотя бы отчасти уменьшить этот разрыв. То же самое можно было бы сказать и о проблемах исторической этнографии русских. Одна из особенностей русской истории заключается в том, что образование локальных групп продолжалось (и притом довольно интенсивно) вплоть до сравнительно недавнего времени (Сибирь, Средняя Азия, Заволжье, южнорусские области и т. д.). Поэтому изучение их и сейчас — одна из важнейших задач восточнославянской этнографии. Д. К. Зеленина следует признать одним из зачинателей этой темы. По крайней мере он понял ее историческую и теоретическую актуальность.

Мы остановились на книге «Великорусские говоры...» несколько подробнее, так как, в отличие от диалектологов, историки и этнографы обращаются к ней незаслуженно редко.

В годы работы над капитальным диалектологическим исследованием Д. К. Зеленин продолжает собирать полевой материал, публикует отчеты об экспедициях и отдельные диалектологические заметки и, вместе с тем, — первые собственно этнографические работы.

В «Истории русской этнографии» С. А. Токарева с полным основанием говорится о том, что первые исследования по материальной культуре русских начали появляться с 80-х годов XIX века, однако систематическое изучение этих новых для русской этнографии проблем стало развиваться только в первое десятилетие XX века¹³. Среди них выделяется книга Зеленина о русской сохе. Изданная Вятским губернским статистическим комитетом и ставшая ныне библиографической редкостью, она до сих пор сохраняет свое значение как сводка важнейших сведений о традиционных русских сельскохозяйственных орудиях. Но не только. Зеленинская концепция происхождения русской сохи, которая одно время бурно оспаривалась, теперь все-таки признается одним из возможных вариантов решения проблемы, наравне с предложенной в 30-х гг. концепцией П. Н. Третьякова. Книга Д. К. Зеленина убедительно показала разнообразие типов и форм русских сох, их традиционность и вместе с тем процесс их усовершенствования. Осмысление этого разнообразия и причин его возникновения составляет достаточно сложную проблему. обстоятельный обзор типов народных и научных

¹⁰ «Изв. Отделения русского языка и словесности», т. XX, кн. 3, СПб., 1914, с. 332—358.

¹¹ Там же, с. 358.

¹² Ср., например, Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах, Л., 1968.

¹³ С. А. Токарев. История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966, с. 407—408.

названий сохи показал, что «географическое» обозначение сох (вятская, владимирская и т. д.) не может быть научно обосновано. Оно предполагает прямую зависимость видов и форм от «этнографического состава населения», т. е. от этнической традиции, как мы бы теперь сказали. Зеленин считает, что такая зависимость была, однако она осложнялась разнообразием почв, которые требовали применения той или другой разновидности пахотного орудия и, наконец, «экономическим положением населения», т. е. возможностью реализовать этнические традиции или рациональные соображения. Как показала дискуссия о роли этнических факторов в эволюции сельскохозяйственных орудий, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» в 1967—1976 гг. (см. «Сов. этнография», 1976, № 3), Зеленин в основном правильно оценил соотношение этнических и неэтнических факторов (если только считать их достаточно легко отделимыми и противопоставлять друг другу).

Мы уже упоминали о том, что, изучая историю южнорусских и среднерусских локальных групп, Д. К. Зеленин пользовался так называемыми «присловьями». Вслед за В. И. Далем, он называл так прозвища и клички отдельных групп населения, составляющих географическое или этнографическое целое (так называемые «дразнилки»). Он показал, что в основе подобного высмеивания обычно оказывается социально-психологическая обособленность, необычность поведения или каких-то особенностей бытовой культуры той или иной этнической группы (старожилы и переселенцы, переселенцы из разных районов расселения русских, переселенцы с различным социальным статусом и т. п.). Присловья могут помочь этнографу и диалектологу выделить локальную группу, оценить степень ее адаптации в новом районе, состояние ее этнического сознания (например, «цуканы» — носители покающего диалекта, «тястоеды», «толоконники», «лапотники» и т. д.).

Работы Д. К. Зеленина 1906—1913 гг. довольно четко распадаются на две группы — статьи по проблемам материальной культуры (например, «Вопрос о типе деревянных построек как о живом свидетельстве древнейшей колонизации Вятской губернии»¹⁴) и статьи о бытовых обрядах (например, «Троецпылатница»¹⁵, «Народный обычай „греть покойников“»¹⁶, «Русские народные обряды со старой обувью»¹⁷ и др.). Несмотря на то, что этот период, как впрочем и все другие периоды творческой деятельности Д. К. Зеленина, к какому бы мы ни обратились, обилел публикациями, новыми темами и новыми идеями, в масштабе всей деятельности ученого он воспринимается как подготовительный. В последующие годы Д. К. Зеленин публикует одну за другой фундаментальные работы, каждая из которых оставила весьма заметный след в истории этнографии восточных славян (да и не только восточных славян).

Необычайная плодовитость Д. К. Зеленина в эти годы может быть понята только при учете одного весьма важного для истории русской этнографии обстоятельства. В 1909—1910 гг. крупнейшие русские этнографы, фольклористы и филологи (С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Л. Я. Штернберг, Ф. К. Волков, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Э. К. Пекарский и др.) принимают живое участие в обсуждении проблем и перспектив развития русской этнографии. Особенно оживленно дискутировались эти вопросы на заседании Отделения этнографии Русского географического общества 30 апреля 1910 г. Среди

¹⁴ «Труды Вятской ученой архивной комиссии», 1912, в. 1—2.

¹⁵ «Памятная книжка Вятской губ. на 1906 год», Вятка, 1906, отд. 2; «Дополнительные замечания к статье „Троецпылатница“», там же.

¹⁶ «Сборник Харьковского историко-филологического о-ва», т. 18, 1909.

¹⁷ «Живая старина», 1913, в. 1—2.

мер, которые были единодушно намечены, особенно примечательно образование специальной комиссии по составлению этнографических карт России. При этом имелись в виду не только карты этнического состава страны и географического размещения отдельных народностей, но и специальные карты по одежде, жилищу и хозяйственному быту¹⁸. Выполнение этого решения требовало не только составления программ, инструкций и вопросников, но и выявления «соответствующей литературы, архивного материала и данных, собранных другими этнографическими комиссиями»¹⁹. Составление библиографии и предварительную обработку материалов архива РГО взял на себя Д. К. Зеленин. Обширная работа была им выполнена в необычайно короткий срок. Уже в 1913 г. был не только составлен, но и издан объемистый «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России». Совершенно очевидно, что Д. К. Зеленин активно использовал свою домашнюю картотеку, копившуюся с первых лет научных занятий. Но и этим его библиографический вклад в работу Комиссии по составлению этнографических карт не ограничился. В следующем, 1914 году начинает выходить в свет трехтомное «Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества» (1914—1916 гг.). В связи с началом первой мировой войны деятельность комиссии приостановилась²⁰. Кстати заметим, что библиографию Д. К. Зеленин считал занятием, достойным приложения самых квалифицированных сил и самого пристального внимания и уважения. Он хорошо понимал, что от состояния библиографии и учета архивных и музейных источников зависит вооруженность этнографии как науки, надежность результатов работы и отдельных ученых, и целых научных коллективов. Сам же он никогда не жалел ни сил, ни времени на библиографическую работу, обзоры, рецензии, сообщения и другие виды библиографической информации²¹. Большое значение придавал он также пропаганде достижений русской этнографии и фольклористики за рубежом²².

В эти же три года (1913—1915), кроме уже названных работ, Зеленин публикует два сборника сказок — Вятской и Пермской губерний²³, считающиеся и доныне одними из наиболее авторитетных изданий сказок в европейской фольклористике XX века, и известное исследование — «Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки» (Пг., 1915).

В многочисленных рецензиях в научных журналах («Этнографическое обозрение», «Известия Отделения русского языка и словесности АН», «Журнале Министерства народного просвещения», «Историческом

¹⁸ Д. А. Золотарев. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при Императорском Русском географическом обществе (15 окт. 1910 — 15 окт. 1915 года). — «Живая старина», 1916, в. 1, с. XII.

¹⁹ Там же.

²⁰ Д. К. Зеленин снова возбудил вопрос о необходимости картографирования в 1928 г. в статье «Перспективный план работ по генетике культуры» («Краеведение», 1928, № 5, с. 257—266). Здесь он выдвинул шесть первоочередных тем (гончарство «налепом», техника обработки мехов, техника плетения обуви, способы ручного веяния зерна, сооружения для сушки снопов, распространение конопля и льна).

²¹ Обстоятельный обзор библиографической деятельности Д. К. Зеленина см.: М. Я. Мельц. Указ. раб., с. 92—101.

²² См. его работы: «Die russische (ostslavische) volkskundliche Forschung in den Jahren 1914—1924». — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1924, Bd. 1, № 1—2, S. 189—198; № 3—4, S. 419—429; 1925, Bd. 2, № 1/2, S. 202—213; 1927, Bd. 4, № 3/4, S. 413—435; «Neue slavische ethnographische Literatur». — «Slavische Rundschau», 1930, Jrg. 2, № 9, S. 651—658; «Neues zur ostslavischen ethnographischen Literatur». — Там же, 1930, Jrg. 2, № 344—351; «Neues zur ethnographischen Literatur der URSS». — Там же, 1931, № 6, S. 429—439; «L'Etude ethnographique des peuples de l'URSS». — «Ethnographie, folklore et archéologie en URSS». М.—Л., 1933, p. 108—123; «Grundlinien und Errungenschaften der Volkskunde in der USSR». — «Slavische Rundschau», 1934, Jrg. 6, № 2, S. 86—99.

²³ «Великорусские сказки Пермской губернии», Пг., 1914, 656 с.; «Великорусские сказки Вятской губернии», Пг., 1915, 640 с.

вестнике» и др.), известные ученые (В. А. Гордлевский, Е. Н. Елеонская, С. Ф. Ольденбург, и др.) единодушно высоко оценили и текстологические принципы зеленинских сборников сказок, и сопровождающий тексты научный аппарат. Во вступительных статьях читателю предлагалась характеристика сказочной традиции и тщательно собранные наблюдения об исполнителях, особенностях исполнения и восприятия сказок, их функции в быту местного населения. В оба сборника вошло около 250 текстов, большинство которых было записано самим Д. К. Зелениным в 1908—1910 годах. Все тексты публиковались с сохранением важнейших особенностей говоров и группировались по исполнителям. К текстам сказок давались указания на сходные сюжеты в важнейших сборниках русских сказок и список неопубликованных записей сказок из тех же губерний. Таким образом, даже комментарий к этому сборнику — заметное явление в истории русской фольклористики. Он — прямой предшественник указателя русских сказочных сюжетов, составленного во второй половине 20-х гг. Н. П. Андреевым по системе А. Аарне и, в конечном счете, классического комментария к сборнику А. Н. Афанасьева, подготовленного М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Г. С. Виноградовым при участии И. Я. Айзенштока и К. А. Пушкиревича в конце 1930-х гг. Без малейшего преувеличения можно сказать, что сборники сказок, изданные Д. К. Зелениным, сыграли значительную роль в выработке русской фольклористикой современного типа научного сборника сказок.

И, наконец, последняя из названных выше работ Д. К. Зеленина, опубликованных в эти годы, — «Очерки русской мифологии». Она получила подзаголовок «Умершие неестественной смертью и русалки». Д. К. Зеленин убедительно показал важность для понимания народных верований и обрядов различения так называемых «родителей» и «заложных покойников» (т. е. умерших естественной и неестественной смертью), собрал и проанализировал важнейшие сведения о русалках в восточнославянской бытовой традиции. Напомним лишь другое, менее известное обстоятельство. Книга его была названа «выпуск 1». Д. К. Зеленин задумал в те годы целую серию исследований по восточнославянской мифологии и обрядам или, может быть, точнее, обрядам и верованиям. В основу анализа должны были быть положены обряды в их реальном функционировании, исполнение обряда рассматривалось как актуализация (реализация, манифестация) верований, свойственных определенной среде. Задуманная серия должна была состоять из шести выпусков: умершие неестественной смертью, жертвы умершим предкам, запретные (по мифологическим соображениям) слова в русском языке, обыденные предметы и происхождение идеи «обыденности», обряды со страдательным положением жреца, и, наконец, вятская «троецпылатница» в связи с иными праздниками в честь животных.

К сожалению, замысел не был полностью осуществлен. Перечисленные темы прошли через статьи, опубликованные в годы, предшествующие или последовавшие за первым выпуском. По второй из задуманных тем были написаны статьи «Народный обычай „греть покойников“»²⁴ и «Русские народные обряды со старой обувью»²⁵, по третьей — в 20-е и 30-е годы был опубликован целый цикл фундаментальных работ, охватывающих проблему магической функции речи и словесных текстов, табуирования их в определенных условиях и т. д., по четвертой — статья «„Обыденные“ полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи)»²⁶, по пятой — «Східно-слов'янські хліборобські обряди

²⁴ «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 15, Харьков, 1909.

²⁵ «Живая старина», 1913, в. 1—2.

²⁶ Там же, 1911, в. 1.

качання та перекидання по землі»²⁷, по шестой — две уже упоминавшиеся статьи о «троецпылятнице». Кроме того Д. К. Зелениным в разные годы было опубликовано еще несколько статей об обрядах и верованиях восточных славян, которые не предусматривались программой, сформулированной в предисловии к «Очеркам русской мифологии». Достаточно назвать такие статьи как «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских»²⁸, «Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая»²⁹, «„Спасова борода“ — східнослов'янський хліборобський обряд жніварський»³⁰, «Загадочные водяные демоны „шуликуны“ у русских»³¹ и др. И, наконец, в составе «Востоочнославянской этнографии» Д. К. Зеленина мы находим четыре обширных главы, в основном посвященных этим проблемам: «Семейный быт», «Общественный быт», «Обряды различных времен года» и «Народные верования». В общей сложности они занимают 120 весьма компактно написанных страниц. Сюда следует еще прибавить многочисленные «обрядовые» пассажи во всех остальных главах — Д. К. Зеленин никогда не пропускал возможность рассмотрения какой-либо проблемы материальной культуры в связи с обрядами, сопровождавшими трудовые процессы.

После защиты докторской диссертации Д. К. Зеленин был избран профессором Харьковского университета. В Харькове он прожил с 1916 по 1925 год и, как недавно было установлено, принимал активное участие в деятельности Харьковского историко-филологического общества, а также сыграл значительную роль в истории музея этого общества и харьковского городского музея. В эти же годы он по предложению известного слависта М. Фасмера начинает готовить для серии «Энциклопедия славянской филологии и истории культуры» книгу, которая сделала его имя всемирно известным. Завершена она была в Ленинграде в 1926 году и получила название «Russische (Ostslavische) Volkskunde», т. е. «Русская (восточнославянская) этнография».

Можно без преувеличения сказать, что «Востоочнославянская этнография» Д. К. Зеленина была на протяжении полустолетия и до сих пор остается наиболее популярной и авторитетной в мировой науке книгой по этнографии русских, украинцев и белорусов. Д. К. Зеленин, естественно, опирался на предшествующие обзоры этнографии восточных славян или шире — славянских народов от А. В. Терещенко и географических описаний первой половины XIX века до Е. Ф. Карского, Ф. К. Волкова и Л. Нидерле. Однако ни в одном из этих обзоров сведения о трех близкородственных народах не были развернуты с такой систематичностью и полнотой, как это удалось осуществить Д. К. Зеленину. Готовя эту книгу Д. К. Зеленин со свойственными ему трудолюбием и вместе с тем размахом и эрудицией большого ученого поднимал мощные пласты источников, накопившихся к этому времени в русских архивах, современных и краеведческих изданиях, которые до него привлекались только выборочно и более или менее случайно. В этом смысле «Востоочнославянской этнографии» предшествовали его библиографические работы и «Описание архива РГО». Оценить эти источники, правильно понять их и использовать помог ему живой опыт собственной полевой работы, которую он вел особенно напряженно в первое десятилетие своей научной деятельности. Особенно значительным и новым было обстоятельное обобщение сведений о материальной культуре восточных славян, занимавшее три четверти книги.

²⁷ «Етнографічний вісник», Київ, 1927, кн. 5.

²⁸ «Живая старина», 1911, в. 2.

²⁹ «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», Л., 1928.

³⁰ «Етнографічний вісник», Київ, 1929, кн. 8.

³¹ «Lud słowiański», Kraków, 1930, t. I, z. 2, dział b.

Книга открывалась небольшим предисловием, за которым следовали краткий обзор основной литературы по этнографии восточных славян и характеристика основных моментов их этнической истории. Материальная культура характеризовалась в восьми главах — «Земледелие», «Животноводство, рыболовство и пчеловодство»; «Пища и ее приготовление», «Тягловый скот, сбруя и повозки», «Изготовление одежды и обуви», «Одежда и обувь», «Личная гигиена», «Жилище». Главы, в которых трактовались проблемы социальной организации и духовной культуры, мы уже называли. Таким образом, монография Д. К. Зеленина охватывала все основные сферы народного быта восточных славян. Как писал в год выхода книги известный этнограф М. Я. Феноменов, «Восточнославянская этнография» завершила «дело консолидации русской этнографии, как отдельной научной дисциплины, и открывала новую эру в ее развитии»³². В. Н. Харузина писала: «Она должна стать настольной книгой для всякого этнографа, занимающегося этнографией русского народа»³³. Восточнославянские народы и их локальные группы не получили в книге Д. К. Зеленина обособленной характеристики, однако этническая и пространственная дифференциация культуры этих народов все время имеется в виду (украинцы, белорусы, северо- и южно-великорусы). В тех случаях, когда это оказывается возможным, высказываются более или менее убедительные соображения об исторических причинах этих различий или причинах сходства каких-то элементов и комплексов культуры с соответствующими элементами или комплексами, бытующими у соседних народов. В случаях дискуссионных сопоставляются мнения разных ученых, дается им оценка. Так, например, Д. К. Зеленин оспаривает целый ряд суждений исследователей русского жилища (К. Рамм), свадебного обряда восточных славян (Ф. Волков) и т. п. и обязательно при этом демонстрирует материалы, которые не позволяют ему согласиться с этими мнениями.

В ходе изложения восточнославянской этнографии Д. К. Зеленина постоянно интересует проблема взаимоотношения восточных славян с балтскими, тюркскими и особенно финно-угорскими народами, хотя он в целом и не склонен преувеличивать взаимовлияния и взаимозаимствования. Во введении к книге он посвящает этой проблеме специальный параграф «Русские и финны» (т. е. восточные славяне и народы финно-угорской группы. — К. Ч.). Здесь он решительно заявляет: «Даже теперь весьма распространено мнение, что великорусы возникли в результате смешения славян и финнов. Это предположение принять невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что великорусы, как и все народы на земле, не избежали смешения, однако нет никаких оснований считать, что в их происхождении финны сыграли особенно большую роль. Массовая ассимиляция финских народов началась достаточно поздно, по крайней мере позже, чем сформировались великорусы»³⁴.

Невозможно не вспомнить, что в 1929 году Д. К. Зеленин снова вернулся к этому вопросу, чтобы на этот раз развернуть и детализировать свою аргументацию. В первом выпуске сборника Ленинградского общества по изучению культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН) он публикует статью «Принимали ли участие финны в образовании великорусской народности?»³⁵. Эта статья вызвала весьма оживленную дискуссию³⁶.

³² М. Я. Феноменов. Книга, которая создала эпоху. — «Краеведение», 1927, № 4, с. 447.

³³ В. Н. Харузина. D. Zelenin. «Russische (Ostslavische) Volkskunde». — «Этнография», 1928, № 2, с. 154.

³⁴ «Russische (ostslavische) Volkskunde».

³⁵ Сб. ЛОИКФУН, вып. 1, Л., 1929, с. 96—108.

³⁶ М. Т. Маркелов. К вопросу о взаимоотношении финнов и русских. — «Этнография», 1930, № 1—2; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации (в связи с работой проф. Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»). — Там же.

Всесторонняя оценка дискуссии 1929 года — одна из насущных современных задач советской этнографии. Сейчас уже не составляет труда отделить научное ядро спора от того наносного, субъективного и случайного, что этот спор сопровождало. Резкость обвинений, которые оппоненты бросали друг другу, сейчас уже не может помешать видеть, что они спорили и в научном отношении не вполне корректно. Отчасти был виноват в этом и Д. К. Зеленин. Название его статьи и некоторые неточности его формулировок позволяли как будто считать, что он вообще отрицает «участие финнов» в этнической истории русских. Между тем основная его мысль, если передать ее кратко, заключалась: а) в том, что неверно считать русских (великорусов) финнизированными славянами; б) в том, что наличие финских элементов в севернорусской культуре еще не дает права отрицать культурное единство русских и их родственность другим славянским народам, особенно восточным славянам; в) в том, что процесс ассимиляции финноязычных групп развивался особенно интенсивно в то время, когда русские уже сложились как народность. Несомненно, что в этих основных своих трех утверждениях Д. К. Зеленин был прав. Теперь мы можем сказать об этом еще с большей уверенностью.

Оппоненты были правы, настаивая на том, что «участие финнов» в этногенезе и этнической истории русских бесспорно, что не отрицал и Д. К. Зеленин. С. П. Толстов и М. Т. Маркелов в своих статьях не только высказывали интересные и новые идеи, останавливаясь на которых мы здесь не можем, но и продемонстрировали многочисленные факты, не потерявшие своего значения до сих пор. Однако они явно ошибались, объявляя «великорусскую народность» псевдопатриотической и даже шовинистической фикцией.

Несомненной ошибкой критиков Д. К. Зеленина было требование такого внутреннего «культурного» единства русского этноса (для того, чтобы признать его этносом), которое на уровне традиционной культуры непредставимо даже теоретически. Бесспорно правильное понимание этнической истории как сложного процесса перегруппировок, смены этнических контактов и взаимовлияний, сочетание объединительных и разъединительных процессов, ассимиляции и диссимилиации (особенно ясно видное на примере столь многочисленного и широко расселенного этноса как русские) привело их, однако, к ошибочному отрицанию единства русских как этноса. Совершенно так же можно было бы объявить несуществующим любой этнос (в том числе и любой из тех, которые они будто бы защищали от русофильского шовинизма, произвольно приписывая его Д. К. Зеленину). Указывая на «смещение», они не говорили Д. К. Зеленину ничего нового — он и так в этом не сомневался; обвиняя его в том, что он считает русских извечно существовавшим и саморазвивающимся этносом, они были не правы, так как и в «Восточнославянской этнографии», и в своих более ранних работах он неизменно говорил (так же, как и его учитель — А. А. Шахматов) о том, что русские (великорусы) — этническая общность, сформировавшаяся относительно поздно (вспомним хотя бы его «Великорусские говоры...»).

Пятьдесят лет, которые отделяют нас от этого спора, обязывают нас не вычислять, кто более и кто менее прав или виноват, — это бессмысленно, а обсудить заново во всеоружии фактов, которыми мы теперь располагаем, эту сложную проблему. В настоящей же статье мы должны были коснуться этого вопроса, так как с ним связана одна из легенд, окружавших имя Д. К. Зеленина на протяжении ряда лет. С ней пора расстаться.

Однако вернемся к «Восточнославянской этнографии».

После каждой главы здесь приводилась важнейшая литература. Она была отобрана очень тщательно, поэтому книга Зеленина до сих пор

считается лучшим библиографическим пособием по этнографии восточных славян до конца 20-х годов нашего века. Несмотря на то, что книга писалась в первые послереволюционные годы, в ней не ставилась цель отразить перемены, которые уже начали намечаться в деревне. Д. К. Зеленин с известным основанием считал, что для этого еще не пришло время. Вместе с тем, Д. К. Зеленин всей своей предыдущей деятельностью утверждал, что этнография должна отталкиваться именно от современности, даже осуществляя исторические изыскания. Современность дает внимательному наблюдателю драгоценный материал для них. И наоборот, современность нельзя объяснить, не имея в виду того, что она — результат пережитой истории. Еще в «Очерках русской мифологии» он писал: «Все почти исследователи, занимавшиеся русской мифологией, шли от старого к новому, исходя из исторических известий о древнерусском историческом Олимпе и старались пристегнуть к этим старым известиям данные современных русских поверий. Наш путь совсем иной. Отправною точкою для нас всегда и везде служат современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются». В одной из немногих статей о Д. К. Зеленине, опубликованных в последнее десятилетие, такой метод назван «ретроспективным». Может быть, это название и не вполне точно, но несомненно, что современность — такой, какой она была в конце XIX — начале XX века, была всегда основным предметом изучения Д. К. Зеленина. Нельзя поэтому не вспомнить и о том, что Д. К. Зеленин был в числе тех, кто первыми разрабатывал программы и методы изучения послереволюционной деревни. Так, например, ему принадлежит составленная в 1930 году «Программа этнографического изучения колхозов».

Вместе с тем, с конца 20-х и в 30-е годы Д. К. Зеленин занимался преимущественно иными проблемами. Он все больше и больше обращается к историко-сравнительному изучению архаических верований и обрядов. В краткой статье невозможно выяснить все факторы, повлиявшие на занятия Д. К. Зеленина в конце 20-х и в 30-е гг. Можно только сказать, что интерес к общетеоретическим и в историческом смысле этого слова ранним проблемам этнографии был свойствен в эти годы не ему одному. Стремление к исторической интерпретации этнографических проблем и живая заинтересованность в том, что в те годы называлось «генетикой культуры»³⁷, должны были увести его за пределы русского и восточнославянского материала. Генетические проблемы могут решаться только историко-сравнительным методом. Вместе с тем исследовательский опыт Д. К. Зеленина предостерегал его от произвольного привлечения параллелей из любого района земного шара. Он считал, что интерпретация сравнительно позднего материала может быть более успешной, если попытаться найти недостающие исторические звенья у относительно близких «соседних» народов, стоящих на более ранних ступенях развития. Поэтому, как правило, Д. К. Зеленин идет от восточнославянского материала к ближайшим народам Поволжья или европейского севера и затем к архаическим формам обрядов и верований народов Сибири и только потом, если возникает необходимость и выявляется интересный сравнительный материал — к другим народам земного шара, у которых были зафиксированы еще более архаические формы.

К обширному циклу подобных статей, написанных в конце 20-х и в 30-е годы относятся такие известные работы как «Табу слов у народов

³⁷ См. например, Д. К. Зеленин. Перспективный план работ по изучению генетики культуры. — «Краеведение», 1928, № 5, с. 257—266.

Восточной Европы и Северной Азии»³⁸, «Магическая функция примитивных орудий»³⁹, «Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов»⁴⁰, «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок»⁴¹, «Идеология сибирского шаманства»⁴², «Магическая функция слов и словесных произведений»⁴³, «Култ онгонов в Сибири»⁴⁴, «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов»⁴⁵ и др. В одной из своих относительно поздних статей Д. К. Зеленин, характеризующий процесс диалектического познания народных верований и обрядов, писал: «...от изучаемого комплекса религиозной идеологии к социальной структуре общества — создателя и носителя данной системы верований и обрядов, и от производственных отношений общества на данной стадии — к системе изучения обрядов и верований»⁴⁶. Несколько перефразируя и уточняя, можно было бы эту методическую декларацию использовать для кратчайшей характеристики исследовательского пути самого Д. К. Зеленина — от обрядов, диалектологии и фольклора к широкому вовлечению проблем материальной культуры, многие разделы которой тогда только начинали разрабатываться, к синтетическому обобщению традиционной культуры трех восточнославянских народов и — на новом витке движения — возврат к проблемам обрядов, верований и фольклора с одновременным углублением в гущу традиционных представлений и традиционных категорий социальной (исторической) психологии.

Лучшие работы Д. К. Зеленина были по своему глубокому смыслу и методическому знанию синтетическими, комплексными, как мы бы теперь сказали. Однако эта комплексность заключалась не в том, что он участвовал в коллективных исследованиях в соавторстве с представителями «соседних» дисциплин. Синтетическим и комплексным было само его научное мышление, его исследовательские приемы и методы. Данные родственных наук не просто увязывались у него в единый результат, а освещали друг друга, взаимно друг друга объясняли. В каждой из этих областей он был не гостем, не дилетантом, а хозяином и профессионалом. Именно поэтому имя Д. К. Зеленина принадлежит истории не только этнографии, но в равной мере и русской диалектологии, русской фольклористики, русского религиоведения.

Это качество Д. К. Зеленина представляется нам особенно поучительным и важным. Оно не может быть объяснено просто даровитостью ученого и его трудолюбием, хотя без них и не могло быть реализовано. Это была принципиальная позиция, методическая концепция, которая предопределила его близость современной этнографии и право многих современных этнографов и фольклористов (особенно, разумеется, славистов) считать Д. К. Зеленина в числе своих ближайших учителей, вне зависимости от того, слушали они его университетские лекции или нет.

В 1940-е годы Д. К. Зеленин опубликовал сравнительно немного. Для этих лет его деятельности характерен как бы возврат к славистической тематике, который был стимулирован все возрастающим интересом к славянам, их культуре и истории и интенсивным сближением ученых Советского Союза с учеными социалистических стран Европы, в

³⁸ Часть I — «Запреты на охоте и иных промыслах». — «Сборник МАЭ», т. 8, Л., 1929; часть II — «Запреты в домашней жизни». — Там же, т. 9, Л., 1930.

³⁹ «Изв. АН СССР», 7, серия «Отделение общественных наук», 1931, № 6.

⁴⁰ Там же, 1933, № 8.

⁴¹ В кн. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. Сборник статей», Л., 1934.

⁴² «Изв. АН СССР», 7, серия «Отделение общественных наук», 1935, № 8.

⁴³ В кн. «XLV. Академику Н. Я. Марру», Л., 1935.

⁴⁴ «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 14. Этнографическая серия, вып. 3, Л., 1936.

⁴⁵ Там же, т. 15, вып. 2. Этнографическая серия, № 5, М. — Л., 1937.

⁴⁶ Д. К. Зеленин. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. — «Сов. этнография». 1934, № 5, с. 3.

том числе и славянских стран⁴⁷. Вторая его важнейшая тема этих лет — народы Прибалтики и балто-славянские связи⁴⁸.

Таков вкратце почти полувековой путь Д. К. Зеленина в науке. Умер он 30 августа 1954 года. В год его смерти была опубликована большая статья «О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода»⁴⁹ и в 1958 году — «Про київське походження карпатських українців-гуцулів»⁵⁰.

Отдельные идеи, которые формулировались Д. К. Зелениным или, тем более, частные выводы, к которым он приходил в своих исследованиях, представляются теперь уже подчас не столь убедительными. В этом нет ничего удивительного — многие из них были написаны пятьдесят, шестьдесят или семьдесят лет тому назад. Так, например, трудно согласиться с предложенным им, вслед за А. А. Шахматовым, членением восточных славян не на три (как это сложилось исторически), а на четыре народа. Эта идея фигурирует и в «Востоčnoславянской этнографии». Современная теория этноса подчеркивая, что он выражает себя в традиционной бытовой культуре, вместе с тем, предостерегает от абсолютизации этого представления. В конечном счете решающим является этническое самосознание. Различие в культуре может устанавливаться научным исследованием, но оно может осознаваться или не осознаваться самими носителями этих культур и в связи с этим приобретать или не приобретать этническую функцию. Впрочем, следует признать, что этот тезис, не оказавший заметного влияния на дальнейшее развитие восточнославянской этнографии, способствовал дифференцированной подаче материала на страницах «Востоčnoславянской этнографии». Наряду с пометами «украинское» и «белорусское» мы здесь постоянно встречаем пометы «южновеликорусское» и «северновеликорусское», позволяющие четче группировать обширный материал, с которым знакомится читатель.

Столь же спорна идея, развивавшаяся Д. К. Зелениным в целом ряде работ 20—30-х гг., о дорелигиозной стадии как древнейшей стадии истории человеческого мышления. Не будем сейчас вдаваться в историю этого представления; важно, что Д. К. Зеленин не только разделял его, но и был его пропагандистом. Вероятно все-таки ближе к истине те ученые, которые считают, что для древнейшей человеческой истории было характерно не безрелигиозное, а синкретическое по своей природе мышление.

Д. К. Зеленин несколько прямолинейно понимал зависимость между «базисными» и «надстроечными» явлениями. В связи с этим он, как и некоторые другие исследователи тех лет, подчас приходил к выводам, воспринимаящимся сейчас как явные упрощения. К их числу можно отнести, например, квазиреалистические объяснения происхождения некоторых обрядов или верований (например, обработка рыболовных сетей дымом — огнем не с целью магического очищения, а для того, чтобы рыба не почувствовала запаха человека; прообраз русалок — девушки, пропавшие в лесу без вести или убежавшие от родительского гнета и т. д.), связанные с вполне понятным стремлением обнаружить их кор-

⁴⁷ Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народа (некоторые этнографические параллели). — «Сов. этнография», 1940, № 3; *его же*. Общественные игры военного характера у чехов. — Второй Всесоюзный географический съезд. Тезисы докладов по секции этнографии и антропологии, М. — Л., 1947, и др.

⁴⁸ См.: Д. К. Зеленин. Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного географического общества о народах Прибалтики. — «Сов. этнография», 1947, № 6—7; *его же*. Общие элементы в древних финских и русских костюмах. — «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия востоковедческих наук», вып. 2 — «Сов. финноугроведение», т. 1, Л., 1954 и др.

⁴⁹ «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 6, М. — Л., 1954.

⁵⁰ «Українська етнографія», Київ, 1958.

ни в реальной действительности, но преимущественно в «дорелигиозных» ее слоях.

Разумеется, четверть века, прошедших с тех пор, как советская этнография потеряла Д. К. Зеленина, не прошли даром. Собрано много новых фактов, значительно усовершенствовалась методика изучения целого ряда важнейших проблем восточнославянской этнографии. Особенно значительны достижения в целом ряде разделов изучения материальной культуры (поселения, жилище, одежда, сельскохозяйственные орудия), фольклора, социальных институтов (семья, община), календарных и семейных обрядов, возникло и успешно развивается направление, которое еще не было известно Д. К. Зеленину — этнография города и рабочих. Прделана значительная работа по картографированию отдельных элементов и комплексов материальной культуры русских, украинцев и белорусов, описаны и изучены локальные группы, о которых раньше знали мало, ведутся экспериментальные работы по подготовке европейского этнографического атласа, опубликован ряд исследований современного быта и культуры восточных славян.

Однако, как мы уже говорили, обобщающие труды Зеленина и его фундаментальные библиографические и источниковедческие работы, так же как постоянное стремление к комплексному изучению проблем народной культуры, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Более того, мы все отчетливее сознаем, что без многих публикаций Зеленина невозможны были бы достаточно основательные современные исследования и что он для нас не только один из крупнейших русских этнографов, но и прочное звено, соединяющее советскую этнографию с лучшими достижениями русской этнографии XIX — начала XX века. Переиздание его важнейших исследований, давно уже ставших библиографической редкостью, и, прежде всего, публикация на русском языке его лучшей книги — «Восточнославянской этнографии» — одна из актуальных задач современной советской этнографии.

DMITRIY KONSTANTINOVITCH ZELENIN
(TO THE CENTENARY OF HIS BIRTH)

D. K. Zelenin (1878—1954) began his research career in the first decade of the 20th century; he became an embodiment of the lasting ties between the traditions of Russian science in the 19th and early 20th centuries and the ethnography of the Soviet period. He accomplished a huge work in summarizing the ethnographic study of the Eastern Slavs («Russische (ostslavische) Volkskunde», 1927, as well as fundamental bibliographical works).

D. K. Zelenin left a large heritage. However, very little has been written about him. Hence it should be our urgent task to uncover his works, to take stock of them and make them known with due critical approach. The present paper offers a general survey of the most important of D. K. Zelenin's ethnographical, dialectological and folkloristic publications. His works have been analysed in detail in a collection of papers dedicated to his memory («Problems of Slav ethnography. To the birth centenary of corresponding member of the USSR Academy of Sciences, D. K. Zelenin») which is at present in print.

Г. Н. Чагин

УСАДЬБЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ

[XVII — начало XX в.]

Северное Прикамье — район самой ранней русской колонизации на Урале¹. Анализируя материалы писцовых, переписных, крестоприводных, дозорных книг и других письменных источников, исследователи пришли к выводу, что интенсивное заселение этого региона шло в конце XVI—XVII вв. Ядро русского старожильского населения сложилось здесь из черносошных крестьян и посадского населения Центрального Поморья². В это время русские селились не только рядом с аборигенами края (коми-пермяками, манси), но и осваивали незаселенные территории.

Сравнивая географию сельских поселений изучаемого времени с археологической картой родановской культуры IX—XV вв. (культура предков коми-пермяков), а также привлекая разнообразный топонимический материал, можно выделить в Северном Прикамье районы, где в XVI в. концентрировалось русское население. Это район г. Чердыни и г. Соликамска, территории по Усолке (верховья), по правобережью р. Вишеры (низовья), по берегам р. Камы от впадения р. Пильвы до устья Вишеры, нижняя часть бассейна рек Боровой и Мошевицы, устье рек Зырянки, Яйвы и Кондаса. В XVII в. продолжается освоение указанных районов, но наряду с этим русскими активно заселяется водораздел между Камой, Нижней Вишерой и Глухой Вильвой, побережье Камы от устья Вишеры на севере до устья Зырянки на юге, междуречье Боровой и Усолки, бассейн Вильвы, Кондаса, территории по Каме (у озера Кумикуш). Таким образом, к началу XVIII в., когда стали затухать внешние миграционные процессы, вся центральная часть Северного Прикамья (включая и земли по притокам Камы) была освоена русскими в такой степени, что в дальнейшем здесь новых поселений

¹ К Северному Прикамью принято относить северо-восточную часть Пермской области (центральная и восточная части бывших Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии), см. С. Ф. Николаев, М. Н. Степанов, П. Н. Чепкасов. География Пермской области. Пермь, 1969.

² См. М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. 1—2, М., 1909; 1912; А. А. Дмитриев. Пермская Старина, вып. II. Пермь, 1890; П. А. Колесников. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — первой половине XVIII в. М., 1956; его же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; В. А. Оборин. Социально-экономическое развитие Урала в XVII в. — «История Урала», т. 1. Пермь, 1963, с. 70—93; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; В. П. Червяков. Миграции населения в Русском государстве в XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Соликамского уезда). — «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник», вып. 1. Вологда, 1970, с. 90—108.

почти не возникало. А в XVIII—XIX вв. русские переселяются в верховья Вишеры и Колвы, а также в бассейн Кондаса.

Материальная культура русского населения Северного Прикамья до сих пор всесторонне не изучалась. А знание ее специфики необходимо для понимания этнического развития народов Урала и для анализа взаимодействия культуры изучаемого региона со всей русской народной культурой. В этом аспекте чрезвычайный интерес представляют жилые и хозяйственные постройки. Краткие разрозненные сведения о них можно встретить в различных дореволюционных публикациях, в историко-этнографическом атласе «Русские» (М., 1967, 1970). В работах этнографа Т. В. Станюкович³ и архитектора И. В. Маковецкого⁴, основанных на полевом материале, дается характеристика традиционных русских усадеб Северного Прикамья только с середины XIX — начала XX в.

Однако усадьбы XVII—XVIII вв. (их появление, эволюция, специфические особенности) в этнографической литературе не освещались. В то же время актуальность изучения типологии жилища и его развития в разные исторические периоды подчеркивалась при обобщении итогов изучения восточнославянского жилища за годы Советской власти⁵.

За исходный рубеж исследования нами принят XVII век — время появления в Северном Прикамье основной массы русского населения и возникновения большинства русских поселений, сохранившихся до XX в. Поэтому черты, выявленные в жилище XVI—XVII в. можно признать за начальные, отправные, так как в это время шло формирование основных черт русской народной культуры. Кроме того, к началу XVII в. относятся самые ранние обнаруженные нами письменные источники.

Для написания статьи автор использовал разнообразные письменные, картографические, изобразительные материалы из Центрального Государственного архива древних актов, Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Государственного Исторического музея, Государственного архива Пермской области, Пермской публичной библиотеки, Чердынского и Кунгурского краеведческих музеев. В работе в основном использованы челобитные, купчие, судные, рядные, закладные крестьянские акты, документы Чердынского, Соликамского уездных судов и магистратов, Соликамской крепостной канторы, грамоты Коллегии экономии, расписные книги воевод и др. Кроме этого, изучены опубликованные акты⁶. Содержание документов различно, в некоторых имеются лишь косвенные данные о жилище. Но в большинстве их содержатся сведения о расположении и назначении построек, приводится местная терминология. В письменных материалах имеются описания 96 усадеб XVII — первой половины XVIII в. При этом 91 из них находится в населенных пунктах, основанных русскими, в том числе и в г. Соликамске.

Для изучения усадеб более позднего времени были использованы разнообразные историко-статистические публикации, сделанные во второй половине XIX — начале XX в. учеными и путешественниками,

³ См. Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.). — «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. 57, М., 1960 (раздел «Поселения и жилище» написан Т. В. Станюкович), с. 77—102.

⁴ См. И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

⁵ См. Л. Н. Чижикова. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации. — «Сов. этнография», 1976, № 4, с. 40.

⁶ См.: «Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г.». — «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских», кн. 25, М., 1857, с. 115—118 (предисловие Г. Спасского), с. 119—154 (тексты грамот); В. А. Удинцев. История займа. Киев, 1908 (акты из с. Цыдва опубликованы в приложении); А. А. Горбунова. Соликамская грамота XVII в. — «На Западном Урале». Пермь, 1956, с. 102—119.

посетившими этот край. Особый интерес среди них представляют «Описание села Серегово Чердынского уезда за 1865—80 гг.»⁷, в котором содержатся сведения о всех 77 усадьбах села, а также «Описание села Вильгорт Чердынского уезда С. С. Лялина»⁸.

Информация о сельском русском жилище была собрана во время работы этнографических экспедиций кафедры истории СССР досоветского периода Пермского государственного университета, а также в индивидуальных поездках автора по Северному Прикамью в 1964—1974 гг. Только на основе анализа всех названных источников можно воссоздать эволюцию русского жилища исследуемого региона.

Крестьянская усадьба XVII в. возводилась с учетом природной среды. Ее состав и размеры зависели от уровня развития хозяйства, его назначения. В Северном Прикамье, являющемся восточной зоной Поморья, как и по всему Европейскому Северу, господствовал прибрежно-речной тип заселения. Вода и солнце были главными факторами, влияющими на ориентировку построек. Усадьбы крестьян северного региона по письменным источникам предстают сложным комплексом, объединяющим различные по назначению и размерам постройки. Во всех документах они называются северорусским термином «дворы-хоромы», а собственно жилая часть — избой. Основным строительным материалом было дерево: сосна, ель, лиственница. В документах XVII в. встречается около 30 названий различных построек: изба, клеть, подклет, сени (сенцы), предмостье, горница (горенка), чулан, двор, пристен, сенник (сеница, сеничишка), сарай, хлев, повить, стая, конюшня, амбар, погреб, житница, гумно, овин, мякинница, вежа, баня, кузница, мельница (водяная мутовчатая), поварня, колодец, ворота.

В Северном Прикамье с XVI в. наиболее распространенными поселениями были деревни и починок. Административными центрами являлись города Чердынь, Соликамск, а в уездах — *погосты*, преобразованные в 70-е годы XVIII в. в села. По характеру занятий населения в Северном Прикамье четко выделяются два типа поселений: сельскохозяйственные, которые локализуются по всему региону, и промысловые, сосредоточенные только в Соликамском уезде по Каме и ее притокам — Ленве, Зырянке, Яйве, где широко развивалось солеваренное производство.

Тщательный анализ письменных сообщений о жилище и сопоставление их с более поздними этнографическими материалами дают основание сделать вывод, что в XVII в. особого разнообразия в типологии жилища исследуемого региона не было. Это обстоятельство нетрудно заметить, так как при чтении документов в большинстве случаев встречаются два почти одинаковых выражения: «... во дворе хоромах изба..., а против нее сени и сенник на хлеву... повыше двора огородец...», «... против избы сени, клеть... позади них хлев на стает...». При этом отметим, что в описаниях не всегда упоминаются сени. По мнению некоторых исследователей (с которыми мы склонны согласиться), это объясняется не полным отсутствием сеней, как таковых, а тем, что они считались обязательной частью жилища⁹. Бывает и так: сени, не названные при общем описании жилища, потом упоминаются в связи с какими-то обстоятельствами (кража вещей, описание крыльца, хлева, убийство, перечисление сгнивших деталей построек, уточнение разделенного имущества)¹⁰.

Подробное исследование актового материала показывает, что в Северном Прикамье, как в деревнях, починках, погостах, так и в горо-

⁷ Гос. архив Пермской области (далее ГАПО), ф. 680, оп. 1, д. 180.

⁸ Чердынский краеведческий музей (далее ЧКМ, колл. 2689/3).

⁹ См. Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми. — «Историко-филологический сборник», вып. 6. Сыктывкар, 1960, с. 74.

¹⁰ Кунгурский краеведческий музей (далее ККМ), документ 47, л. 1; Центральный Государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 137, оп. 1, д. 15, л. 88 об.; ЧКМ, коллекция 2561/2, л. 1.

Рис. 1. Дом и двухъярусный двор (однорядная связь), середина XIX в., д. Сим

Рис. 2. Трехкамерное жилище (изба+сени+клеть), конец XIX в., с. Ульва

дах Чердыни, Соликамске и в поселениях при соляных промыслах, усадьбы имели много общих черт. Здесь в XVII—начале XVIII в. самым массовым типом постройки было трехкамерное жилище-связь, в котором жилая изба и клеть были разделены холодными сенями. Сохранялось в редких случаях и двухкамерное жилище типа изба+сени.

Каждому выявленному типу жилища соответствовала определенная застройка всей усадьбы. В первом варианте она была двухрядной, а во втором — однорядной¹¹. Такая типология прослеживается в 89 усадьбах из 96 описанных в источниках. Определить типологию остальных усадеб из-за фрагментарности описания невозможно. Среди 89 усадеб XVII — первой половины XVIII в. лишь 8 были однорядной застройки. Реконструировать этот тип усадеб помогают довольно точные сведения, имеющиеся в письменных источниках: «...а мне ... достался ... двор в городе Чердыни на посаде на Ламоновском месте, а во дворе хоромах изба на змостье, да против избы сенник на подклети, и со всеми хоромами, и с местом дворовым, и с огородцем»¹², «... во дворе хором изба на подклете, а под избой погреб, а против избы сенник на хлеву, да под сенником же анбарец возле тот же хлев»¹³ (можно предположить, что здесь были и сени для удобного входа в хозяйственную двухэтажную постройку), «...а во дворе хоромах изба поземая, а против избы сенцы и... сенник»¹⁴, «...да у той же мельницы построена изба на взмостье, а против избы сенцы, да скотской хлев ветхой и кровли нет»¹⁵. Приведенный материал свидетельствует, что в один ряд были объединены изба и хозяйственные постройки, то есть последние являлись как бы продолжением жилой избы. Такие типичные северные дома «брусом», которые этнографы считают наиболее ранними на Европейском Севере¹⁶, зарегистрировали источники только первой половины XVII в. Это дает основание предположить, что усадьбы с однорядной связью при наличии двухкамерного жилого дома были в Северном Прикамье на раннем этапе русской колонизации широко распространены.

По некоторым письменным сведениям можно признать, что усадьбы с двухрядной связью являются органичным развитием предыдущего варианта. Расширение земледелия и промысловой деятельности влияло на увеличение числа построек и в целом на развитие усадеб. В этом отношении очень выразительна закладная 1645 г., в которой описывается усадьба в погосте Усть-Боровая Соликамского уезда: «...а во дворе хоромах изба на змостье новая трех сажень печатных, да против избы через сени сенник с подклетом, в подклете погреб, да подле избы новая синиша, а под синишею хлев теплой... новой»¹⁷. По этому отрывку нетрудно определить, что здесь мы имеем дело с перестроенной усадьбой, имевшей первоначально однорядную застройку: изба поставлена новая, а двухэтажная хозяйственная постройка — сенник с погребом остались прежними (здесь первоначально вполне мог быть и хлев, так как постройка названа сенником). Возле них вторым порядком выстроен новый двухъярусный двор. В дальнейшем сенник с погребом или хлевом заменялся хозяйственной клетью и вся жилая часть приобретала уже трехчастную структуру.

Наши источники сообщают о 81 такой усадьбе Северного Прикамья. В завершенном виде этот тип в источниках XVII — начала XVIII в. чаще всего описывается так: «Против тех горниц сени и клеть с перерубом, а у сеней с двух сторон лестницы на ряжах крытые», а позади «...конюшня, на конюшне сенник»¹⁸, «...хоромное строение изба с се-

¹¹ Здесь и далее мы пользуемся принятой в советской этнографии терминологией. См.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — «Восточнославянский этнографический сборник», ТИЭ, т. XXXI. М., 1956; Е. Э. Бромквист, О. А. Ганцкая. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — нач. XX в. — «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967, с. 131—149.

¹² «Чердынские юридические памятники...», 24, с. 140—142.

¹³ ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11181, л. 1.

¹⁴ Пермская публичная библиотека, колл. 61595, л. 44 об.

¹⁵ ГАПО, ф. 597, оп. 1, д. 19, л. 177.

¹⁶ См. «Русские. Историко-этнографический атлас», с. 140, 152—153, 158.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11323, л. 1.

¹⁸ ГАПО, ф. 597, оп. 1, д. 19, л. 43 об.

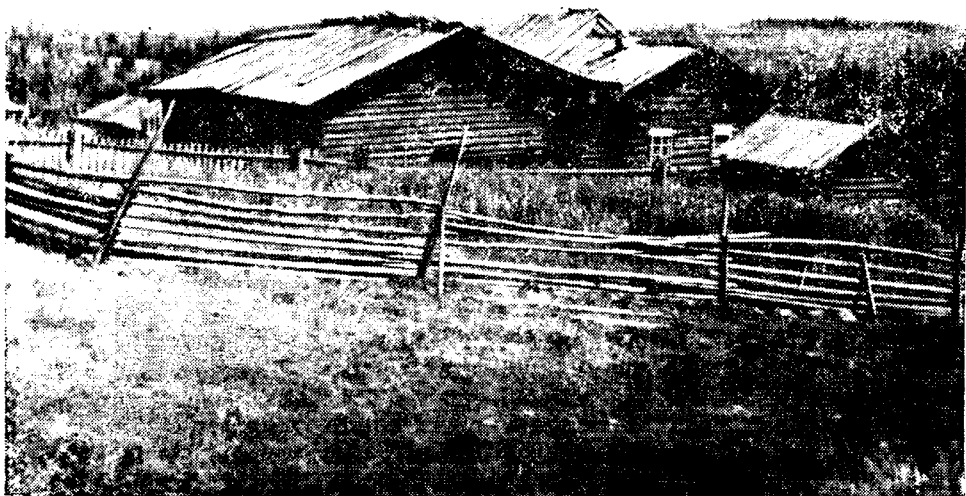

Рис. 3. Трехкамерный дом и двор (слитная двухрядная связь), начало XX в., д. Сим

нями и с клетью», а возле них двор¹⁹, под крышей «...изба с сенцы и с клетью из заплоти... и со всем дворовым построем позади»²⁰, «...изба на змостье, а против избы по левую сторону клеть»²¹, «...дом деревянной в одной связи изба, сени, напротив одного клеть... а позади двор»²². Существенным является и то, что выявленный тип усадьбы часто в документах конца XVIII — начала XIX в. отмечается как «самый старинный»²³.

Собственно жилой частью в таких усадьбах была одна изба, рубленая в «обло» с остатком, обычно квадратная в плане (6,5×6,5 м). В источниках несколько раз сообщается один и тот же размер: «Изба... трех сажен печатных»²⁴. Избы такого размера в трехкамерном жилище оставались на протяжении всего последующего времени. Так, после крупного пожара 1809 г. в д. Керчевой Чердынского уезда крестьяне обращаются в суд за помощью и просят на постройку изб «трехсаженных еловых бревен»²⁵. О широком распространении аналогичных размеров изб свидетельствуют наши полевые материалы, собранные в разных местах Северного Прикамья, а также земская подворная перепись 1884—85 годов, которая зарегистрировала в Чердынском уезде избы в 8—9 аршин длиной²⁶.

В актовом материале имеются сведения о трех видах изб: «на змостье», «на подклете», «поземная». Суровые природно-климатические условия заставляли приподнимать жилую часть над землей. Из всех

¹⁹ ЦГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 10441, л. 7.

²⁰ Там же, д. 10439, л. 1.

²¹ Там же, ф. 281, оп. 17, д. 11458, л. 1.

²² ГАПО, ф. 21, оп. 2, д. 47, л. 144—145.

²³ Там же, ф. 680, оп. 1, д. 180, л. 6 об.; ф. 13, оп. 1, д. 710, л. 10—11.

²⁴ ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11323, л. 1.

²⁵ ГАПО, ф. 15, оп. 1, д. 405, л. 2 об.—3 об.

²⁶ «Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии». Пермь, 1890, с. 1170—1171.

описанных усадеб только в девяти избы были поземные, т. е. пол был рас-
положен близко к земле. Да и то такие избы встречались только в юж-
ной части рассматриваемого региона. В остальных случаях пол был
приподнят так, что создавалось значительное пространство между ним
и землей — подклеть, используемое для хозяйственных целей²⁷. За счет
этого избы были высокими, до «трех сажен печатных». Это утверждение
подтверждается как письменными источниками, так и изобразительными
материалами. На трех картах, составленных во время тяжбы Г. Д. Стро-
ганова с «гостями» Филатьевыми и Шустовыми по поводу Ленвенских
соляных промыслов в 1696 г. и представленных в Новгородский приказ,
имеются рисунки построек по всем насеченным пунктам, расположен-
ным по берегам Камы и ее притокам от устья р. Боровой до устья
р. Яйвы. В большинстве случаев дома изображены очень высокие, с
двухскатными крышами²⁸.

В одной связи с жилой избой через сени (иногда в источниках они
называются *мостом*, *предызьем*) находилась клеть (обычно двухэтаж-
ное помещение). Документы чаще всего так описывают эту третью часть
жилища: «... две клетки с перерубом, а жить ему в большей клетке с по-
гребом»²⁹, «да против избы клеть на погребке из заплоти»³⁰. Иногда
большая клеть разделялась капитальной стенкой «перерубом». В верх-
нем ее помещении, в которое можно было войти из сеней, хранили про-
дукты, домашние вещи, а в летнее время спали; в нижнем этаже был
обычно погреб, а с другой стороны, ближе к сеням, хранили хозяйствен-
ный инвентарь. Обязательной принадлежностью такого жилища явля-
лись хозяйственные постройки, которые были двухэтажными и вплотную
примыкали к избе, сеням и клетке. Внизу обычно держали скот, а на вер-
ху сено, мелкий сельскохозяйственный инвентарь. Число построек, со-
ставлявших этот двор, не было, как показывают источники, постоянным.
У зажиточных крестьян здесь стояли еще дополнительно погреба, клетки,
повети, сенники с подклетами, два-три хлева, а иногда постройки спе-
циального назначения. Например, в д. Корнино Чердынского уезда в
1623 г. были «...во дворе хоромах изба кожевная да сарай, да два хлева,
да клеть житница»³¹. По нашим наблюдениям, большое разнообразие в
застройке усадеб наблюдалось у крестьян погостов Цыдва Чердынского
уезда, Городище, Верх-Усолки, Половодово Соликамского уезда, зани-
мавшихся различными ростовщическими операциями. У населения по-
садов и соляных промыслов дворы были небольшие; увеличение жилой
площади избы шло за счет пристенков³².

В актовом материале имеются данные и о технике возведения по-
строек. Изба всегда была рубленой. Однако часто клеть и все остальные
дворовые строения возводились способом заплота, т. е. в пазы верти-
кально поставленных столбов вплотную укладывали бревна. Эти два
способа, применявшиеся для возведения стен, прочно удерживались в
Северном Прикамье на протяжении последующих столетий.

В описании усадеб встречаются сведения о размерах и расположе-
нии построек, позволяющие утверждать, что трехкамерная связь была
длиной до 12—18 м, а шириной (с двором) до 20—25 м³³. Жилище длин-
ной фасадной стороной чаще всего обращалось на юг или восток и

²⁷ И. Словцов. Деревня Соликамского края в XVI в.— «Пермский сборник», кн. 1, М., 1859, с. 119.

²⁸ ЦГАДА, ф. 192, Пермская губерния, дд. 12а, 12в, 12с.

²⁹ Там же, ф. 281, оп. 17, д. 11409, л. 1.

³⁰ Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР (далее архив ЛОИИ), колл. 2, кн. 16, л. 16 об.

³¹ ЧКМ, колл. 2561/3, л. 1.

³² ЦГАДА, ф. 1455, оп. 3, д. 79, л. 1; д. 121, л. 1; д. 142, л. 1.

³³ Архив ЛОИИ, колл. 2, кн. 16, л. 7 об.—8 об., л. 23 об.—24; ЦГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 10439, л. 18; ф. 281, оп. 20, д. 14423, л. 1; ф. 1278, оп. 2, д. 2367, л. 2—28.

Рис. 7. Трехкамерные дома (изба+сени+изба) с двухъярусными дворами (двухрядная связь), начало XX в., д. Сим

обязательно выходило на улицу³⁴. Место перед домом называлось улицей, выездом, а за двором — задворием. За двором находился огород: «... а во дворе хоромов изба... и с огородом, что за двором»³⁵, «...двор свой с хоромным и дворовым построеном и местом дворовым и с огорода капусты и конопляником»³⁶, «...продал... огородец конопленник по выше двора»³⁷. В огороде, помимо овощей, выращивали коноплю, так как она требовала плодородной почвы и большого ухода. Здесь же могли быть баня, житница, колодец, но иногда их выносили за пределы усадьбы. При господстве беспорядочной застройки сельских поселений огороды почти не имели определенной формы и занимали наиболее плодородную землю³⁸. Такое расположение усадьбы традиционно для Северного Прикамья.

Вся крестьянская усадьба окружалась изгородью. Судя по актовому материалу, она возводилась из бревен (в заплот), из жердей и из кольев: «... а межи тому двор от избы по заплоту до ворот до затворные верев... а от баннево переднего угла... из заплотом и з жердми»³⁹, «...за изломаной тын»⁴⁰. Кроме того, все поселение обносилось общей изгородью, за которой шли поля. Для въезда на пахотные земли устраивались специальные ворота: заборы: «...а заборы на той дороге доспеть и крепить мне... издя по той дороге через те их гоны, их севу своим скотом не травить»⁴¹.

³⁴ ЧКМ, коллекция планов деревень (без номеров); Соликамский краеведческий музей (далее СКМ), коллекция планов № 3241/85; ГАПО, ф. 279, оп. 3, д. 452.

³⁵ ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11181, л. 1.

³⁶ Там же, ф. 444, оп. 1, д. 15а, л. 1.

³⁷ А. А. Горбунова. Указ. раб., с. 116—117.

³⁸ Архив ЛОИИ, колл. 2, кн. 16, л. 1—2, 7 об., 23, 56 об.; ЦГАДА, ф. 281, оп. 20, д. 14423, л. 1; В. А. Удинцев. Указ. раб., документ 6, с. 240; А. А. Горбунова. Указ. раб., с. 116.

³⁹ ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11279, л. 1.

⁴⁰ Там же, ф. 137, оп. 1, д. 3, л. 63.

⁴¹ ККМ, документ № 31, л. 1.

За пределами усадьбы, на полях близ деревни находился целый комплекс построек, предназначенных для хранения и обработки снопов. Это овины, гумно и гуменники. О них особенно часто сообщается в документах, так как они являлись чрезвычайно важными для жизни населения: «... на той же полосе гумно с гуменником и овином»⁴², «... а во дворовом поле на тех полосах гумно свое и з гуменником, и с овином»⁴³, «... хлеба не молоченно мне молотить на его овине и на гумне»⁴⁴. В одном источнике называются и способы хранения снопов: «... и тот хлеб своим небрежением скотом не стравить, и в суслонах, и в шоромах не згноить и около шоромов огородить накрепко»⁴⁵. По поздним этнографическим материалам известно, что в шоромы укладывали (между стожарами) только овес и ячмень⁴⁶. Иногда в сельскохозяйственный комплекс входили мякинницы для хранения отходов. Полученное зерно и муку складывали в амбары (житницы), которые находились перед домом, а иногда в огороде или на полях: «... на той пахотной земле стоит житница»⁴⁷, «... против того двора через улицу анбар новой с постройем и погребами»⁴⁸.

Среди хозяйственных построек были и мельницы: «... на Гаревой речке в мутовчатой мельнице двенадцать повыток»⁴⁹. Мельницы-мутовки и в XVII в., и на протяжении всего последующего времени оставались в этом регионе преобладающими.

Заканчивая обзор построек разного назначения, нам хотелось привести отрывок из купчей 1634 г. крестьянина погоста Городище Соликамского уезда, в котором дана полная характеристика одной усадьбы: «Подписал... половину мельницы... и во дворе, и в хоромах, и что под двором земли половина, а во дворе хоромах изба наземная, да две клетки и с подклетью, и с погребом, и с банею, и с заплоты, и с ворота, и с сарай, и с огородом с капустником и с конопляником, и с пашенною землею с тремя переменами, и с огородами, что около тех полей огорожены жердями, и с овином, и с гуменником, и со всеми санными покосы тое деревни по обе стороны Усолки реки»⁵⁰.

К сожалению, по нашим источникам нельзя описать полностью внутреннюю планировку крестьянской избы. Авторы упоминают лишь печи, полати⁵¹, голбец⁵², окна в избах и клетях⁵³.

О большой устойчивости трехкамерного жилища в Северном Прикамье свидетельствует и тот факт, что подобная планировка была использована при возведении в 1688 г. в г. Соликамске каменного дома воеводы⁵⁴. Показательным является и другой пример. Из описаний Зырянских соляных промыслов за 1697 г., городов Чердыни и Соликамска за 1707 г. мы узнаем, что жилье служилых людей, а также избы приказные, зсмские и таможенные были трехкамерными⁵⁵. Кроме того, по этой традиционной схеме (только с большим числом помещений) были выстроены строгановские дома в Нижне-Чусовском городе и в Новом Усолье в конце XVII — первой четверти XVIII в.

⁴² ККМ, документ № 1, л. 1.

⁴³ Там же, документ № 47, л. 1.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1455, оп. 3, д. 69, л. 1.

⁴⁵ ККМ, документ № 37, л. 1.

⁴⁶ «Словарь говоров Соликамского района». Пермь, 1973, с. 233, 696.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1455, оп. 3, д. 69, л. 3.

⁴⁸ Там же, ф. 615, оп. 1, д. 10433, л. 6 об.

⁴⁹ Там же, ф. 444, оп. 1, д. 15а, л. 6.

⁵⁰ Там же, ф. 281, оп. 17, д. 11275, л. 1—2.

⁵¹ Там же, ф. 137, оп. 1, д. 15, л. 107 об.

⁵² ЧКМ, колл. 2561/2, л. 1.

⁵³ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 15, л. 108.

⁵⁴ В нем между двумя палатами на двух этажах устроены коридоры с лестницами, выполняющие роль сеней.

⁵⁵ ГАПО, ф. 597, оп. 1, д. 19, л. 43 об.; ЦГАДА, ф. 214, кн. 1468, л. 9; кн. 1511, л. 14, 38, 43.

Рис. 5. Курицы на двухъярусном дворе, начало XX в., д. Сим

Итак, из описаний усадеб видно, что в Северном Прикамье в XVII — первой половине XVIII в. трехкамерное жилище было преобладающим. Этот вывод, полученный по совершенно неизученному, новому региону, еще раз подтверждает мнение М. Г. Рабиновича⁵⁶ и В. А. Александрова⁵⁷ о широком распространении данного типа жилища в XVI—XVII вв. в северных и центральных районах Европейской части СССР, а также в Сибири.

Несмотря на последующее изменение (о чем мы скажем ниже), этот тип жилища еще долгое время продолжал сохраняться во многих поселениях, о чем свидетельствуют сообщения исследователей⁵⁸ и материалы этнографических экспедиций. Во время работы Ворцевской этнографической экспедиции (1975 г.) в Чердынском районе были обследованы усадьбы конца XVIII в. в д. Москали и д. Нижние Ворцева, расположенные по р. Каме. Планировка их была подобна тем, что существовала в XVII в. и рассмотрена выше. Десять аналогичных домов, построенных в конце XIX в., сохранились до сих пор в д. Полом Соликамского района⁵⁹. В документе 1832 г., в котором идет речь о пожаре в с. Бондюг Чердынского уезда, указано, что почти все сгоревшие в это время 22 крестья-

⁵⁶ См. М. Г. Рабинович. Русское жилище в XVI—XVII вв. — Древнее жилище народов Восточной Европы, М., 1975, с. 189, 221.

⁵⁷ См. В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964, с. 138—171.

⁵⁸ См.: М. Чашницкий. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883, с. 17—19; И. Широкий. С. Янидор Чердынского уезда Вильгортской волости. — «Сборник Пермского земства», Пермь, 1891, № 3—4, с. 141—158; Н. Е. Ончуков. По Чердынскому уезду, поездка на Вишеру, на Колву и на Печору. — «Живая старина», вып. 1, СПб., 1901, с. 4—5; Н. П. Белдыцкий. Река Вишера и вишерцы. — «Сборник Пермского земства», Пермь, 1916, с. 47, 48; П. Н. Крылов. Вишерский край, заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870—78 гг. Свердловск, 1926, с. 42, 43.

⁵⁹ См.: «Коротко об экспедициях». — «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 163, 164, а также «Сов. этнография», 1978, № 3, с. 168, 169.

янские усадьбы были двухрядной застройки и с трехкамерными жилищами с клетью⁶⁰. Такие усадьбы запечатлены на фотографиях конца XIX — начала XX в. и на планах деревень 1880—1890 гг.⁶¹

Рассмотрим теперь эволюцию жилища Северного Прикамья во второй половине XVIII — начале XX в. Развитие типологии шло по разным направлениям. Первоначально в трехкамерном жилище клеть заменилась горницей. Об этом, в частности, свидетельствует документ 1800 г., в котором изложены условия продажи трех мещанских домов в г. Соликамске, построенных в 1743, 1746, 1781—1782 гг.⁶² Как видно из описаний, дома были трехкамерными, сзади к ним примыкал двор, а на месте клетки находилась горница. В двух домах под старой жилой избой имелось еще по одной горнице. Необходимо отметить, что в наших источниках шесть раз упоминаются горницы под избой. Это явление можно считать пока характерным только для Прикамья, так как в литературе оно не отмечалось. В избах преобладали окна волоковые, а не колодные, в верхних горницах они были с «окончинами» слюдяными, а в нижних — со ставнями. На раннем этапе горницы появлялись в основном в городском жилище, в поселениях при соляных варницах, а к концу XVIII в. их можно было встретить и в сельской местности. «Изба с горницею» названа в прошении в суд крестьянина с. Покча Чердынского уезда в 1798 г.⁶³ Основным признаком горницы было наличие печи-голландки с трубой. Если же в качестве горницы использовалась клеть, то в ней вместо маленьких окон прорубали широкие. Первые горницы появились в жилищах зажиточных крестьян.

В сельских поселениях клеть чаще всего сразу заменялась жилой избой с русской печью и традиционной внутренней планировкой. В такой избе жили отделившиеся женатые сыновья. Появление в трехкамерном жилище второго жилого помещения становится массовым явлением в крае с 70—80-х годов XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений и с начавшимся распадом неразделенных семей, что ярко прослеживается по ревизским сказкам 1834 и 1850 гг.⁶⁴

Как показали наши полевые исследования, этот тип жилища с двумя жилыми избами окончательно утверждается в Северном Прикамье в начале XX в. и остается господствующим в сельской местности до сегодняшнего дня. Например, в селе Усть-Уролка Чердынского района около 50 жилых домов такого типа. Показательными являются имеющиеся в нашем распоряжении материалы по пригородному селу Серегово Чердынского уезда⁶⁵. В описании села за 1865—1880 гг. дается полная характеристика всех 77 жилых домов. Девять из них автор описи называет «самым старым типом» — изба курная + сени + клеть, 38 (самые распространенные) типа изба белая (т. е. печь была с трубой) + сени + «клеть чистая с печью» (вторая жилая изба), в остальных случаях обе избы были еще курными. Все эти материалы отражают процесс утверждения трехкамерного жилья с двумя избами. В связи с изменением в советский период экономического уклада деревни и стремлением к самостоятельному ведению хозяйства женатыми сыновьями в 1930-е годы возведение трехкамерного жилища прекращается.

Внутренняя планировка избы существенно не менялась, в основе она везде была, как показывают литературные и полевые материалы, северорусского типа. Изменения произошли только в устройстве шкафа-гольбца, расположенного у печи со стороны входной двери. По воспоминаниям старожилов и материалам наших обследований, этот дощатый

⁶⁰ ГАПО, ф. 15, оп. 1, д. 313, л. 5—11 об.

⁶¹ СКМ, колл. планов № 3241/85; ЧКМ, колл. фотографий, № 628/19, 1644/32.

⁶² ГАПО, ф. 21, оп. 1, д. 9, л. 134 об.—136 об.

⁶³ Там же, ф. 15, оп. 2, д. 15, л. 59.

⁶⁴ Там же, ф. 111, оп. 1, дд. 2263—2280, 2360—2374.

⁶⁵ Там же, ф. 680, оп. 1, д. 180, л. 1—7 об.

пристрой — шкаф убрали. Над полом делали во всю длину печи короб высотой 30—40 см, с задвижной крышкой в середине для спуска в подполье. Это место часто использовалось для спанья и называлось западней. Сверху над ним на уровне печи шла точно такой же ширины лавка, называвшаяся голбцом, что напоминает о существовании здесь прежнего шкафа-гольца. В позднем жилище эта часть интерьера подвергается новому изменению. Вход в подвал-гобец устраивается за печкой в углу. Но несмотря на это, место первоначального спуска со стороны входной двери, где стояла уже неподвижная лавка, называлось по-старому «западня». В 1950—1970-е годы в ряде районов русскую печь устанавливают на середине избы. Это делается с целью получения дополнительных помещений для семьи.

Развитие во второй половине XIX в. капиталистических отношений, расширение товарно-денежных отношений, возросшие экономические и культурные связи с Нижним Прикамьем и Средним Поволжьем оказали влияние и на жилище. Повсеместно шел процесс исчезновения черных (курных) изб. Так, например, в Чердынском уезде по подворной переписи 1884—85 г. их насчитывалось до 15% от всего жилого фонда⁶⁶. В 80—90-х годах XIX в. и особенно в первое десятилетие XX в. в Северном Прикамье появляется совершенно новый тип жилого дома и в целом всей усадьбы. Сначала в городах — Соликамске и Чердыни, затем в крупных торговых селах, а позднее почти во всех селениях, расположенных вдоль трактов, возникают дома-пятистенки. Например, в крупном торговом селе Вильгорт Чердынского уезда ко второму десятилетию XX в. домов трехкамерной связи почти не осталось⁶⁷. Однако постройка пятистенка была под силу только представителям торгово-кулацкой верхушки или зажиточным крестьянам, так как такие дома требовали дополнительных расходов, в них крыша была стропильной, четырехскатной, на гвоздях, стены иногда обшивались тесом. Пятистенки обычно состояли из двух разных по размерам жилых изб, между которыми проходила пятая стена, срубленная одновременно с другими. В большей (по главному фасаду) избе всегда было два или три окна, в меньшей — одно, два, в общей сложности с разницей в одно окно. Иногда обе избы соединялись дверью, прорубленной в пятой стене. Сзади них параллельно фасадной стороне шли общие сени, из которых в каждую избу вела дверь. Необходимо отметить, что традиции северорусского трехкамерного жилища была под силу только представителям торгово-кулацкой верхушки или входа у капитальной стены стояли русские печи, направленные устьем к противоположной от входа стене. Вся внутренняя обстановка, будучи глубоко традиционной, оставалась на прежних местах, только иногда вход в подполье — голбец переносился за печку, к внутренней стене. Позднейшее развитие этого типа дома в Прикамье выразилось в следующем: в большой избе ставилась печь-голландка, а иногда холодные сени переделывали в теплое помещение, за счет чего получалось четыре жилые комнаты.

Одновременно с появлением пятистенка изменяется планировка усадьбы. Она получает покоеобразную форму. Двухэтажный двор для скота по-прежнему остается за жилым домом, а все остальные хозяйственные постройки — амбар, погреб, клеть — выносятся во второй ряд — параллельно дому, но на расстоянии 10—15 м. Между домом и хозяйственными постройками со стороны улицы ставили ворота, а с противоположной стороны ограды устраивали тесовый навес — поветь, где хранили разнообразные хозяйственные вещи, сено, телеги и т. д. В некоторых зажиточных крестьянских хозяйствах сначала появлялся покоеобразный

⁶⁶ См. «Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии», с. 1184.

⁶⁷ ЧКМ, колл. 2689/3, л. 8.

двор и только потом трехкамерная связь заменялась пятистенком. Иногда же в сельской местности такой замены не происходило и связное жилище с покоеобразным двором сохраняется до сегодняшнего дня.

Таким образом, на основе всех изученных материалов можно создать следующую схему эволюции жилища. Начиная уже с раннего этапа колонизации жилищу Северного Прикамья были присущи черты северорусского жилища. На протяжении XVII—начала XX в. здесь было распространено четыре типа усадеб: 1) однорядная застройка с двухкамерным жилым домом, 2) двухрядная застройка с трехкамерной связью, 3) покоеобразная застройка с домом-пятистенком, 4) покоеобразная застройка с трехкамерным домом. Трехкамерное жилище в варианте изба+сени+клеть, а позднее изба (или горница) с двухъярусным двором оставались в регионе самым распространенным типом. При этом устойчивы были и многие строительные приемы. Пятистенок и покоеобразный тип — это позднее явление в эволюции жилища, вызванное не миграциями населения, а, как и многие другие новые черты материальной культуры конца XIX—начала XX в., — результат экономических и культурных контактов.

Нам удалось установить, что в XIX—начале XX в. в жилище Чердынского уезда черт северорусского жилища (двухрядное слитное расположение жилых и хозяйственных построек, преобладание двухскатной самцовой крыши, крыльца на столбах со спуском вдоль стены, наличие большого количества трехкамерных домов на высокой подклети, столбовая конструкция возведения стен, традиционная внутренняя планировка) сохранилось больше, чем в жилищах центральной части Соликамского уезда, занимающей более южную территорию, на которой развивалось солеваренное промышленное производство. В результате обследования жилых и хозяйственных построек, возведенных в этот период, можно отметить, что в Соликамском уезде преобладали дома с пониженным подклетом (пол начинался на 4—5-м венце от земли, а в Чердынском на 6—7-м), раньше и в более широких масштабах распространились покоеобразный двор с пятистенком, стропильные крыши, менялся интерьер жилища.

Итак, развитие усадеб Северного Прикамья было тесно связано с историей его заселения, с природно-климатическими условиями, сложившимся комплексным хозяйством крестьянского двора, а также его культурными связями с соседними народами.

Е. Н. Кушева, М. А. Усманов*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ВАЙНАХОВ

(ПИСЬМО 1657 г. ИЗ ШИБУТСКОГО ДЖАМААТА ЦАРЮ
АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ)

Интерес к изучению глубоко своеобразного общественного строя горских народов Кавказа особенно оживился в послевоенные годы. Однако многие вопросы остаются неясными. Недавно появившиеся в печати историографические обзоры В. И. Марковина и Н. П. Гриценко, работы Л. И. Лаврова, Г. А. Меликишвили и А. И. Робакидзе¹ показывают, насколько разнятся взгляды исследователей и на начало процесса классовообразования у горских народов Кавказа, и на уровень развития у них феодальных отношений.

Одна из причин недостаточной разработанности этих вопросов — состояние источников. Многие из горских народов Кавказа, в том числе и вайнахи — чеченцы и ингуши, не имели до Великой Октябрьской социалистической революции своей письменности и мало использовали письменность иноязычную. Однако возможности расширения круга источников еще далеко не исчерпаны. Архивные фонды русских учреждений, ведавших с конца XVI в. сношениями России с Кавказом, содержат материалы и для изучения прошлого горских народов Кавказа. Но в документах, написанных русскими людьми, социальные термины передаются в русифицированной форме или заменяются русскими. Поэтому особенно ценны сохранившиеся в тех же архивах документы, исходившие непосредственно от местных народов. Написаны они на арабском, персидском или тюркских языках. Выявление и изучение этих документов — одна из очередных задач кавказоведов.

Настоящая публикация посвящена уникальному вайнахскому документу, дошедшему до нас в подлиннике², — письму 1657 г. царю Алек-

* М. А. Усманову принадлежит русский перевод письма из Шибутского джамаата и лингвистический комментарий к нему (с. 101—104).

¹ В. И. Марковин. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа. — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки». Ростов-на-Дону, 1976, № 4, с. 12—16; Н. П. Гриценко. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии (историографический обзор). — Там же, с. 16—23; Л. И. Лавров. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе. — «Социальная история народов Азии». М., 1975, с. 6—8, 14—15; Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ. — «История СССР», 1975, № 6, с. 48—55; А. И. Робакидзе. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — «Сов. этнография», 1978, № 2.

² Отметим, что в фондах русских учреждений XVI—XVII вв. не удалось обнаружить подлинников других вайнахских документов. Две грамоты мурзы Шиха Окуцкого 1588 г. дошли до нас только в русском переводе. Челобитные XVII в. «окочан» — жителей слободы Терского города — написаны терскими подьячими.

сею Михайловичу, которое было привезено в Москву в 1658 г. тремя посланцами от Шибутского джамаата³. Ниже приводится фото тюркского подлинника документа, его перевод на русский язык, выполненный в Посольском приказе в Москве, и новый перевод М. А. Усанова, снабженный его лингвистическим комментарием.

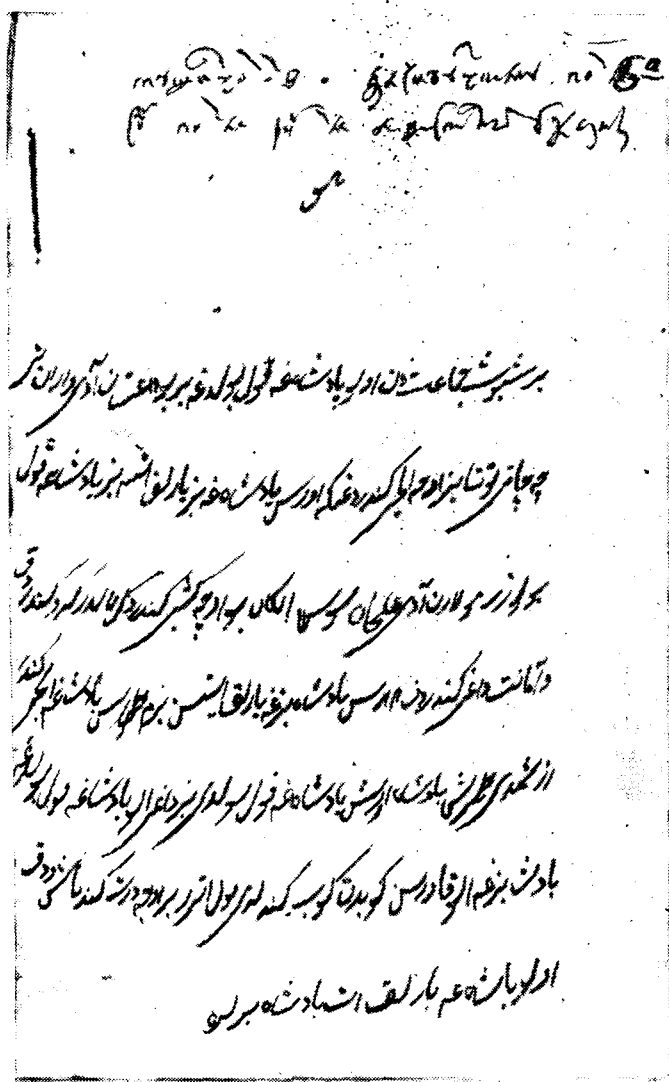

Рис. 1. Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу. Фотокопия подлинника

**ПЕРЕВОД ПИСЬМА, ВЫПОЛНЕННЫЙ В ИЮЛЕ 1658 г.
В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ В МОСКВЕ**

Перевод с татарского письма, что подали в Посольском приказе диакам думному Лариону Лопухину да Дмитрею Шубину посланцы Шубуцкие земли в нынешнем во 166 м году июля в 13 день.

³ Центральный государственный архив древних актов в Москве (далее — ЦГАДА), ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л. 5а. Документ обнаружен Н. Г. Волковой, которой авторы выражают благодарность.

Великому государю царскому величеству учинились мы, горские шубуцкие люди, в холопстве, Адиварантые, Чаты, Тонся улусы, послали к вам, великому государю, своих трех послов, и мы учинились великому государю холопи. А послали послов своих Алихана да Суслу да Алгана и аманата на Терек дали ж. И нас бы великий государь пожаловал.

305

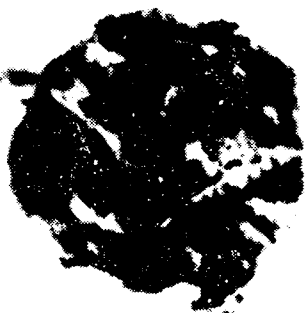

Рис. 2. Оборот письма 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу. Фотокопия подлинника (сильно увеличено)

А послов своих послали с Теймуразом царем, Теймураз царь учинился ж великому государю в подданстве ж, а мы великому государю холопи ж. А иных горских многих людей приведем же под его великого государя высокую руку. А нам бы великий государь велел давать корму. А бьем челом, мы, Шубуцкие улусы, чтобы великий государь указ учинил.

(ЦГАДА, ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л. 5.)

ПЕРЕВОД М. А. УСМАНОВА

Он! ¹

Мы, из Шибусьского джамаата ², чтобы быть подданными ³ великого царя, [из] сей страны гор ⁴, [а] именно [из] Варанты ⁵, Чечани ⁶, Тонса ⁷ — направили трех посланцев к русскому царю; если он пожалует ⁸ нас, то мы станем подданными царя. Имена сих [посланцев] суть: Алихан, Сусла, Алгян — этих троих людей мы послали, и их (?) снова (повтор-

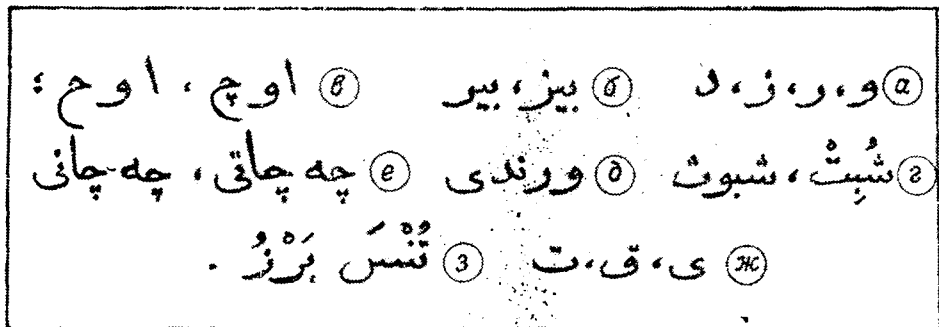

Рис. 3. Фрагменты текстов к комментарию М. А. Усманова

но)⁹ послали; и аманата¹⁰ также послали мы. И пусть русский царь нас пожалует. Пошлем посланцев нашему Тэмурасу¹¹ царю; ныне Тэмраш царь стал подданным русского царя. Мы тоже [желаем] быть подданными русского царя. Царь, смотри же на нас велико¹² — приведем в подданство много-много селений¹³. [А пока] мы, три-четыре селения, били челом¹⁴ великому царю: пожалуй нас, царь!¹⁵

На оборотной стороне документа чернильная печать¹⁶.

Над текстом документа — помета дьяка: Тушинцом двум да чибутком по 40 соб[олей] по 40 руб[лей] сорок, а достальным от казны.

(ЦГАДА, ф. Сношения России с Кабардой, оп. 2, № 86, л 5а—5а об.)

Комментарий

Общие замечания

Публикуемое письмо представляет собой небольшой текст из 8 неполных строк. Язык тюркский, письменность арабская; почерк настаалик, с преобладанием элементов таалика.

Письмо написано, видимо, представителем одного из нетюркских народов Кавказа, более или менее свободно владеющим каким-либо тюркским наречием (например, карачаево-балкарским или кумыкским) и знакомым с турецким книжным языком. Об этом свидетельствует наличие в тексте инфинитивной формы на -ырга, свойственной наряду с языком поволжских татар и карачаево-балкарскому наречию, а также отдельных типично турецких глагольных форм. В то же время в сравнительно небольшом по объему документе много отклонений от норм грамматики и стилистики средневекового турецкого книжного языка (несогласованность частей предложений, вольные инверсии, несоблюдение сингармонизма в орфографии и т. д.). Чтение и понимание текста весьма затрудняется и палеографическими особенностями документа, так как в письме порой трудно отличить друг от друга такие различные по содержанию буквы, как *vaу, ra, эз, даль* (см. рис. 3, а). Часто отсутствуют необходимые диакритические знаки или же путаются их места, в результате чего вместо *биз* (*мы*) получается *бир* (рис. 3, б), вместо *уи* (*три*) — *ух* (рис. 3, в); собственное имя Теймураз представлено двояко: Тэмурас и Тэмраш (см. рис. 1, строки 5 и 6) и т. д.

Русский канцелярский перевод, сопровождающий оригинал, сделан, видимо, с помощью устного опроса толмачами кого-либо из посланцев, владеющего, возможно, в той или иной степени тюркским языком. В пользу такого предположения говорят некоторые особенности текста (см. п. 5 примечаний), с одной стороны, и дополнительные элементы, отсутствующие в подлиннике, но поясняющие содержание, — с другой. К последним относятся слова «улус», «Шибуккие улусы», топоним «Терек» и целое предло-

жение «А нам бы великий государь велел давать корму». О других незначительных или существенных отклонениях можно судить, сопоставляя оба перевода — старинный канцелярский и новый. Сопоставление показывает, что старинные канцелярские переводы восточных документов, в том числе и тюркоязычных, сообщая нам бесспорно ценную дополнительную информацию, в то же время не вполне отражают содержание документов в целом.

Примечания к переводу текста

1. Он! — арабское местоимение 3-го л. ед. ч. (*хуа, ху*), употреблявшееся на Востоке в качестве специальной формулы в начале писем и книг как эпитет «всевышнего», т. е. аллаха.

2. Шибусьского джамаата — в письме Шамиля к Дубе от 4 марта 1849 г. этот топоним представлен в форме *Шубит* (см. *Р. Ш. Шарифудинова. Арабские письма Шамиля из архива Б. А. Дорна. — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1970». М., 1974, с. 210, 491*). В нашем письме в конце слова вместо *та* стоит междузубная фрикативная *са* — *Шбусь* (ср. рис. 3, *г*).

3. Быть подданными — в переводе 1658 г. — «учиниться в холопстве». В тюркском оригинале дано полисемантическое *кул булмак*, буквально «быть рабом», исторически «быть (стать) подданным».

4. В оригинале дагестан, буквально — «страна гор», в канцелярском переводе слово «горские» дано в качестве эпитета к слову «люди».

5. Варанты — в переводе 1658 г. этому термину соответствует «Адиваранты», что, видимо, является результатом формального объединения переводчиком топонима Варанты (в упомянутом письме Шамиля — рис. 3, *д* — *Варанды*. См. *Р. Ш. Шарифудинова. Указ. раб., с. 210, 211, 491*) и тюркского слова *ады* (*-аты*) — «его имя (их имена)», что лучше перевести в данном случае как «[а] именно».

6. Чечани (ЧӀчани) — в старом переводе «Чаты», хотя начальная часть *че* в подлиннике изображена очень четко и ясно. Возможно, она в переводе пропущена из-за механической описки или же этот компонент термина в разговорной речи обычно опускался. Несколько спорным является чтение последнего слога топонима (или этно-топонима): *ти* или *ни* (рис. 3, *е*). Хотя в 1658 г. это слово переведено *Чаты*, палеографическая особенность письма вполне допускает возможность чтения *Чечани*, ибо разница между буквами *та* и *нун* в арабском письме в начале и середине слова состоит лишь в одной надстрочной точке (между прочим, и в копии начала XIX в., имеющейся в архивном деле, это слово прочитано как *чечани*, хотя в целом названная копия оставляет желать лучшего). В пользу чтения *Чечани* (ЧӀчани) есть и другие аргументы. Например, в документе около 30 раз встречаются буквы, содержащие диакритические двоеточия (рис. 3, *ж*). В 17 случаях эти двоеточия оформлены зигзагообразной горизонтальной черточкой (т. е. соединенными между собой по горизонтали точками), в пяти — просто черточкой, слегка растянутой по горизонтали (короткий дефис), в трех — лишь одной точкой и в остальных трех случаях диакритические знаки отсутствуют.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев (т. е. в 22 из 30) арабское надстрочное двоеточие выражено четко. Следовательно, слегка удлиненную по горизонтали черточку, следующую за *чеча...*, можно читать как точку над *ни*, а слово в целом — *Чечани*. Для наглядности достаточно сравнить диакритические точки в написании этого слова и рядом стоящего слова *Тонса*, где двоеточие *та* выражено предельно четко.

Естественно, что для окончательного решения вопроса необходимо привлечь дополнительные материалы из исторической этнотопонимики Северного Кавказа.

7. Тонса — в старом переводе *Тонся*. В письме Шамиля читаем *Тонса Барзо* (рис. 3, *з*), хотя публикатор огласовал их в переводе как *Танус Борза* (*Р. Ш. Шарифудинова. Указ. раб., с. 210, 211 и фотокopia — с. 491*). Идентичность этих двух «Тонса» из различных документов не вызывает сомнения. Тонсу вполне можно отождествить с современным Тумсой. Причину же перехода «н» в «м», а «о» в «у» следует искать как в этимологии данного топонима, так и в закономерностях исторической фонетики языков местных народностей.

8. Понятие жаловать (пожаловать) дано при помощи составного глагола *йарлык этмак*, что означает буквально «приказать, повелевать, предписывать». Исторически это могло означать «пожаловать», «оказать милосердие».

9. Фразу не удалось разобрать полностью. Здесь нет ничего, похожего на «Терек».

10. Аманат — заложник (арабск.).

11. В старом переводе смысл предложения несколько отличается от оригинала: «а послов своих послали с Теймуразом царем». Но в документе речь идет о намерении на будущее и о желании направить посланцев к самому Теймуразу.

12. Смысл не вполне ясен, дается буквальный перевод: «царь, смотри же на нас велико».

13. Понятию селение в подлиннике соответствует термин персидского происхождения *канд*.

14. Били челом — в подлиннике *баш[у]рдук*, т. е. буквально «ударили головой мы», что эквивалентно русскому «бить челом».

15. Заключительную фразу письма (пожалуй нас, царь) следует понимать как настойчивую просьбу жителей Шибутского джамаата принять их в подданство; толмачи же XVII в. ее перевели описательно, смягчив настоятельный тон просьбы. Что касается понятия «Шубуцкие улусы» из перевода 1658 г., то оно является фактически элементом толкования текста переводчиком, относящимся к «трем-четырем селениям» из предшествующего предложения оригинала. Как было отмечено выше, в заключительной части письма нет текста, соответствующего предложению из канцелярского перевода: «А нам бы великий государь велел давать корму».

16. Оттиск печати неразборчив; судя по всему, это перстневая печать, содержащая специальную тамгу или имя владельца печати.

Публикуемый документ, отражая русско-вайнахские связи, дает ценные сведения и об общественном строе вайнахов. Привлекаемые нами русские архивные источники XVII в. позволяют выяснить происхождение документа, дату его написания, отсутствующую в подлиннике, и дополняют информацию письма по таким вопросам социальной жизни населения горного Кавказа, как роль общины, патронимическая организация, процесс классообразования.

Происхождение документа таково. В 50-е годы XVII в. особенно оживились сношения с Россией кахетинского царя Теймураза, еще в 1639 г. присягнувшего на подданство русскому царю и добивавшегося помощи в борьбе против шаха Ирана⁴. Тогда же возникли связи с Россией горных грузин, в том числе и тушин, активных участников антииранской борьбы, а путь из Тушетии на Русь шел по Аргунскому ущелью, т. е. через вайнахские земли. Приехавшие в 1656 г. в Москву три «грузинца» — Салтан, Григорий и Павел, представители Тушетии, Хевсуретии и Пшавии, — рассказали в Посольском приказе и о Шибутской земле, через которую проехали, направляясь в Терский город: «Да те же грузинцы говорили: живут де близко их Шибутская земля, а ратных людей с тысячу человек. И как они поехали к Москве, и те де Шибутские земли люди приказывали им — буде великий государь изволит их, грузинцов, принять под свою государеву высокую руку, и они б великому государю и об них били челом, чтобы великий государь изволил и их под свою государеву высокую руку принять с ними, грузинцы, вместе. И в том де они меж собою верились, чтобы им быть вопче»⁵.

Возвращаясь на родину в сопровождении азнаура Ивана Мамукина, посланцы горных грузин встретились в сентябре 1657 г. в Терском городе с царем Теймуразом, который через Балкарию и Кабарду ехал в Москву просить военной помощи против шаха Ирана. 27 сентября Теймураз отпустил их вместе с Мамукиным в Тушетию, а сам уехал в Астрахань. 4 ноября Мамукин вернулся в Терский город с девятью тушинами и

⁴ Подробно об этом периоде русско-грузинских отношений см.: Н. Т. Накашидзе. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.

⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1-я, 1656 г. № 1, лл. 54—56.

тремя «шибутцами» — Алханом, Сусло и Алганом (в ряде документов Алган назван Явкой); все они присоединились к Теймуразу в Астрахани. Приведенные сведения датируют подлинник письма временем между концом сентября и первыми числами ноября 1657 г., когда Мамукин через Аргунское ущелье проехал в Тушетию и тем же путем обратно.

Тушины и шибуты прибыли вместе с Теймуразом в Москву 20 июня 1658 г. Уже 13 июля шибутские посланцы были приняты дьяками в Посольском приказе и подали «татарское письмо», которое было переведено. Тогда же передали свое письмо на грузинском языке и тушины. Оба послания, отражая состоявшийся между тушинами и шибутами договор, содержали просьбы о принятии жителей Тушинской земли и Шибутского джамаата в русское подданство. Так как Иван Мамукин назвал шибутов христианами, они были приведены к присяге, как и тушины, в Успенском соборе Кремля. В сентябре 1658 г. двое тушин и шибутский посланец Алхан побывали на приеме у царя, получив в подарок по 40 соболей каждый⁶.

Лишь через год, в сентябре 1659 г., шибутские посланцы выехали из Терского города на родину в сопровождении терского стрелецкого головы Михаила Молчанова, который вез пространную «образцовую записку» для приведения жителей Шибутской земли к присяге на евангелии. Присяга не состоялась: Молчанов не нашел в Шибутах христиан. В своем отчете он писал: «Шибутские земли жителей к вере не привел для того, что православных христиан у них никого нет, а называются де они православными христианами, потому что едят свинину. А обогал де их христианскою верою грузинец Иван Мамукин напрасно». Однако приехавшие в 1661 г. в Астрахань «тушины» Астоп Арабулин и Абул Асторул рассказали, что вера у жителей «Шибутской землицы» «одна» с тушинами, т. е. христианская, «а иные шибутцы живут и по бусурмански»⁷. Эти разноречивые сведения отражают неустойчивость мусульманских верований у вайнахов XVII в.

В сохранившихся документах нет сведений о приездах из Шибутской земли в Москву в последующие годы XVII в., хотя появление в столице тушин отмечается неоднократно⁸.

Один из первых вопросов, который встает при изучении документа, — где же был написан подлинник? Язык его тюркский. Судя по содержанию, можно думать, что писали его на месте, в Шибутах, где было определено, кого отправить в Москву. Во всяком случае, подлинник написан ранее приезда посланцев в Астрахань, так как в нем говорится о намерении отправить послов к царю Теймуразу. В переводе XVII в., выполненном, как предполагает М. А. Усманов, с участием шибутских посланцев, смысл фразы иной («а послов своих послали с Теймуразом царем»). Это изменение вызвано тем, что перевод был сделан в Москве, куда шибутцы приехали вместе с царем Теймуразом.

Посланцы были направлены к «русскому царю» из «джамаата Шибусь». Названия Шибуты, Шибутская земля, шибутские люди постоянно встречаются в русских документах конца XVI и XVII вв. По русским источникам XIX в. Шибуты или Шубуты — одно из чеченских «обществ» в ущелье р. Чанты-Аргун⁹.

⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1-я, 1657 г., № 4; 1658 г., № 1, ч. 1 и 2, № 3; кн. 5—7; Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 3139, 3149.

⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1658 г., № 1, ч. 2, л. 470; кн. 7, лл. 47—47 об.; ф. Приказные дела новой разборки, оп. 1, № 1418. Н. Г. Волкова называет фамилию Арабули одной из древних фамилий Хевсуретин (см. Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974, с. 122).

⁸ Известия русских документов XVII в. о Тушетии и тушинах заслуживают специального изучения.

⁹ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963, с. 58—87; *ее же*. О некоторых особенностях гене-

Арабский термин «джамаат» употреблялся на Северном Кавказе и в Дагестане и в более узком значении — сход, собрание, община селения, и в более широком — объединение ряда общин. В этом последнем он переводился в русских источниках XIX в. термином «общество»¹⁰. В 1658 г. переводчик Посольского приказа передал термин «джамаат» выражением «шубуцкие люди». Эта замена позволяет понять значение некоторых сведений из русских документов XVII в., относящихся к вайнахской территории. Так, в документе 1621 г. дан перечень: шибутские, калканские, ероханские и мичкисские люди; в других документах XVII в. упоминаются тшанские, мерезинские, мулкинские, окоцкие люди — этнонимы, которые могут быть сопоставлены с названиями вайнахских «обществ» XIX в. горных и предгорных областей Чечено-Ингушетии¹¹.

Таким образом, значительная часть территории вайнахов в XVII в. была занята поселениями джамаатов — обществ. От одного из них — джамаата Шубут — и поехали в 1657 г. в Москву Алхан, Сусло и Алган как представители общины, а не какого-либо лица или лиц. Характерны такие обороты текста: «мы... направили трех посланцев...», «мы станем подданными царя» и т. п.

В письме 1657 г. приведены три топонима, для которых в переводе XVII в. дано собирательное пояснение «улусы». Два из них — «Варанты» и «Тонса» — надо сопоставить с переданными более поздними источниками названиями двух чеченских тайпов — «Варандой» и «Тумсой». На картах XIX в. Варанды и Тумсой обозначены как селения (ныне сел. Б. и М. Варанды, Тумсой в ущелье р. Чанты-Аргун)¹².

Вайнахский «тайп», «тейп» (арабский термин «тайфа») привлекает внимание кавказоведов как форма родственной экзогамной организации, существовавшей веками¹³. Этнографы вслед за М. О. Косвенем предлагают отождествление вайнахского тайпа с патронимией. Изучение вайнахских тайпов важно для понимания социально-экономического развития вайнахских народов.

Упоминание в документе 1651 г. «Зумсовцевых (т. е. Тумсоевых) кабаков»¹⁴ (кабак — тюркский термин, означавший в русских источниках XVI—XVII вв. северокавказское селение) показывает, что тайп мог объединять несколько селений.

Комментирование третьего топонима документа 1657 г. встречает затруднение. В переводе XVII в. читаем «Чаты». В новом переводе даются два возможных варианта прочтения — Чечани и Чечати, в лингвистическом комментарии приведены доводы в пользу варианта Чечани. Однако некоторые документальные известия осложняют решение вопроса. В том же 1658 г., когда посланцы Шибутского джамаата доставили в Москву письмо, царь Теймураз передал царю Алексею Михай-

зиса феодализма у народов Северного Кавказа. — «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, с. 179—188; Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; *ее же*. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., с. 143—183.

¹⁰ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 214—216.

¹¹ См. указанные в примеч. 9 работы Н. Г. Волковой и Е. Н. Кушевой.

¹² В окрестностях этих селений сохранились многочисленные средневековые памятники. См.: В. И. Марковин. Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечня). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», № 86, М., 1961; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1970, № 360, 424; В. Б. Виноградов. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 100, 111.

¹³ М. О. Косвен. Указ. раб.; А. И. Робакидзе. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). — «Сов. этнография», 1968, № 5; Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., 1971, гл. VI—VII; А. И. Робакидзе. Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; М. А. Мамакаев. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

¹⁴ Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 2619, 2647.

ловичу в устной форме челобитную трех братьев — Загастуна, Алибека, Алхана — и их племянника Кучбара. Они сообщали, что «аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле на Чачане», просили, «чтобы тою землю ево государевы люди у них не отымали и не обижали и рыбу б им всякую ловить», и обещали служить государеву службу, «как и иные черкасы и казаки великому государю служат». На Терек была послана «государева грамота»: «буде они учинились под государевою высокою рукою и по своей вере шерть учинили и аманата дали, и их оберегать и рыбу им ловить и держать их в государском милостивом жалованье, как и иных иноземцев, которые под государевою высокою рукою»¹⁵.

Сведения других русских документов XVII в. позволяют определить трех братьев-челобитчиков как аварских мурз Турловых (или «Черных князей» Каракиши) и сообщают о «Чеченевской деревне», находившейся во второй половине XVII в. севернее Шибутской земли¹⁶, т. е. об ауле Чечен на левом берегу р. Аргун в нижнем ее течении. В источниках есть ясные указания на то, что «Чеченевская деревня» не входила в состав Шибутской земли. В свете этих данных включение топонима Чечани в письмо из Шибутского джамаата представляется непонятным. Форма же «Чаты», попавшая, очевидно, в русский перевод 1658 г. при устном опросе посланцев, может найти объяснение в упоминании документом начала 1650-х годов «Чатусовых кабаков». В 1651 г. терский воевода сообщил в Астрахань, что жители «горские земли кабаков Чатусовых да Чимнаховых да Зумсовцевых да Вашандаровых» дали в Терский город аманата, «договорясь с шибутцкими людьми вместе с одного и договор учинили на том, что и впредь им аманаты давать вместе заодно же по очереди». Сношения с воеводой вели «шибутские начальные люди», среди которых назван по имени шибутский «начальный человек» Айдемир¹⁷. Здесь Чатусовы кабаки объединены с другими, которые все локализируются более поздними источниками в ущелье р. Чанты-Аргун: Чимнаховы кабаки — тайп Чинхой и селение Чинухой, Зумсовцевы — очевидно, Тумсоевы, т. е. Тонса письма 1657 г., Вашандаровы — тайп Вашандарой и сел. Вашандарой¹⁸.

Три топонима в письме, несомненно, не охватывают всех селений и тайпов Шибутской земли. Обещание привести в подданство русскому царю «много много селений» относится или к другим селениям Шибутского джамаата, или к более широкой территории.

Но кто же были шибутские посланцы Алхан, Сусло и Алган? В письме их имена названы без какого-либо определения. Отписки воевод, приказные «памяти», грамоты, писавшиеся дьяками и подьячими в связи с поездкой посланцев из Терского города в Москву и с пребыванием в

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, кн. 6, лл. 275 об. — 276 об. Челобитчики могли назвать местность Чачан (в нижнем течении р. Аргун) землей «великого государя» в связи с бытовавшим преданием о том, что здесь стоял город Чечен «великих государей и великих князей российских», разоренный «в давних годах». Предание это было рассказано в 1665 г. приехавшим в Москву грузинским митрополитом Епифанием, который пояснил, что «ныне да на том месте вал земляной есть» (ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 1, лл. 1—3). Речь шла, очевидно, об одном из городищ в районе нижнего течения р. Аргун, на которых археологами обнаружены находки скифского времени и раннего средневековья (В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Указ. раб., № 654—656).

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 2, лл. 2—5, 50—55, 95—99; 1673 г., № 1, лл. 102—103; 1675 г., № 1, лл. 15—16, 194—198. Я. З. Ахмадов недавно справедливо указал на необходимость специального исследования о Турловых; документы ЦГАДА XVII в. остались ему неизвестны (см. Я. З. Ахмадов. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии. — «Вопросы истории Дагестана (досоветский период)», I, Махачкала, 1974).

¹⁷ Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 2619, 2647.

¹⁸ М. А. Мамакаев. Указ. раб., с. 19, 22—23; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Указ. раб., № 471; Н. С. Иваненков. Горные чеченцы. — «Терский сборник», т. VII. Владикавказ, 1910, с. 55, 186, 188; 190, 206.

Москве, называют их то шибутцами, то шибутскими посланцами, то «владельцами». «Владельцами» иногда называются и тушинские посланцы. В том, насколько условно иной раз было употребление последнего термина в русских документах, убеждает ряд отзывов о Тушинской земле. Так, при допросе в Астраханской приказной палате в 1661 г. уже упомянутые выше «тушины» Астоп Арабулиң и Абул Асторул о Тушинской земле сказали: «А владельца де у них нет, во всякой деревне по судейке...»¹⁹. Характерно, что и тушинские и шибутские посланцы появились в Москве без сопровождающих лиц, между тем как северокавказские феодалы-мурзы приезжали всегда в окружении военных слуг — узденей.

Посланцы, скорее всего, были выбраны из общинной верхушки. В 1642 г. в шибутской Дикеевой деревне назван Дикеев сын Алхан; в 1647 г. перечислены «начальные люди» четырех шибутских кабаков — в том числе Тумцоева — Алги, Анак и Ильдей²⁰. Возможно, Дикеев сын Алхан и Алги — это Алхан и Алган письма 1657 г. Выше упоминались «шибутские начальные люди», с которыми в 1651 г. терские воеводы вели переговоры о выдаче аманата. Мы не знаем, каким вайнахским терминам соответствовали русские термины «начальный человек» или «владелец». Но нет сомнения в том, что они указывают на лиц, выдвинувшихся из среды рядовых общинников.

Когда в 1659 г. терский стрелецкий голова Михаил Молчанов был послан в Шибутскую землю для ее «досмотра», данный из Посольского приказа наказ включал вопрос о том, кто в Шибутской земле «начальные люди и сколько служилых людей». Доездная память — отчет Михаила Молчанова — не сохранилась. До нас дошел лишь проект доклада царю о ней, составленный в 1660 г. в Посольском приказе, к тому же не имеющий конца. Судя по этому документу, ответ Молчанова на этот вопрос был дан в такой неясной форме: «А всего их Шибутцкой земли жителей 19 человек да крестьянских у них 240 дворов». Русский стрелецкий голова не нашел подходящего термина для определения названных ему 19 шибутян; термин наказа «начальные люди» он не счел возможным употребить; 240 «крестьянских дворов» — очевидно, дворы рядовых общинников, из которых и должна была составляться военная сила Шибутской земли, определенная тушинами — пусть с преувеличением — в тысячу человек²¹.

Отписка терских воевод, посланная в Посольский приказ в 1647 г., содержит еще один социальный термин — «выборные лучшие люди». В этом году воеводы вели длительные переговоры с «мичкизскими людьми» о приведении их к шерти. Переговоры закончились приездом в Терский город четырех «выборных лучших людей от всей Мичкизской земли» — Муралея с товарищами, которые подтвердили на коране шерть, данную мичкизскими людьми, с обещанием платить в Терский город ясак. Аманаты от мичкизских людей не были взяты, так как два мичкизянина, жители Терского города, посланные воеводами в Мичкизы, сообщили, что «начальных людей» «над ними в Мичкизской земле нет», «владеет всяк сам собою, и всего де их владенья 36 кабаков, и из тех кабаков сядет их на конь 3 тысячи человек боевых людей»²².

¹⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, кн. 7, л. 47.

²⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией..., с. 78, 79.

²¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1658 г., № 1, ч. 2, л. 470; № 3, л. 23. В переписной книге дел Посольского приказа 1673 г. ныне утраченный отчет, составленный Михаилом Молчановым, озаглавлен так: «Роспись Шибутцкой земли владельцам и колько за кем во владенье дворов» (Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., с. 22). Как показывает проект отчета, термин «владельцы» Молчанов не употреблял, его внесли в переписную книгу дяки или подьячие Посольского приказа.

²² «Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. пединститута», вып. 13. Нальчик, 1957, с. 108. Цифра 3000 боевых людей представляется преувеличением.

Эпитет «лучшие люди» в русском языке XVII в. чаще всего означал людей зажиточных. Раскрыть смысл термина «выборные лучшие люди» помогают и источники XVIII в.: так, в 1781 г. при переговорах кизлярского коменданта Куроедова с чеченцами в текст бумаги, на которой аульские старшины и народ дали присягу, был включен следующий пункт: «Старшин в деревнях для исправления общественных дел избирать им самим беспрепятственно, кого в ту должность удостоят, по древним обычаям...»²³. Разница в сообщениях документов XVII в. о Шибутской и Мичкизской землях (в первой есть «начальные люди», в обширной Мичкизской земле их нет) объясняется, скорее всего, обстановкой, в которой велись переговоры: в Мичкизы из Терского города были посланы проживавшие здесь мичкизяне. «Начальные люди» Шибутской земли, как и «выборные лучшие люди» Мичкизской, — очевидно, старшины, старейшины. Установление наследственности старшинского звания, о которой сообщают источники XVIII в. и примеры которой можно найти и для XVII в., рассматриваются в научной литературе как одна из сторон феодализации горских обществ Кавказа. Такие способы обогащения общинной верхушки, как набеги, захват добычи, пленных, требования «подарков» на путях сообщений, также известны по рассказам лиц, проезжавших по Аргунскому ущелью²⁴.

За неясными фразами документов угадывается выявленная исследователями форма общественного быта вайнахов — кхел, совет старейшин или и более широкое собрание²⁵. Очевидно, на таком собрании было решено в 1657 г. послать в Москву письмо с просьбой принять жителей трех шибутских селений или тайпов в русское подданство; возможно, там же был продиктован писцу текст, в оборотах которого сохранились следы устной речи; шерть, принесенная в 1647 г. 36 кабаками Мичкизской земли, — скорее всего, результат решения кхела; более ясны тексты документа 1651 г. о «договоре», заключенном группой селений долины Чанты-Аргуна о выдаче в Терский город аманата «вместе заодно по очереди», и рассказа 1656 г. о решении тушин и шибутов действовать «впоче».

В XVI—XVII вв. у вайнахов были и мурзы — распространенный на Северном Кавказе термин, означавший феодалов. В XVI в. — это Ушаром-мурза и его сын Ших-мурза окоцкие²⁶, в первой половине XVII в. племянник Шиха — Батай и его сын окоцкий мурза Албирюй Батаев, присягнувший в 1645 г. царю Алексею Михайловичу. Окоцкая земля была расположена в восточной части вайнаховской территории и позже оказалась в зависимости от соседних кумыкских феодалов. В 1621 г. выехал служить в Терский город окоцкий же мурза Кегостров Бийтемиров с небольшой группой «окочан». Его потомки служили там до конца XVII в.

В русских документах конца XVI в. есть сведения о мурзе Ларсова кабака (в Дарьялском ущелье) Салтане. Н. Г. Волкова и Т. С. Магомадова считают Салтан-мурзу вайнаховским феодалом, а население Ларсова кабака в это время ингушским²⁷.

²³ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, II. СПб., 1869, с. 63.

²⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грузией, оп. 1, 1665 г., № 1, лл. 1—3; № 2, лл. 95—99; 1673 г., № 1, лл. 195—198, и др.

²⁵ И. М. Саидов. Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом. — «Кавказский этнографический сборник», II, Тбилиси, 1968, с. 199—206.

²⁶ В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. Один из северокавказских союзников Руси. — «Вопросы истории», 1971, № 10; С. Ц. Умаров. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII вв. — «Археолого-этнографический сборник», IV, Грозный, 1976, с. 198, и др.

²⁷ Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, с. 155, 156; Т. С. Магомадова. Владелец Ларса Салтан-мурза в первых русско-ингушских взаимодействиях. — «Материалы конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского гос. ун-та по итогам научно-исследовательской работы за 1974 г.». Грозный, 1976, с. 62, 63.

Кабардинские и кумыкские феодалы брали с некоторых вайнахских селений натуральную дань — ясак. Выше были приведены сведения об аварских мурзах Турловых в «Чеченевской деревне». В XVIII в. в районе нижнего течения р. Аргун и в Гумбете (северная часть Аварии) Турловы делили зависимые от них селения с кумыкскими мурзами. В течение XVIII в. они были вытеснены местными жителями в притеречные районы²⁸.

Таким образом, феодалы-мурзы известны по документам XVI—XVII вв. в частях вайнахских земель, расположенных по соседству с Аварией, Кумыкией, Кабардой и Осетией, а также в местности по нижнему течению Аргуна. В горных ущельях и предгорных районах Чечено-Ингушетии располагались селения джамаатов — обществ. Судя по письменным источникам, здесь процесс феодализации был выражен слабее. Очень важным представляется изучение территорий этих джамаатов, условий хозяйственной жизни их населения в прошлом, памятников, сохранившихся на местах поселений, названных документами XVI—XVII вв.

Для углубленного исследования социально-экономических отношений у горских народов Кавказа необходимо также расширение круга источников. Архивные фонды русских учреждений дают возможность поисков и находок, свидетельством чего и является публикуемый документ.

²⁸ В настоящей статье использованы архивные документы, относящиеся преимущественно к Чечне. Известий XVII в. об Ингушетии сохранилось меньше, и они заслуживают специального рассмотрения.

Т. М. Айтберов

НЕДАВНО НАЙДЕННЫЕ АДАТЫ АВАРЦЕВ XVII ВЕКА

Уже свыше ста лет адаты народов Дагестана находятся в поле зрения исследователей. За эти годы опубликованы многие тексты, значительное число статей и монографии. Большая часть изданных текстов относится, однако, к XVIII—XIX вв. Записанных адатов более раннего времени, в частности XVII в., сохранилось мало. Поэтому публикация каждого нового памятника обычного права народов Дагестана, относящегося к периоду ранее XVIII в., представляет определенный научный интерес.

В данной статье мы публикуем три памятника аварского обычного права, датируемые XVII в.: «Соглашение жителей сел. Обода», «Соглашение жителей сел. Ахалчи» и «Соглашение жителей селений Кахиб и Гоор с жителями селений Батлук и Андих»¹ (первый памятник относится, возможно, к XVI в.). Дошли они в подлинниках, что очень важно, ибо подлинный текст дает возможность лучше понять содержание памятника, чем копия. Объясняется это, в частности, тем, что арабский язык, на котором написаны дагестанские документы и нарративные источники, в ряде случаев отходит от норм грамматики литературного арабского языка. Такой отход иногда сильно затрудняет понимание текста, что знали и учитывали лица, писавшие по-арабски. Чтобы предотвратить неверное понимание текста, они снабжали его пояснительными значками. Однако, при снятии копий значки нередко опускали или по невнимательности ставили не на месте, что приводило к неверному толкованию текстов.

Хотя публикуемые тексты подлинные, мы создаем, что на данном этапе вряд ли удастся полностью понять их содержание. Это станет возможным, видимо, лишь после издания более или менее значительного числа памятников дагестанского обычного права XV—XVII вв., а также изучения распространенных в то время в Дагестане трудов мусульманских юристов и комментариев к ним аварцев-правоведов. Исходя из этого мы отмечаем при переводе возможные варианты понимания как отдельных терминов, так и целых предложений. Мы также специально оговариваем каждый раз наличие подстрочных пояснительных знач-

ков — .

Деление текста переводов на абзацы и статьи произведено автором этих строк.

¹ Публикуемые документы хранятся у М.-М. Гайдарбекова, жителя сел. Геничутль. Первый находится между листами книги «Манахидж ал-касидин фи шархи Минхадж ал-'абидин», переписанной Шабаном бен Исмаилом Ободинским. Второй и третий приклеены к внутренней стороне задней обложки названной книги.

Написано черными чернилами на листе волокнистой бумаги желтоватого цвета размером 7×5 см. Обратная сторона листа и часть свободного пространства на лицевой заполнены заметками по грамматике арабского языка. Сделаны они рукой Шабана бен Исмаила Ободинского (годы жизни 1017/1609—10 гг.—1078/1667—68 гг.) после записи «Соглашения».

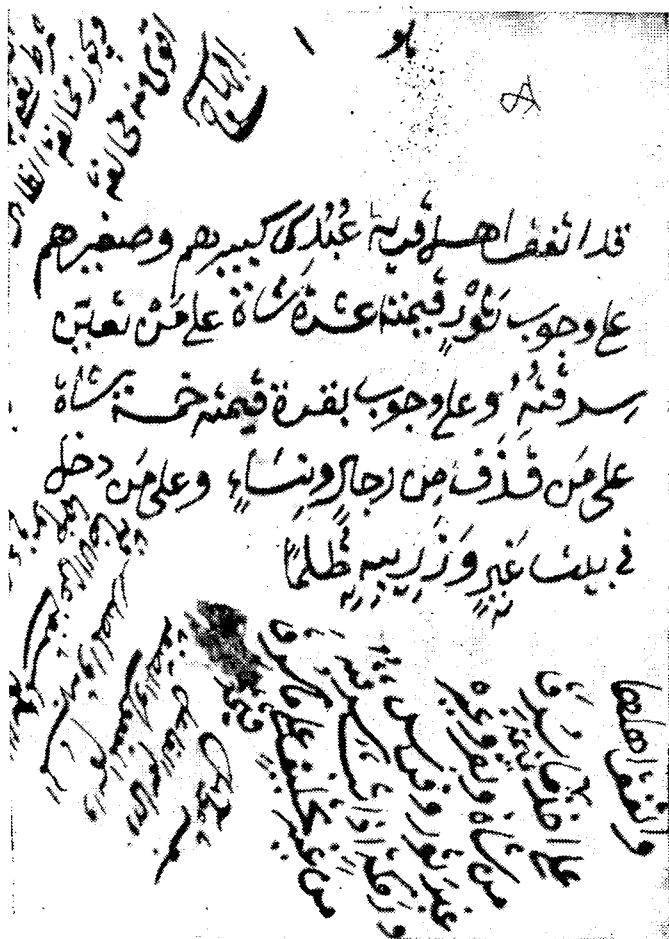

Рис. 1. «Соглашение жителей сел. Обода»

Строки написаны в два столбца (1—6 и 7—13), расположенные перпендикулярно друг другу. Текст частично огласован. В шестой строке имеется пояснительный подстрочный значок.

Имя человека, написавшего «Соглашение», и годы его жизни не указаны. Ясно одно—этот документ составлен не позднее 1078/1667—68 гг., т. е. года смерти Шабана бен Исмаила. Отметим, что составитель «Соглашения» имел довольно слабые познания в арабском языке.

Перевод

Он¹

Жители (ахл) селения (қарйат) 'Убуди² — старшие и младшие договорились, что:

1. На того, кто будет уличен в воровстве (сиркат) необходимо [наложить штраф]— быка стоимостью (кимат) десять овец (шат) ³.

2. На того, кто опорочит (казафа) ⁴ кого-либо из мужчин и[ли] женщин, необходимо ⁵ [наложить штраф]— корову стоимостью в пять овец.

3. На того, кто силой зайдет в дом (байт) или на хутор (зарйб) ⁶, [принадлежащие] другому, [такой же штраф].

4. Его (Обода) жители договорились взимать [с вора] стоимость ⁷ украденного ⁸, если [это будет] овца, корова ⁸ и другое [животное, но] не бык, конь и кобыла ⁹, когда [факт совершения] им кражи будет установлен без приведения к присяге ¹⁰ на стоимость украденного.

Примечания

1. Аллах.

2. Сел. Обода (ГЮбода). Расположено в Хунзахском районе Дагестанской АССР.

3. См.: «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева». М., 1965, с. 204, § 137; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1962, с. 170; Л. В. С. Фан ден Берг. Основные начала мусульманского права согласно учению имама Абу Ханифы и Шафии. СПб., 1882, с. 139.

Штраф шел, видимо, в пользу общины.

4. Можно понять иначе: «кто ложно обвинит в прелюбодеянии». См.: И. П. Петрушевский. Указ. раб., с. 169; Л. В. С. Фан ден Берг. Указ. раб., с. 138; «Памятники обычного права Дагестана...», с. 132, 151, 159.

5. Можно понять иначе: «На мужчину и[ли] женщину, которые опорочат кого-либо, необходимо...».

6. Чит. «зарйбат». Арабы называют так загон для скота. Аварцы, которые изучали арабский язык в местных медресе, слово «зарйбат» переводят как «хъутан», т. е. кутан (летнее горное пастбище с жильем для чабанов). См.: М. Саидов. Аварско-русский словарь. М., 1967, с. 530; «Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Составитель А. С. Омаров». Махачкала, 1968, с. 212; С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. XIX — первая половина XX в. Махачкала, 1967, с. 48—58.

7. Первоначально слово «стоимость» было пропущено, затем составитель «Соглашения» вставил его в текст.

8. Букв. «с овцы, коровы».

9. Имеется в виду случай, когда украденное стоит не дороже коровы. См. «Памятники обычного права Дагестана...», с. 123 (VIII).

10. Речь идет, видимо, об институте соприсягателей. См.: «Памятники обычного права Дагестана...», с. 123 (VIII), 131—132 (X), 133 (XV), 136—138 (III), 149—150 (IX), 159—161 (XIII), 165—166 (V), 173—174 (IX), 184—186 (§ 16—24, 31), 202—206 (§ 133—153); И. П. Петрушевский. Указ. раб., с. 170; Л. В. С. Фан ден Берг. Указ. раб., с. 158—163.

СОГЛАШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ. АХАЛЧИ

Написано Шабаном Ободинским черными чернилами на листе волокнистой бумаги желтовато-коричневого цвета. Размер 17,5×8,2 см. Текст частично огласован и снабжен пояснительными подстрочными значками и .

Звуки аварского языка, которые не имеют достаточно близких параллелей в арабском, изображены следующим образом: «хъ» — через «каф», «хъ» — через «кяф» с ташдидом, «чI» — через «чэ» персидское ¹.

В верхней части листа имеется неизвестно кем и когда написанная полустертая строка. На ней удастся разобрать «басмалу».

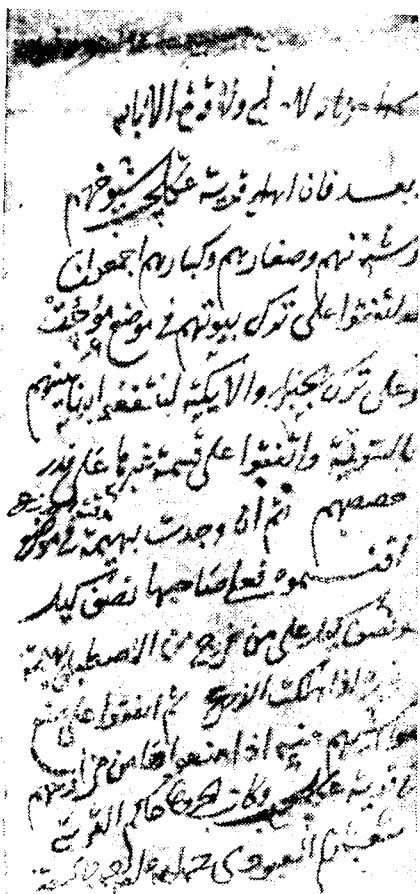

Рис. 2. «Соглашение жителей сел. Ахалчи»

3. Чит. «Мочлохъ». В настоящее время в этой местности расположено сел. Мочох (Мочлохъ), которое входит в Хунзахский район.

Сел. Мочох впервые упоминается в послании Абу Султан-нуцал-хана Аварского от 1828 г. Тогда в нем насчитывалось 202 двора. См.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы». Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, с. 270.

4. Пояснительный значок **Т** показывает, что речь идет об использовании домов, леса и горы.

5. Речь идет о тех ахалчинцах, которые выселились в местность Мочох. Вероятно, они не позволяли остальным ахалчинцам (проживавшим в самом Ахалчи) использовать мочохские земли для своих нужд.

6. Пояснительный значок **Р** показывает, что речь идет о домах, горе и лесе в Мочохе.

7. Фраза «во время сева» первоначально оказалась пропущенной, но затем была вставлена Шабаном Ободинским.

8. Мера объема.

9. Штрафы шли, видимо, в пользу общины.

Во имя Аллаха. На все воля божья!

А далее. Жители селения 'Аккалчиб² — старики и юноши, малые и большие, все вместе договорились:

1. Оставить свои дома [расположенные] в местности Мучук³.

2. Оставить гору и лес с тем, чтобы [все] они [могли] пользоваться ими⁴ в равной [мере]⁵.

3. Они договорились разделить [земли], кроме них⁶ в соответствии с размерами своих долей.

4. Затем, если во время сева (зар')⁷ в местности, которую они разделили между собой, будет найдено животное, то на его хозяина [налагается штраф] — половина кайла⁸ [зерна].

5. Половина кайла [налагается] и на того, кто вывел из хлева (истабл) животное, [принадлежащее] другому, [но только] когда оно потравило посев⁹.

6. Затем [ахалчинцы] договорились не допускать на него¹⁰ свой скот (машийат), когда они не будут пускать его на свои пашни (мазра 'ат), [расположенные] в селении 'Аккалчиб¹¹.

Писавший эти слова — хаким¹² селения Ша'бан ал-'Убуди, да помилует его Аллах.

Примечания

1. Мы исходим из современного произношения этих звуков в литературном аварском языке.

2. Чит. «Глахьалчиб». Сел. Ахалчи (Глахьалчиб) расположено в Хунзахском районе.

Сверх штрафа виновный был, вероятно, обязан возместить хозяину нанесенный ему ущерб (см.: «Памятники обычного права Дагестана...», с. 212, § 190, 191).

10. Пояснительный значок показывает, что речь идет о Мочохе.

11. В ахалчинской общине, видимо, существовал обычай выпускать в определенное время скот членов общины на пашни, без учета межевых знаков.

12. Судья.

СОГЛАШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЕНИЙ КАХИБ И ГООР С ЖИТЕЛЯМИ СЕЛЕНИЙ БАТЛУХ И АНДИХ

Написано Шабаном Ободинским черными чернилами на листе волокнистой бумаги желтовато-коричневого цвета. Размер 20×6,5 см. Текст частично огласован и снабжен пояснительными подстрочными

значками и . Конец документа утрачен.

Аварские звуки изображены следующим образом: «ль» — через «лām'», «хъ» — через «каф» и «ха».

Из текста видно, что Шабан Ободинский допускал ошибки в употреблении количественных числительных.

Перевод

Я начал во имя Господа¹. Аллах приказывает быть справедливым и совершать благодеяния.

А далее. Жители селения Кахиб², жители селения Ху'уб³, жители селения Баклух⁴ и Хандика⁵, все вместе — малый и большой договорились⁶ о следующем⁷:

1. Если кто-либо удалится от них без их общего разрешения, то на него [налагаются] семь коров в качестве выкупа (фидийат).

2. Если кто-либо из жителей селения Кахиб и [ли] Ху'уба убьет кого-либо из [жителей] селения Баклух и [ли] Хандика, то на убийцу [налагается] пятнадцать коров в пользу гостя⁸ убитого, пятнадцать коров — в пользу жителей его⁹ селения и тридцать коров в пользу наследников убитого⁹.

3. Если же ситуация будет обратной, то [наказание для убийцы] такое же¹⁰.

4. Если кто-либо скажет неприятное (макрух)¹¹ тому, кто пришел от них к нам¹² в гости¹³, то на него [налагается штраф] бык стоимостью в пять (пятнадцать —?) овец в пользу жителей его¹⁴ селения.

Примечания

1. Это предложение написано по-персидски.

2. Сел. Кахиб находится в Советском районе Дагестанской АССР.

3. Сел. Гоор (Гьоориб) Советского района.

4. Чит. «Бакълъухъ». Сел. Батлух. (Бакълъухъ) Советского района.

5. Чит. «Гъандихъ». Сел. Андах (Гъандихъ) расположено в Советском районе, недалеко от сел. Батлух. Территория, на которой находятся эти села (Баклал),

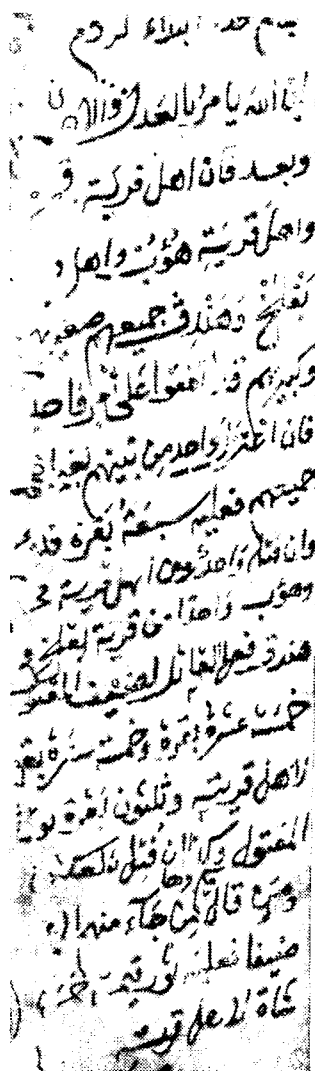

Рис. 3. «Соглашение жителей селений Кахиб и Гоор с жителями селений Батлух и Андах»

во второй половине XV в. была под властью нуцалов Аварии (Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 135, 136). Оба селения упомянуты в письме Абу Султан-нуцал-хана Аварского от 1828 г., где отнесены к числу «узденских деревень Аварского ханства» («История, география и этнография Дагестана...», с. 270.). Возможно, во второй половине XVII в. Андих и Батлук также входили в состав Аварского нуцальства.

6. Букв. «договорились об одном деле».

7. Речь идет об институте куначества. См. «Памятники обычного права Дагестана...», с. 126 (II, § 1), 144 (II, § 1).

8. Пояснительный значок показывает, что речь идет об убийце.

9. См.: «Памятники обычного права Дагестана...», с. 187, 188 (§ 35—37); И. П. Петрушевский. Указ. раб., с. 165—167; Л. В. С. Фан ден Берг. Указ. раб., с. 130—134.

10. Букв. «Также если кто-либо будет убит наоборот».

11. Слово «неприятное» оказалось пропущенным, затем было вставлено Шабаном Ободинским. О термине «макрух» см.: И. П. Петрушевский. Указ. раб., с. 146; Л. В. С. Фан ден Берг. Указ. раб., с. 57.

12. По-видимому, из одной пары селений в другую.

13. Букв. «гостем».

14. Пояснительный значок показывает, что речь идет о сказавшем «неприятное».

* * *

Публикуемые документы показывают, что в XVII в.:

1) аварцы занимались земледелием и скотоводством (часто упоминаются овцы, коровы, быки, лошади);

2) некоторые аварцы имели свои хутора;

3) в Аварии шел процесс образования выселков;

4) отдельные общины, входившие в Аварское нуцальство, владели пахотными землями, лесами и горными пастбищами. Обладая значительными правами, они могли устанавливать наказания для своих членов, ликвидировать выселки, устанавливать ту или иную систему землепользования, вступать в договорные отношения с общинами, не входившими в нуцальство;

5) в аварских селениях наказание за воровство, клевету, оскорбление и убийство устанавливалось в соответствии с местными адатами, а не с шариатом;

6) в ряде общин, входивших в Аварское нуцальство, имелись специфические местные обычаи (по-аварски — «балъ») и, следовательно, нет оснований утверждать, что в XVI—XVII вв. «укрепление и расширение власти феодального правителя Аварии сопровождалось установлением на всей территории ханства единых правовых обычаев»².

² «История Дагестана», т. I, М., 1967, с. 261. Данная точка зрения опирается на «Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого)» (см. «Памятники обычного права Дагестана...», с. 261—276). На основании приписки к тексту этот источник датируют XVII в. Содержание приписки следующее: «Книга законов (канун), которые составлены во время эмира Умму-хана Аварского Справедливого, скончавшегося в 1044 г. х.—1634 г. хр. э. Список написан рукой ученого Хадиса Андихского» (см. «Памятники обычного права Дагестана...», с. 270). Однако, приписка эта бесспорно более поздняя, так как сделана металлическим пером. Следовательно, нет достаточных оснований для отождествления источника, изданного Х.-М. Хашаевым, с «Кодексом законов» Умму-нуцала б. Шамхал-нуцала.

М. С. Бутинов

О РОЛИ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЛАНЕЗИИ

(НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВОВ АДМИРАЛТЕЙСТВА)

При изучении социальных и религиозных институтов этнографы обычно уделяют недостаточное внимание выявлению их роли в жизни отдельного человека. Нередко хозяйство народа изучается само по себе, социальный строй и религия — сами по себе. Даже информатор для этнографа часто не столько личность, сколько лишь источник сведений о культуре. Можно назвать немало этнографических трудов, в которых совсем не упоминаются личные имена, а фигурируют люди такого-то племени и рода, такой-то деревни, представители такой-то степени родства. Если же в этих трудах и встречаются личные имена, то они приведены лишь для удобства изложения, которое само по себе носит безличный характер. Такой подход к изучению народа вполне правомерен и имеет свои достоинства. Но народ — это не только социальные институты и религиозные обряды, это и живые люди, судьбы которых тоже надо изучать. Иначе далеко не всегда ясно, какое место занимает тот или иной институт или обычай в реальной жизни людей.

Возьмем для примера классические труды Б. Спенсера и Ф. Гиллена об австралийских аборигенах. При всей их несомненной ценности они оставляют в этом отношении желать много лучшего. «Описания подлинного живого быта австралийских туземцев там, в сущности, почти нет, — отмечают Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, — зато есть весьма обстоятельное изложение системы родственных отношений, подробное описание религиозно-магических обрядов и связанных с ними верований. При чтении подобных работ остается впечатление, что вся жизнь народа заполнена религиозными церемониями, магией и сложными расчетами родственных связей. Вместо живых людей перед нами отвлеченная схема общественной организации и сложная система магико-мифологических представлений. Отдельная личность совершенно исчезает в этой схематической картине; лишь изредка появляется отдельное лицо, чтобы произнести одну-две фразы только для иллюстрации каких-то общих положений автора, — больше оно ему ни для чего не нужно»¹.

В свое время О. Конт утверждал, будто существует некая «абстрактная история», «история без имен людей и даже без названий народов»². Но такой «абстрактной истории» на деле не существует. История всегда конкретна. И этнография тоже должна максимально стремиться к конкретности. Достаточно было Спенсеру и Гиллену, в частности, рас-

¹ Я. Я. Рогинский, С. А. Токарев. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. — Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, М. — Л., 1950, с. 698.

² См. И. С. Кон. Социология и история. — «Вопросы философии», 1970, № 8, с. 80.

смотреть брак, колдовство, обряды инициации и прочее в их связи с реальной жизнью аборигенов, чтобы эти институты стали на свои места, приобрели свое подлинное, гораздо более скромное, чем эти исследователи им придавали, значение.

Нельзя не вспомнить в этой связи о Н. Н. Миклухо-Маклае. Его как этнографа Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев противопоставляют Спенсеру и Гиллену. «Папуасы в записях Маклая, — пишут они, — это не безымянная и не безличная „орда дикарей“, а живые люди, личности с индивидуальными характерами. Маклай с интересом и симпатией присматривался к этим окружавшим его людям, старался понять их психику, мотивы их поведения...»³.

Мы попытаемся выявить роль религии и традиционных институтов в судьбах трех конкретных людей, жителей островов Адмиралтейства. В их биографиях нашла свое отражение обстановка, существовавшая в Меланезии в сфере религиозной жизни в период до и после второй мировой войны. Один из них родился в конце прошлого века и строил свою жизнь по нормам традиционной меланезийской культуры. Второй родился около 1910 г. и жил, руководствуясь нормами европейской культуры, почти полностью отказавшись от местной, меланезийской. Третий родился примерно в то же время, что и второй, но сочетал в своей жизни институты обеих культур, в частности традиционные верования и христианство. Изучение судеб этих трех людей поможет нам получить некоторое представление о сложном процессе изменений в социальной и духовной жизни меланезийцев в конце XIX — первой половине XX в., о закономерностях этого процесса и тем самым углубить наше понимание современных условий в независимом государстве Папуа Новой Гвинеи.

Среди источников по данной теме важное место занимают труды Н. Н. Миклухо-Маклая. Он, как известно, дважды побывал на островах Адмиралтейства — в 1876 и 1879 гг. Русский путешественник посетил большой остров Манус, в частности деревни Пуби (Буби) и Лонеу на южном берегу его и деревни Суоу, Пургасси, Рембат, порт Нарес — на северном. На островках Андра и Сорри, расположенных около северного берега о. Манус, он прожил в общей сложности 25 дней. В 70-х годах прошлого века торговые суда часто заходили сюда, и жизнь местных жителей быстро менялась⁴. Сведения, собранные Миклухо-Маклаем, очень ценны, так как он был первым этнографом, побывавшим здесь.

Он застал на островах Адмиралтейства общинно-родовой строй на стадии его разложения. В каждой деревне было два-три клана, занимавших господствующее положение, а все остальные были подчинены им. Вожди кланов («большие люди») использовали традиционные обычаи — родовую взаимопомощь, адопцию и др. — для усиления своей власти над рядовыми общинниками.

После колонизации положение «больших людей» еще более упрочилось — они были включены в колониальный аппарат в качестве низовых его звеньев. В 1928 г., когда сюда прибыли американские этнографы М. Мид и Р. Форчун, в каждой деревне имелись туземные представители колониальной администрации: *лулуай* — деревенский вождь, *тултул* — переводчик, *докта бой* — ответственный за чистоту в деревне. Местные жители заменили каменные топоры и ножи железными, однако новые орудия труда не внесли больших изменений во внутреннюю жизнь деревень. По-прежнему там были «большие люди» и зависимые от них общинники. Миссионеры сюда еще не проникли, и в религии важное место занимали культ предков и колдовство.

³ Я. Я. Рогинский, С. А. Токарев. Указ. раб., с. 698.

⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II, с. 470.

Мид и Форчун провели шесть месяцев на южном берегу о. Манус, в дер. Пери. В Пери жили люди восьми кланов (всего 210 чел.). Самый большой клан — Пери (по нему названа вся деревня). Мид и Форчун в своих трудах дают довольно подробные сведения о многих жителях Пери, как о взрослых, так и о детях, а также о событиях, происходивших в деревне. Форчун публикует детальный «дневник религиозных событий» за четыре месяца (декабрь — март) и суммарное описание «религиозных событий», без точных дат, еще за два месяца (апрель-май). Кроме того, в главе «Кто есть кто» он приводит краткие сведения о лицах, чаще других упоминаемых в его книге, в том числе и о некоем Палиау⁵. Мид в своих трудах тоже упоминает о нем довольно часто⁶. Это не тот Палиау, который возглавил движение за независимость после второй мировой войны (и о котором ниже тоже пойдет речь), а другой человек, носящий то же имя.

Вот как описывает его М. Мид. На веранде сидит Палиау. Он очень устал — всю ночь ловил рыбу, утром обменял ее на таро в деревне, расположенной на берегу. На нем передник из луба. На шее — ожерелье из собачьих зубов. Ушные мочки растянуты, с них свисают маленькие кольца из скорлупы кокосового ореха; в просверленную носовую перегородку продето украшение — длинный полумесяц из перламутровой раковины. На руках около плеч — плетеные браслеты, за них заткнуты куски костей недавно умершего отца. На полу около него — плетеная сумка, в ней виден сосуд из тыквы, в сосуд вставлена лопаточка для извести; в той же сумке — орехи зеленого бетеля и связка перечных листьев. Он сует орех в рот, скручивает перечный лист в воронку, откусывает кусок, достает лопаточкой немного извести, отправляет ее в рот и эту смесь с удовольствием жует⁷.

Таков Палиау. Он еще не знает, что такое христианство, он верит в духов умерших: у него в хижине, в углу, в маленьком деревянном ящике хранится череп недавно умершего старшего брата — Пванау. Палиау верит, что в черепе живет дух Пванау, который заботится о Палиау и его семье, награждает за добрые поступки и наказывает за «грехи». До того как Пванау умер и его дух стал духом-покровителем, эту роль выполнял дух ранее умершего человека по имени Пополи. Дух Пванау сменил духа Пополи. Однако в хижине Палиау, в другом углу, живет его теща, которая продолжает хранить череп Пополи (обычно череп ранее умершего выбрасывают в море) и считает духа Пополи своим духом-покровителем. В хижине Палиау оказалось сразу два духа, и один из них, а именно дух Пополи, был якобы недоволен тем, что тут же появился дух Пванау. Палиау считает, что дух Пополи мстит ему за это, насылает болезни на него самого, на его жену Саин и даже на их свинью. Сначала Палиау не понимает, в чем причина болезней. Он зовет на помощь колдуна, умеющего будто бы вызывать духов умерших и беседовать с ними. Колдун вызывает духа Пополи, узнает причину его гнева и передает его слова Палиау. Тогда Палиау строит рядом со своей хижинкой небольшую хижину для своей тещи и ее духа-покровителя. Теперь у каждого духа свой дом, и дух Пополи оставляет Палиау в покое⁸.

Другой случай: Палиау однажды заболел, позвал колдуна, тот вызвал духа Пванау и от него якобы узнал причину болезни Палиау. Колдун объявил, что человек, живущий в соседней хижине, прогневил

⁵ R. Fortune. Manus religion. Philadelphia, 1935, p. 365.

⁶ M. Mead. Growing up in New Guinea. London, 1931, p. 62, 81, 87, 110, 252; *ее же*. Kinship in the Admiralty Islands. — «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 34, pt. 2, N.Y., 1934, p. 207, 251, 294, 324—329.

⁷ M. Mead. Growing up in New Guinea, p. 15, 16.

⁸ Там же, с. 81.

духа Пванау, а Палиау, тем не менее, продолжает жить рядом с этим человеком. Когда Палиау выздоровел, он разобрал свой дом и перенес его в другую часть деревни, подальше от хижины человека, прогневившего духа Пванау⁹.

По нашему мнению, Мид и Форчун, излагая эти события, все же не довели исследование до конца. Дело в том, что Палиау не просто рядовой общинник. Палиау — «большой человек», он может и не выполнить рекомендацию колдуна, если это ему невыгодно. В данном случае необходимо было выявить все мотивы, заставившие Палиау построить новую хижину для тещи и перенести свою хижину в другое место. Это слишком важные решения, чтобы считать слова колдуна единственным мотивом.

Форчун приводит еще один факт: как-то поздно вечером он и М. Мид сидели в правительственном бараке, где временно поселились, и беседовали с Покенау (местным лулуаем), Палиау и Боньяло (юношей, о котором ниже тоже пойдет речь). Вдруг Палиау услышал странный звук. Он вышел на веранду, потом вернулся и сказал: там был дух Сори (Сори — старший брат Покенау, он недавно умер и череп его хранился в хижине Покенау). Покенау, Палиау и Боньяло быстро разошлись по домам из страха перед духом Сори¹⁰. Через две недели после этого Палиау заболел лихорадкой (жители островов Адмиралтейства часто болеют гриппом и лихорадкой). В роли колдуна выступила мать Палиау — Камутал. Она вызвала духа Сори и тот якобы сказал: «Палиау заболел потому, что пришел на мою землю» (правительственный барак находился на земле, считавшейся принадлежащей духу Сори). Причина болезни была установлена. Камутал затем вызвала духа Пванау и спросила, что теперь сделать, чтобы Палиау выздоровел. Дух Пванау ответил: пусть Палиау построит дом для этнографов на моей земле. Палиау так и сделал. Здесь, конечно, дело не в духах, а в желании самого Палиау поселить этнографов рядом с собой. Но, отмечает Форчун, на о. Манус обычай таков: если человек хочет внести в вашу жизнь важное изменение, он выдает это не за свое желание, а за внушение духа¹¹.

В общем Палиау жил согласно тем нормам и обычаям, которые существовали еще до прихода колонизаторов, во времена Миклухо-Маклая. Палиау — глава клана Пери, очень влиятельный человек в своей деревне. В «большие люди» он тоже пробился в соответствии с местными обычаями. Вот как это было. Палиау родился на о. Мбуке на рубеже XX в. и рано потерял родителей. Его усыновил Потек — «большой человек» из дер. Пери. Обычай adoption широко распространен на островах Адмиралтейства: четвертая часть всех детей — приемные дети. Усыновляют чаще всего «большие люди», *лапан*. Они могут внести плату, связанную с вступлением юношей в брак (чего часто не могут сделать родные отцы и матери), а за это получают работников для своего хозяйства.

Плата за невесту — важнейший обычай, определяющий на многие годы отношения между людьми. Тот, кто внес и продолжает вносить плату за невесту, становится для юноши приемным отцом, а юноша — его приемным сыном, зависимым (*лау*). При этом в зависимость от «большого человека» попадают не только сами приемные дети, но и их родные отцы и матери. С родителями Палиау этого не произошло лишь потому, что их уже не было в живых. Палиау забыл о своем родном о. Мбуке, о своих родных отце и матери. Его отцом стал Потек, матерью — жена Потек Камутал, братьями — родные дети Потек Туну и Лувил, старшим братом — Пванау (тоже приемный сын Потек).

⁹ R. Fortune. Указ. раб., с. 179.

¹⁰ Там же, с. 112.

¹¹ Там же, с. 114.

Когда Потек умер, «большим человеком» сделался Пванау; но и он умер вскоре после Потека, и его место занял Палиау. Теперь Палиау уже сам начал усыновлять и удочерять: он усыновил трех мальчиков — Пополи, Иеса и Кутана, удочерил детей Пванау — Нгасу и Саликон.

Любопытно, что родной брат Палиау, Тчаван, был усыновлен не Потеком, а другим жителем деревни и принадлежал поэтому к другому клану, чем Палиау. В отличие от энергичного и предприимчивого Палиау Тчаван не выбился в «большие люди» и находился в зависимости от Палиау, работал на него. В числе зависимых от Палиау оказались также сыновья Пванау — Туну и Лувил (он внес плату за их жен). Палиау стал главой клана Пери и главой большой родни: Камутал была теперь известна как «мать Палиау», вдова Пванау — тоже «мать Палиау», муж одной из его приемных дочерей — «зять Палиау» и т. д. Все это — его *лау*, т. е. люди от него зависимые, образно называемые «членами его тела». Они были обязаны работать на него и выполнять его приказы. Таков обычай, нарушать который нельзя: можно заболеть. Так, Туну однажды заболел и позвал колдуна. Колдун вызвал духа Пванау и тот якобы сказал: я наслал болезнь на Туну, потому что он посмел ослушаться Палиау¹². И здесь, конечно, дело в колдуне, который верно служил Палиау.

Что касается самого Палиау, то он колдунов не боялся, хотя у него были в деревне враги, и они пытались ему навредить. Как-то колдун обвинил духа Пванау (а тем самым и самого Палиау) в том, что он наслал болезнь на одного мальчика. Палиау вошел в хижину колдуна, доказав этим всем окружающим свою невиновность (иначе дух хижины, по местным верованиям, убил бы его). Потом он назвал «подлинную» причину смерти мальчика — дочь колдуна совершила преступление — и ему поверили¹³.

Палиау использовал любое нарушение обычая, рассматриваемое как преступление, для своего обогащения и укрепления своего авторитета. Однажды заболела лихорадкой Алупвай, жена Туну (того самого Туну, который болел якобы потому, что ослушался Палиау). Колдуны в течение пяти дней по-разному толковали причину болезни, а больная при этом часто теряла сознание и была близка к смерти. Потом она сама нашла причину: вспомнила, что совершила преступление. Когда Пванау был еще жив, Алупвай была с ним в одной хижине. Хижины в дер. Пери стоят у берега на сваях над водой и полы в них из бамбуковых стволов, которые не закреплены и могут раздвигаться, образуя проемы. Ночью чей-то ребенок упал через проем в море. Пванау подумал, что это его ребенок, Алупвай — что это ее ребенок. Оба быстро прыгнули в воду. Алупвай спасла своего ребенка, но при этом она случайно коснулась голого тела Пванау, а это считается здесь тяжким преступлением. Сознаваясь в этом, Алупвай полагала, что нашла лишь причину своей болезни. Но Палиау рассудил иначе: он увидел в этом нарушении обычая причину смерти Пванау. Он заявил, что если бы Алупвай созналась раньше, еще при жизни Пванау, тот не умер бы. Страшное возбуждение охватило всех жителей дер. Пери — они кричали, били в барабаны. Новость обошла всю деревню: была открыта причина смерти Пванау.

Члены того клана, к которому принадлежала Алупвай, очень сильно пострадали материально: они внесли плату за нарушение обычая — три лодки, деревянный ящик с замком и ключом, одежду, копы для ловли рыбы. Львиную долю этой платы Палиау взял себе (две лодки), другую раздал своим родственникам. Любопытна процедура раздачи:

¹² R. Fortune. Указ. раб., с. 111.

¹³ Там же, с. 182, 189, 206.

Палиау отдавал эти предметы духам — духу Пванау (т. е. себе, ибо этот дух жил в его хижине), духу Чолаи (т. е. своему брату Лувилу) и т. д.¹⁴

Совсем другое отношение к традиционной культуре и религии было у Боньяло. Он тоже житель дер. Пери. Отец его умер, когда Боньяло было 7 лет; мать вторично вышла замуж. Боньяло остался сиротой и жил то в одной хижине, то в другой, а затем поселился у Палиау. Палиау внес часть платы за его будущую жену (здесь сговор происходит еще в детские годы), после чего Боньяло стал от него зависимым, работал на него. Все считали Боньяло тупым, ленивым. Когда в деревню пришел колониальный чиновник и потребовал отправить одного мальчика в школу-интернат в Рабаул, выбор пал на Боньяло (тогда в школу детей отпускали неохотно). Боньяло шесть лет учился в Рабауле, потом работал при школе.

В 1928 г. в Рабаул прибыли Мид и Форчун и стали выяснять, в какой деревне лучше остановиться. Им сказали, что есть подросток из дер. Пери, который знает и родной язык, и английский. Исследователи поехали в Пери и взяли Боньяло с собой. Он почти совсем не знал местных обычаев, как пишет Форчун, «не знал своей культуры»¹⁵. Как-то Боньяло заболел. Многие колдуны отказывались ему помочь, так как не могли придумать, какое «преступление» мог совершить этот подросток. Наконец один из них вызвал духа Пванау (духа-покровителя Палиау и Боньяло), а затем сообщил: Боньяло бросил в костер дерево, которое было для него запретно. Между тем Боньяло ничего не знал об этом запрете. Когда он во второй раз заболел, дух Пванау якобы сказал, что Боньяло должен жить не в хижине Палиау (видимо, тому надоело держать у себя в хижине больного), а в хижине матери Палиау¹⁶.

Хотя Боньяло и не знал местных обычаев, он все же вынужден был им подчиняться. Так, когда у его жены родилась дочь, на него наложили запрет — в хижину жены не входить, в течение месяца не работать. Девочка все время плакала. К ней без ведома Боньяло был приглашен колдун, который совершил обряд и произнес заклинание: «Она может есть пищу, она может пить воду и материнское молоко; она может спать, она не будет плакать, она не будет кричать, она будет спать спокойно». За свой труд колдун получил связку раковинных денег и 10 собачьих зубов¹⁷.

В 1929 г. Мид и Форчун уехали обратно в США, а Боньяло вернулся в школу в Рабаул. Много лет он работал в Рабауле (клерком в технической школе), потом шесть лет — в Кокапо (клерком в правительственном магазине, выдавал пайки служащим туземной полиции). Во время войны Боньяло два года работал в Кавиенге на японцев (ловил рыбу), а затем — в австралийской военной администрации. В 1945 г. Боньяло вернулся в свою родную дер. Пери. Она была уже не та, что раньше — люди в годы войны работали на военных базах, накупили себе европейских вещей, кое-что получили от американских и австралийских солдат (орудия, одежду, одеяла, стулья и др.). В хижинах появились дощатые полы. Да и сами люди были уже не те, особенно молодежь. Юношей уже не прельщала перспектива работать на «больших людей» для того, чтобы приобрести себе жену. Им хотелось вырваться из этой рутины. Между тем многие старые обычаи сохранялись. «Большие люди», например, по-прежнему вносили плату за жен для молодых парней, а те работали на них¹⁸.

¹⁴ R. Fortune. Указ. раб., с. 223, 224.

¹⁵ Там же, с. V.

¹⁶ M. Mead. Growing up in New Guinea, p. 270.

¹⁷ R. Fortune. Указ. раб., с. 111, 118—120.

¹⁸ M. Mead. New lives for old: cultural transformation. Manus 1928—1953. N. Y., 1956, p. 231.

За годы пребывания вне деревни изменился и сам Боньяло — он научился читать и писать, в нем пробудилось желание помочь своему народу. Постепенно Боньяло завоевал доверие и уважение односельчан. Он стал обучать их грамоте и добился немалых успехов — многие благодаря ему стали читать и писать на пиджин-инглиш (неомеланезийском языке). Боньяло решил изменить и некоторые традиционные обычаи. Как-то он созвал молодежь деревни и предложил отказаться от сговора детей, плату за жену вносить только один раз (по обычаю ее вносили частями много раз), в размере 10 фунтов, — эти деньги каждый юноша мог заработать сам и таким образом не идти в кабалу к «большим людям». Однако Боньяло натолкнулся на сопротивление. Патрульный офицер запретил ему пропагандировать свои идеи за пределами Перу. А пожилые люди в деревне выступили против его планов. Дело дошло до того, что Боньяло и его сторонники вынуждены были уезжать ночью на соседний необитаемый остров и там тайно проводить свои совещания⁴⁹. Добиться осуществления своих проектов Боньяло так и не удалось. «Большие люди» продолжали вносить плату за жен молодых мужчин. Увидев, что все его старания напрасны, Боньяло собрал группу молодых парней и уехал с ними на о. Нропва, на плантацию. Там они жили и работали как наемные рабочие. Этим все и кончилось.

В 1953 г. в дер. Пери вновь приехала М. Мид и опять, как и в 1928—1929 гг., прожила здесь полгода. Это довольно редкий случай, когда этнограф снова приезжает к народу через четверть века и изучает происшедшие здесь изменения. Вместе с нею прибыли супруги Теодор и Ленора Шварц; они целый год жили в дер. Бунаи (недалеко от Пери) и изучали движение Палиау. Это был другой Палиау, борец за новую жизнь, как и Боньяло. Но в отличие от Боньяло он добился большого влияния не только в своей родной дер. Липан, движение Палиау охватило 36 деревень, около половины населения островов Адмиралтейства. «Палиау, — пишет Т. Шварц, — самая выдающаяся фигура на островах Адмиралтейства; это, несомненно, один из самых влиятельных туземных лидеров на Новой Гвинее и в Меланезии»²¹.

Палиау родился на о. Балуан. Детство его очень напоминает детство Палиау из дер. Пери: родители умерли, когда ему было 7 лет. Он жил то в хижине сестры матери, то в хижине кланового брата отца — Иосифа Пати, то в хижине старика Каловина. Потом его усыновил Иосиф Пати

²⁰ Там же, с. 230.

²² См., например:

и внес часть платы за его невесту. Палиау стал зависимым от Пати и работал на него. Так продолжалось, пока Палиау не исполнилось 15 лет. В школе он не учился и грамоты не знал. Патрульный офицер, прибывший в деревню собирать подушный налог, сказал ему, что в будущем году он тоже должен уплатить 10 шиллингов, если не хочет пойти в тюрьму. Чтобы скопить деньги для уплаты налога, Палиау нанялся к китайцу и работал у него два года. Китаец выдавал ему в месяц по два шиллинга и кусок материи на одежду; каждую неделю — немного мыла, спичек и табаку, а при окончательном расчете за два года работы выдал 5 австралийских фунтов. На половину этой суммы Палиау накупил разных вещей в магазине, другую оставил себе и вернулся в деревню.

Но он все еще был лау, т. е. зависимый от Иосифа Пати. Последний взял у него все вещи и деньги, часть забрал себе, остальное раздал родственникам. Палиау опять нанялся к китайцу и работал еще два года за такую же плату, потом вновь вернулся в деревню — и снова Иосиф Пати забрал у него все. Тогда Палиау нанялся на работу в туземную полицию в Рабаул. Плата — та же, что и у китайца. Через два года он получил 5 фунтов, накупил вещей на все деньги, вернулся в деревню — и опять та же история: все вещи забрал Иосиф Пати. После Рабаула Палиау работал полицейским в Саламауа, Маданге, Финшхафене, Лае, Кавиенге. Всего он проработал в полиции 12 лет. «Когда я видел человека с острова Балуан, — рассказывает Палиау, — я спрашивал его: „Обычай стариков на Балуане еще бытуют или они исчезли?“ и человек отвечал: „Они еще бытуют. А разве это плохо? Это наша культура“»²³.

Пока Палиау служил в полиции, он в свободное от работы время научился читать и писать по-английски и на пиджине. Через три года службы Палиау получил полугодовой отпуск и снова вернулся на Балуан. Он пришел в родную деревню с деньгами: за три года работы (он был сержантом полиции) ему удалось скопить 35 фунтов. На этот раз он сказал Иосифу Пати, что денег ему больше не отдаст. С помощью лулуая и тултула Палиау собрал всех жителей дер. Липан, показал им деньги и заявил, что тот, у кого не будет средств для уплаты подушного налога, пусть возьмет отсюда, а потом вернет. «Я показываю хороший путь, — добавил он, — идя по которому молодые парни могут избежать тюрьмы»²⁴. Через три года Палиау принес еще денег в тот же фонд. Теперь из этого фонда могли брать деньги не только люди с Балуан, но и островов Лоу, Пвам, Моук. Он вносил деньги в фонд каждые три года, пока не разразилась вторая мировая война.

В 1942 г. в Рабауле высадились японцы. Сержант полиции Палиау бежал в джунгли и скрывался там целый год — до августа 1943 г. Потом голод вынудил его уйти из джунглей; он стал работать на японцев. В 1944 г. Рабаул бомбили американцы и Палиау был ранен в ногу. Когда японцы были изгнаны, вернулась австралийская администрация. Палиау попал под суд за сотрудничество с японцами. Целый год он пробыл в тюрьме и лишь в октябре 1946 г. вернулся в родную деревню.

Действия Палиау на родине представляли собой попытку приспособления старых обычаев к новым условиям. Палиау вносил за молодых парней плату, хотя уже не за невесту, а подушный налог, и не местными деньгами (раковины, собачьи зубы), а австралийскими шиллингами. Тем самым он приобрел влияние в деревне и за ее пределами, стал «большим человеком», так как люди, бравшие деньги из его фонда, попадали в зависимость от него. Палиау собирался использовать эту зависимость не в своих личных, а в общих интересах. Более того, он пытался и дру-

²³ Т. Schwartz. Указ. раб., с. 242.

²⁴ Там же, с. 243.

гих жителей деревни заставить заботиться прежде всего об общих интересах. Так, когда Палиау узнал, что Вильям Матбе собирается открыть магазин с целью личного обогащения, он пришел к нему и предупредил, что это — «неверный путь», что не позже чем через 5 месяцев Матбе разорится. Так оно и произошло — Матбе разорился. Спустя некоторое время Палиау узнал, что Боньяло с группой парней собирается покинуть дер. Пери. Он приехал в Пери и пытался отговорить Боньяло от этого шага²⁵. «Это твоя деревня. Ты сам должен изменить жизнь в ней. Никто не сделает это за тебя. Только ты можешь сделать это»²⁶. Здесь опять проявилась характерная черта программы Палиау: он собирался строить новую жизнь не только для себя, как Вильям Матбе, и не где-то в другом месте, как Боньяло, а здесь, в деревнях, с помощью самих местных жителей. Он полагал, что сумеет повести их за собой.

Палиау решил построить дом собраний. Он мобилизовал все работоспособное население о. Балуан на эту работу. Дом был вскоре построен, в центре его поставлена кафедра, с которой Палиау стал призывать людей к новой жизни. Дом собраний служил одновременно и церковью, в нем велась христианская служба. Здесь важно отметить, что Палиау видоизменял и приспосабливал к новым условиям не только традиционные институты, но и европейские, в частности христианство. Он создал свою версию христианства и излагал ее в доме собраний. Согласно его версии, главное в христианстве не вера в рай на небе, а знания, помогающие улучшить жизнь на земле. Палиау по-своему толковал разные места из Библии. В Библии сказано, что двери рая закрыты; что это значит? — спрашивал он с кафедры в доме собраний и объяснял: это — образное выражение, означающее, что черный человек отстранен от знаний. В Библии сказано, что бог вручил апостолу Петру ключи от рая. Это значит, что белый человек получил доступ к знаниям. Бог, однако, решил допустить к знаниям и черного человека. (Далее Палиау излагал по существу историю колонизации Меланезии европейцами.) Бог послал к черным немцев, но те не дали им знаний. Бог отозвал немцев и послал к черным англоавстралийцев. Результат был тот же. Бог послал японцев, потом американцев, но и они не дали черным знаний. А миссионеры все время лгали — в их Библии нет подлинных знаний. Теперь же положение изменилось — Палиау обладает знанием. Он откроет доступ к знанию всем черным — для этого и построен дом собраний.

Палиау нелегко было ответить на вопрос, как он добыл это знание. То, что о нем рассказывали люди (будто к нему явился Христос), не совпадает с тем, что говорил исследователю он сам: «Кто я такой, чтобы Иисус пришел ко мне?»²⁷. Сейчас трудно установить, кто первый сказал о приходе Христа к Палиау — сам Палиау или кто-либо другой. Сам он в этот приход не верил, но в то же время, как пишет Шварц, «он решил другим превратить себя в легенду»²⁸. Видимо, иных средств повести за собой неграмотных, религиозно настроенных людей у него не было. Суть самой легенды такова: потерпев неудачу с немцами, англоавстралийцами, японцами и американцами, бог якобы послал к черным Христа. Тот прилетел на самолете, на борту которого был нарисован крест, на о. Манус. Он искал здесь своего пророка, но на Манусе такого не было. Тогда Христос полетел в Рабаул, где и нашел своего пророка. Это был Палиау. Христос появился перед ним в образе быка,

²⁵ Боньяло был знаком, таким образом, с обоими Палиау. Со вторым он встретился впервые в Рабауле, когда выдавал полицейским пайки. Первого Палиау в послевоенные годы, видимо, уже не было в живых.

²⁶ Т. Schwartz. Указ. раб., с. 232.

²⁷ Там же, с. 258.

²⁸ Там же, с. 247.

потом превратился в человека. Палиау пригласил его войти в дом. Вошли, сели, Христос на один стул, Палиау — на другой. И тут Палиау увидел Библию, состоящую наполовину из металла, наполовину из камня. Ни один человек не может ее открыть, не может изменить в ней ни одной буквы. В книге было знание, и Палиау овладел им.

Палиау — «сложная личность», отмечает М. Мид. «По уму его можно сравнить, — пишет она, — с Франклином Рузвельтом, а жил он в мире, состоящем из небольшой кучки почти неграмотных людей»²⁹. Исследователи добавляют, что управляли этой кучкой почти неграмотных людей патрульные офицеры, в большинстве своем ненавидевшие Палиау, и миссионеры, считавшие его антихристом, а под их влиянием находилось немало местных жителей³⁰. Опасность подстерегала Палиау со всех сторон. В 1947 г. колониальные власти опять арестовали его и обвинили в терроризме, осквернении церквей, в руководстве культом Нойсе³¹, хотя на деле он выступал против этого культа. В 1950 г. его арестовали в третий раз и приговорили к каторжным работам. В 1953 г. опасность пришла с другой стороны — один из местных жителей напал на Палиау с топором и тяжело его ранил. Состоялся суд, но колониальные власти судили не столько преступника, сколько пострадавшего: на суде Палиау обвиняли в том, что он установил тоталитарный режим, сравнивали его с Гитлером, говорили, что он имеет гарем и т. п. Покушавшийся на жизнь Палиау был приговорен всего лишь к 9 месяцам тюрьмы, но, как пишет М. Мид, «было много людей, считавших, что его надо казнить за то, что он не сумел убить Палиау»³².

В этих условиях Палиау вел борьбу за новую жизнь; стремился объединить все многоплеменное население островов Адмиралтейства в одну народность, перестраивал хозяйственную жизнь, создавал кооперативы, учреждал деревенские советы. В 1964—1972 гг. он был членом Палаты Ассамблеи Папуа Новой Гвинеи от островов Адмиралтейства³³. Несомненно, он был одним из тех, кто пролагал Папуа Новой Гвинеи путь к независимости.

Сейчас в Папуа Новой Гвинее есть люди с высшим образованием, видные государственные деятели. Но в деревнях еще можно найти немало «больших людей», чей жизненный путь напоминает судьбы Палиау и Боньяло из дер. Пери и Палиау с о. Балуан. Эти люди играют заметную роль в современной Папуа Новой Гвинее.

²⁹ М. Mead. Continuities in cultural evolution. New Haven, 1964, p. 229.

³⁰ Т. Schwartz. Указ. раб., с. 238.

Культ Нойсе — разновидность карго-культа. Сторонники культа Нойсе, совершая обряды с целью ускорить приход корабля с карго, впадали в экстаз, сопровождаемый конвульсиями. П. Уорсли перевел слово «noise», приняв его за английское, как «шум» (П. Уорсли. Указ. раб., с. 233, 234). В действительности это слово неомеланезийское и означает «конвульсивная тряска» (Т. Schwartz. Указ. раб., с. 268).

³² М. Mead. Continuities in cultural evolution, p. 214.

³³ «Australian Territories», vol. 4, № 4, 1964, p. 14; vol. 8, № 4, 1968, p. 10.

В. И. Гохман

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Системы родства тайских народов почти не исследованы. По существу имеется лишь одна работа, посвященная реконструкции прототайской системы терминов родства, выполненная П. Бенедиктом на материале систем родства близких тайских языков¹.

Место тайских систем родства в общей типологической схеме не определено². Дж. Мердок относит их к гавайскому типу³. Однако он делает это только на основании терминологии нулевого поколения, которая действительно соответствует гавайской. Но вряд ли возможно решать вопрос о типологической характеристике целой системы по терминам одного поколения, пусть даже самого подвижного. Так, по терминам для младших сиблингов родителей и терминам второго восходящего поколения тайские системы родства следовало бы отнести к арабскому типу, а по терминам для старших сиблингов родителей — к английскому. Вероятно, тайские системы относятся к какому-то переходному типу. Но конкретные пути трансформации терминологии родства одного типа в другой пока изучены слабо. Поэтому определить место тайских систем в общей схеме типологий родства невозможно без знания их истории. Однако диахронные материалы по тайским терминологиям родства отсутствуют, и реконструкция протосистемы может производиться только методом сопоставления систем терминов родства различных тайских языков.

Такая реконструкция была выполнена П. Бенедиктом, использовавшим материалы по сиамской, лаосской, шанской системам, системам черных и белых тай, тхоо, нунг и диой. Системы терминов родства этих наро-

¹ P. K. Benedict. Studies in Thai kinship terminology, — «Journal of the American Oriental Society», v. 63, No. 2, 1943, p. 168—175.

² Напомню, что обычно выделяют четыре основных типа систем терминов родства, которые имеют разные названия у различных авторов. Эти названия приведены в следующей таблице:

Л. Г. Морган	Р. Лоуи	М. В. Крюков
Малайский	Генерационный	Гавайский
Турано-гано-ванский	Бифуркативно-слившийся	Ирокезский
—	Бифуркативно-коллатеральный	Арабский
Арийский (описательный)	Линейный	Английский

Существуют и другие наименования данных типов систем родства. Подробнее см. М. В. Крюков. Система родства китайцев. М., 1972, с. 39.

³ G. P. Murdock, Evolution in social organization. — «Evolution and anthropology. A centennial appraisal», Washington, 1971.

дов чрезвычайно близки, поэтому не удивительно, что реконструированная система типологически ничем не отличается от современных систем, послуживших источником реконструкции. Ниже приведена реконструкция П. Бенедикта. Значения терминов выражены при помощи кода Левина⁴:

<i>pi</i>	<i>РмРм</i>	<i>bi</i>	↑ <i>ДР</i>
<i>na</i>	<i>РжРм</i>	<i>nong</i>	↓ <i>ДР</i>
<i>ta</i>	<i>РмРж</i>	<i>p'ua</i>	<i>См</i>
<i>nai</i>	<i>РжРж</i>	<i>mia</i>	<i>Сж</i>
<i>bo</i>	<i>Рм</i>	<i>k'oi</i>	<i>СДжР</i>
<i>me</i>	<i>Рж</i>	<i>bau</i>	<i>СДмР</i>
<i>lung</i>	↑ <i>ДмРР</i>	<i>luk</i>	<i>Д</i>
<i>pa</i>	↑ <i>ДжРР</i>	<i>hlan</i>	{ <i>ДД</i>
<i>au</i>	↓ <i>ДмРРм</i>		{ <i>ДДР</i>
<i>a</i>	↓ <i>ДжРРм</i>	<i>hlen</i>	{ <i>ДДД</i>
<i>na</i>	↓ <i>ДРРж</i>		{ <i>ДДДР</i>
<i>dong</i>	<i>РСжД</i>		

Нет сомнений в том, что все эти термины действительно существовали в прототайской системе. Однако неизвестно, обладали ли они в то время такими же значениями, как и в современных системах. А значения реконструированных терминов выбраны П. Бенедиктом весьма произвольно и не всегда серьезно аргументированы. Например, термин *ta* реконструируется как *РмРж*, несмотря на то, что в трех языках (черных тай, белых тай и лаосском) он имеет лишь значения *РмСж* (в двух последних в сочетаниях с *bo*—*Рм*), а значение *РмРж* имеется только в сиамском, дий и языке черных тай, причем в сиамском имеется, кроме того, термин *pho ta*—*РмСж*. Термин *ta* имеет также значения *РмСж* в дий и лаосском. Ниже будет показано, что некоторые термины, реконструированные для прототайской системы, являются по происхождению детерминативами. Даже если бы реконструкция П. Бенедикта была с семантической точки зрения абсолютно правильна, то это свидетельствовало бы лишь о том, что все типологические особенности, которыми характеризуются современные тайские системы, сформировались еще в эпоху существования единой тайской этнолингвистической общности, т. е. около 2000 лет назад. Следовательно, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо реконструировать более раннее состояние прототайской системы с привлечением сильнее отклоняющихся генетически тайских языков, чем те, которые были использованы П. Бенедиктом.

В настоящей статье предлагается реконструкция некоторых терминов родства прототайской системы на основании 1) сравнения тайской системы с системой терминов родства дун и 2) анализа самой тайской терминологии с точки зрения лингвистической структуры терминов. Это позволит наметить пути для более полной реконструкции системы терминов родства, когда будет накоплен соответствующий материал.

Начнем со второй проблемы. Для этого рассмотрим лингвистическую структуру некоторых терминов родства⁵. В качестве «представителя»

⁴ См. Ю. И. Левин. Об описании системы терминов родства.— «Сов. этнография», 1970, № 4, с. 18—31. Р — родитель, Д — дитя, С — супруг, м — мужской, ж — женский. Относительный возраст вслед за М. В. Крюковым обозначается условными знаками: ↑ — старший, ↓ — младший (М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 19).

⁵ По лингвистической структуре термины родства подразделяются на элементарные, составные и описательные. Элементарные термины — это отдельные слова, которые нельзя разложить на значимые компоненты. Например, отец, мать. Составные термины разложимы на элементарный термин и детерминатив, уточняющий значение элементарного термина, например двоюродный брат, где «брат» — элементарный термин, а «двоюродный» — детерминатив. Детерминатив в определенных условиях может быть опущен. Описательные термины состоят из двух и более компонентов, связанных атрибутивными отношениями, например брат деда. Ни один из компонентов описательного термина не может быть опущен без изменения смысла термина. Подробнее см. М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 33—34.

тайских систем выбрана шанская система, так как в ней лучше отражено интересующее нас явление⁶. Ниже приведены некоторые термины родства шанской системы:

<i>raw</i>	<i>Рм</i>	<i>na</i>	↓ <i>ДРРЖ</i>
<i>me</i>	<i>Рж</i>	<i>raw na</i>	↓ <i>ДмРРж</i>
<i>lung</i>		<i>me na</i>	↓ <i>ДжРРж</i>
<i>raw lung</i> }	↑ <i>ДмРР</i>	<i>pi sai</i>	↑ <i>ДмР</i>
<i>pa</i>	↑ <i>ДжРР</i>		↑ <i>ДмДРР</i>
<i>raw ao</i> }	↓ <i>ДмРРм</i>	<i>nong sai</i>	↓ <i>ДмР</i>
<i>ao</i>			↓ <i>ДмДРР</i>
<i>a</i>			
<i>me a</i> }	↓ <i>ДжРРм</i>		

Термины *me*, *raw*, *lung*, *para*, *ao*, *a*, *na* являются элементарными; все остальные термины — составные. Составные термины можно разделить на две группы в зависимости от характера входящих в них компонентов. Первую группу составляют термины с детерминативами *sai* — мужчина и *ying* — женщина. Эти детерминативы в определенном контексте могут опускаться, и термин в таких случаях превращается в элементарный. Иногда он теряет признак разграничения по полу, приобретая более общее значение, например *pi* ↑ *ДР*, *rawng* ↓ *ДР*, иногда сохраняет прежнее значение, обусловленное контекстом. Ко второй группе относятся термины, в состав которых входят детерминативы *raw* — «отец» и *me* — «мать». По сравнению с первой группой эти детерминативы имеют специфические особенности, позволяющие их выделить. Дело в том, что детерминативы *raw* и *me* в сочетании с четырьмя из пяти вышеперечисленных элементарных терминов, обозначающих сиблингов родителей, не несут в настоящее время никакой функциональной нагрузки. Лишь в сочетании с термином *na*, который нейтрален в отношении пола обозначаемого лица, детерминативы *raw* и *me* выполняют функцию разграничения по полу. Однако и здесь в принципе могут быть использованы обычные указатели пола *sai* и *ying*, что, по-видимому, свидетельствует о том, что для *raw* и *me* такая функция не характерна. Так, в сиамской системе помимо эквивалентного шанскому термину *pho na* ↓ *ДмРРж* существует термин *na chai* с тем же значением. Хотя я не располагаю точными данными, но можно предположить, что то же самое встречается и в шанской системе. Таким образом, оказывается, что детерминативы *raw* и *me* являются как бы «лишними». Их можно опустить без всякого изменения смысла термина. Уже одно это обстоятельство наводит на мысль, что эти детерминативы продолжают употребляться по традиции.

Рассмотрим группу шанских терминов первого восходящего поколения. Наряду с элементарными *lung*, *au*, *na*, *pa* и *a* здесь имеются их эквиваленты с детерминативами соответственно *raw* у лиц мужского пола и *me* — женского. В настоящее время *me* и *raw* являются детерминативами, а элементарные термины — ядрами составных терминов. Однако общие тенденции развития систем родства, а также некоторые данные по конкретным системам, в частности китайской, позволяют предположить, что когда-то соотношение указанных терминов среди составных было обратным. Современные элементарные термины для обозначения сиблингов родителей были детерминативами к ядрам *me* и *raw*. Если это предположение правильно, то в нашем распоряжении оказались бы некоторые факты, указывающие на путь развития тайской терминологии родства. По-видимому, можно было бы предположить существование в прошлом в тайской системе ирокезской терминологии в первом восходя-

⁶ Материал по шанской системе заимствован из издания: «Census of India. 1911. Burma», pt 1 — Report. Rangoon, 1912. В этой публикации приведены системы терминов родства различных народов Бирмы, в том числе несколько шанских систем. В нашей статье даются термины родства из шанского диалекта, распространенного на территории южных Шанских штатов.

щем поколении, т. е. совпадение терминов, обозначающих отца эго и братьев его отца, мать эго и сестер его матери. Тогда появление новых составных терминов для обозначения сиблингов родителей было бы вполне объяснимо как первый шаг в изменении ирокезских черт терминологии этого поколения. В китайской системе именно таким образом шел процесс образования терминов, обозначающих мужских сиблингов отца эго. В IV—V вв. на смену составным терминам *бофу*↑ДмРРм и *шуфу*↑ДмРРм (*фу*—Рм) приходят элементарные *бо* и *шу*⁷. Однако материала по шанской системе, равно как и по другим тайским, недостаточно, чтобы подтвердить или отвергнуть такую гипотезу, так как термины для старших сиблингов родителей лишены главной характеристики терминологии ирокезского типа — разграничения отцовской и материнской линий родства. Поскольку во всех известных системах терминов родства собственно тайских языков термины первого восходящего поколения точно такие же, как в шанской системе, необходимо привлечение материала по более отклоняющимся генетически тайским языкам. В настоящее время имеются лишь достаточно подробные материалы по системе терминов родства языка дун, которые приводятся ниже⁸:

<i>pi</i>	<i>Рм</i>	<i>tu</i>	↓ ДмРРж
<i>nei</i>	<i>Рж</i>	<i>wi</i>	↓ ДжРРж
<i>и</i>	ДжРРм	<i>nei un</i>	↓ ДжРРж
<i>pa</i>	ДжРРм	<i>nei lao</i>	↑ ДжРРж
<i>о</i>		<i>tai</i>	↑ ДмР
<i>pi o</i> }	↓ ДмРРм		↑ ДжР
<i>pi un</i>	↓ ДмРРм		↑ ДДРР
<i>pi lao</i>	↓ ДмРРм		
<i>ljong</i>	ДмРРж	<i>nong</i>	↓ ДмР
			↓ ДжР
			↓ ДДРР

Нетрудно заметить, что в системе терминов родства дун имеется довольно много корней, генетически родственных шанским и тайским. К их числу относятся и термины для старших сиблингов родителей *ljong* и *pa*, несомненно, родственные тайским *lung* и *pa*. Однако в системе дун эти термины имеют иное значение, которое ограничено лишь денотатами ДмРРж и ДжРРм. Этот факт существенно подкрепляет предположение о первоначально ирокезских чертах терминологии первого восходящего поколения в прототайской системе. По-видимому, исчезновение переменной пола связующего родственника у этих терминов произошло позднее. Можно предположить также, что термины для младших сиблингов родителей в тайской системе менее древние по происхождению; характерно, что все они (за исключением, может быть, тайского *ai*, родство которого с дунским *о* проблематично) неродственны в языках дун и тайских. Интересно отметить также, что в дунской системе сохраняется архаичный способ образования терминов для однополых сиблингов родителей, заключающийся в присоединении детерминативов «большой» (*lao*) и «маленький» (*un*) к элементарным Рм (*pi*) и Рж (*nei*), в результате чего новые составные термины имеют соответственно значения ↑ДмРРм, ↓ДмРРм, ↑ДжРРж, ↓ДжРРж. Все это позволяет предположить, что специфическая тайская терминология первого восходящего поколения сформировалась относительно недавно, во всяком случае после разделения дун-тайской языковой общности, причем возникновение терминов для младших сиблингов родителей и старших сиблингов родителей происходило в разное время и независимо друг от друга в системах прототайской и протодунской. Однако если в группе терминов старших сиблингов родителей развитие этих двух систем пошло разными путями, то в группе младших

⁷ М. В. Крюков. Система родства китайцев, с. 219.

⁸ Материал по языку дун заимствован из издания: «Дун-Хань, цзяньмин цыдянь (чугао)». (Краткий дун-китайский словарь). Гуйчжоу, 1959.

сiblingов родителей наблюдается интересный параллелизм развития тайской и дунской систем. Против общего происхождения этой группы терминов родства в тайской и дунской системах свидетельствует то, что сами термины родства генетически не родственны. Из-за указанного параллелизма невозможно определить, какая из двух групп терминов имеет более раннее происхождение. Тем не менее можно предположить, что появление терминов для младших siblingов родителей в тайской системе произошло раньше, чем соответственных терминов для старших, поскольку в системе дун изменений в значениях этой последней группы терминов не произошло и никакой новой терминологии здесь вообще не было вырабатано.

Терминологии нулевого и первого нисходящего поколений в шанской (тайской) и дунской системах структурно идентичны, а большинство терминов здесь также родственны генетически. Поэтому надо полагать, что особенности терминологии этих поколений в тайской системе сформировались очень давно. Вполне понятно, что с помощью системы дун нельзя в данном случае объяснить происхождение этих особенностей в тайской системе терминов родства, поскольку такое же объяснение необходимо и для выявления происхождения аналогичных особенностей терминологии самой системы дун. Объяснение это лежит в исследовании процесса трансформации турано-ганованских систем родства в гавайские, что еще изучено очень слабо. Г. Доул предприняла одну из первых попыток проследить непосредственное прохождение этого процесса на живом этнографическом материале⁹. Промежуточным этапом такой трансформации являются, по ее мнению, системы так называемого бифуркативно-генерационного типа, в которых терминология первого восходящего поколения — ирокезская, а нулевого поколения — малайская. Процесс перехода от ирокезской терминологии к терминологии бифуркативно-генерационного типа был прослежен Г. Доул у южноамериканских индейцев куйкуру. Он заключается в исчезновении терминов для кросскузенов, в результате чего терминология нулевого поколения приобретает черты малайской системы¹⁰.

Если предложенное выше объяснение развития терминологии первого восходящего поколения в прототайской системе правильно (т. е. что эта терминология была по типу ирокезской), то прототайская система, по-видимому, относилась к бифуркативно-генерационному типу. Черты этого типа особенно ясно прослеживаются в современной дунской системе. Причины трансформации ирокезской терминологии в бифуркативно-генерационную Г. Доул видит в эндогамии общественных групп.

Что касается тайской системы родства, то такое объяснение во всяком случае не противоречит тем немногочисленным сведениям о древней истории тайцев, которые имеются в настоящее время в распоряжении исследователей. Напомним, в частности, что, согласно мнению С. Е. Яхонтова, древние тай представляли собой весьма немногочисленную группу, отделившуюся от протоаустронезийской общности и занимавшую довольно ограниченную территорию по побережью провинции Гуандун. Вместе с тем известно, что эндогамия обычно появляется в маленьких популяциях, расселенных на небольшой территории, где в силу этих причин отсутствует возможность широких брачных связей между различными группами такой общности.

⁹ G. E. Dole. Generation kinship nomenclature as an adaptation to endogamy.— «Southwestern Journal of Anthropology», v. 25, № 2, 1969, p. 105—123.

¹⁰ Там же.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Е. Гусев

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО КАЛЕНДАРЯ

(К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН)

Среди разнообразных источников, привлекавшихся до сих пор в дискуссиях по проблеме этногенеза славянских народов, в недостаточной мере учитывались временные представления древних славян, особенно праславянский календарь. Хотя лингвистами проделана большая и плодотворная работа в области этимологии славянских наименований месяцев, однако предложенные реконструкции календаря в целом нуждаются в уточнении.

Л. Нидерле на основании сравнительного анализа названий месяцев во всех славянских языках пришел к скептическому выводу относительно существования у древних славян единой календарной системы, утверждая, что у них «не было еще различий двенадцати месяцев с соответствующими названиями», что они пользовались сезонными определениями для времени мороза, цветения травы и т. п., а постоянная номенклатура установилась лишь с введением юлианского календаря, с которым расселившиеся славянские народы стали соотносить различные сезонные наименования, возникшие еще в эпоху славянского единства¹.

Прямо противоположное утверждение находим в статье современного чехословацкого лингвиста В. Шаура, составившего наиболее полную обзорную таблицу названий месяцев у всех славянских народов: «Распространено мнение, что один и тот же месяц праславяне обозначали несколькими словами. По нашему мнению, данные диалектов обнаруживают такое состояние в историческую эпоху, однако для эпохи праславянского единства то же самое предполагать нельзя. Измерение времени (календарь) столь важно для сельскохозяйственных работ, что в эпоху, когда время можно было измерять только при помощи данных, полученных из наблюдений над небом и погодой, необходима была самая точная однозначность и определенность соответствующих названий отрезков времени»².

Почти все писавшие о праславянском календаре в целом или толковавшие названия того или иного месяца опирались прежде всего на старейшие памятники славянской письменности, причем соотносили каждый месяц юлианского календаря с определенным названием на старославянском (церковнославянском) и древнерусском языках. Пользуясь пока этим традиционным способом, сопоставим юлианский календарь, во-первых, с зафиксированными названиями месяцев в Остромировом

¹ L. Niederle. Slované starožitnosti. Oddíl kulturní, díl III, sv. 2. Praha, 1925, s. 747. Ср.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, с. 414.

² В. Шаур. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. — «Этимология. 1971». М., 1973, с. 93—94.

Названия месяцев в старославянском и древнерусском языках

Месяцы	Остромирово евангелие	Галицкое четверо-евангелие	Стихирарь XII в.	Полоцкое харатейное евангелие	Другие источники	Л. Нидерле	В. Шаур
Январь	просиньць	просинець	—	проснець		prosinьсь	просиньць
Февраль	—	сѣчень	сѣчьнь	снѣжьнь	свадебный (Новг. летопись XV в.)	сѣсьень	сѣчьнь
Март	—	сухий	сухий	сухий	березозоль (по И. И. Срезневскому)	svadebnuj lѣzujakъ *	сѣчьнь
Апрель	—	березозоль	брѣзьнь	беррз	брѣзокъ брѣзозоръ травень (по И. И. Срезневскому)	lѣzujakъ * suhuj brѣзьнь berezozolъ brѣзокъ	брѣзьнь брѣзокъ
Май	—	травнь	травнь	травень		travьнь travень	трѣвьнь трѣвень
Июнь	—	изокъ	—	изокъ	изокъ (Апостольское посл. 1220 г.)	izokъ	изокъ
Июль	—	червень	—	черень	червьць (Апостол 1307 г.)	ѣгьвьнь	чрьвень
Август	заревъ	заревъ	заревъ	зарвъ	рунь (Евангелие XII в.)	zarevъ	сърпьнь
Сентябрь	—	рюень	—	рюинъ	рюинъ (Евангелие XIV в.)	srърьпъ vrѣсьень vrѣсьень rjujenъ	врѣсьнь врѣсьень заревъ
Октябрь	—	листопадъ	—	—	листогонъ (Ватиканское глаголическое еванг.)	listopadъ	руень рюинъ руинъ
Ноябрь	—	грудень	—	—	грудень (Повасть временных лет); студеный (Еванг. XIV в.)	grudьнь	листопадъ грудень грудень
Декабрь	—	студеный	студеный	—	студеный (Еванг. XIV в.)	prosinьсь studentъ	просиньць просеньць студень

* Название «lѣzujakъ», не встречающееся в привлеченных источниках, реконструируется Л. Нидерле и соответствует болгарскому «лажу», народному сербскохорватскому «лажак», современному литературному сербскохорватскому «ожуак» (со значением «ложный», «непостоянный»).

** В таблице В. Шаура в другом ряду («русские диалекты») названы «цветень», «цвितень».

евангелии (XI в.), в Галицком Четвероевангелии (1144 г.), в Стихираре XII в., в Полоцком харатейном евангелии и в некоторых других памятниках средневековой русской письменности и, во-вторых, сравним эти названия с соответствующими рядами в таблицах названных чехословацких исследователей³.

Как следует из приведенной таблицы, более объективно номенклатура месяцев, встречающаяся в письменности, воспроизведена в книге Л. Нидерле.

Разумеется, одних названий, зафиксированных в древнейших памятниках на старославянском и древнерусском языках, недостаточно, чтобы реконструировать праславянский календарь. Для этого необходимо привлечь данные сравнительной лингвистики, учесть соответствующую лексику на всех славянских языках — как в старых памятниках, так и в живых языках, включая диалекты, что и делает, в частности, В. Шаур. В его таблице учтено свыше 200 различных названий. Более обстоятельное исследование отдельных языков и их диалектов значительно увеличило бы эту цифру. Достаточно сказать, что Т. Голыньска-Баранова приводит около 100 названий на одном украинском языке⁴! Все это лексическое богатство предоставляет этнографу и фольклористу интереснейший, далеко не исчерпанный материал для изучения не только народных календарей, но и для суждений о мировоззрении, трудовых навыках, особенностях образного мышления, бытовом укладе того или иного славянского народа⁵.

Однако В. Шаур прав, когда утверждает, что лишь немногие из большого количества названий могут быть отнесены к эпохе славянской общности. Исконными могут считаться лишь те, которые имеют генетическое сходство в разных славянских языках. Такими названиями являются следующие (приводим их здесь в русском варианте): просинец, сечень, лютый, снежень, сухой, березень, цветень (кветень), травень, изок, червень, липень, рюен, серпень, вересень, листопад, паздерник, грудень, студень (студень). Но надо считать с тем, что не все эти названия распространены в равной мере: некоторые из них встречаются лишь в языках, имеющих самое близкое родство («снежен» в древнерусском и «снежань» в белорусском), другие — у народов, хотя и принадлежащих к разным языковым группам, но вступавших в непосредственные языковые контакты («лютый» — в древнерусском, белорусском, украинском и польском), третьи — у народов, относящихся к разным языковым группам и непосредственно не соприкасающихся. Очевидно, с наибольшей уверенностью и доказательностью можно говорить об исконности названий, встречающихся у народов, принадлежащих к трем ветвям славянских языков — восточнославянской, западнославянской и южнославянской. Таких общеславянских названий 14, что позволяет реконструировать их праславянскую форму: **prosĩnъsь*, **sěčъnъ*, **berzъnъ*, **cvěťnъ*, **travъnъ*, **čьrъvъnъ*, **lĩpъnъ*, **ььrъpъnъ*, **rujъnъ*, **versъnъ*, **listopadъ*, **pazdernikъ*, **grudъnъ*, **studъnъ*⁶.

³ L. Niederle. Указ. раб., с. 748—749; В. Шаур. Указ. раб., вклейка между с. 94 и 95. В этих таблицах ссылки на привлекаемые нами источники отсутствуют. См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1903; Дополнения. СПб., 1912. Нам учтены также новейшие этимологические словари славянских языков. Библиографию см.: «Этимологический словарь славянских языков», вып. 1. М., 1974.

⁴ Т. Hołyńska-Baranova. Ukraińskie nazwy miesięcy na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 9 (сводная таблица).

⁵ Из работ советских этнографов и фольклористов укажем исследование В. И. Чичерова, где обильно привлечен соответствующий материал на русском языке. (В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957).

⁶ Этот перечень в большей части совпадает с выводами В. Шаура (указ. раб., с. 100), однако, кроме названных им 12 месяцев, включает не учтенные им **pazdernikъ*

Можно предположить, что праславянская номенклатура, относящаяся к месяцам, не ограничивалась перечисленными названиями. Вероятно, древнерусские названия «сухий» и «изок» также были известны славянским племенам до их расселения, поскольку эти названия встречаются у народов, принадлежащих к разным и неконтактным языковым группам: «сухий» в украинском языке, «сух», «сухи» — в староболгарском, «сушац» в сербскохорватском, «sušec» — в словенском; «изоку» в древнерусском языке соответствует «izok» в западославянских языках (старочешском и старопольском). Только одно название — «зарев», зафиксированное в ранних письменных памятниках, возможно, было специфически древнерусским, употреблявшимся наравне с общеславянским «сerpень» (**srpъnъ*); это предположение подтверждается сохранностью аналогичных названий месяца лишь в диалектах русского языка — зарничек, зарник, зорничек, светозарник и т. п.⁷

Возникает самый важный и вместе с тем самый сложный вопрос — как соотносились между собой все эти названия и каким названиям месяцев юлианского календаря они соответствовали? Полный учет источников по старославянскому языку и средневековой письменности на различных славянских языках позволяет установить следующую закономерность: *одно и то же название во многих случаях относилось к смежным месяцам*. Так, «просинцем» называли декабрь и январь, «сечнем» — январь и февраль, «березнем» (и его аналогами) — март и апрель, «кветнем» («цветнем») — апрель и май, «травнем» — апрель и май, «червнем» — июнь и июль, «вереснем» («вреснем») — август и сентябрь, «листопадом» — октябрь и ноябрь, «груднем» — ноябрь и декабрь, «студнем» — ноябрь и декабрь⁸. Подчеркнем, что речь идет не о позднейшем, после расселения славян в разные природно-климатические зоны, перераспределении названий и закреплении одного названия за различными месяцами у разных славянских народов, а именно об одинаковом названии смежных месяцев юлианского календаря на одном каком-либо языке. Позднее, чтобы различить эти названия, к ним прибавлялись дополнительные эпитеты (первый, второй, малый, большой) или в названии второго месяца появлялся уменьшительный суффикс. Так, на украинском языке январь — «січень», а февраль (по диалектам) — «січень другий» или «січеньенько»; в словацком языке январь — «seceň veľký», февраль — «seceň malý»; в болгарском языке январь — «голям сечко», февраль — «малък сечко»; в старохорватском языке апрель — «travanj mali», май — «travanj veliki»; июнь — «srpanj mali», июль — «srpanj veliki»; в словенском языке апрель — «traven mali», май — «traven veliki», июль — «srpan mali», август — «srpan veliki»; в чешском языке июнь — «červen», июль — «červenec» (в старочешском — «červen druhý» или «červen veliký»).

(в украинском, белорусском, польском и сербскохорватском языках) и **studъnъ* (укр. диал. — студень, белорусское — студзень, сербскохорватское — студени, словацкое — studeň).

⁷ В. Шаур сближает «зарев» с чешским «zářf», образует его как «za — гульпъ», т. е. месяц «за (перед) рюеном». Ср. «Etymologický slovník jazyka českého». Praha, 1971, s. 710. Большинство этимологов связывают названия «рюен» и «зарев» с глаголами «реветь», «зареветь» и толкуют как «месяц рева» (течки) оленей. Это, на наш взгляд, неубедительно, поскольку такое название выпадало бы из общей сельскохозяйственной системы названий месяцев. Мы полагаем, что «зарев» не связан непосредственно со словом «рюен» (о нем — в своем месте); представляется, что это название этимологически связано с корневым значением *zar* — (из индоевроп. *gher* — *ghar* — блистать) — «огонь», «сияние», «свет». Характерно, что «заревницами» на Руси назывались костры, зажигаемые по утрам для молотбы в поле. Если наша догадка справедлива, то становится понятным, почему «зарев» и «сerpень» обозначали один и тот же месяц, на который приходилась уборка урожая. Замечу, что и чешское «zafiti» означает «блистать», а «zářfe» — сияние, свет, зарь.

⁸ Эту особенность впервые отметил К. Мошиньски, что осталось без внимания в последующих исследованиях. См.: К. *Moszyński. Kultura ludowa słowian*, t. II, cz. 1. Warszawa, 1967, s. 146.

Если позднее происходили перемещения названий, то они затрагивали не один, а два смежных месяца (так — в современном сербскохорватском языке по отношению к старохорватским памятникам XV в.)⁹ или какое-нибудь название захватывало и третий месяц. В результате в разных славянских языках название «травень» стало относиться к апрелю, маю и июню, «серпень» — к июню, июлю, августу, «грудень» — к октябрю, ноябрю, декабрю, «студень» — к ноябрю, декабрю, январю¹⁰. При этом на одном и том же языке в разные эпохи для одного и того же месяца употреблялись различные названия до тех пор, пока не закрепились принятые в современных литературных языках (см. табл. 2).

Еще более парадоксально, на первый взгляд, то, что не все смещения названий месяцев мотивированы различиями в климатических условиях, в которых оказались те или иные славянские народы после расселения (как это принято объяснять). Если для названий весенних и летних месяцев у южных славян, живущих в более теплом климате, такое объяснение приемлемо (в сербскохорватском языке последовательно, а в болгарском и словенском языках отчасти эти названия на один месяц опережают соответствующие названия у восточных и отчасти западных славян), то в чешском языке процесс перемещения названий шел в двух направлениях: «prosinec» и «březen» закрепились за ранними из смежных месяцев, т. е. соответственно за декабрем и мартом (как у южных славян), а «květen», «červenec», «říjen», «listopad» — за поздними. Таким образом, оказалось, что название мая у чехов как будто стало обозначать «запаздывание» цветения деревьев не только по сравнению с Балканами, но даже по сравнению с северным соседом — Польшей, а листопад в Чехии якобы наблюдается позже, чем на Балканах, что является очевидной нелепостью (если связывать перемещение названий месяцев с климатическими условиями). Наряду с этим показательно, что в некоторых случаях одни и те же названия закрепились за одним и тем же месяцем юлианского календаря у народов, оказавшихся в различных климатических условиях. Так, «просинцем» декабрь назывался в украинских памятниках XVI в., а также на староболгарском языке и поныне так называется у чехов и словаков (на народном языке), у сербов и хорватов; «листопадом» называется ноябрь у белорусов, украинцев, поляков, чехов, лужичан, словенцев. Следовательно, в закреплении названия за тем или иным месяцем у разных славянских народов нет строгой последовательности, но сама возможность отнесения одного и того же названия в одних языках к одному, а в других языках к другому месяцу объясняется именно тем, что исконно, до расселения славян, одно и то же название объективно соотносилось со смежными месяцами юлианского календаря. Это обстоятельство, которое на первый взгляд кажется загадочным и как будто осложняет рассматриваемую проблему, в действительности дает ключ к ее решению.

Причину отмеченной нами закономерности следует искать в факте, на который не обращается внимания в современных славистических исследованиях. Один из первых русских авторов, писавших о славянском календаре, высказывал остроумную догадку, впоследствии забытую: «...пределы славянских месяцев могли и не совпадать с пределами римских месяцев...»¹¹. Согласно гипотезе Д. Прозоровского, год у славян начинался со дня летнего солнцестояния (21 июня по юлианскому календарю), первым месяцем у них был «изок», всего же месяцев было 13. То, что как и у всех народов на определенной стадии их исторического развития, у

⁹ См.: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. III. Zagreb, 1973, s. 322, 332.

¹⁰ См. также: K. Moszyński. Указ. раб., с. 146.

¹¹ Д. Прозоровский. О славянорусском дохристианском счислении времени. — «Труды VIII археологического съезда в Москве», ч. III. М., 1897, с. 205.

Таблица 2

Названия месяцев на славянских языках *

Месяцы	Белорусский	Украинский	Польский	Чешский	Словацкий	Болгарский	Македонский	Сербскохорватский	Словенский	Диалекты русского языка
I	студзень (сечень, лю- ты)	січень (січень пер- ший, просічень, лютий)	styczeń (luty)	leden (hruden)	januar l'adeň sečeň velký	януари (голям сеч- ко)	јануари (голем сеч- ко)	јануар сечањ	januar prosinec	—
II	люты (палюты)	лютий (січник, січъ- ненко, січень другий)	luty	únor	februar sečeň malý	февруари (малък сеч- ко; сух, сухи)	февруари (сечко)	фебруар (вељача)	februar svečan (sečan)	—
III	сакавік	березень (березозіл, бе- резінь, березо- тік, сухий, полютый)	marzec (brzezień)	březen	marec (brezen)	март (брезен)	марта	март ожујак (брезен, сушац)	marec sušec (brezen)	(березовик)
IV	красавік (квецень)	квітень (цвітень, тра- вень, березень)	kwiecień (Iżykwiat)	duben	april	април (брезен, бре- зак; травен)	април	април (травань, травань мали, цветањ, брезоз- сок)	april mali travcn (brezen)	(цветень)
V	травень	травень (кви- тень)	maj (kwiecień, izok)	květen máj (traven, izok)	máj (kveteň)	май (цветник)	мај	мај, свибань (травань велики)	maj veliki travcn (cveten)	(мур) (цветень)
VI	чэрвень (чэрвец)	червень (червець)	czerwiec	červen (červen malý, izok)	jún (traveň)	юни (црвеник)	јуни (црвеник)	јун, јуни, ли- пањ (червень, српањ мали)	juniј rožnik (lipan)	—
VII	ліпень (ліпец)	липень (липець)	lipiec (lipień)	červenec (červen dru- hý, veliký; vřesen)	júl (lípeň)	юли (црвеник)	јули (црвеник, жетвар)	јул, јули, српањ (српањ велики, житни; ст. хорв. sagren mali)	julij mali srpan (lipan)	—
VIII	жнівень (серпень)	серпень	sierpień	srpen (vřesen)	august	август	август	август, коловоз (вресень; ст. хорв. sagren veli)	avgust veliki srpan	(зарник, зарничек, зорничек)

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

Меся- цы	Белорусский	Украинский	Польский	Чешский	Словацкий	Болгарский	Македонский	Сербскохорват- ский	Словенский	Диалекты русского языка
IX	верасень	вересень (вресењ, жов- тень, серпень)	wrzesień (październik, listopad)	září (říjen, vře- sen, hrudeň)	september (vreseň, hru- deň)	септември	септември	септембар, рујан (вресењ)	september kimavec	(заревник)
X	кастрычнік (паздзёрнік)	жовтень (паздерник, листопад)	październik (listopad)	říjen (listopad, lis- toprch)	oktober	октомври (листопад, листокап)	октомври	октобар, листо- пад (паздерник)	oktober vinotok (rujen)	—
XI	лістапад (грудзень)	листопад (грудень, па- долист)	listopad (grudzień)	listopad (padolist, listočný)	november (studeň)	ноємври (груден)	ноємври	новембар, сту- дени (грудан)	november listopad (listognoj)	—
XII	снежань	грудень (студень, сту- динець, проси- нець)	grudzień (prosień)	prosinec (hruden, hru- denec)	december (prosinec)	декември (просинец)	декември	децембар, про- синац (груден, грудан)	december gruden	(студень)

* В скобках—устаревшие и народные (диалектные) названия. Включены лишь те, которые восходят к общеславянскому названию или являются их синонимами (серпень—жнивень—жетвар—житни).

древних славян существовал лунный календарь, не вызывает сомнений. Однако ошибка Д. Прозоровского заключалась в допущении постоянного количества 13 лунных месяцев в году: 13-месячный год превышал бы астрономический год на 18 суток и, следовательно, исключал бы совпадение названий месяцев с фактическими природными (сезонными) явлениями, которые они обозначали. Вероятнее всего, в эпоху, предшествующую расселению славян, у них формировался лунно-солнечный календарь, из чего исходит и В. Шаур. Он уточняет, по сравнению с Л. Нидерле, систему исчисления времени: «Одним месяцем праславяне называли отрезок времени с новолуния до новолуния...»¹². В. Шаур считает, что постоянных месяцев у древних славян было 12, но чтобы привести в соответствие лунное исчисление времени с солнечным циклом, «надо было приблизительно раз в три года вставлять внеочередной месяц»¹³. По В. Шауру, год начинался с весны (марта — «брезня»), а 13-й месяц вставлялся в качестве последнего зимнего месяца. Однако о несовпадении границ месяцев праславянского и юлианского календарей В. Шаур не пишет и по традиции соотносит каждое название месяца с определенным месяцем юлианского календаря.

Принимая гипотезу В. Шаура о переменном 12—13-месячном календаре у древних славян (о 13-м месяце скажем далее особо), мы полагаем, что эта гипотеза должна быть дополнена упомянутым соображением Д. Прозоровского о несовпадении границ месяцев в обоих календарях (хотя характер несовпадения и границы лунных месяцев представляются нам иными). В отличие от Д. Прозоровского, обозначившего начало года у праславян летним солнцестоянием, и В. Шаура, связавшего его начало с первым весенним месяцем, мы принимаем точку зрения В. И. Чичерова о том, что начало аграрного года у древних славян приходилось на зимнее солнцестояние¹⁴. Смысл зимней (святочной) обрядности у всех славян указывает на то, что именно с периодом, следовавшим за зимним солнцестоянием, были связаны религиозные представления, магические обряды и практические заботы земледельца о предстоящем цикле сельскохозяйственных работ. Само название месяца, на который приходилась эта обрядность («просинец»), отражает наблюдение о переходе от темноты к свету, а тем самым — от зимы к лету¹⁵. Теоретически лунно-солнечный календарь, разумеется, мог начинаться и с летнего солнцестояния, и с весеннего равноденствия, но исключительное значение святочной обрядности, зачинающей аграрный год, и то обстоятельство, что «просинец» — единственное праславянское название месяца в календарной номенклатуре, связанное с постоянным астрономическим явлением, а не с неустойчивыми сезонными явлениями в области флоры или фауны, побуждает нас начинать исчисление месяцев славянского лунно-солнечного календаря именно с этого месяца.

Начало и конец месяцев праславянского календаря были подвижными. Это объясняется несколькими причинами.

По мере отставания юлианского календаря от астрономического (через 128 лет — на сутки), дата зимнего солнцестояния постепенно передвигалась с 21 декабря к середине декабря. Поэтому начало года по юлианскому и славянскому календарям все больше расходились, а разрыв между ними увеличился до двух недель ко времени принятия славянами христианства. В то время, когда были сделаны первые переводы книг с греческого на старославянский и древнерусский языки (IX—

¹² В. Шаур. Указ. раб., с. 94.

¹³ Там же. Ср. К. Moszyński. Указ. раб., с. 172 (о традиции вставлять 13-й месяц в Польше, Белоруссии и на Украине).

¹⁴ В. И. Чичеров. Указ. раб., с. 64—68. Начало года у древних народов приходилось на самое различное время: на весну (древний Восток, Рим), лето (Афины, Дельфы), осень (Родос, Македония, Византия), зиму (Беотия, Китай).

¹⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 377.

ХII вв.), зимнее солнцестояние приходилось на середину декабря по юлианскому календарю. В русском народном календаре оно закрепилось за 12 декабря, посвященным в православном церковном календаре Трими-фийскому епископу Спиридону, поэтому в народе этот день получил на-звания Спиридон-Поворот, Спиридон-Солоноворот; Спиридон-Солнцево-рот, и именно к этому дню относится русская народная примета «солнце на лето, зима на мороз».

Следовательно, в то время, когда монахи-переводчики соотносили названия месяцев юлианского календаря с названиями общеславянскими, начало и конец месяцев славянского лунно-солнечного календаря могли приходиться приблизительно на середину того или иного месяца юлианского календаря или, во всяком случае, захватывали часть одного и другого (поскольку к концу астрономического года граница лунного месяца постепенно передвигалась относительно границ месяца юлианско-го календаря). Теперь становится понятным, почему переводчики, усво-ившие греко-латинские названия месяцев и соотносившие их с исконны-ми славянскими названиями, неизбежно должны были давать одинако-вые названия смежным месяцам юлианского календаря. По той же причине позже у разных славянских народов одни и те же исконные названия могли закрепляться за разными месяцами (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение юлианского, праславянского и древнерусского (дохристианского) календарей *

декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
<i>prosiněcъ</i> (просинець)	<i>ſěčъnъ</i> (сѣченъ)	<i>suhyi</i> (сухой)	<i>berzъnъ</i> (березозоль)	<i>travъnъ</i> <i>květъnъ</i> (травень)	<i>izokъ</i> (изокъ)	<i>ſъrvъnъ</i> <i>lіръnъ</i> (червень)
июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь
<i>ſъrvъnъ</i> (заревъ)	<i>versъnъ</i> (рюень)	<i>rujъnъ</i> <i>pazdernik</i> (листопадъ)	<i>listopadъ</i> (грудень)	<i>grudъnъ</i> <i>studъnъ</i> (студеный)	<i>prosiněcъ</i> (просинець)	

* В таблице приводятся все реконструированные названия месяцев праславянского календаря. Если тот или иной месяц при этом получает двойное название, то первым мы приводим название, реконструируемое на основании старейших памятников славянской письменности. В скобках указываются древне-русские названия месяцев, зафиксированные в памятниках.

Поскольку 12 лунных месяцев составляли 354,4 суток (т. е. лунный год почти на 11 суток короче солнечного года) необходимо было время от времени делать дополнения, чтобы привести аграрный год в соответ-ствие с солнечным. Представленное на нашей таблице соотношение кален-дарей является лишь нормативной схемой. В действительности же вслед-ствие подвижности границ лунных месяцев требовались постоянные кор-рективы, чтобы восстановить соответствие названий месяцев тем действи-тельным явлениям, которые они обозначали. Остается, следовательно, выяснить, где вероятнее всего вставлялся дополнительный, 13-й месяц, и какое название он мог получать. Как уже отмечалось, В. Шаур предполо-жил, что 13-й месяц вставлялся регулярно через каждые три года перед первым месяцем весны, т. е. мартом. Однако такая строгая регламента-ция интеркаляции (дополнения лунного календаря) и постоянное место дополнительного месяца в календаре древних славян вызывают со-мнения.

В известных науке лунно-солнечных календарях, даже у тех народов, где существовали цивилизации и разработанные системы исчисления времени, «в течение долгого времени не было определенных правил вставки дополнительных месяцев»¹⁶. Автор специального труда по хронологии древнего мира отмечает, что дополнительные месяцы вводились нерегулярно, иногда в течение одного сельскохозяйственного года, через неравные промежутки времени, иногда через год, в зависимости от практических нужд¹⁷. Трудно предположить, чтобы у древних славян интеркаляция приобрела иной, регулярный характер.

По-видимому, в праславянском календаре были некоторые относительно устойчивые опоры, обозначавшие некие наиболее важные вехи в постоянно изменяющихся соотношениях между лунными месяцами и солнечным циклом. Такими «опорами» нам представляются: «просинец», указывающий на постоянный, регулярно повторяющийся процесс прибавления продолжительности дня после зимнего солнцеворота, и «серпень», указывающий на главное событие в жизни земледельца — жатву: особое значение имело то, чтобы традиционное название этого месяца совпадало с действительной уборкой урожая¹⁸. Следовательно, интеркаляция могла производиться в первую очередь или перед «просинцем», или перед «серпнем». Этим, по-видимому, и объясняется, почему двойное название месяца приходится именно на канун этих двух сроков: в первом случае дополнительный месяц получал название «студеного», во втором — «липня». Но, вероятно, интеркаляция могла согласовываться и со сроками весеннего и осеннего равноденствий; в этом случае появлялись синонимические «травень» и «кветень», либо «рюен» и «паздерник»¹⁹.

Необходимость нескольких возможных вариантов интеркаляции объясняется тем, что промежуток времени между солнцестоянием и следовавшим за ним первым новолунием, которым начинался «просинец», не был постоянным: он колебался в пределах полумесяца²⁰. Если новолуние следовало тотчас же после зимнего солнцестояния, то необходимость в дополнительном месяце могла появиться уже к началу жатвы (перед «серпнем»), в особенности, если лето было прохладным и созревание хлебов задерживалось. Если же, наоборот, лето было знойным и жатва начиналась раньше обычного, то необходимость дополнительного месяца становилась актуальной лишь осенью или непосредственно перед следующим «просинцем». Таким образом, *не отвлеченные астрономические расчеты, а сезонные колебания погоды диктовали славянам сроки дополнительного месяца*: он вставлялся в разные годы в различные места, а именно там, где оказывалась особенно заметной разница между названием очередного месяца и фактическим сезонным явлением и *где соответствие между тем и другим было особенно практически необходимым*.

Теперь, когда мы установили нормативные соотношения между двумя календарями и наиболее вероятные места для дополнительного месяца, выскажем предварительные соображения о том, как полученные

¹⁶ И. М. Дьяконов, М. Д. Даядамаев, В. А. Лифшиц. Месяцы в древней Передней Азии. — Э. Бикерман. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 301.

¹⁷ Э. Бикерман. Указ. раб., с. 19, 22, 24, 27, 38.

¹⁸ Характерно, что на древнем Востоке интеркаляция производилась таким образом, чтобы месяц «жатвы ячменя» подогнать ко времени фактической жатвы (Э. Бикерман. Указ. раб., с. 19).

¹⁹ К. Мошиньски допускал возможность не только интеркаляции, но и экстракаляции (т. е. исключения, пропуска одного из месяцев) и высказал догадку о следующей последовательности названий месяцев и их возможных комбинаций (начало года он относил к весне): *berzънь, kvѣтънь, travънь, červънь (или izokъ), lърьнь, sьgrънь (или zarevъ), versънь (или gujънь), parzdernikъ (или listopadъ), grudyнь (или studънь), pro-sinъсь, sѣсьнь*. К. Moszyński. Указ. раб., с. 154—155.

²⁰ См. таблицу астрономических новолуний в указанной работе Э. Бикермана, с. 108—159.

нами выводы могут быть истолкованы в дискуссиях о местонахождении территории, занятой славянами до их расселения.

Все названия месяцев праславянского календаря четко делятся на три типа: как уже сказано, одно (и единственное) название обозначает собственно астрономическое явление (**prosinъcb*), два непосредственно связаны с трудовым процессом — **srъrъnъ* (время жатвы) и **pazdernikъ* (время обработки льна, конопли)²¹. Возможно, что и **sěčъnъ* назван в ознаменование времени, наиболее удобного для рубки («сечки») леса (при подсечном земледелии)²². Остальные названия отражают сезонные явления природы, важные с точки зрения земледельца²³.

Чтобы правильно определить время того или иного сезонного явления в праславянском календаре, нельзя механически соотносить границы лунно-солнечных месяцев с серединой месяцев юлианского календаря. Как уже было сказано, границы эти были постоянно подвижными. Причем не забудем, что установленная нами тенденция передвижения начала «просинца» к середине декабря справедлива для конца I тысячелетия н. э.; в первые же века нашей эры, т. е. до расселения славян, зимнее солнцестояние приходилось на 19—21 декабря, и, следовательно, «просинец», начинавшийся с первого после этого новолуния, в большей мере распространялся на январь, «сечень» — на февраль и т. д., хотя и в ту эпоху никогда границы месяцев праславянского календаря не совпадали с границами юлианского календаря²⁴. Таким образом, не отождествляя относительные границы месяцев обоих календарей в начале и в конце I тысячелетия, все же приблизительно можно установить сроки тех сезонных явлений, которые обозначались в праславянском календаре. Исчезновение снежного покрова и высыхание почвы, зафиксированное в названии **suhyj*, может быть отнесено ко второй половине — концу февраля, первой половине — середине марта. Появление листьев на березе (**berzъnъ* или **berzozolъ*) — ко второй половине — концу марта и первой половине — середине апреля. Появление травяного покрова (**travъnъ*) и первых цветов (**cvětъnъ*) — ко второй половине апреля — первой половине мая. Размножение гусениц (червей) (**čъrgъnъ*) — ко второй половине июня и первой половине июля²⁵. На тот же или близкий срок приходилось и цветение липы, что определило вероятность обозначения его другим названием (**lirъnъ*), которое в случае необходимости превращалось в название дополнительного месяца, поскольку, как уже говорилось, границы следующего месяца, названного древними славянами «серпнем» (**srъrъnъ*), определялись сроками жатвы (в нормативных пределах июля — августа). Цветение вереска может быть отнесено ко второй поло-

²¹ В. Шаур. Указ. раб., с. 97.

²² Н. Н. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, с. 37; В. Шаур. Указ. раб., с. 98. Рубка леса производилась, когда устанавливался санный путь.

²³ В двух названиях, кроме того, отразилось значение бортничества в хозяйственной деятельности славян: **lirъnъ* и **vrěsъnъ* обозначают время цветения липы и вереска, когда пчелы собирают нектар. Одно название — **izokъ* — остается неясным (буквально — кузнечик; высказывалось предположение, что оно связано с сезонным размножением насекомых — вредителей урожая).

²⁴ Относя конец славянской общности к первым векам нашей эры, мы исходим из предположения лингвистов о том, что процесс распада общеславянского языка происходил 1,5—1 тысячу лет назад (В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения праславянского языка. — «Славянское языкознание». М., 1959, с. 19, 20).

²⁵ На связь названия **čъrgъnъ* с размножением червей, гусениц-вредителей, опасных для растений и будущего урожая («месяц червей»), указывает ряд этимологов (Т. Баранова-Гольнская, В. Шаур). Вместе с тем некоторые авторы (В. Даль, Ф. Миклошич, К. Мошиньски) связывают название месяца с определенным видом червя или гусеницы насекомого (кошениль), из которого добывалась пурпурная краска (отсюда значение: «месяц сбора кошенили»). Реже это название связывают с «червой» — личинками пчел («месяц, когда плодятся пчелы»). См. К. Moszyński. Указ. раб., с. 147, 148; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV, М., 1973, с. 334, 335; «Этимологический словарь славянских языков», вып. 4. М., 1977, с. 168, 169, 172, 173. Для нашей проблемы эти расхождения в этимологии не имеют значения, так как все три отмеченные явления совпадают во времени.

вине августа (**versnъ*), а «золотая осень» — ко второй половине сентября — первой половине октября (**rijъnъ*)²⁶. Тогда же, ранней осенью мяли и трепали лен и коноплю, заготавливали пряжу (**razder-nik*). Листопад приходился на вторую половину октября — первую половину ноября. Наконец, замерзание почвы и первые холода относились ко второй половине ноября — к декабрю (**grudъnъ*, **studъnъ*)²⁷.

Думается, что совокупность всех этих признаков в наибольшей мере близка к характеристике климатических условий лесной зоны средней части Восточно-Европейской равнины, где, вероятнее всего, и жили славяне до их расселения²⁸.

Высказанными нами аргументов, разумеется, недостаточно для окончательного ответа на вопрос: где была прародина славян? Мы лишь указали на один из возможных путей решения задачи, требующей комплексного подхода. Поэтому необходимо привлечение данных исторической географии и палеоботаники для уточнения сроков тех сезонных явлений, которые отражены в номенклатуре месяцев праславянского календаря, в частности сроков цветения березы, липы и вереска, а также границ распространения этих растений в эпоху славянской общности. Но это — предмет специального анализа, выходящего за рамки настоящей статьи и за пределы компетенции автора. Наша задача заключалась в том, чтобы привлечь внимание к материалу, который в совокупности с дальнейшими археологическими, антропологическими, гидронимическими, топонимическими и другими лингвистическими исследованиями позволит бы точнее локализовать местонахождение прародины славян.

Однако в заключение мы хотели бы подчеркнуть, что проблема этногенеза славян не сводится лишь к определению ареала, откуда шло их расселение. Мы разделяем взгляды тех ученых, которые считают, что эта проблема шире и универсальнее — она охватывает все стороны жизни и мировоззрения наших предков²⁹. Поэтому независимо от того, в какой мере номенклатура месяцев праславянского календаря повлияет на дискуссию о прародине славян, сам по себе этот календарь как одна из форм отражения временных представлений древних славян позволяет осветить одну существенную грань многосторонней проблемы этногенеза.

²⁶ Несмотря на то что большинство этимологов, а вслед за ними и В. Шаур отвергают связь названия **rijъnъ* с представлениями о цвете (желто-красном), мы принимаем толкование Т. Барановой-Гольнянской (Т. Baranowa-Holynska. Указ. раб., с. 63, 64) этого названия со значением «желтый месяц» (точнее — «оранжевый месяц»). Приведем дополнительные аргументы: в сербскохорватском языке «рујан» означает красный (багряный) цвет не только в сочетании «рујно вино», но и, что особенно важно, в сочетании «рујна зора» (в народно-поэтических текстах); кустарниковое растение красного цвета на Балканах носит название «руј»; старое название лесистой горы «Златибор» в Сербии — «Рујан»; словенское «*rujén*», также имеет значение «красноватый». Следовательно, название **rijъnъ* возникло как отражение наблюдений земледельца над сезонным изменением в окраске растительности.

²⁷ «Грудень» — месяц, когда замерзающая земля образует груды.

²⁸ Имеется в виду гипотеза Л. Нидерле, поддерживаемая и конкретизированная советскими лингвистами С. Б. Бернштейном (Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961) и Ф. П. Филиным (Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962), согласно которой прародина славян находилась между верхним течением Вислы на западе и средним течением Днестра на востоке, Припятью — на севере и верховьями Южного Буга и Днестра — на юге. Ср. вывод археолога Д. А. Мачинского: «В I—IV вв. н. э. родиной основной массы славянства была южная часть лесных областей Восточной Европы» (Д. А. Мачинский. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. — Археологический сборник. Л., 1976, с. 98). Замечу, что предполагаемая названными исследователями территория несколько шире реконструированного Д. А. Мачинским ареала «венедов» Тацита и приблизительно соответствует ареалу, охватывающему территорию венедов и антов IV—V вв. н. э. (см.: Д. А. Мачинский. Указ. раб., с. 86, рис. 1, с. 88—90, рис. 4); его же. Древнейшее достоверное письменное свидетельство о славянах и его археологическое соответствие. — *Etnologia Slavica*, VI, 1975).

²⁹ Эта мысль была высказана Н. И. Толстым в его докладе «Этнолингвистические аспекты этногенеза славян» на заседании Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики (19.V.1978 г.).

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1976—1977 гг.

С 19 по 22 апреля 1978 г. в Ереване проходила Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Отделением исторических и экономических наук АН Армянской ССР, Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР. В ее работе приняли участие более 200 человек из 41 города СССР — этнографы, антропологи, социологи, фольклористы, искусствоведы, музыковеды — сотрудники институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники этнографических музеев РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики, Закавказья, Средней Азии.

На трех пленарных заседаниях было заслушано 11 докладов, на заседаниях шести секций с подсекциями — 136 докладов¹.

На открытии сессии с приветственным словом и пожеланием успешной работы выступил директор Института археологии и этнографии АН Армянской ССР академик Б. Н. Аракелян (Ереван). Директор Института этнографии АН СССР академик Ю. В. Бромлей (Москва) во вступительном слове подчеркнул важное значение подобных сессий, дающих ученым возможность обмениваться информацией о новых научных материалах.

На первом пленарном заседании было прочитано пять докладов. В докладе И. С. Гурвича (Москва), Р. Ф. Итса (Ленинград) и Ж. Б. Логашевой (Москва) «Конституция развитого социализма и задачи советской этнографической науки» главное внимание было обращено на неизмеримо возросшую в жизни общества роль общественных наук и, в частности, советской этнографической науки, призванной исследовать этнические аспекты современных национальных процессов в СССР, в первую очередь закономерности межэтнической интеграции, дальнейшего развития новой исторической общности — советского народа. Исследование этой проблемы, подчеркивалось в докладе, неразрывно связано с изучением советского образа жизни, поэтому важной задачей этнографов является исследование культурно-бытовых аспектов социальных отношений. Поскольку в новой Конституции СССР значительное внимание уделено вопросам культуры, очень важно сосредоточить внимание этнографов на изучении этнокультурных аспектов современной духовной культуры народов СССР, тем более что в современных условиях всесторонних контактов и процесса сближения народов именно в сфере духовной жизни наиболее ярко проявляются черты этнической специфики. В докладе отмечалось также, что статьи Конституции, посвященные охране и приумножению культурных ценностей общества, обязывают этнографов усилить собирательскую работу и исследование памятников культуры и искусства народов СССР.

Специальная глава новой Конституции СССР провозглашает миролюбивую внешнюю политику Советского государства, поэтому особую важность приобретают этно-

¹ См. «Всесоюзная сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тезисы докладов». Ереван, 1978.

графические исследования национальных и этнических процессов в зарубежных странах и пропаганда знаний о народах СССР и о народах мира, воспитывающих чувство глубокого уважения к культуре и истории всех наций и народностей.

Доклад К. В. Мелик-Пашаяна (Ереван) был посвящен развитию армянской этнографии за 150-летний период после присоединения Восточной Армении к России. Докладчик остановился на первых этнографических исследованиях в Армении — работах великого армянского просветителя-демократа Х. Абовяна и одного из пионеров армянской этнографии Г. Сrvандзтянца, рассказал о больших заслугах основоположника армянской этнографической науки Е. Лалаяна, по инициативе и при самом активном участии которого в Армении были основаны первые этнографические учреждения и издания. Докладчик охарактеризовал также деятельность таких известных армянских этнографов, как Г. Халатянц, Ст. Лисициан, Х. Самвелян. Особое внимание он уделил Государственному музею истории Армении, который в 1920—1950 гг. был центром этнографических исследований в республике. Важное значение для развития этнографической науки имело создание в 1953 г. в Институте истории АН Армянской ССР этнографической группы и, особенно, организация в 1959 г. Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, сотрудники которого работают в тесном контакте с этнографами Москвы, Ленинграда и ряда союзных республик.

Ю. В. Арутюнян (Москва) рассказал о проводимых в течение ряда лет Институтом этнографии АН СССР этносоциологических исследованиях образа жизни по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций». На первом этапе исследования изучались социально-культурные процессы в Татарской АССР. В 1971—1975 гг. начался новый этап исследования в ряде республик Советского Союза, представляющих основные этнические регионы страны, — в Молтавии, Грузии, Эстонии, РСФСР, Узбекистане. Как и прежде, основное внимание уделялось изучению социально-этнической структуры советского народа, выявлению общесоветских и национальных черт культуры наций, их быту, семейным отношениям, социальной психологии и межнациональным отношениям. Все эти вопросы рассматривались во взаимной связи, что открывает возможность охарактеризовать советский образ жизни как единое целое, раскрыв социально-этнический диапазон его особенностей.

Докладчик подчеркнул, что «растущее культурное сходство народов сочетается с их внутренней национальной консолидацией и интенсивностью национальных чувств». Научно-техническая революция, усиливая сходство между нациями и способствуя их взаимопониманию, в то же время стимулирует развитие национальной культуры и национального самосознания.

С проблемой образа жизни был связан также доклад К. В. Чистова (Ленинград) «Теоретико-информационный аспект изучения современной духовной культуры». Докладчик подчеркнул, что широкое введение в научный оборот термина «образ жизни» позволяет этнографам завершить переход к системному изучению жизнедеятельности социальных и этнических общностей. Духовная культура должна рассматриваться как подсистема, играющая специфическую роль в развитии и функционировании всей системы в целом. В докладе отмечалось, что профессиональный слой духовной культуры является сферой весьма интенсивного выражения этнического сознания и вместе с тем межэтнического обмена, что духовная культура — важнейший фактор, способствующий консолидации этноса и интеграции локальных форм его культуры. К. В. Чистов обратил внимание на то, что «одной из основных задач этнографов социалистических стран должно быть изучение особенностей современного развития духовной культуры в социалистических условиях, создание этнических аспектов общей теории духовной культуры и сравнительное изучение этнокультурных ситуаций по сравнимой программе».

И. С. Кон (Ленинград), выступивший с докладом «Воспитание детей как этнографическая проблема», привлек внимание этнографов к этой, к сожалению, еще недостаточно исследуемой проблеме, в разработке которой, по мнению автора, необходима тесная кооперация с историками, психологами и педагогами. Он подчеркнул, что воспитание детей — неотъемлемый аспект образа жизни любого народа. Без изучения процессов социализации невозможно понять ни закономерности межпоколенной трансмиссии культуры, ни особенности семейного быта, ни специфику возрастного симво-

лизма этноса. Докладчик отметил, что, хотя проблема эта является междисциплинарной, ведущая роль в ее изучении принадлежит этнографам, в распоряжении которых имеются три типа методов: 1) культурологический анализ языковых и литературных источников; 2) полевые исследования, основанные на непосредственном наблюдении; 3) этносоциологические анкеты.

На второе пленарное заседание было вынесено четыре доклада. Доклад Ю. В. Бромлея «Иерархия макрокультурных общностей и цивилизаций» был посвящен проблеме соотношения социального и культурного развития человечества. Докладчик отметил, что культурные общности, как и любые явления объективной реальности, имеют определенные структурные, пространственные и временные параметры, те или иные свойства которых могут играть роль системообразующих факторов для отдельных видов культурных общностей. В качестве таких факторов Ю. В. Бромлей назвал и экстракультурные явления, прежде всего различные социальные образования: классы, профессиональные группы, государства, общества и т. п. По мнению докладчика, одну из основных ячеек культурного развития человечества представляют этносоциальные организмы (ЭСО), в которых содержание культуры детерминировано принадлежностью к определенному социальному организму, а ее форма — к конкретному этносу. Системообразующие факторы, подчеркнул Ю. В. Бромлей, позволяют выделить огромное число различных по своим масштабам культурных общностей, образующих своеобразную иерархическую структуру, в которой среди макрокультурных общностей особо выделяются историко-этнографические общности, имеющие также в свою очередь иерархическую структуру. Поскольку в историко-культурных общностях системообразующая роль может принадлежать самым различным компонентам традиционной культуры, они могут рассматриваться как традиционно-культурные ареалы, конкретной формой существования которых выступают социальные организмы. Однотипные по своей формационной принадлежности социальные организмы, принадлежащие к одному традиционно-культурному ареалу, представляют определенное социокультурное единство (социокультурный регион).

Особое место в докладе было отведено рассмотрению вопроса о соотношении социокультурных регионов и «цивилизаций». При этом была отмечена возможность интерпретации цивилизаций как социокультурных общностей разного таксономического уровня, т. е. определенной иерархической структуры, по-разному проявляющей себя на отдельных этапах всемирно-исторического процесса.

В докладе С. А. Арутюнова (Москва) и Ю. И. Мкртумяна (Ереван) «К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов» рассматривались теоретико-методические принципы типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов. Авторами были подчеркнуты три основных необходимых момента: проведение типологической классификации культурных явлений разных таксономических уровней; рассмотрение тех или иных явлений как составных элементов более сложного комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа; учет структурных и генетических параметров. Такую классификацию докладчики предприняли на примере армянской системы питания, где путем последовательной классификационной дихотомизации, выделяя в системе питания все более и более низкие таксоны, выявили этнические специфические особенности в ней, а также механизмы их формирования и функционирования.

В докладе Ю. В. Кнорозова (Ленинград) «К вопросу о некоторых надписях древних майя» были проиллюстрированы опубликованные Майклом Д. Ко (США) надписи на керамических погребальных сосудах древних майя, содержащие старинную заупокойную формулу, относящуюся к началу нашей эры и сохранившуюся до IX в., а также надписи и изображения, связанные с жизнью умершего. Докладчик подчеркнул, что в настоящее время главная задача ученых — ввести в научный оборот тексты всех надписей майя и привести их в такое же упорядоченное состояние, в каком находится большинство памятников Востока.

В. Е. Гусев (Ленинград) выступил с докладом «Современный фольклоризм — предмет полевых исследований». Фольклоризм был охарактеризован им как многообразный процесс адаптации, воспроизведения и трансформации традиционного народного искусства в современной культуре. На материалах фольклорных экспедиций Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, а также полевых наб-

людений в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии автор рассмотрел типологические признаки современного фольклоризма и некоторые его виды (использование фольклора в художественной самодеятельности, типы фольклорных ансамблей, фольклорные фестивали и т. п.). Он обратил также внимание на процесс обратной связи фольклоризма и фольклора (оживление собственно фольклорных традиций). Изучение современного фольклоризма, отметил докладчик, требует новой комплексной методики полевой работы. Это новая проблема, имеющая не только научное, но и большое практическое значение в процессе усвоения лучших народных традиций социалистической культуры.

На третьем пленарном заседании были заслушаны 2 доклада. Доклад М. А. Итиной (Москва) «Основные проблемы этнографо-археологического изучения народов Средней Азии» был посвящен 40-летию Хорезмской экспедиции, организатором и руководителем которой в течение многих лет был член-корр. АН СССР С. П. Толстов. В нем подчеркивалось, что на протяжении всего периода работы экспедиции изучение этнической истории и культуры народов одного из древних центров цивилизации — Хорезмского оазиса — ведется с помощью комплексных методов, с учетом сложных исторических процессов, протекавших в Средней Азии и на сопредельных территориях в различные исторические эпохи. Деятельность Хорезмской экспедиции характеризуется разработкой важных этногенетических, историко-культурных и культурно-хозяйственных проблем. Результаты научных исследований используются в практике народного хозяйства, в прогнозировании возможностей нового освоения земель древнего орошения.

В основу доклада В. Н. Басилова и Д. Д. Тумаркина (Москва) «Полевые работы советских этнографов в Океании в 1977 г.» были положены полевые материалы, собранные во время 18-го экспедиционного рейса научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев» в январе — апреле 1977 г. В докладе были охарактеризованы современные формы социальной организации, хозяйства, культуры и быта островитян Океании и изменения, происшедшие в их жизни за последние годы. Особый интерес вызвал показ того, как в современной бытовой культуре океанийцев сочетаются новые и традиционные элементы.

Помимо пленарных заседаний ученые работали в шести проблемных секциях: «Этногенез и этническая история», «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР», «Семейный и общественный быт», «Проблемы этнографической типологии культуры. Взаимодействие культур народов СССР», «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни», «Фольклор. Народная музыка и танцы. Прикладное искусство».

В этом году была предпринята попытка по-новому проводить секционные заседания. В начале первого заседания кураторы соответствующих секций на основании представленных заранее тезисов выступали со вступительным словом по рассматриваемой проблеме. В связи с этим докладчики имели возможность не читать доклад целиком, а остановиться на той или иной проблеме, либо дополнить свое сообщение материалами, не получившими отражения в тезисах. Эта форма проведения секционных заседаний способствовала более плодотворному обсуждению докладов.

На заседаниях секции «Этногенез и этническая история» (куратор И. М. Золотарева, Москва) присутствовало 20 человек, было заслушано 17 докладов. По характеру использованных источников работа секции строилась таким образом: на первых двух заседаниях анализировались антропологические данные, на третьем — историко-этнографические и этностатистические материалы.

На первом заседании было заслушано шесть докладов. На данных дерматоглифики были построены доклады Г. Л. Хить (Москва) и Н. Р. Кочар (Ереван). Г. Л. Хить отметила, что накопленные за последние 10 лет материалы о кожном рельефе кисти у населения Кавказа и других регионов СССР позволяют впервые рассмотреть вопрос о расогенетических связях народов этих регионов. В докладе Н. Р. Кочар «Территориальные различия дерматоглифических свойств армянской популяции» было высказано мнение, что по данным дерматоглифики армяне в целом не выходят за пределы размаха вариаций признаков у других европеоидных народов, а по некоторым признакам обнаруживают максимум европеоидности и большое сходство с народами Передней Азии и Кавказа.

На одонтологических материалах были основаны два доклада. У. Гашимова (Баку), исследовав 24 группы современного населения Азербайджана, пришла к выводу, что изученные группы, обнаруживая большое сходство между собой по концентрации основных одонтологических признаков, относятся к западному одонтологическому типу. О некоторых параллелях в древнем и современном населении Средней Азии и Кавказа говорилось в докладе Н. А. Дубовой, Г. В. Рыкушиной и Н. И. Халдеевой (Москва), основанном на одонтологическом материале, охватывающем период от эпохи бронзы до современности.

Об особенностях организации исследований, по этнической антропологии армян-переселенцев из Западной Армении рассказал Э. Э. Симонян (Ереван). О находке палеоантропологических материалов в пещере-обиталище Амо-1 в окрестностях Еревана сообщалось в докладе Г. А. Азизяна и А. Дж. Джагаряна (Ереван).

На втором заседании было заслушано семь докладов. М. Г. Абдушелишвили (Тбилиси), анализируя антропологический состав древнего и современного населения Армении, подчеркнул, что изученные антропологами 11 групп современного населения Армении характеризуются общностью антропологических особенностей и относятся к переднеазиатскому типу индосредиземноморской расы, представляя его смягченный вариант. Аналогичные формы прослеживаются почти на всей территории Кавказа, а также в Передней Азии.

В докладе Л. И. Тегако (Минск) рассматривались межэтнические связи белорусов по данным антропологических исследований. Проблеме этногенеза калмыков по данным дерматоглифики был посвящен доклад Д. О. Ашиловой (Элиста), отметившей, что комплекс дерматоглифических признаков свидетельствует о четко выраженных у них восточных особенностях.

И. М. Золотарева выступила с докладом «Некоторые данные по антропологии тай и вьетов Северного Вьетнама», в котором проанализировала собранные осенью 1976 г. антропологические характеристики некоторых групп Северного Вьетнама. В докладе Т. К. Ходжайова (Самарканд) «Городское и оседлоземледельческое население Бактрии по антропологическим данным» были представлены результаты исследования десяти краниологических серий, относящихся к периоду от V—IV вв. до н. э. по V в. н. э. С предварительными результатами антропологического изучения древнеземледельческого населения юга Узбекистана ознакомил участников секции Х. Халилов (Самарканд). Об итогах антропологического изучения современного населения Казахстана рассказал О. Исмагулов (Алма-Ата).

На третьем заседании было заслушано четыре доклада. Л. С. Толстова (Москва) остановилась на приаральско-кавказских этногенетических и этнокультурных связях, восходящих к отдаленным временам и фиксируемых, в частности, данными исторического фольклора (кавказские мотивы в фольклоре народов Приаралья и приаральско-кавказские историко-фольклорные параллели). В докладе В. И. Наулко (Киев) анализировались различного рода источники, позволяющие рассмотреть динамику численности армянского населения в современных границах Украинской ССР, изменения в его социально-классовой структуре, степень его урбанизации, а также характер развития современных этнических процессов среди армян. Формированию этнической территории коми в X—XV вв. был посвящен доклад Л. Н. Жеребцова (Сыктывкар). Р. Д. Лях (Донецк) прочитал доклад «Миграции населения Донбасса».

В работе секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» (куратор Л. М. Дробизева, Москва) участвовало свыше 60 человек. На четырех заседаниях, в том числе одном совместном с секцией «Семейный и общественный быт», было заслушано 23 доклада.

Первое заседание было посвящено этнографическим аспектам изучения современных этнических и культурно-бытовых процессов.

Г. П. Васильева (Москва) выступила с докладом «Этнокультурные процессы в Западном Туркменистане», уделив особое внимание рассмотрению процесса консолидации туркменской нации, продолжающегося и в наши дни. В. П. Курылев (Ленинград) прочитал доклад «Современные этнические процессы у кошагачских казахов (по материалам экспедиции 1977 г.)». В докладе А. И. Абдуллаева (Баку) говорилось о преобразованиях быта и культуры хлопкоробов Азербайджана на примере Бардинского района. Об изучении современного состояния быта и духовной

культуры западных групп татар Татарской АССР и восточных марийцев сообщалось в докладе Е. Н. Котовой и Л. М. Лойко (Ленинград) «Некоторые черты современного быта населения „контактных зон“ Поволжья». В докладе Л. Н. Чижиковой (Москва) «Этнические традиции в современном быту сельского населения русско-украинского пограничья» отмечалось, что этнические традиции, степень устойчивости которых зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, этнического и психологического характера, в современном быту населения изучаемого региона не остаются неизменными: одни традиционные особенности исчезают, другие получают дальнейшее развитие и распространение. Наряду с этим возникают новые традиции.

Традиционному и современному в интерьере жилищ сельского населения Латвийской ССР был посвящен доклад В. Крониса (Рига); Н. И. Здорова (Львов) остановилась на общих тенденциях развития советских праздников и обрядов на Украине.

На втором и третьем заседаниях секции рассматривались проблемы этносоциологического изучения этнических и культурно-бытовых процессов.

Большая и важная проблема — изучение контактности национальностей и межкультурного обмена, межэтнических взаимодействий — рассматривалась в докладах В. К. Бондарчика (Минск) «Современные этнические процессы в городах Белорусской ССР» и Р. Г. Мухамедовой (Казань) «Социально-этническое развитие татарской нации». Применение новых методов этносоциологического исследования позволило докладчикам охарактеризовать интенсивность и глубину контактов с количественной определенностью.

В докладе В. А. Забелиной и А. Д. Безги (Кызыл) обращалось внимание на необходимость проведения в Туве широких этносоциологических исследований.

Л. А. Фадеев (Москва) выступил с докладом «Советская этническая психология на современном этапе». Важнейшей ее задачей, по мнению докладчика, является изучение диалектической связи между социальными и этническими моментами.

В докладе А. А. Сусоколова (Москва) «Некоторые факторы микросреды и самосознание этнической принадлежности» рассматривались вопросы формирования национального самосознания и его индикаторов.

М. Н. Губогло (Москва) остановился на вопросе о возможностях моделирования и прогнозирования языкового развития.

Материалы этносоциологического обследования населения Еревана легли в основу докладов Р. С. Карапетяна (Ереван) «Некоторые особенности формирования населения Еревана и влияние их на этнокультурные процессы» и М. В. Акопян (Ереван) «Распространение средств массовой информации».

Доклад Л. Г. Гафт и Е. Д. Игитханян (Москва) «Некоторые особенности развития социальной структуры национальных отрядов колхозного крестьянства» был построен на данных выборочного социологического исследования, проведенного в Латвийской и Узбекской ССР.

Изучению влияния типа сельских поселений на соотношение элементов традиционной и современной, национальной и общесоветской культуры у населения были посвящены доклады В. Н. Шамшурова (Москва) и Б. Б. Хубиева (Нальчик). В докладе В. Я. Калитс (Тарту) «О роли традиций в рабочих коллективах» анализировались обстоятельства, способствующие внедрению новых трудовых традиций, отвечающих современным требованиям общества, и преодолению негативных традиций.

В центре внимания четвертого заседания, проведенного совместно с секцией «Семейный и общественный быт», были вопросы, связанные с изменением структуры современной семьи и семейных отношений, которые рассматривались как показатель этнических и культурно-бытовых процессов.

В докладе А. Е. Тер-Саркисянц (Москва), основанном на полевых материалах, повторно собранных в 23 селах Армянской ССР с интервалом в 11 лет, были приведены результаты сравнительного анализа тенденций развития современной армянской сельской семьи. Л. Ф. Монагарова (Москва) остановилась на вопросе об отражении этнических процессов в семейно-брачных отношениях городского населения Таджикской ССР, уделив особое внимание национально-смешанным семьям. Тенденции социально-культурных изменений и отражение их в жизни современной семьи в Узбе-

кистане рассматривались в докладе С. М. Мирхасилова (Ташкент). Новым явлениям в развитии современной семьи и внутрисемейных отношений у узбеков и таджиков Бухарского оазиса был посвящен доклад Ф. Д. Люшкевич (Ленинград).

На двух заседаниях секции «Семейный и общественный быт» (куратор Л. Н. Терентьева, Москва) присутствовало около 30 человек, было прочитано 16 докладов.

На первом заседании было заслушано восемь докладов. Н. В. Бякбулатов (Уфа), реконструируя древнюю модель башкирской системы родства, пришел к выводу о ее сходстве с другими урало-алтайскими системами родства. Оживленную дискуссию вызвал доклад М. Г. Рабиновича (Москва) «Семейные традиции русских горожан». На основе анализа переписных книг XV—XVII вв. докладчик пришел к выводу, что основной формой семьи русских горожан в этот период была малая семья. М. А. Меретуков (Майкоп) охарактеризовал семью различных социальных слоев дореволюционного адыгского общества.

В ряде докладов рассматривались семейные обряды народов Средней Азии и Кавказа. К. Кубаков (Самарканд) проанализировал свадебный обряд узбеков — *кырк*, подчеркнув его специфику, обусловленную традициями кочевого и полукочевого скотоводства. Г. Х. Мамбетов (Нальчик) рассказал о калыме у кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в. и охарактеризовал формы постепенного отмирания этого института.

Доклад Л. А. Чвырь (Москва) был посвящен семантическому анализу детских обрядов у таджиков. По мнению докладчицы, центральный обряд этого цикла — «положение в колыбель» — осмыслился в народе как ритуальная имитация смерти и нового рождения ребенка. Обрядам и повериям карачаевцев, связанным с рождением ребенка, был посвящен доклад И. М. Шаманова (Черкесск).

В докладе Р. В. Меркене (Вильнюс) рассматривались вопросы типологии обычаев, связанных с животноводством, в Литве и Белоруссии (конец XIX — начало XX в.). Докладчик считает возможным разделить эти обычаи на две группы: 1) общественные обычаи, выполняемые коллективом, и 2) обычаи семейного и индивидуального характера.

Второе заседание секции было посвящено современной семейной обрядности.

Глубокие изменения в семейно-бытовом укладе, обычаях и обрядах народов Средней Азии, обусловленные коренными социалистическими преобразованиями в социально-экономическом строе и культуре, были освещены в докладах К. Калилова (Фрунзе) «Новые семейные обычаи и обряды у киргизов» и А. Оразова (Ашхабад) «Новые черты в традиционной туркменской свадебной обрядности и обычаях (по материалам Краснодарской области Туркменской ССР)». О тенденции формирования единых форм семейной обрядности в пределах одного этноса на примере алтайцев сообщила Н. И. Шатинова (Горно-Алтайск). Современным семейно-брачным обычаям одной из этнических групп южных алтайцев — теленгитов — был посвящен доклад В. П. Дьяконовой (Ленинград). О соотношении традиционных и новых элементов в современной свадебной обрядности степных ногайцев говорилось в докладе Р. Х. Керейтова (Черкесск). Те же вопросы, но на материалах массового этносоциологического обследования армянского населения Еревана, были освещены в докладе Л. М. Варданян (Ереван). Процесс формирования общих черт в свадебной обрядности народов, живущих в Приазовье — украинцев, русских, болгар, чехов, греков, сербов, гагаузов и др., рассматривался в докладе В. К. Борисенко (Киев). При этом особое внимание было уделено советскому периоду, главным образом современной.

В докладе Х. М. Думанова (Нальчик) на основе анализа данных массового этносоциологического обследования анализировался процесс постепенного изживания древнего обычая избегания у кабардинцев.

Представительной была также секция «Проблемы этнографической типологии культуры. Взаимодействие культур народов СССР» (куратор Т. А. Жданко, Москва), на трех заседаниях которой было прочитано 20 докладов, присутствовало около 30 человек.

Проблеме хозяйственно-культурных типов Средней Азии и Кавказа были посвящены доклады Т. А. Жданко, М. О. Османова (Махачкала), Э. Л. Мелконяна (Ереван). Т. А. Жданко, остановившись на характеристике основных хозяйствен-

но-культурных типов на территории Средней Азии (оседлых земледельцев, полuosедлых скотоводов-земледельцев и скотоводов-кочевников), выделила особый хозяйственно-культурный подтип — полuosедлых земледельцев-скотоводов и рыболовов дельтовых областей, существовавший в дореволюционной Средней Азии. Она считает, что по разработанной Н. Н. Чебоксаровым и Б. В. Андриановым новейшей классификации хозяйственно-культурных типов² его, очевидно, следует отнести к хозяйственно-культурным типам «полuosедлых и полукочевых скотоводов-земледельцев аридной зоны» и выделить в качестве третьего (помимо равнинного и горного) подтипа этого хозяйственно-культурного типа — дельтовый подтип.

Оживленный обмен мнениями вызвали доклады, посвященные хозяйственным и культурным контактам народов Кавказа как между собой, так и с народами сопредельных областей: Г. А. Сергеевой (Москва) «Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в южном Дагестане», Л. А. Чибирова (Цхинвали) «К вопросу о генезисе земледельческой культуры осетин», Л. З. Кунжевой (Черкесск) «Некоторые вопросы из истории земледелия абазин (XIX — начало XX в.)», Мамое Халит (Дарвешяна) (Ереван) «Особенности годового скотоводческого цикла курдов Закавказья (вторая половина XIX — начало XX в.)», И. Х. Калмыкова (Черкесск) «Из истории скотоводства ногайцев».

О роли народной селекции и этнокультурного традиционализма у народов Дагестана рассказал М. А. Агларов (Махачкала). Он подчеркнул, что причинами «этноаккумуляции» аграрных культур были особенности селекции, а также этнокультурный традиционализм, вытекавший из этнической ситуации в Дагестане и на Кавказе в целом.

Построение программы работы секции не по регионам, а по темам дало возможность сопоставить конкретные материалы по хозяйству народов разных регионов и выявить некоторые аналогии, обусловленные историко-культурными или этническими связями. Большой интерес вызвали доклады В. А. Козьмина (Ленинград) «Оленеводческое хозяйство северной группы хантов и манси», А. Лутса (Тарту) «Соотношение хозяйственных занятий у прибрежного населения Северной Эстонии в 1920—1930-е годы» и В. И. Моркунаса (Вильнюс) «Орудия озерного промыслового рыболовства в Литве в конце XIX — начале XX в.».

На секции были прочитаны доклады, посвященные типологической классификации и методам картографирования материальной культуры в региональных атласах: Н. В. Шлыгина (Москва) «О принципах картографирования построек в историко-этнографическом атласе народов Прибалтики», Г. Г. Саркисян (Ереван) «Принципы картографирования армянских поселений Трапезундского вилайета», А. Н. Пиркулиева (Ашхабад) «Женские головные уборы туркменок Ахальского оазиса в конце XIX — начале XX в.». Дискуссии развернулись вокруг докладов Б. Х. Кармышевой (Москва) «Среднеазиатско-кавказские параллели в традиционных способах приготовления молочных продуктов (на примере приготовления масла)» и А. С. Давыдова (Душанбе) «К типологии среднеазиатских ручных веретен», в которых был использован большой сравнительный материал по народам Средней Азии, Кавказа, Индии и Передней Азии.

М. Н. Шмелева (Москва) в докладе «Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пищи народов СССР» подчеркнула, что сравнительное изучение пищи народов СССР должно проводиться в историческом плане, с учетом исторических корней, функционирующих бытовых форм и явлений. Итогом такого изучения должно стать представление о типологии пищи отдельных народов, о соотношении общих и национально-особенных черт, о сложении межэтнических черт в результате взаимобмена, влияний, заимствований, о роли традиций и новаций, о значении стандартизированной, урбанизированной культуры.

Исследование материальной и духовной культуры, хозяйственных и культурных связей небольших групп населения, оказавшихся в силу исторических обстоятельств в инонациональной среде, нашло отражение в докладах Х. З. Зияева (Ташкент) «Материальная и духовная жизнь узбеков в Сибири (связи с русским и татарским

² Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — «Сов. этнография», 1972, № 2, с. 3—16.

населением)» и А. Н. Жилиной (Москва) «К вопросу о хозяйственных и культурных связях узбеков и казахов Южного Казахстана в конце XIX в. (на примере Сузака)».

Участники секции высказались за установление в дальнейшем более тесных деловых контактов между научными коллективами и усилении координации в их работе.

На двух заседаниях секции «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни» (куратор В. Н. Басилов, Москва) присутствовало около 40 человек, было заслушано 19 докладов.

Подавляющее большинство докладов было посвящено этнографическому изучению традиционных верований у народов СССР. Об основных чертах древнеармянской мифологии рассказал С. Б. Арутюнян (Ереван). Пережиткам обрядов вызывания дождя у амшенских армян был посвящен доклад А. А. Погосяна (Ереван). Связь культа христианских святых с ритуалами «изменения погоды» рассмотрел И. Сургуладзе (Тбилиси). Оживленная дискуссия развернулась вокруг доклада Ш. Д. Инал-Ипа (Сухуми) «Из скотоводческого культа абхазов (Алышкынтыр)», посвященного образу божества собак древнеабхазской мифологии, воспоминания о котором все еще удерживаются в фольклоре абхазского народа, а его ареал, возможно, совпадает с территорией расселения древнеабхазского этноса.

Для решения проблемы периодизации святилищ Ингушетии В. П. Кобычев (Москва) привлек сравнительный материал по горной Дигории. Л. Х. Акаба (Сухуми) проанализировал представления абхазов о счастье и удаче (о несчастье и неудаче), зародившиеся в древности на основе охотничьего хозяйства и получившие развитие на стадии скотоводческого и земледельческого хозяйств.

В выступлении Е. К. Аджинджала (Сухуми) была сделана попытка выявления следов религиозного синкретизма у абхазов. Об одном из важных новогодних традиционных обычаев грузин «меквлеоба» — ритуале поздравления с новым годом — сообщалось в докладе Н. А. Брегадзе (Тбилиси). О бусах-оберегах от «сглаза» у армян рассказала А. Р. Израелян (Ереван). Некоторым вопросам изучения древних верований народов Сибири был посвящен доклад Г. И. Пелих (Новосибирск), основанный на полевых материалах автора. Значительное внимание в нем было уделено ритуальным предметам, связанным с шаманским культом. З. Р. Хубецова (Орджоникидзе) прочитала доклад «Фразеологизмы, отображающие религиозные верования осетин».

Н. А. Алексеев (Якутск) на основе изучения материалов по религиозным верованиям тюркоязычных народов Сибири пришел к выводу о древности родственных и культурных связей этих народов. О результатах обследования погребений кольских саамов рассказала Т. В. Лукьянченко (Москва). Она отметила, что дальнейшее исследование похоронного обряда саамов может способствовать решению проблемы их этногенеза.

Четыре доклада, основанных на новых полевых материалах авторов, были посвящены среднеазиатскому региону: М. А. Хамиджанова (Душанбе) «Пережитки архаических похоронных обрядов у таджиков долины Зеравшана», К. Тайжанов, Х. Исмаилов (Ташкент) — «Хилват — суфийский обряд у узбеков Южного Казахстана (конец XIX — начало XX в.)», Н. Б. Немцева (Ташкент) — «Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинда», И. Мухиддинов (Душанбе) — «Религиозные верования, связанные с жилищем у памирских таджиков».

Большой интерес вызвали доклады, в которых освещались современные формы отхода населения СССР от религии. На материале этносоциологического обследования в Ереване был основан доклад К. С. Ханаян (Ереван) «Некоторые особенности пережиточных форм религиозных праздников в современном городском быту армян». Г. А. Носова (Москва) в докладе «Этнографический аспект изучения обряда крещения» отметила, что в настоящее время этот обряд утратил большинство обрядовых черт, а также религиозное содержание, что создает основу для полной трансформации крестин в безрелигиозный семейный праздник.

В ходе обсуждения докладов была отмечена большая значимость для науки новых этнографических материалов по исследуемой проблематике, тем более что традиционные верования в настоящее время быстро отмирают и фиксировать их этнографическим путем скоро будет невозможно. Внимание участников секции было обращено также

на важность широкого привлечения сравнительных материалов как по соседним, так и отдаленным народам для более углубленного анализа изучаемых явлений.

Шестая секция ввиду разнообразия тематики и большого числа докладов была разделена на три подсекции: «Фольклор», «Народная музыка и танцы», «Прикладное искусство».

На трех заседаниях подсекции «Фольклор» (куратор В. К. Соколова, Москва) присутствовало около 30 человек, было заслушано 18 докладов. Доклады, поставленные на первых двух заседаниях, были основаны на материалах, собранных экспедициями последних лет, и касались различных проблем современного фольклора, его роли и значения в культуре советского народа, а также методики его собирания и изучения.

На украинском материале были построены доклады В. А. Юзвенко (Киев) и Н. С. Шумады (Киев). Дав общую характеристику жанровой специфики современного фольклора, В. А. Юзвенко подчеркнула, что диалектика традиции и новации — сложный процесс, обусловленный особенностями связи разных жанров с действительностью. Н. С. Шумада охарактеризовала некоторые особенности современного фольклора и его место в культуре села.

В. П. Кругляшова (Свердловск) проанализировала современный фольклор рабочих Свердловска, Алапаевска и Каменец-Уральска, методику его собирания и изучения. Э. Э. Лийв (Тарту) посвятила доклад современному эстонскому детскому фольклору.

Б. Шермухамедов (Душанбе) охарактеризовал современное состояние песенного фольклора в Таджикистане. По наблюдениям докладчика, в селах республики традиционные песни еще живут достаточно активно, в городах же их почти не помнят. Р. А. Григорян (Ереван), основываясь на материалах, собранных в районах Севанского бассейна, отметила значительные различия в репертуаре разных поколений. К. П. Кабашников (Минск) доложил о современном состоянии белорусского календарного фольклора.

О состоянии фольклора и специфике его развития у этнических групп, находившихся в особых условиях — исторических, социальных, географических, говорилось в докладах Б. Н. Путилова (Ленинград) «Функционально-бытовые связи песенных жанров сванского фольклора» и В. Г. Свазлян (Ереван) «О диахронии и синхронии в мусалерском фольклоре». Т. А. Геворкян (Ереван) охарактеризовала своеобразные анекдоты этнографического района Армении — Лори.

Е. С. Сидорова (Чебоксары) рассказала о сохранившихся еще кое-где остатках чувашских весенних хороводов, имевших первоначально очистительную функцию.

Проблему изучения этнических функций и этнокультурных связей фольклора в теоретическом плане рассмотрела Э. В. Померанцева (Москва) в докладе «Этнические функции устной прозы народов Поволжья». По мнению автора, при изучении взаимодействия фольклора соседствующих народов необходимо учитывать разнообразие его функций, их постоянную динамику и трансформацию. В зависимости от разной исторической ситуации этнические функции фольклора могут быть доминантными или подчиненными и играть роль как положительную (объединяющую), так и отрицательную (разъединяющую).

Н. А. Акопян и С. А. Саакян (Ереван), рассказывая о результатах многолетних фольклорных экспедиций Ереванского университета, остановились на методике проведения студенческих экспедиций и на приемах обработки и изучения собранных материалов.

Живую дискуссию вызвал доклад И. Г. Левина (Ленинград), рассказавшего о разработанной им и применяемой сейчас в Армении системе документации материалов по этнографии и фольклору. Учитывая настоятельную потребность приведения в порядок архивных фондов и создания унифицированной системы обработки и каталогизации этнографических и фольклорных материалов, секция обратила внимание на необходимость созвать специальное совещание по этому вопросу.

На третьем заседании подсекции обсуждались проблемы изучения традиционного фольклора. Большой методологический интерес представил доклад Л. И. Лаврова (Ленинград) «Ранние памятники северокавказского фольклора». А. М. Назинян (Ереван) остановился на вопросе о соотношении армянских средневековых литератур-

ных и народных басен и методике их изучения. С. А. Гуллакян (Ереван) рассказала о методике составления «Указателя мотивов армянских волшебных сказок». Историографическая проблема была затронута в докладе В. А. Маланчук (Киев) «Социально-этнографические аспекты прозы Ивана Франко».

На трех заседаниях подсекции «Народная музыка и танцы» (куратор М. Я. Жорницкая, Москва) присутствовало 20 человек, заслушано 17 докладов. Девять из них были посвящены народной музыке и народным музыкальным инструментам. Н. М. Майсурадзе (Тбилиси) проанализировала в ретроспективном плане хорошие песни горцев Восточной Грузии. М. И. Шилакадзе (Тбилиси), характеризует грузинский народный смычковый инструмент «чунири», пришла к выводу о северокавказском ареале его распространения. Б. Я. Котляров (Кишинев) рассказал о времени возникновения народных молдавских оркестров — *тарафов*, о составе и репертуаре их в конце XIX — XX в. И. В. Тынурист (Таллин) в докладе «Традиционный музыкальный фольклор и современная культура советской Эстонии» подчеркнул, что в музыкальную культуру Эстонии вновь входит древняя руническая песня.

Об армянских рождественских колядках светского содержания говорилось в докладе М. Манукяна (Ереван). В выступлении музыковеда М. А. Брутян (Ереван) была затронута актуальная тема стабильности и мобильности в армянском музыкальном фольклоре. Р. А. Атаян (Ереван) рассмотрел элементы многоголосия в армянской народной музыке, А. В. Элоян (Ереван) — музыкальный фольклор Хотрджура, С. К. Кочарян (Ереван) — музыкальные инструменты Армении.

Народным танцам, проблемам традиционной и современной народной хореографии были посвящены пять докладов. Ж. К. Хачатрян (Ереван) в докладе «Принципы классификации армянских народных плясок» выявила специфику национальной формы дошедшего до наших дней танцевального наследия армян. Выступление Э. Х. Петросян (Ереван) было посвящено исследованию роли сюжетных танцев в фольклоре армян. М. Я. Жорницкая в докладе «Применение метода записи движений (кинемографии) для изучения традиционных танцев» указала на важность овладения исследователем народного хореографического искусства таким совершенным методом фиксации движений, как кинетография Србуи Лисициан. И. Г. Горлина (Москва) на основе имеющейся литературы попыталась выявить истоки хорезмийского танца «Лязги» и проследить его современное состояние. Традиционные игры и развлечения узбеков, отражающие быт скотоводов конца XIX — начала XX в., осветил К. Ш. Шаниязов (Ташкент).

Два доклада были посвящены народному театру. Г. И. Спатару (Кишинев) рассказал о проблемах теории и практики молдавской народной драматургии, Э. А. Рикман (Москва) привел описание двух зафиксированных в 1976 г. в одном из молдавских сел новогодних народных спектаклей — «Лошадка» и «Арнауты».

А. Ю. Петерсон (Тарту) поделился своими соображениями о принципах съемки этнографических фильмов.

Участники подсекции высказали пожелания шире использовать методику фиксации народного танца С. Лисициан, уделять больше внимания изучению народных игр, чаще публиковать материалы по народному музыкальному, хореографическому и театральному искусству.

На подсекции «Прикладное искусство» (куратор Т. В. Станюкович, Ленинград) присутствовало 12 человек, было заслушано 6 докладов.

Анализу символики зигзагообразных фигур в петроглифах внутренних районов Кызылкумов был посвящен доклад А. В. Оськина (Москва), проиллюстрированный фотографиями и цветными диапозитивами. По мнению автора, эти композиции могли являться в прошлом пиктографическими знаками.

Два доклада были посвящены коврам: В. Ш. Татикян (Ереван) «К вопросу о сравнительно-типологической классификации ковров Восточной Армении» и И. Ц. Авакян (Ереван) «Об армянских коврах-драконах (*вишанагоргах*)».

Об армянских семейных медалях, появившихся во второй половине XVII в., и их символике рассказал Г. В. Саркисян (Ереван). Он подчеркнул, что эти медали позволяют раскрыть многие стороны быта, обычаев, а также связи армян Армении и армян переселенческих очагов. В. А. Чарыгадзе (Баку) рассказал о развитии шелководства в Азербайджане, С. М. Махкамова (Ташкент) — о древнейшем ис-

кустве шелкоткачества на территории Средней Азии — изготовлении абровых тканей, производство которых сохраняется до наших дней, о назначении этих тканей и об основных орнаментальных мотивах, стилистически близких к согдийским шелкам.

Заседания подсекции прошли в оживленной дискуссии. Основной проблемой, вокруг которой она велась, была типология народного изобразительного искусства. Было высказано пожелание разработать единую программу для сбора материала и картографирования отдельных видов народного искусства и технических особенностей каждого из них.

Подводя итоги работы сессии, Ю. В. Бромлей отметил значительно возросший научный уровень большинства докладов, тематика которых свидетельствует о широком диапазоне исследуемых проблем — от этногенеза до современного и даже в какой-то степени и будущего образа жизни. Примечательно, подчеркнул он, что если раньше приходилось призывать этнографов усилить внимание к исследованию проблем современности, то теперь об этом уже не надо напоминать, так как повсюду наблюдается значительное расширение работ, связанных с этой проблематикой. Происходит также процесс сближения этнографических и социологических методов исследования, долгое время противопоставлявшихся друг другу. В этом плане особенно важна разработка общих методик, чтобы исследования современности велись по единой программе.

По-прежнему значителен интерес этнографов к изучению разных компонентов традиционной культуры, но на данной сессии, как отметил Ю. В. Бромлей, новым было усиление внимания к сравнительно-типологическому подходу к их изучению. Было также подчеркнуто, что важной задачей, стоящей перед этнографами, является фиксация уходящей традиционной культуры. В этом отношении за последнее время наблюдаются существенные сдвиги. Так, в стране все больше создается этнографических музеев, этнопарков, в частности сейчас организуется этнографический музей в Армении. В заключение Ю. В. Бромлей подчеркнул, что для плодотворного решения научных задач необходимо междисциплинарное сотрудничество разных специалистов — этнографов, антропологов, фольклористов.

Во время работы сессии состоялся просмотр концерта фольклорных коллективов Армении под художественным руководством научных сотрудников Института археологии и этнографии АН Армянской ССР Э. Х. Петросян и Ж. К. Хачатрян, а также двух этнографических фильмов, снятых в Армении и Эстонии. 22 апреля были проведены экскурсии, во время которых участники сессии смогли ознакомиться с некоторыми историческими памятниками Армении — храмами Гарни (I в.), Эчмиадзин (IV в.) и Звартноц (VII в.).

А. Н. Жилина, А. Е. Тер-Саркисянц

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ»

10—11 октября 1977 г. в Смоляне (НРБ) состоялся международный симпозиум «Этнографические аспекты социалистического образа жизни». Он был организован по инициативе Болгарской Академии наук.

Изучение социалистического образа жизни в последние годы активно ведется в социалистических странах: организуются специальные исследования, выпускаются книги и статьи, проводятся конференции. Симпозиум в Смоляне был первой международной встречей, специально посвященной этнографическим аспектам социалистического образа жизни. В ней, кроме болгарских этнографов, приняли участие 16 ученых из ВНР, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ, ЧССР.

На симпозиуме состоялись три пленарных и шесть секционных заседаний, на которые было представлено 28 докладов.

Первое пленарное заседание открылось докладом В. Хаджиниколова (НРБ) «Социалистический образ жизни и некоторые этнографические проблемы». Затем с докладами выступили: Ю. В. Арутюнян (СССР) — «Национальное многообразие советского образа жизни»; А. Робек (ЧССР) — «Роль традиций в быту и культуре со-

циалистического общества»; Т. Бодроги (ВНР) — «Изучение социалистического быта в Венгрии»; М. Бернацка (ПНР) — «Традиции в жизни современного польского села»; Б. Филова (ЧССР) — «Роль и место традиций в современной социалистической семье (этнографические аспекты)»; Л. М. Дробижева (СССР) — «Интернационализация образа жизни советских народов»; П. Влахович (СФРЮ) — «Свадьба в современных условиях на территории Сербии». На пленарном заседании были также зачитаны тезисы доклада К. В. Чистова (СССР) — «Этнические аспекты изучения современной духовной культуры».

Изучение образа жизни, с одной стороны, является новой темой для ученых, в том числе и для этнографов, поскольку оно предполагает комплексное рассмотрение всех основных сторон жизнедеятельности людей — труда, быта, общественно-политической деятельности, досуга. С другой стороны, многие аспекты образа жизни издавна изучаются этнографами: прежде всего быт, различные явления материальной и духовной культуры. Это нашло свое отражение в докладах. Одни авторы — В. Хаджиниколов, К. В. Чистов, Б. Филова — концентрировали свое внимание на теоретических и методологических вопросах исследования образа жизни и его конкретных сфер, главным образом на предмете и задачах их изучения. Другие сделали попытку обобщить уже накопленный опыт изучения этнографами отдельных стран образа жизни — быта, культуры, связывая их с единым понятием «социалистический образ жизни». Это в первую очередь относится к докладам А. Робека, Т. Бодроги, М. Бернацкой, П. Влаховича. Доклады Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой были посвящены проблеме общего и национально-особенного в образе жизни советских народов. В них на материалах этносоциологического обследования анализировалось соотношение интернациональных и национально-специфических элементов в главных сферах жизнедеятельности — труде, быту, культуре и т. д. В русле этих трех направлений шло и обсуждение проблем на секциях.

На секции «Теоретические и методологические проблемы этнографического исследования социалистического образа жизни» с докладами выступили: Р. Пешева (НРБ) — «Семья и социалистический образ жизни»; М. Шаркань (ВНР) — «Изменения в образе жизни и материальном благосостоянии венгерского села после второй мировой войны»; К. Подолакова (ЧССР) — «Социалистический образ жизни и условия его формирования»; Л. Макавелева (НРБ) — «Преодоление религиозных пережитков в процессе формирования социалистического образа жизни (на примере Смолянского округа)»; Я. Ройдева (НРБ) — «Социалистический образ жизни и современная семейная обрядность (по материалам Габровского округа)»; Н. Мизов (НРБ) — «Этнорелигiovедческие проблемы в изучении социалистического образа жизни»; И. Минков (НРБ) — «Наиболее актуальные проблемы этнографии в социалистическом обществе»; А. Пранда (ЧССР) — «Формирование системы ценностных ориентаций в современном селе»; Б. Тумангелов (НРБ) — «Этнографические аспекты системно-структурного подхода при исследовании социалистического образа жизни»; Ф. Форстер (ГДР) — «Особенности образа жизни у сельских промышленных рабочих в национальной области лужицких сербов».

На секции «Традиции и современность» с докладами выступили: В. Фролец (ЧССР) — «Традиции народной культуры в жизни социалистического общества»; Д. Ковачева и Д. Митев (НРБ) — «Этносоциопсихологические проблемы утверждения социалистического образа жизни и атеизм (по материалам Русенского округа)»; Н. Колев (НРБ) — «Сельский сход в быту болгарского народа»; Н. Велчева (НРБ) — «Этнографические аспекты формирования социалистического образа жизни у рабочих (по материалам Врачанского округа)»; В. Маринов (НРБ) — «Изменения в сельском быту болгарского населения и социалистический образ жизни»; Г. Вайсиров (НРБ) — «Общественное празднование юбилеев супружества — форма, рожденная социалистическим образом жизни»; Л. Ботушаров (НРБ) — «Интернационализация в современной праздничной системе»; Г. Симеонова (НРБ) — «Изменения в традиционных календарных праздниках под влиянием социалистического образа жизни». При обсуждении докладов на пленарных и секционных заседаниях выступили М. Каспер, У. Морманн и Б. Вайсель (ГДР), И. Коев, М. Велева и С. Генчев (НРБ) и др. Большое внимание во всех выступлениях было уделено изменениям в социально-экономических условиях жизни, оказавшим существенное воздействие на культурно-бытовую сферу. Выступления, естественно, отражали состояние изучения обсуждаемых проблем в странах, которые представляли докладчики. Сельская тематика была отражена несколько шире, чем городская. Ряд выступлений был посвящен попыткам проиллюстрировать образ жизни людей через семью (Р. Пешева, Я. Ройдева, Г. Вайсиров и др.).

В симпозиуме отразились и такие характерные для современного этапа развития этнографической науки в социалистических странах тенденции, как углубленное внимание к теоретико-методологическим вопросам (доклады В. Хаджиниколова, Р. Тумангелова, К. В. Чистова, К. Подолаковой, И. Минкова, Р. Фролец и др.); актуализация этнографической науки, ее все более тесная связь с практическими задачами социалистического строительства (доклады Ю. В. Арутюняна, Д. Ковачевой и Д. Митева, Н. Велчевой, Г. Вайсирова, Л. М. Дробижевой); обращение к социально-психологической тематике (А. Пранда и др.). Интерес участников симпозиума вызвал вопрос о понятиях «социалистический образ жизни» и «образ жизни при социализме», поставленный в докладе К. Подолаковой.

Симпозиум, особенно работа секций, продемонстрировал, что этнографическое изучение образа жизни не может и не должно превратиться в простое механическое соединение тем, изучавшихся ранее, оно требует и нового методологического осмысления исследовательских проблем и специального комплексного изучения всех сторон жизнедеятельности людей в их взаимодействии и тесной связи с социально-экономическими условиями. На это, в частности, обратил внимание в своем заключительном слове В. Хаджиниколов при закрытии симпозиума.

Во время симпозиума проходило второе заседание Международного комитета по этнографическому изучению современности. На нем был заслушан отчет о деятельности комитета, подготовленный Д. Тодоровым (НРБ), и обсуждены некоторые организационные вопросы. Утверждена редакционная комиссия для издания Информационно-реферативного бюллетеня. В нем будут публиковаться библиография по этнографическому изучению современности и краткая информация об исследованиях, ведущихся в этой области в каждой из стран-участниц. Обсуждались также предстоящие международные встречи по изучению современности и возможность координации программ исследования.

Л. М. Дробужева

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ И КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В 1977 г. в рамках Комиссии по советско-американскому сотрудничеству в области гуманитарных наук начала работу советско-американская группа по сотрудничеству в области этнографии. Для совместных исследований была избрана проблема «Взаимодействие культур народов мира», и, в частности, две темы: «Комплексное медико-биологическое и социо-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенным процентом долгожительства» и «Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки (к вопросу о происхождении индейцев)».

В настоящем сообщении мы коснемся только второй из названных тем¹. Эта тема имеет большое теоретико-познавательное значение и интересует не только специалистов, но и широкую научную общественность. Анализ различных схождений в области этнографии, антропологии, археологии, лингвистики, фольклористики и истории должен пролить свет на древние генетические и культурные связи народов обоих континентов, в особенности на древнюю историю Берингоморья и прилегающих областей.

Исследование этой темы представляется особенно актуальным в связи с новыми большими археологическими открытиями, свидетельствующими о значительных миграционных потоках из Северной Азии в Америку.

Началом совместных работ в этой области следует считать советско-американский симпозиум под названием «Население Нового Света», состоявшийся 4—5 октября 1977 года в Вашингтоне. В нем участвовала группа советских специалистов: академик Ю. В. Бромлей (руководитель делегации), И. С. Гурвич (председатель советской рабочей группы по сотрудничеству), В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, Б. П. Шалимов.

Председательствовал на симпозиуме профессор А. Уоллес (Пенсильванский ун-т), крупный американский специалист по культуре индейцев. Было представлено девять докладов — четыре советских и пять американских.

Симпозиум начался с рассмотрения общих вопросов, касающихся предмета и основных задач этнографии и культур-социоантропологии. Этим темам были посвящены доклады Ю. В. Бромлея «Предмет и основные направления в изучении культуры в советской этнографии» и У. Гуденафа (Пенсильванский ун-т) «Краткий обзор задач культурной антропологии в Соединенных Штатах».

В докладе Ю. В. Бромлея обрисованы основные направления этнографических исследований в советской этнографической школе, очерчены объект, предмет и концептуальный аппарат этнографии так, как это понимается большинством советских ученых, и показано в то же время, что в советской этнографии имеются и дискуссии, и различные мнения по ряду конкретных проблем этнографии. Особое внимание как в докладе, так и в ходе последовавшей за ним дискуссии было уделено обоснованию понимания советскими учеными предмета этнографии, а также вопросу о соотношении их трактовки задач этнографии с представлениями американских ученых о профиле культур-социоантропологии.

¹ Об исследованиях по теме «Комплексное медико-биологическое и социо-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенным процентом долгожительства» редакция предполагает дать специальную информацию.

В докладе У. Гуденафа была сделана попытка осмыслить предмет исследования культурной, преимущественно социальной антропологии. У. Гуденаф разобрал в своем докладе понятия престижа, влияния распределения прав и обязанностей на поведение индивида и на взаимоотношения между индивидами в отдельных обществах. В докладе содержался ряд весьма спорных положений. В частности, докладчик выдвинул тезис о том, что по мере развития экономики и расширения экономических возможностей человек попадает во все большую зависимость от общества. На это, как и на ряд других спорных положений доклада, обратили внимание советские участники симпозиума.

При рассмотрении конкретных вопросов сравнительного изучения аборигенного населения Сибири и Северной Америки первыми были заслушаны доклады антропологов.

В. П. Алексеев выступил с докладом «Генетическая структура азиатских эскимосов и береговых чукчей в сравнении с эскимосами Аляски». Он коснулся ряда общих вопросов вычисления генетических дистанций в применении к различным группам аборигенного населения Азиатской и Американской Арктики. Эти данные указывают на большее или меньшее родство таких популяций, на относительное время их расхождения и обособления и, таким образом, позволяют пролить свет на проблемы их этногенеза и хода заселения Американской Арктики.

В докладе одного из ведущих североамериканских антропологов — У. Лафлина (Ун-т штата Коннектикут) основной упор был сделан на палеодемографические проблемы, в частности, на новую методику определения возраста по костяку, и на полученные по этой методике данные о средней продолжительности жизни древних популяций американского Севера. Сравнение этих данных, по мысли докладчика, позволяет определить, какие из этих популяций находились в относительно благоприятных условиях существования, были способны к расширенному самовоспроизводству, и, соответственно, к широкому расселению, какие, наоборот, деградировали вследствие особо тяжелых условий жизни, показывали особо высокий процент ряда специфических патологических отклонений и были поставлены в условия вымирания. Докладчик подчеркнул необходимость проведения унифицированных по методике обследований по всем имеющимся костным останкам арктических древних популяций, происходящих как из Америки, так и из Азии. Такие обследования имели бы определенное значение для решения проблем заселения человеком арктических территорий Азии и Америки и для другой проблемы, по которой на данном этапе предусмотрена координация усилий советских и американских специалистов-антропологов — проблемы изучения факторов долговечности.

С. А. Арутюнов выступил с докладом «Проблемы сравнительного изучения арктических приморских культур по данным археологии», основанным главным образом на материалах археологических исследований на Чукотке. Им было подчеркнуто, что благоприятные и неблагоприятные условия для жизни арктических популяций могли варьировать не только в пространстве, но и во времени, в связи с периодическими колебаниями климата и соответствующими изменениями в характере и количестве природных ресурсов. Пики ресурсно-климатического оптимума, чередовавшиеся со спадами, могли, по его мнению, не только и не столько отражаться на биологических и демографических характеристиках соответствующих популяций, сколько проявляться и в относительном расцвете или упадке их материальной или духовной культуры, и в большей или меньшей сложности их социальной организации.

В докладе этнографа из США Д. Андерсона (Браунский ун-т) «Развитие эскимосской культуры в свете современных археологических данных» рассматривались соотношение поздних археологических культур крайнего Севера Америки и возможности их интерпретации как показателей формирования эскимосской культурной традиции.

И. С. Гурвич выступил с докладом «Этнографическое изучение культурных параллелей между коренным населением Северной Азии и Северной Америки». В докладе было показано, какие этнографические особенности культуры коренных народов Севера Азии и Америки могут быть использованы для реконструкции возможных генетических связей между ними, а также взаимных культурных влияний.

Сообщение Э. Берча (Виннипег) «Этнография Северной Америки — обзор новейших исследований» содержало обстоятельную характеристику новейших открытий, достижений, особенностей и основных направлений исследований в современной американской науке в области этнографии индейцев и эскимосов Северной Америки. Доклад известного археолога США Р. Мак-Ниша (фонд Пибоди для археологических исследований, Кембридж) «Ранние люди в Новом Свете» был посвящен проблемам палеолита и древнейшего заселения Америки в целом.

Таким образом, на симпозиуме состоялся обмен обширной информацией по антропологическим, этнографическим и археологическим аспектам проблемы. Вместе с тем в ходе симпозиума выявилась настоятельная необходимость привлечения данных лингвистики и исторических источников.

В целом симпозиум послужил хорошим основанием для определения ближайших конкретных форм дальнейшего сотрудничества советских и американских ученых по сравнительному изучению аборигенного населения Сибири и Северной Америки.

На заседании советско-американской рабочей группы было рекомендовано провести очередной симпозиум по проблеме в мае 1979 г. в Ленинграде — Москве. Было выражено пожелание, чтобы симпозиуму предшествовало предварительное ознакомление американских специалистов с соответствующими этнографическими, археологическими и антропологическими материалами в СССР.

После симпозиума советская рабочая группа имела возможность ознакомиться с антропологическими, этнографическими и археологическими фондами музеев Вашингтона, Чикаго, Нью-Йорка. В Смитсоновском музее естественной истории (Вашингтон) советским специалистам были продемонстрированы способы учета, хранения и консервации музейных коллекций. В свете изучаемой проблемы значительный интерес представляют краниологические серии по эскимосам и алеутам и археологические материалы по эскимосам, а также некоторые материалы по одежде коренных народов Сибири из сборов В. Г. Богораза. Следует особо отметить предоставленную В. П. Алексееву возможность исследовать в Смитсоновском музее, а также в музее Филда (Чикаго) обширные материалы по краниологии североамериканских индейцев. В Нью-Йорке в Музее естественной истории делегация подробно ознакомилась с отделом, посвященным культуре аляскинских и канадских эскимосов и индейцев, а также с подготовляемым к открытию отделом коренных народов Сибири. Следует особо отметить коллекции этого отдела, собранные русскими участниками Джексоновой тихоокеанской экспедиции этого музея В. Г. Богоразом и В. И. Ихельсоном. В них имеется много уникальных экспонатов XIX в., например, погребальные кушанки коряков. Материалы этих коллекций лишь частично использованы самими собирателями в своих трудах, большая часть их не опубликована. В Канзасском университете были осмотрены вспомогательные музеи. С. А. Арутюнов и В. П. Алексеев посетили также музей Гарвардского университета (Кембридж). В ходе поездки делегация ознакомилась с рядом работ американских специалистов, в том числе с исследовательской методикой в области антропологии.

В июне 1978 г. по приглашению Президиума АН СССР в Москву прибыла группа специалистов из США: Д. Ван-Стоун (руководитель делегации), Д. Андерсон, Э. Берч, В. Лафлин и Г. Майкл. Цель встречи — обсуждение программы второго симпозиума и знакомство с направлением работ советских ученых в области исследуемой проблемы.

Совещание смешанной советско-американской рабочей группы открыл академик Ю. В. Бромлей, отметивший в своем вступительном слове успехи в разработке проблемы древних культурных связей между населением Северной Азии и Северной Америки, а также желательность расширения тематики исследований в этой области и необходимость привлечения к работе специалистов по смежным дисциплинам.

На заседаниях группы был заслушан ряд сообщений советских археологов, антропологов, лингвистов, этнографов и историков. С. А. Арутюнов и М. А. Членов (Ин-т этнографии, Москва) в своем сообщении «Об эскимосских археологических культурах Северной Азии и Северной Америки» рассказали о недавно открытых древних культовых сооружениях азиатских эскимосов и их аналогах в Северной Америке.

Е. А. Окладникова (Ин-т этнографии, Ленинград) сделала сообщение «Социальная организация индейцев северо-западной Америки и ее влияние на наскальную живопись (Некоторые вопросы связи петроглифов Северной Азии и Северной Америки)». Докладчица сопоставила маски населения Северо-Запада Америки с наскальными изображениями, открытыми в Сибири и в Северной Америке. Это позволило ей высказать предположение о распространении в этих областях в древности мужских союзов.

Лингвистические вопросы касались сообщения И. Ш. Козинского (Ин-т славяноведения и балканистики, Москва) «Структура предложений в языках Старого и Нового Света» и И. И. Пейрота (Ин-т Дальнего Востока, Москва). «Проблема сравнительно-исторического изучения языков азиатских эскимосов».

В. П. Алексеев (Ин-т этнографии, Москва) выступил с сообщением «Соматология алеутов. Азиатские и американские связи». Он показал, что на основании изучения морфологических признаков алеутов можно заключить о наличии в их составе древней примеси восточноазиатского происхождения. Эти данные хорошо согласуются с археологическими и антропологическими исследованиями, свидетельствующими о южных связях алеутов. И. М. Золотарева (Ин-т этнографии, Москва) в своем сообщении остановилась на юагирско-самодийских антропологических связях и проблеме заселения Берингоморья. Она отметила известную близость между нганасанами и юагирами, свидетельствующую о том, что эти народности сложились на основе какого-то единого древнего этнического пласта, возможно, оказавшего влияние и на население Берингии.

С информацией о популяционно-генетическом исследовании нганасан, энецов и оленых чукчей в связи с проблемой эволюции человека в Арктике выступил Р. И. Сукерник (СО Академии мед. наук, Новосибирск).

В сообщении Е. М. Мелетинского (Ин-т мировой литературы, Москва) «Палеоазиатский вороний эпос и проблема взаимодействия Северной Азии и Северной Америки в области фольклора» было показано, что только на Камчатке, Чукотке и Аляске ворон выступает в качестве культурного героя-демиурга, и отмечена особая близость вороньих мифов чукчей и наденязычных индейских племен. Сравнительный анализ вороньего эпоса привел автора к заключению, что этот жанр фольклора возник в Сибири в эпоху, предшествующую переходу эскоалеутских племен в Америку.

Л. А. Файнберг (Ин-т этнографии, Москва) в своем сообщении «Связи самодийцев и эскимосов по данным материальной культуры», указав на соответствия приемов охоты, форм одежды и обуви, украшений у нганасан и энецов с одной стороны и эскимосов с другой, отметил, что при исследовании эскимосской проблемы необходимо учитывать древнесибирские континентальные связи.

Р. В. Кинжалов (Ин-т этнографии, Ленинград) коснулся некоторых соответствий в культуре североамериканского коренного населения и населения азиатского Се-

вера. Он подчеркнул важность сравнительного изучения календарных циклов населения Северной Азии и Северной Америки и обрядов, связанных с охотой на медведя.

Сообщение «Материалы о коренном населении Америки в русских источниках XIX в.» сделала С. Г. Федорова (Ин-т этнографии, Москва). Она рассказала о подготовке к публикации записок Кирилла Хлебникова, правителя главной конторы Российской-Американской компании, и показала значимость документов о населении Северной Америки, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Перми и Тарту. Источниково-ведческой тематике было посвящено и сообщение Д. Д. Тумаркина (Ин-т этнографии, Москва) «Значение русских архивных материалов для изучения этно-культурных связей на Гавайях».

В сообщении И. С. Гурвича (Ин-т этнографии, Москва) «Некоторые методические вопросы изучения древних связей между населением Северной Америки и Северной Азии» содержались данные о результатах сравнительного исследования культурных явлений, о характере древних миграций и культурного обмена в Северной Азии и прилегающих областях Северной Америки.

В обсуждении сообщений принял участие академики Ю. В. Бромлей, А. П. Окладников, члены американской рабочей группы, а также советские участники совещания. Отмечались положительное значение комплексного подхода к изучению историко-типологических параллелей в традиционной культуре коренных народов Северной Азии и Северной Америки, результативность сравнительных исследований, желательность публикации русских источников о коренном населении Северной Америки и Гавайских островов. Совещание способствовало уяснению взглядов по обсуждаемым вопросам.

Рабочая группа по сотрудничеству в области этнографии приняла решение опубликовать доложенные сообщения и наметила программу предстоящего советско-американского симпозиума.

Американская делегация ознакомилась с рядом музеев Москвы и Ленинграда.

И. С. Гурвич

ОТЧЕТНО-ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ СЕССИИ ВСЕСОЮЗНОЙ КОМИССИИ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР

Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству (ВКНМТ) была создана при Союзе композиторов СССР в 1972 г. для координации работы музыковедов-фольклористов страны. Среди различных форм деятельности комиссии (организация семинаров для молодых музыковедов-фольклористов, консультации, тематические конференции и дискуссии, просмотры и обсуждения этнографических фильмов, концерты-показы народной музыки и т. д.) одно из центральных мест заняли ежегодные отчетно-экспедиционные сессии.

Их начали регулярно проводить с 1974 г., когда во время пленарного заседания ВКНМТ в Алма-Ате прозвучали развернутые сообщения музыковедов-фольклористов и композиторов Средней Азии, Казахстана, республик Закавказья, а также Молдавии, Литвы, Эстонии. Уже эта сессия показала, что непосредственное знакомство с реальным уровнем собирательской работы не только позволяет по-деловому обсудить имеющиеся в различных республиках достижения и трудности, но и способствует более глубокому обмену опытом, дает возможность музыковедам — специалистам по различным национальным музыкальным культурам — расширить свой кругозор, познакомиться с новыми, только что полученными материалами.

Собранные образцы музыкального фольклора используются не только для научно-теоретических исследований, но и для его популяризации, подготовки антологий и сборников, создания грампластинок и других форм пропаганды. Поэтому к отчетно-экспедиционным сессиям ВКНМТ обычно приурочиваются фольклорно-этнографические концерты, в которых принимают участие народные исполнители, выявленные во время полевых обследований. Такие концерты-показы позволяют широкой музыкальной общественности получить наглядное представление о современном состоянии фольклора в различных уголках страны и одновременно дают возможность музыковедам-фольклористам, собравшимся на сессию, иллюстрировать свои отчеты живым исполнением народной музыки. Тесные творческие контакты, которые возникают при этом между народными исполнителями и учеными, также способствуют более глубокому и непосредственному знакомству с тонкостями той или иной музыкальной культуры, той или иной исполнительской техникой.

Сессия, проходившая в 1975 г. в Москве, была уже всесоюзной. Более 60 фольклористов собрались в столице, чтобы рассказать о результатах только что закончившегося полевого сезона. Было заслушано 28 докладов по актуальным этномузыковедческим проблемам, в том числе таким, как бытование песенного и инструментального фольклора в современных условиях, методика комплексных экспедиций, их техническое оснащение и т. д.

Сессия показала, что среди различных учреждений, ведущих регулярную собира-

тельскую работу, особая роль принадлежит кабинетам народной музыки, существующим в ряде музыкальных учебных заведений. Студенческие фольклорные экспедиции, планомерно проводимые ими, несут не только учебный характер, но и связаны с исследовательской работой начинающих фольклористов. Собранные материалы вводятся в учебные курсы, на их основе пишутся курсовые и дипломные работы. Все это способствует успешной подготовке профессиональных музыковедов-фольклористов.

Особое внимание на сессии было уделено отчетам, в которых большое место занимали вопросы методики собирательской деятельности. Живой интерес собравшихся вызвали доклады В. Е. Гусева (Ленинград) «Методика комплексных экспедиций» и И. В. Мациевского (Ленинград) «Проблема комплексной фольклорно-этнографической экспедиции и партитурной фиксации синкретических фольклорных жанров». Интерес к комплексным экспедициям музыковедов-фольклористов объясняется тем, что многие закономерности народного музыкального творчества могут быть выявлены лишь при учете реальных условий восприятия, определенной общественной психологии, быта, истории и т. д. Поэтому принципиальным условием комплексного изучения фольклора является не просто сотрудничество в рамках коллективной экспедиции специалистов разных профилей, а единство фиксируемого объекта и синхронность записи.

Еще одной новой формой полевых исследований стали фольклорные экспедиции, включающие в свой состав музыковедов, изучающих музыкальную культуру народов различных национальностей. О такой экспедиции в Туву и Хакасию (в ней приняли участие специалисты по бурятской, якутской, русской и грузинской народной музыке) рассказал московский фольклорист Е. Е. Алексеев, подчеркнувший, что подобная методика дала чрезвычайно богатый материал для сравнительного музыкознания, для исследования взаимосвязей музыкальных культур и межнациональных контактов, как исторических, так и современных.

Сравнительному изучению соседствующих музыкальных культур были посвящены и экспедиции Института искусств им. Хамзы АН Узбекской ССР под руководством Ф. М. Караматова (Ташкент), уже много лет целенаправленно исследующего музыкальные связи народов Средней Азии. С отчетом об экспедиции по собиранию фольклора и профессиональной музыки устной традиции в Ленинабадскую область Таджикистана выступил О. Матякубов (Ташкент).

Выявлению современных фольклорных контактов и их исторических предпосылок у народов кавказской языковой семьи была посвящена экспедиция Н. Д. Сванидзе (Тбилиси). Доклад И. А. Бродского (Москва) о поездке в Ханты-Мансийский национальный округ, явившейся продолжением его многолетних исследований в Сибири и на Дальнем Востоке, содержал обстоятельную характеристику основных типов музыкальных культур этого обширного региона.

Серия сообщений была посвящена экспедициям по выявлению локальных особенностей и границ распространения отдельных музыкальных стилей, диалектов, жанрового состава народных музыкальных традиций, а также собиранию народных инструментов и т. д.

Одна из актуальных проблем, волнующих советских фольклористов, — судьба фольклорного наследия в условиях резко меняющейся среды его бытования. Эта тема была поднята в докладе С. И. Грицы (Киев) «Некоторые наблюдения над фольклорным процессом в интегрированной селско-городской среде», построенном на материале экспедиции Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского на строительство Чернобыльской электростанции. Докладчик убедительно продемонстрировал необходимость применения в собирательской работе социологических методов.

Разнообразие тематики, появление новых форм экспедиционной работы, необходимость использования специальных методов при сборе различного фольклорного материала в разных условиях, выявившиеся во время этой сессии, навели Бюро ВКНМТ на мысль посвятить следующую отчетно-экспедиционную сессию специально вопросам методики полевой работы. Поэтому сессия 1976 г. была объединена с семинаром, на котором собравшиеся могли более подробно осветить накопленный ими в этой области опыт. Фольклористам разослали вопросники с перечнем тем, которые предполагалось обсудить в ходе семинара, и предложить ориентировать свои отчеты на эту проблематику.

Участники сессии 1976 г. (более 80 человек из Москвы, Ленинграда и всех, кроме Киргизии, союзных республик) заслушали 24 отчета об экспедициях 1976 г. и 28 докладов о методике полевой работы. Большинство собравшихся приняло активное участие в дискуссиях и прениях по докладам, в обсуждении этнографического концерта и нового трехсерийного фольклорного кинофильма «Русский народный театр» (режиссер Л. Купершиmidt), снятого при активном участии членов ВКНМТ Л. Кулаковского, В. Гусева и В. Щурова.

Эта отчетно-экспедиционная сессия продемонстрировала возросший уровень как собирания, так и последующей аналитической работы с экспедиционными материалами, что в свою очередь сказалось и на качестве отчетов, прозвучавших в Москве. Отрядным фактом можно считать и то, что наряду с опытными фольклористами, много лет занимающимися собирательской деятельностью, на сессии выступили молодые специалисты, успешно осуществляющие полевые исследования. В отчетах прозвучал интересный музыкальный материал; часть его впервые стала достоянием столь широкой аудитории. Выступления богато иллюстрировались слайдами, фотографиями, живым исполнением народной музыки. Было показано несколько кинофильмов, снятых «в поле».

В полевой деятельности фольклористов наметился ряд новых моментов: увеличилось число комплексных, многоцелевых и межреспубликанских экспедиций, активизировалось изучение взаимосвязей национальных музыкальных культур, значительно возрос интерес к современному народному музыкальному творчеству, к исследованию фольклора в сельско-городской среде, в поселках городского типа, к самостоятельной городской песне. Больше внимания стало уделяться социологическим аспектам бытования фольклора.

С большим интересом был заслушан отчет Д. Покровского и Е. Рудневой (Москва) об экспедиции ансамбля русской народной музыки (руководитель Д. Покровский) в Пинежский район Архангельской области в которой, кроме музыкантов и хореографа, приняла участие съемочная группа телевизионного объединения «Экран». Экспедиция явилась продолжением постоянно проводимой ансамблем работы по изучению народного исполнительства. Творческий состав ансамбля в контакте с народными певцами с Кевролы осваивал наиболее характерные черты местных вокальных и хореографических традиций, в то время как съемочная группа скрытой камерой фиксировала на киноленту этот процесс, а также образцы хореографии, особенности артикуляции и мимики при исполнении песен. Результаты поездки были представлены в виде многоканальных записей; на основе киноматериалов создан фильм «Северные хороводы». Ансамбль исполнил перед участниками сессии несколько пинежских песен, показав умение глубоко проникнуть в особенности изучаемого стиля (характер распева, фактуру, манеру интонирования, способ звукоизвлечения, дыхания и пр.).

Интересный опыт был проведен комплексной фольклорно-этнографической экспедицией Ленинградского отделения Общества охраны памятников истории и культуры в Ленинградскую область (руководитель И. Мацевский). В экспедиции применялась синхронная партитурная фиксация фольклорных произведений: одновременно проводилась звукозапись на магнитную ленту, письменная фиксация словесного текста, обстановки, костюмов, знаковая фиксация мимики, жеста, хореографии, игровых движений и перемещений исполнителей, реакции зрителей, киносъемка.

Еще один вид комплексного подхода к собиранию фольклора был продемонстрирован экспедициями Ленинградской консерватории в Вологодскую область, ставящими целью выявить место музыкального фольклора в духовной культуре (доклад М. Мазо).

Активную собирательскую деятельность ведут кабинеты народной музыки при Московской консерватории (сообщения И. Гиляровой и Н. Савельевой), в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных (сообщения М. Енговатовой и С. Браз) и в ряде учебных заведений в союзных республиках.

Для изучения контактов и взаимосвязей музыкальных культур очень продуктивными оказались поездки в такие районы, где фольклор того или иного народа бытует в инонациональном окружении. Такие обследования были проведены в Туркмении в районах проживания узбеков — (отчеты Р. Абдуллаева и О. Матякубова, Ташкент), в селах Западной Украины, заселенных лемками — переселенцами из Польши, которые в результате многовековой оторванности от других восточнославянских народностей сохранили в своем фольклоре много архаических черт — сообщение Я. Бодака (Дрогобыч). Изучению судеб украинского фольклора в многонациональном окружении населения Краснодарского края были посвящены поездки В. Л. Гошовского (Ереван) и Я. Мироненко (Кишинев), записавших около 200 украинских, молдавских, армянских, чешских, греческих песен.

Летом 1976 г. состоялась первая музыкально-фольклорная экспедиция в Монгольскую Народную Республику (руководитель Э. Е. Алексеев). Экспедиция была организована Союдами композиторов СССР и МНР совместно со Всесоюзным научно-исследовательским институтом искусствознания Министерства культуры СССР и Бурятским Институтом общественных наук АН СССР при участии Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия». Перед экспедицией стояло несколько задач: 1) широкое ознакомление с монгольской народной музыкой, 2) выявление связей в фольклоре этнически близких народов и 3) проведение высококачественных стереофонических записей народной музыки в полевых условиях. В течение 14 дней записано около 180 образцов, лучшие из которых вошли в подготавливаемый фирмой «Мелодия» комплект стереофонических грампластинок. Помимо большого количества традиционных сольных песен экспедицией зафиксированы ценные образцы инструментальной музыки, редкие виды коллективного пения, развернутые фрагменты поющего эпоса — улигеров¹.

Собиранию инструментальной музыки и народных инструментов были посвящены сообщения И. Назиной, С. Юсуповой, О. Матякубова, Р. Абдуллаева, Т. Гафурбекова, И. Мацевского.

С сообщением о поездке в Болгарию на III Национальный фестиваль народного творчества выступила З. Можейко (Минск), познакомившая участников сессии с принципами организации фестивалей в Болгарии, опыт которых может быть использован и в нашей стране.

Доклады на семинаре группировались вокруг следующих вопросов: 1) методика организации и проведения комплексных экспедиций, 2) методика социологических обследований и особенности собирания современного фольклора, 3) психологические проблемы

¹ Подробнее об этом см. «Сов. этнография», 1977, № 3, с. 160.

общения с информаторами и специфика работы в замкнутых и иноязычных средах, 4) особенности собрания инструментального и танцевального фольклора, 5) подготовка корреспондентов на местах, принципы составления анкет и вопросников, 6) техническое обеспечение фольклорных экспедиций.

В докладе особенно подчеркивалась необходимость тщательной подготовительной работы, изучения опубликованных и архивных сведений по духовной и материальной культуре исследуемого региона (С. Браз, В. Гошовский, И. Мациевский, Е. Руднева, Я. Мироненко). Музыковеды-фольклористы старшего поколения — Н. Котикова (Ленинград) и А. Руднева (Москва) — обратили особое внимание на этические моменты при общении с информаторами, на ответственность каждого собирателя за сохранность традиций и достоверность записанных материалов. Об этическо-психологических аспектах полевой работы с различными группами информаторов говорилось и в выступлениях Э. Джанузакowej (Алма-Ата) и З. М. Таджиковой (Душанбе).

Специальное заседание семинара было посвящено народной хореографии, до последнего времени оставшейся вне поля зрения музыковедов-фольклористов. С развернутыми докладами выступили Х. Суна (Рига), ознакомивший участников семинара с основными направлениями в исследовании латышского танцевального фольклора, его собирании и каталогизации; Т. Бадаева, рассказавшая о своих экспедициях по собиранию танцевального фольклора калмыков; Е. Руднева, остановившаяся на методах фиксации русских хороводов средствами кино.

К участию в семинаре были привлечены и другие специалисты, в частности филологи, археографы, психологи. Так, С. Никитина (Институт языкознания АН СССР) выступила с докладом «Зависимость методики собрания фольклора от задач экспедиции и категории информантов», где были освещены некоторые существенные вопросы работы фольклориста в замкнутых средах. И. Поздеева рассказала о комплексных археографических экспедициях Московского государственного университета, в которых уделяется большое внимание собиранию фольклора. Т. Гаврилова (Институт психологии АН СССР) познакомила участников семинара с последними достижениями в области психологии общения. С большим интересом было встречено выступление кинорежиссера Л. Купершмидта, поделившегося опытом работы с носителями фольклора в условиях съемки многосерийного фольклорного фильма «Русский народный театр».

Весьма полезными для участников семинара оказались и организованные Комиссией посещения Всесоюзной студии грамзаписи, где они смогли познакомиться с новейшими образцами звукозаписывающей аппаратуры, кабинетом народной музыки Московской консерватории и Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, Центрального музея музыкальной культуры им. Глинки.

IV Всесоюзная отчетно-экспедиционная сессия ВКНМТ Союза композиторов СССР состоялась 13—17 декабря 1977 г. в Москве. В отчетных докладах (более 30 выступлений) была освещена собирательская работа в Армении (З. Тагакян и Н. Джауари — Ереван), Азербайджане (Н. Мамедов, Б. Гусейнли — Баку и Я. Константиновский — Москва), Грузии (Н. Сванидзе — Тбилиси и Э. Алексеев — Москва), Белоруссии (Т. Варфоломеева — Минск), Киргизии (Б. Бейшенбиев — Фрунзе), Латвии (Л. Буркшайтене — Вильнюс), Литве (В. Бендорф — Рига), Молдавии (Б. Котляров — Кишинев), РСФСР (С. Пьянкова — Смоленск, Н. Гилярова, Ю. Багрий, М. Енговатова, Е. Руднева, Н. Дегтева — Москва), Таджикистане (С. Юсупова — Душанбе, Л. Бергер — Москва), Туркмении (Ш. Гуллыев — Ашхабад), Узбекистане (Р. Абдуллаев, А. Хашимова — Ташкент), на Украине (В. Матвиенко, Т. Ганзина, Е. Мурзина — Киев, С. Никитин — Харьков), в Эстонии (И. Рютель — Таллин), а также в Сибири и на Дальнем Востоке (Э. Винокурова — Якутск, Ю. Шейкин — Владивосток, Я. Сарв — Таллин, Х. Сарв и М. Сарв — Тарту, Э. Алексеев, И. Бродский, Е. Новик — Москва).

С открытием в Туркмении Государственного педагогического института искусств заметно активизировалась собирательская работа и в этой республике. Летом 1977 г. была завершена работа по предварительному обследованию западных районов Туркмении (сообщение Ш. Гуллыева — Ашхабад). Здесь не только обнаружен разнообразный по жанрам богатый песенный и инструментальный фольклор, но и выявлены народно-профессиональные исполнители — бахши, искусство которых существенно отличается по стилю от профессиональной музыки устной традиции в других районах республики.

Впервые прозвучали на сессии и отчеты о собирании курдской музыки (Н. Джауари — Ереван), и о записи уйгурских мугамов (сообщение А. Хашимова — Ташкент).

Сессия еще раз показала, что наибольший удельный вес среди музыкально-фольклорных экспедиций занимают поездки, регулярно проводимые кабинетами и лабораториями народной музыки при консерваториях и других музыкальных учебных заведениях страны.

За последнее время значительно расширилась география полевых обследований, увеличилось число комплексных и межреспубликанских экспедиций, улучшилось их техническое оснащение. Уже четыре экспедиции были снабжены специальной стереофонической аппаратурой, позволяющей непосредственно в полевых условиях получать записи, пригодные для воспроизведения на грампластинках. Две фольклорные экспедиции (в Ар-

мени и в Сибири) работали совместно с профессиональными киногруппами, что является еще одним очень важным шагом вперед в деле достоверной фиксации народного искусства, многие бесценные образцы которого в противном случае были бы безвозвратно утеряны; теперь же они в ближайшее время станут достоянием не только фольклористов, но и самого широкого круга любителей и ценителей народной музыки.

Е. С. Новик

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Сектор конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР совместно с Институтом истории АН Киргизской ССР в мае 1977 г. проводил этносоциологическое исследование в Киргизии. В состав экспедиции входили научные сотрудники сектора конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР: Гришаев И. А. (начальник экспедиции), Кондратьев В. С., Малькова В. К., Тульцева Л. А., Субботина Л. А., аспиранты: Шевченко А. И., Каракеева С., Семенова Л. И.; научные сотрудники Института истории АН Киргизской ССР: Калилов К., Ормушев А., Керимбаева А., Бедельбаев А., Сапаралиев Д., Жоробеков Ж.

Цель экспедиции — изучение изменений, происходивших в культурной жизни киргизской семьи под влиянием процесса урбанизации. Кроме того, в ходе опроса проверялись и уточнялись анкеты для международного обследования «Культурная активность в сфере семьи в эпоху НТР». Для опроса были отобраны семьи, принадлежащие к различным профессиональным группам, живущие в населенных пунктах с неодинаковой степенью урбанизации: в г. Фрунзе, в рабочем поселке Ак-Булак, в селе Курменты Тюпского района Иссык-Кульской области и селе Кок-Ой Джумгалского района Нарынской области. Было опрошено 775 человек.

В г. Фрунзе опрашивались киргизы и русские, работники завода сельскохозяйственных машин им. М. В. Фрунзе, сотрудники научно-исследовательских институтов АН Киргизской ССР, а также взрослые члены их семей.

Территория Иссык-Кульской котловины интересна тем, что здесь наряду с коренным киргизским населением живут русские и украинцы. Села Ак-Булак и Курменты, выбранные для исследования, являются фактически одним поселением, где русские и киргизы живут рядом. Часть жи-

телей работает на цементном заводе, находящемся в поселке Ак-Булак, остальные — в колхозе. В селе Курменты экспедиция опросила 30 киргизских семей (85 человек), в поселке Ак-Булак — 30 русских семей (66 человек).

Село Кок-Ой Джумгалского района расположено в центре горного Тянь-Шаня; по многим этнографическим и экономическим характеристикам оно типично для ряда горных районов республики с киргизским населением. В селе Кок-Ой было опрошено 60 семей (175 человек).

Наряду с анкетированием члены экспедиции изучали похозяйственные книги, из которых брались сведения о социально-профессиональном составе населения, заполнялись паспорта поселений.

Собранные во время экспедиции материалы после обработки на ЭВМ будут храниться в архиве Ин-та этнографии АН СССР.

Ж. Жоробеков

* * *

Весной 1978 г. в Ферганской долине работала Северотаджикистанская этнографическая экспедиция, организованная сектором этнографии Ин-та истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Экспедиционный отряд состоял из О. Муродова (начальник экспедиции), У. Джахонова и Н. Тошматова.

Цель экспедиции — сбор материала для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» по разделам: «Обычаи и обряды, связанные с земледелием таджиков Ферганской долины» (О. Муродов и У. Джахонов), «Семья и семейный быт у разных этнических групп — на материалах Ура-Тюбинского района» (Н. Тошматов), «Следы ранних верований в быту таджиков» (О. Муродов).

Ферганская долина занимает северную часть Таджикистана, восточную часть Узбекистана и западную часть Киргизии. В Таджикской ССР экспедиция работала в городах и районных центрах: Ура-Тюбе, Ленинабаде, Аште, Канибадаме, Исфаре (Ленинабадская область); в Узбекской ССР в городах Касан, Чуст, Риштан, Сох, Фергана, Куввасаи, Олтыарык (Наманганская и Ферганская области); в Киргизской ССР — в Учкургане Фрунзенского района Ошской области. Были также обследованы населенные пункты с кишлачными советами: Обджузов, Сурхи, Калачи, Калон, Тутк, Чорбог, Яккатол, Шахристан и др. (Ура-Тюбинский р-он); Большой Ашт, Пунук, Шайдон, Камичкурган (Аштский р-он); Чоркух, Ворух, Навгилем (Исфари́нский р-он).

В Ферганской области материал собирали в больших древних таджикских селах: в Арсифе, Аввале, Дамкуле и др. Всего было обследовано более десяти больших городов и пятидесяти древних таджикских селений. Материалы собирались по специальным программам и вопросникам.

Полученные этнографические материалы позволяют говорить о преемственности хозяйственных традиций местного оседлого земледельческого населения. Особое внимание в исследованиях было уделено изучению обычаев и обрядов, легенд и верований, связанных с земледелием. Собран материал о земледельческих праздниках, которыми отмечалось начало аграрного цикла. Это праздник первых полевых цветов, так называемый «сайри гул», обряды, связанные с появлением подснежника «бой-чечак», празднование веселого нового года «Навруз» (на берегу реки, возле больших водоемов, у родников, под большим, старым почитаемым деревом — в местах, известных под названием «мазор»); обряды проведения первой борозды и начала весенней вспашки полей «джуфтбуророн», обряды и обычаи, связанные с водой и поливным земледелием «обу обдори», с вызыванием дождя «обчошакон», «сусхотун», «ашаглон», а также с прекращением ветра, урагана, снега или дождя.

Любопытны также сведения о детских празднествах в честь урожая, так называемые «Сайри хирман», т. е. гулянья с целью посещения места обмола зерна — тока; угощения, устраиваемые по поводу созревания первых плодов нового сада «Сайри бог»; посещения новых полей с поспевшими бахчевыми культурами «Сай-

ри харбуза»; гулянья, устраиваемые в связи с созреванием и сбором винограда «Сайри ангур» и др.

Полученные материалы о сельскохозяйственной обрядности таджиков представляют собой большой интерес. Обряды, сопровождавшие жатву и уборку урожая («мондахо!», «хайбаракалло!», «ҳазонак», «қуянқочди!», молотьбу и последующие работы («майда», «чошбанди», «хайдар—хайдар!» и др.), как и некоторые записанные участниками экспедиции мифы и легенды отражают древние представления таджиков об умирающей и воскресающей природе.

Выявлены традиционные представления о патроне Земледелия — «Бобои Деҳқон» (Дед Земледелец), выступавшем в разных обликах: 1) первый человек на земле — святой Адам (Хазрати Одам ато); 2) мифический святой Хизр (Хучан Хизр); 3) пожилой, многолетний крестьянин из данного кишлака (Пири Деҳқон).

Н. Тошматов, собиравший материал о свадебных обычаях и ритуалах, изучал традиционные элементы в обрядности таджиков и узбеков Ура-Тюбинского района. В свадебных обрядах коренных уратюбинцев выявляются не только черты сходства, но и некоторые отличия от обычаев как таджикского, так и узбекского населения, переселившегося сюда в разное время из других районов Средней Азии.

Собран материал и по демонологии таджиков данного региона: о духах пари, момо, муаккал, пир, арвох, чилтан, чилдухтарон; о древних местах поклонения («мазор»). Особый интерес вызывают записанные нами в Риштане легенды о злом духе Сариккиз (букв. «Жёлтая девушка»), который якобы живет со своими потомками в пещере и ночью выезжает на красных петухах и козах и вредит людям. У сартов Наманганского района живут легенды о злом демоне момо, вредящем роженице и новорожденному в течение сорока дней. Ценность собранных материалов в том, что они позволяют выявить ранее существовавшие этносоциальные и этнокультурные связи таджиков Ферганской долины с таджиками других регионов Средней Азии и Казахстана.

Сведения информаторов были записаны на магнитофонную ленту.

После обработки материалы будут храниться в архиве Института истории им. А. Дониша.

О. Муродов, У. Джахонов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975, 342 стр.

В истории науки не столь уж редки случаи, когда та или иная проблема исследуется на протяжении многих лет, однако отдельные ее аспекты довольно долго не привлекают должного внимания ученых, не говоря уже о монографическом изучении таких аспектов. Как раз к таким случаям относится исследование в мировой науке общественного строя одного из самых известных и, казалось бы, хорошо изученных народов древности — скифов. В самом деле, если скифология как своего рода междисциплинарная специальность существует уже около полутора столетий, и число публикаций составляет несколько тысяч, статей, посвященных общественному строю скифов, насчитывается среди них немногим более десятка, а монографические работы и вовсе отсутствуют. И, таким образом, книга А. М. Хазанова «Социальная история скифов» в известной мере заполняет пробел в исследовании скифской истории и в то же время может рассматриваться и как труд, подводящий итоги достаточно долгой исследовательской традиции.

Однако автор не ограничивал свою задачу изучением только скифского общества. Книга имеет весьма показательный подзаголовок: «Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей». И хотя на первом месте для А. М. Хазанова стояла, как сам он с полной определенностью указывает в предисловии, именно социальная история и социальная организация скифов, не менее существенны и другие рассматриваемые им проблемы — основные закономерности функционирования и развития древних кочевых обществ и соотношение общего и особенного в социальной организации и истории кочевников евразийских степей в целом (стр. 3). Скифское общество, рассматриваемое А. М. Хазановым в качестве одного из типичных раннеклассовых кочевых обществ этой обширной части ойкумены, дало автору значительный по объему и достаточно репрезентативный материал. В сопоставлении с данными по более поздним обществам такой материал позволил ему сделать интересные и важные (хотя, возможно, и не во всех случаях могущие считаться окончательными) общетеоретические выводы относительно хозяйства, социальных и политических структур у кочевников. Такая широта подхода представляет, на мой взгляд, несомненное достоинство рецензируемой книги А. М. Хазанова.

Работа построена на богатом и многообразном фактическом материале; в ней использован и проанализирован весьма широкий круг источников. Большая часть этих источников, опять-таки, давно и достаточно хорошо известна, и, тем не менее, автору удалось во многом по-новому осмыслить содержащиеся в них сведения. Это относится, например, к исследованию им скифских этногонических легенд. У А. М. Хазанова были здесь очень авторитетные предшественники — достаточно назвать имена Ж. Дюмезиля, Э. Бенвениста, Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, — однако в книге эти легенды впервые используются в качестве исторического источника именно для социальной истории скифов (с. 36—54), а различные их версии соотнесены с разными этапами эволюции скифского общества.

Столь же интересен и предпринятый в работе А. М. Хазанова пересмотр широко распространенных и ставших уже традицией интерпретаций сообщений греческих авторов о рабах у скифов: исследователь довольно убедительно показывает, что для таких интерпретаций характерно определенное завышение уровня развития рабовладельческих отношений в скифском обществе (с. 133—139).

Вместе с тем нельзя не упрекнуть автора в чрезмерной категоричности, когда он выражает сомнение в эффективности этимологического метода анализа источников при рассмотрении организации скифского общества (стр. 49). Ведь такая позиция означает, в частности, отказ от сопоставления данных античных авторов с индо-иранскими материалами. И такого рода материалы действительно привлекаются в книге в относительно малой степени: из поля зрения автора как бы выпали иранские кочевники Передней Азии.

По-видимому, следовало бы также в отдельных случаях с большей осторожностью подойти к историко-филологическому анализу текстов. Так, при всей заманчивости предлагаемой А. М. Хазановым интерпретации употребляемого Геродотом слова «ο φίλος» (стр. 102) она выглядит недостаточно обоснованной как раз с филологической стороны.

Выводы А. М. Хазанова, относящиеся к собственно скифам, можно суммировать следующим образом. На протяжении периода, документированного источниками, т. е. примерно с VIII в. до н. э. по III в. н. э., скифы прошли путь от общества эпохи классового образования до заключительных этапов раннеклассового общества. До последних веков до н. э. их общество основывалось на различных формах эксплуатации, среди которых преобладала, насколько можно судить, данническая эксплуатация кочевниками скифами подчиненного сельскохозяйственного населения. Структура общества основывалась на многоступенчатой родоплеменной организации; в низших своих звеньях эта организация поконлась на реальных кровнородственных отношениях, в высших же — на чисто фиктивном генеалогическом родстве. При этом такие высшие звенья одновременно служили и административно-политическими подразделениями скифской государственной организации.

Внутренняя структура собственно скифского общества кочевников отличалась значительной сложностью; характерной ее чертой было, по-видимому, несхождение социальной и имущественной градации. Автор выделяет следующие главные социальные слои: правящий царский род; родоплеменную, а отчасти — и служилую знать; жречество; рядовых свободных кочевников, если и подвергавшихся эксплуатации, то весьма ограниченной и скорее косвенной; обедневших кочевников, эксплуатация которых была более интенсивной; и, наконец, рабов, игравших незначительную роль в общественном производстве. Детальное рассмотрение положения и взаимоотношений всех этих групп населения, особенно же — различных категорий зависимых (стр. 148—164), позволяет А. М. Хазанову сделать вывод о раннеклассовом характере социальной структуры у скифов.

Политическую историю скифов А. М. Хазанов тесно увязывает с социально-экономическими изменениями, происходившими внутри их общественной структуры. Он прослеживает эволюцию политических институтов в зависимости от перехода скифов от общества эпохи классового образования до поздних стадий раннеклассового. Вводит понятие трех последовательно сменявших друг друга скифских царств, при этом автор, насколько позволяют источники, показывает социально-политические и экономические различия между ними. Особый интерес в связи с этим представляет Третье скифское царство, отличающееся от первых двух тем, что с самого начала складывалось преимущественно на сельскохозяйственной основе (стр. 246—250, 259). Констатация этого факта приводит исследователя к постановке более общего вопроса: каков вообще был характер государственных образований у кочевников евразийских степей? Или же, в более широком плане — на каком уровне социально-экономического развития основывались эти государственные образования?

Самая постановка такого вопроса неизбежно требовала выяснения того, насколько высокого стадийного уровня могут достигнуть кочевники к моменту появления государственности. Общеизвестно, что данная проблема широко обсуждалась в нашей науке — можно упомянуть работы И. Я. Златкина, Г. Е. Маркова, Г. А. Федорова-Давыдова и других авторов, — и высказывались зачастую диаметрально противоположные мнения: от признания кочевых обществ «военными демократиями» до их оценки как чисто феодальных. По мнению А. М. Хазанова, кочевники в своем самостоятельном развитии не шли, и не могли пойти, далее отношений раннеклассовых (стр. 254, 256, 258, 267). Аргументируя свою точку зрения, он указывает прежде всего на то, что экстенсивная кочевая экономика, ограниченная, притом довольно жестко, экологическими условиями кочевничества и не имеющая возможностей неограниченного развития, в свою очередь накладывает ограничения на развитие социальной организации кочевников. Хорошо известная со времен выхода в свет труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» роль скота как фактора ускоренного развития имущественного и социального неравенства в более позднее время, в условиях кочевых скотоводческого хозяйства, оказывалась неоднозначной. «Особенность скота как быстро аккумулируемого и легко отчуждаемого имущества, — подчеркивает А. М. Хазанов, — первоначально определила быстрый рост имущественной и социальной дифференциации у кочевников... Но та же особенность была одной из причин, по которым темпы дальнейшей классовой дифференциации в кочевых обществах резко снижались. Кроме того, ограниченность пастбищной территории в условиях экстенсивного скотоводства ограничивала и возможный рост произведенного продукта. Нестабильность хозяйства и отсутствие емкой сферы применения рабочей силы, постоянные войны за скот и пастбища, а также специфика взаимоотношений с внешним миром тормозили окончательное оформление классов у кочевников, делали необходимым сохранение определенных форм взаимопомощи и кооперации» (стр. 252).

А. М. Хазанов последовательно проводит мысль об органической связи кочевого и сельскохозяйственного хозяйства (в применении и к скифам, и к кочевникам вообще¹) как

¹ Сама по себе эта идея не нова: ее еще в 1933 г. высказывал С. П. Толстов (см.: С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — «Известия

необходимом условии появления государственной организации в кочевом обществе: «государственные образования у кочевников по общему правилу возникали лишь накануне завоевания земледельческих областей, в процессе такого завоевания или вскоре после него» (стр. 256). Этот тезис подтверждается в книге множеством убедительных примеров, относящихся к разным эпохам. И именно «факт тесной и детерминированной связи, всегда существовавшей между кочевыми и оседло-земледельческими обществами» (стр. 272) положен в основу предлагаемой автором периодизации истории евразийских кочевников. В ней он выделяет три основные эпохи: кочевников древних, средневековых и нового времени.

Вероятно, разработанная А. М. Хазановым периодизация (как, впрочем, и любая другая) может стать объектом дискуссии. И, как мне кажется, было бы полезно, если бы автор более подробно, чем это сейчас сделано в книге (стр. 266—268), рассмотрел те соображения о периодизации истории кочевников, какие высказывались другими исследователями. Это в особенности относится к взглядам по поводу уровня развития общественных отношений у кочевников, относимых этими исследователями к «ранним» и «поздним» (стр. 268, 271), а также и к тому, можно ли считать их разными стадиями развития одного и того же хозяйственно-культурного типа, как это предлагалось в литературе. В данном случае краткость едва ли можно считать достоинством авторского изложения. Однако при всем том нельзя не отметить, что концепция А. М. Хазанова решительно выдвигает на передний план идею единства всемирно-исторического процесса, и это, безусловно, следует считать сильной стороной его подхода к истории кочевых обществ Евразии.

Особенности кочевого хозяйства определяли сравнительно слабое развитие рабства как у скифов, о чем уже говорилось ранее, так и вообще у кочевников исследуемого автором региона. Подробно проанализировав причины, по которым рабство не может стать ведущей формой эксплуатации в кочевом обществе (стр. 142), А. М. Хазанов приходит к вполне определенному и, видимо, бесспорному выводу: «Рабство, почти имманентно присущее кочевникам, никогда не было и не могло стать у них основой производства» (стр. 149).

Высказанное автором рецензируемой работы мнение о данничестве как ведущей форме эксплуатации в скифском обществе, он подтверждает сопоставлением этого тезиса со сведениями по многим кочевым обществам евразийских степей (рис. 160—164). А. М. Хазанов солидаризируется с высказанным ранее А. И. Першицем мнением о том, что «широкое развитие данничества у кочевников само становилось фактором консервации примитивных раннеклассовых отношений, потому что внешняя эксплуатация в них превалировала над внутренней» (стр. 163). А отсюда следует вывод: «дальнейшее развитие требовало иных форм эксплуатации, а это было возможно только в результате более тесной интеграции кочевников и земледельцев в рамках одного государства. Именно в тех кочевых обществах, которые пошли по данному пути, и наблюдается дальнейшее развитие классовых отношений» (стр. 163—164). Детальное подтверждение такого взгляда дается при сопоставлении Второго и Третьего скифских царств (стр. 238—246 и 246—250, 258, 259).

По-видимому, именно в специфике кочевого скотоводческого хозяйства, в стагнирующем влиянии на социальную организацию даннических форм эксплуатации следует искать и объяснение отмечаемой А. М. Хазановым «обратимости» социальных процессов у кочевников², служившей, по его мнению, одним из самых ярких доказательств застойности и тупикового характера, отличавших эволюцию кочевых обществ на протяжении многих столетий. «На протяжении почти трех тысяч лет, — подчеркивает автор, — в кочевом мире движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием» (стр. 273). Следует признать, что такая точка зрения выглядит в свете проанализированного ранее в книге материала по меньшей мере ничуть не менее убедительной, нежели те взгляды на развитие кочевых обществ, с которыми А. М. Хазанов полемизирует (стр. 266—272). Нужно при этом иметь в виду, что указанный вывод ни в коей мере не означает, что автор отказывает кочевым народам в способности к самостоятельному прогрессивному развитию. А. М. Хазанов четко разграничивает этнос и общество, этнос и тип хозяйства, и ясно указывает путь преодоления экономического и социального застоя — «переход к оседлости и комплексному хозяйству, в котором в соответствии с экологией конкретных районов и причинами экономического и политического порядка может преобладать отгонно-пастбищное скотоводство» (стр. 274). Речь, таким образом, идет о смене ведущего хозяйственно-культурного типа у одного и того же народа. Кстати, может быть, стоит задуматься над тем, не это ли именно сочетание в рамках

Государственной академии истории материальной культуры», вып. 103, М.—Л., 1934). Но в «Социальной истории скифов» она, пожалуй, впервые проведена столь последовательно, а главное — положена в основу всей авторской концепции государственности у кочевников.

² Тезис о неустойчивости и обратимости «общинно-кочевого» и «военно-кочевого» состояний общества у кочевников был уже ранее высказан Г. Е. Марковым — см. Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. — «Сов. этнография», 1970, № 6, с. 89.

единого этноса кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого типов хозяйства как раз и обуславливает в известной степени сохранение данной этнической общности как таковой.

Конечно, когда имеешь дело с многоплановой работой, где затронуто множество достаточно сложных проблем, почти неизбежно возникают пожелания о более подробном и глубоком рассмотрении тех или иных сюжетов. Не составляет исключения в этом отношении и книга А. М. Хазанова. Мне, в частности, представляется, что очень интересную и далеко еще не решенную в общетеоретическом смысле проблему обратимости социальных процессов в кочевых обществах стоило бы исследовать более детально. С этой обратимостью связан, например, вопрос о месте ремесленного производства в кочевых обществах. Автор лишь однажды и очень кратко говорит о длительности и прерывистости процесса выделения ремесла у кочевников (стр. 201). Само по себе это справедливо, но, на мой взгляд, заслуживал бы внимательного рассмотрения и несколько иной аспект этой проблемы: не исключено, что как раз невозможность отделения ремесла от сельского хозяйства, как это происходило в оседлых земледельческих обществах, была одной из главных черт, определявших специфику кочевого хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нуждается в обсуждении и такой вопрос, как содержание понятия «раннеклассовое общество». В самом деле, такое определение сейчас используется в нашей литературе довольно широко, но единого мнения о том, что конкретно имеется в виду, пока не существует. Практически это понятие как бы молчаливо принимается как нечто изначально данное, хотя объем его в сущности не определен. А. М. Хазанов предлагает собственное его толкование (с. 31); оно приемлемо как рабочая гипотеза и могло бы послужить базой для дискуссии, но проблема в целом явно требует специального рассмотрения (впрочем, эта претензия, пожалуй, относится не только к автору рецензируемой работы).

Далее, не мешало бы, по-видимому, оговорить возможность неоднозначного истолкования данных источников в некоторых случаях. Скажем, не вполне ясно, в какой мере сведения о положении священнослужителей, связанных с мировыми религиями, у кочевников средневековья и нового времени позволяют судить о собственном социально-экономическом развитии данных кочевых обществ, о степени продвинутости классов и политогенеза (с. 178, 179).

Это же можно сказать и об истолковании некоторых иконографических материалов, служащих автору иногда для обоснования весьма серьезных и ответственных выводов по поводу историко-культурных различий между кочевниками разных эпох. Следует сказать, что А. М. Хазанов, справедливо делая акцент на сходстве социальных аспектов их истории, мог бы (и, вероятно, должен был бы) более внимательно рассмотреть и историко-культурные расхождения. Вопросы эти, правда, затронуты в книге (с. 268—271), но как-то очень уж бегло.

В целом, однако, недостатки книги несоизмеримы с ее достоинствами; и указание на них в рецензии направлено прежде всего на то, чтобы способствовать дальнейшему обсуждению недостаточно освещенных в ней вопросов. Труд А. М. Хазанова «Социальная история скифов» — серьезное и интересное исследование, которое, безусловно, заслуживает благожелательного внимания этнографов и историков у нас в стране и за рубежом.

Л. Е. Куббель

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник, VI, М., 1976, 303 с.

Выход в свет каждого «Кавказского этнографического сборника», подготовленного Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая — событие в кавказоведении. Не составляет исключения и очередной VI выпуск (ответственный редактор В. К. Гарданов).

Рецензируемый сборник осветил весьма разнообразную проблематику, относящуюся ко многим народам Северного Кавказа и Закавказья. Вопросы исторической этнографии, восходящие к началу эпохи позднего средневековья, различные стороны народного быта и культуры XIV—XIX-веков, современные этнические процессы, — вот диапазон научных поисков коллектива авторов. Богаты и оригинальны источники, на которые опирается большинство опубликованных работ, где органически переплетается изучение полевых материалов и анализ трудов предшественников. Исследование национальной специфики, существенно обогащая этнографическое познание конкретных народов Кавказа, не является самоцелью для авторов. Красной нитью прослеживается чрезвычайно важный аспект историко-культурной общности кавказских народов, их взаимопродуктивных контактов друг с другом, с соседями, с Россией и русским народом.

Сборник открывается статьей Л. И. Лаврова «К 250-летию академического кавказоведения в России». Это весьма содержательный и в основном полный обзор разви-

тия кавказоведения, где автор рассказывает о первоначальном стихийном накоплении историко-этнографической информации о Кавказе, затем об активной экспедиционной работе XVIII—XIX веков и, наконец, о нынешнем всестороннем и глубоком изучении этого сложного и многонационального региона. К числу упущений автора можно отнести отсутствие упоминаний об усилиях российских «рудознатцев» на Кавказе в XVII—начале XVIII века, о многосторонней деятельности А. Б. Черкасского — первого представителя северокавказских народов, включившегося в изучение Кавказа не только с политическими, но и с научными целями накануне учреждения Академии наук¹. Следовало бы уделить больше внимания и роли, которую сыграли учреждения Академии наук СССР и союзных республик в подготовке национальных кадров ученых различных профилей для научно-исследовательских институтов и вузов Северного Кавказа.

Монографическое исследование современной сельской семьи у армян Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР составляет содержание работы А. Е. Тер-Саркисянц. Большой историкографический, полевой и статистический материалы, широта аспектов изучения поднятой темы обеспечивают успех исследования. Но примерно с середины текста в расчеты таблиц стабильно вошли данные по «городским поселениям», существенно корректирующие некоторые выводы автора и затрудняющие оценку объявленного предмета исследования (современной сельской семьи). Так например, итоговое заключение о «стирании социальных и национальных ограничений при вступлении в брак» вступает в противоречие с фактическим состоянием дел, отраженным статистически на стр. 34—35, где отмечается, в частности, что «доля межнациональных браков невелика. Большая часть их относится к городскому населению». Отсутствие же цифровых данных по дореволюционному периоду обедняет научные возможности этих и ряда иных важных демографических наблюдений автора.

Интересна статья Я. С. Смирновой «Детский и свадебный циклы обычаев у народов Северного Кавказа». Она насыщена большим фактическим материалом, хорошо иллюстрирована, содержит верный анализ характера и эволюции изучаемых явлений за годы Советской власти, завершается теоретическим экскурсом в область формирования новых советских семейных традиций. Некоторый урон полноте картины наносит предпочтительное внимание автора к народам западной части Северного Кавказа. Едва ли правомерна и слишком уж мимолетная («изредка», «сейчас кое-где существует еще», «все реже и реже» и т. п.) констатация живучести многих исторически изживших себя институтов (калым, умыкание, принудительная последовательность брака сестер и братьев, несоблюдение советских норм оформления супружества, многоженство и пр.). Закономерно оттягивая результаты прогрессивных преобразований семейного быта горцев, не следует, однако, преуменьшать и факты негативного свойства, без учета и оценки которых этнографическая панорама теряет в своей исчерпываемости и перспективе. Тем не менее, статья Я. С. Смирновой — одна из лучших в сборнике.

Много любопытных подробностей в небольшом исследовании Н. С. Гогоберидзе о народных детских играх в горных областях Грузии. Было бы хорошо, однако, если бы автор привлек материалы по северокавказским горцам, а также результаты археологических раскопок по обоим склонам Центрального Кавказа; в этих средневековых памятниках легко обнаружатся материальные следы многих игр, рассмотренных им².

Большую и полезную работу по изучению народных верований армян на материалах рукописных талисманов XV—XIX веков проделал А. А. Одабашиян, изложив в своей статье ее итоги. Он произвел детальную классификацию заговоров по их функциям, охарактеризовал типы магии по письменным талисманам. Автор бесспорно прав, отстаивая научную актуальность изучения рукописных заговорных текстов для воссоздания армянского языческого пантеона.

Однако не все разделы статьи равноценны. Так, важный параграф о «социальной магии» строится фактически на выдержках из одного (№ 34) талисмана (5 цитат из 8). Из его текста, освещающего ситуацию не ранее XIX века (что не оговорено автором) совершенно непонятно, о каком «арабском завоевании», отразившемся в заговорах о национальной дискриминации, идет речь. Упоминание в одном ряду этого «антисудебного заговора» кроме армян, турок еще и «русских господ», трактуемых автором как представителей «правлящих кругов поработителей» (с. 114) заставляет усомниться в точности пространных социальных комментариев к этому документу. А последующий фрагмент все того же талисмана № 34 свидетельствует о принадлежности его владельца к состоятельным гражданам, испытывавшим, очевидно, не столько социальный и национальный гнет, сколько конкуренцию со стороны себе подобных инонациональных и «своих» хозяев, что и понуждало его искать защиты от сутяжничества. Да и сама «хозяйственная часть» заговора, как оказывается при сравнении с текстами «вредоносной магии» (с. 120), выражает, скорее всего, не «стремление обезопаситься от природных, стихийных бедствий или хотя бы по возможности уменьшить причиненный ими ущерб», а страх перед кознями («злой глаз», «злой язык», «злой замысел» и пр.) со стороны тех же самых соперников.

¹ В. Б. Вилинбахов. Александр Черкасский — сподвижник Петра I. Нальчик, 1966.

² См., например: Л. П. Семенов. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963; В. Х. Тменов. Город мертвых. Орджикидзе, 1973.

Есть в статье и другие просчеты (непоследовательность оценки культа змей на стр. 127 и 130; излишне уверенное утверждение, что изучение рукописных талисманов «позволяет воссоздать... полную картину существовавших вокруг главных богов иерархических помощников» и пр.), но в целом, как сказано выше,— эта статья — полезный труд.

В. Н. Басилов и В. П. Кобычев выступают в сборнике со статьей «Николаи кувд (осетинское празднество в честь патрона селения)». Работа четко распадается на две части. В первой — неторопливое, детализированное и исчерпывающее (при нынешнем уровне сохранности информации) описание всего культа и ритуала древнего дигорского празднества в окрестностях селения Лестор. Вторая часть — анализ лесгорского праздника, как главного — языческого по своей природе — действа, в котором проявилось почитание исконного святого-покровителя села (вероятно, связанного с охотничьим культом), вытесненного впоследствии христианским святым Николаем. Эта статья — удачный образец исследования локального культового акта и определения его места в системе идеологических представлений осетин. Необходимость таких работ тем очевиднее, чем более отдаем мы себе отчет в неотвратимой гибели соответствующей информации.

Малознученному вопросу в этнографии Кавказа — одежде народов Дагестана и Чечни — посвящена статья Г. А. Сергеевой, построенная на материалах Государственного исторического музея. Она начинается интересным обзором работ художников XIX века, с изображением одежды народов изучаемых областей (преимущественно — дагестанцев и лишь изредка — чеченцев). Далее идет подробный анализ комплектов или отдельных частей парадной, повседневной и зимней одежды аварцев, даргинцев, кумыков, чеченцев конца XIX — начала XX и 30-х годов XX века. Автор чрезвычайно точен в своих описаниях. Тщательно установлены разноязыкая терминология одежды, материалы и способы ее изготовления. Намечены локальные особенности в женском костюме (наплечная одежда, головные уборы) и констатирован «общекавказский тип (северокавказский вариант)» мужской одежды. Фактографическая статья Г. А. Сергеевой ценна для дальнейших усилий по изучению традиционной горской одежды у народов Северного Кавказа.

Положительной оценки заслуживает и статья Н. Х. Авакян «Об ареалах народного костюма армян (XIX — начало XX в.)». Прекрасно иллюстрированная, она дает яркое представление об особенностях традиционной одежды различных групп населения Западной Армении, о заимствовании нового типа мужского костюма («кавказского») и постепенном процессе вытеснения традиционной одежды костюмом городского типа.

Содержательна статья Е. Н. Студенецкой об узорных войлоках карачаевцев и балкарцев. В ней собран и систематизирован огромный материал, доказывающий высокий уровень соответствующего производства у этих народов. Различные способы приготовления войлоков и особенно разные способы орнаментации исследованы автором в плане установления тех древних корней, которые питают современные навыки балкарцев и карачаевцев. Итоговый вывод вполне обоснован: в узорных войлоках горцев Приэльбрусья прослеживаются традиции кочевых тюркоязычных народов, генетически связанных с половцами (кипчаками) и, вместе с тем, исконно местные кавказские мотивы и приемы, зародившиеся еще в эпоху бронзы и особенно — в пору господства знаменитой кобанской культуры. Выявлен и еще один интересный пласт в местном производстве узорных войлоков, свидетельствующий о культурных контактах с кумыками и аварцами Дагестана. В этой связи хотелось бы видеть и сведения о подобных изделиях у ногайцев — тюркоязычного этноса, исторически тесно связанного с населением Приэльбрусья.

В статье В. И. Марковина предпринята попытка охарактеризовать особенности осетинской башенной культуры. К такому автор относит своеобразные черты некоторых машикулей, скупость декора, малочисленность типов проемных перекрытий. В некоторых признаках отмечается близкое сходство с аналогичными признаками у вайнахских, балкарских и прочих башен. И это — верно, так как отражает общекавказское единство принципов архитектуры.

Статья В. И. Марковина выдержана в историографо-критическом ключе. Но интересная по замыслу историографическая справка не только «очень сжата», но и заметно неточна. Нельзя было начинать с В. Ф. Миллера, игнорируя исследователей конца XVIII — середины XIX в., уделявших внимание осетинской архитектуре (П. С. Паллас, И. Рейнегге, И. Клапрот и др.). Не следует столь пренебрежительно отзываться о трудах В. Б. Пфаффа, важных для своего времени³. Л. П. Семенов занимался осетинской архитектурой преимущественно в 20—30-х годах, а не в «послевоенный период». Е. И. Крупинов, О. В. Милорадович, В. Б. Ковалевская специально не занимались «изучением осетинской архитектуры», а исследовали памятники раннесредневековых алан, что далеко не одно и то же. В статье нет даже упоминания о весьма значительных результатах этнографических экспедиций под руководством А. И. Робакидзе в Осетию

³ Ср., например: А. Х. Магомедов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 15, сл.; А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Формы жилища и структура поселения торной Осетии. — «Кавказский этнографический сборник», V, 1, Тбилиси, 1975.

(1966—1970 гг.), достаточно уже обнародованных⁴. Отсылая читателя к «хорошему описанию» башни Мамсуровых у В. А. Кузнецова, автору следовало бы привести предание о строительстве башни мастерами из семьи Мамсуровых, а не ингушами, как вслед за И. П. Щельжиным считает В. И. Марковин.

Сказанное несколько снижает уровень статьи В. И. Марковина, хотя она и полезна для изучения горского средневекового зодчества.

Значительный круг разнообразных источников использован в статье Н. А. Брегадзе «К вопросу об этническом составе населения Грузии в XVII веке». Автор попыталась локализовать и ориентировочно определить пути миграции и плотность собственно грузинского населения, а также армян, евреев, осетин, дагестанцев. Не оставлены без внимания и эпизодические упоминания в источниках о представителях других этносов (русские, итальянцы, греки, французы, поляки и пр.). Анализ ведется на фоне глубокого осмысления сложной и пагубной для Грузии исторической обстановки XVII века. К сожалению, вне внимания автора остался такой ценный, хотя и своеобразный источник, как народные предания, которые применительно, например, к вайнахским переселенцам в Тушетию (вплоть до Алванского доля) хорошо согласуются со скудными строками исторических документов о том, что вайнахи входили в состав населения Грузии исследуемой поры⁵.

Серьезным научным успехом можно считать обстоятельную работу Н. Г. Волковой «Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник». Автор с присущей ей скрупулезностью собрала воедино разрозненные и часто высказанные мимоходом путевые впечатления московских посольств в Грузию. Это первая сводка такого рода, и значение ее трудно переоценить. Н. Г. Волкова исследует маршруты посольств (прилагая оригинальную карту «Посольские пути на Кавказе в XVI—XVII вв.»), сведения об этническом составе отдельных областей Кавказа, численности и границах расселения местных племен, данные об уровне экономики, хозяйственных занятиях, политической ситуации, социальном строе, о характере поселений и жилищ, об одежде, пище, семейно-бытовой обрядности, идеологии и пр. Следует особо отметить, что анализ этого обширного материала проводится на высоком современном уровне исторического кавказоведения.

Сказанное, впрочем, не означает отсутствия некоторых упущений в работе. Естественный (при давлении исходных материалов) акцент на состоянии дел в Грузии, не может в достаточной мере оправдать наблюдаемое в ряде мест статьи излишне беглое рассмотрение посольских сведений о северокавказских народах (кабардинцах, вайнахах). Ряд отрезков посольских дорог намечен неверно. Например, путь всех посольств в Кахетию через Дарьял обозначен на карте (рис. 1) как проходящий вдоль всего левобережья реки Сунжи. Между тем, одна из стоянок посольства 1589 года «на реке Быстрой» (после стоянки «на Сунже в Ровной Луке» и до остановки «на реке на Терек») подразумевает переход коротежа на правый берег Сунжи к реке Ассе, наименование которой «Быстрая» признает сама Н. Г. Волкова (с. 262). Далеко не бесспорно мнение о местонахождении владений «черкашенина Хавсы» (важного ориентира в определении маршрута посольства 1639 года) в «устье Охкарохи» (с. 258). Не вдаваясь в полемику, укажем, что в научной литературе аргументируется и иная локализация (связанная с Джераховским ущельем)⁶. Но эти (и подобные им) замечания носят частный характер и не меняют высокой оценки того, что выполнила Н. Г. Волкова.

Последней в сборнике помещена статья Г. В. Цулая, представляющая собой хорошо написанный очерк об этнографических интересах и трудах академика Н. Я. Марра. Автор прав, утверждая, что огромное и многогранное наследие Н. Я. Марра «незаслуженно редко» используется современными кавказоведами.

В заключение следует сказать, что статьи сборника великолепно иллюстрируют поистине знаменательные успехи многонациональной советской науки на пути всестороннего изучения пестрого в этническом смысле населения Кавказа с его самобытной историей и этнографией. Словом, новый выпуск «Кавказского этнографического сборника» — заметное явление в отечественной этнографической науке.

В. Б. Виноградов

⁴ См., например: Г. Г. Гегечкори. О некоторых особенностях горно-осетинского жилого комплекса. — «Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых исследований 1970 г.», Тбилиси, 1971, с. 96; А. И. Робакидзе. Рец. на книгу Л. А. Чибирова. — «Сов. этнография», 1972, № 4; А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Указ. раб., и др.

⁵ См.: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX вв., М., 1974, с. 153 сл.; *ее же*. Вайнахи в Закавказье. — «Археолого-этнографический сборник», IV, Грозный, 1976, с. 203 сл.

⁶ Т. Магомедова. По древним дорогам — в глубь веков. — «Утро гор», Грозный, 1971, № 4, с. 56; В. Б. Виноградов. Рецензия на книгу Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века». — «Сов. этнография», 1975, № 3, с. 174; Т. С. Исаева. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке. — «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», XI, Грозный, 1977, с. 99—101.

Рецензируемая монография посвящена совершенно неизученной теме. Материальная культура ногайцев, населявших в прошлом обширные степные пространства Поволжья, Северного Причерноморья, Крыма, Предкавказья, до сих пор не была предметом специального изучения.

В основу исследования положены историко-этнографические и краеведческие материалы, опубликованные в многочисленных статьях и заметках исследователей и путешественников XVII—XIX веков. Автор привлекает архивные данные, хранящиеся в Москве, Ленинграде, Махачкале, Ставрополе, а также многочисленные собственные полевые материалы. Книга снабжена фотографиями и рисунками, многие из которых оригинальны и публикуются впервые.

Монография состоит из небольшого предисловия, введения, трех глав и заключения.

Во введении приводятся сведения о расселении ногайцев в настоящее время, а также о их расселении в прошлом. Коротко останавливаясь на вопросах, связанных с хозяйственной деятельностью ногайцев, С. Ш. Гаджиева отмечает, что главным занятием их в начале XX в. было скотоводство. В то же время справедливо отмечено, что уже в XIX веке начало развиваться земледелие; рыболовство и охота были подсобными отраслями хозяйства. Во введении затронуты и некоторые вопросы происхождения ногайцев, их этнического состава. Кратко изложена история ногайского народа. К сожалению, обо всем этом говорится вскользь.

Первая глава посвящена поселениям и жилищу. Кратко охарактеризовав их, автор отмечает, что первые ногайские поселения возникли в северокрымских степях. У кубанских же ногайцев они известны с XVII в., хотя и в XIX в. большая часть населения все еще вела кочевой образ жизни. Анализируя источники, автор высказывает мнение, что для более раннего времени «аул» как вид поселения, не специфичен: народ кочевал крупными подразделениями — ордами. Аулы в современном понимании появились лишь в XVII в. Далее автор рассматривает вопросы классового расслоения в аулах, численность их жителей, размеры, соотношение с местами кочевий. Аулы издавна делились на зимние (*кыслав*), летние (*айлак*), осенние и весенние, т. е. на первых порах носили временный характер. Все аулы неизменно располагались около источников воды. Интересны данные о происхождении названий аулов, их связи с племенным составом ногайского народа, с распадом больших патриархальных семей, образованием патронимий. Используя обширный материал, С. Ш. Гаджиева показала, что только в советскую эпоху завершился окончательный переход ногайцев к оседлости, что и обеспечило экономическое и культурное развитие ногайцев.

Общераспространенным типом жилища в прошлом у ногайцев была юрта (*терме, отав*). Автор дает описание юрты, ее конструкции, способа установки; характеризует материал, из которого делались составные части юрты. С. Ш. Гаджиева отмечает, что размеры, качество материала, внутреннее убранство юрты соответствовали материальному положению и сословной принадлежности ее хозяина. Планировка убранства, распределение мест в юрте были строго подчинены раз навсегда принятому распорядку. В этой же главе описаны дома из сырцового кирпича (жилище оседлого населения) и приемы их строительства. Заканчивается глава характеристикой убранства юрт и смежных их домов.

С немалым интересом читается вторая глава — «Одежда, оружие и украшения», которая занимает значительную часть книги. Детально рассмотрены такие виды домашних ремесел, как прядение, ткачество, обработка шкур, производство войлока. Описаны приемы изготовления сукна, овчины. Исследовательница показала особенности покроя одежды ногайцев, которые уходят корнями в глубокую древность. Для доказательства этого положения С. Ш. Гаджиева детально сравнивает одежду ногайцев с одеждой половцев — кыпчаков. Так, описывая ногайский башлык (*баслык*), С. Ш. Гаджиева отмечает его генетическую связь с головным убором жителей Средней Азии VI—V вв. до н. э., а также гунов (заметим, что в состав гуннской орды входили племена, названия которых сохранились в племенной номенклатуре ногайцев и ныне, например, «исун»).

К достоинствам главы следует отнести хорошо разработанную терминологию деталей одежды. Автор показывает также различия в одежде у лиц из разных социальных слоев. К сожалению, при описании оружия, Гаджиева дает далеко не полный перечень его форм. Понятно, собрать в наше время достаточно полные сведения о древнем оружии ногайцев нелегко. Однако данные о традиционных формах и видах оружия можно было бы почерпнуть в богатом героическом эпосе ногайского народа.

Интересна и хорошо аргументирована третья глава — «Пища». Из труда С. Ш. Гаджиевой явствует, что питание ногайцев полностью зависело от хозяйственного уклада, экономики семьи. Это понятно, если представить себе замкнутое хозяйство ногайцев в прошлом. Отсюда — ограниченный ассортимент блюд: в их основе были мясные и молочные продукты. Но это не значит, что в меню ногайской семьи не было кушаний, изготовленных из муки: начатки земледелия появились у ногайцев задолго до перехода их к оседлости. Большой интерес представляет подробное описание изделий из молочных продуктов, процесс их изготовления и способы хранения. В этой же главе автор

останавливается на использовании ногайцами продуктов охоты и рыболовства, а также на различии в питании богатых и бедных семей. Ценные сведения приведены Гаджиевой о взаимовлиянии навыков приготовления пищи у народов Кавказа.

В заключении, подводя итог своего исследования материальной культуры ногайцев. С. Ш. Гаджиева отмечает, что «ногайский народ за свою многовековую историю создал исключительно богатую и своеобразную материальную культуру». Она приводит факты, свидетельствующие об исконных связях ногайцев с другими тюркоязычными народами, и в первую очередь с казахами, каракалпаками, татарами, узбеками; отмечает изменения в материальной культуре, а следовательно и в быту ногайцев, последовавшие за переходом к полной оседлости. Эти изменения коснулись не только жилища, но и одежды, пищи, общественных институтов.

В заключении, подводя итог своего исследования материальной культуры ногайцев, общественно-политической жизни народа, происшедшие за годы Советской власти.

Таким образом, в нашей этнографической литературе появилось еще одно исследование, посвященное народам Кавказа. Оно безусловно заслуживает положительной оценки, хотя, на наш взгляд, в монографии С. Ш. Гаджиевой имеются и некоторые досадные погрешности. На них следует остановиться.

Введение следовало дополнить хотя бы краткими сведениями по истории ногайцев. Ведь она представляет интерес и с общетеоретической точки зрения (особенно в вопросе перехода кочевых ногайцев к оседлости). Можно было бы изложить несколько подробнее и этническую историю ногайского народа. Например, автор ничего не говорит о формировании Большой ногайской орды, Малой орды и Астраханского ханства. Конечно, эти вопросы не относятся непосредственно к теме монографии; однако освещение, хотя бы краткое, этого периода истории ногайского народа помогло бы читателю понять, какое место занимают ногайцы Дагестана и Ставрополя среди народов Юго-Восточной Европы и особенно Северного Кавказа.

Автор утверждает, что земледелие у ногайцев начинает развиваться лишь с XIX века. Однако, как и у других кочевников, у ногайцев хозяйство было комплексным: главной его отраслью было скотоводство, а земледелие занимало подчиненное положение. Укажем на следующий документ. Источник 1492 года сообщает: «...а нынче, государь, царев человек приехал из Орды (ногайской.— *Р. К., Я. Ф.*) и он сказывает, что Орда пашню пахала на Куме»¹.

Далее, С. Ш. Гаджиева считает, что ногайцы заимствовали юрту у калмыков; но юрты ногайцев по своему устройству относятся скорее к западнотюркскому типу. Об этом говорят термины, характеризующие конструктивные особенности ногайской юрты. Вспомним, кстати, свидетельство О. В. Маркграфа, что ногайцы удовлетворяют спрос на кибитки всего населения степей².

Рассказывая о жилище оседлых ногайцев, С. Ш. Гаджиева пишет: «...ногайцы-кочевники постепенно осваивали типы жилищ и приемы их строительства, характерные для соседних народов» (стр. 63). А вот А. А. Шенников, специально занимавшийся архитектурными традициями ногайцев, утверждает, что «... ногайцы создали свой тип дома самостоятельно»³. Можно было бы привести и другие погрешности, которые мы, впрочем, относим за счет неудачной редакции. Но вот одно обстоятельство объяснить довольно трудно. Дело в том, что работа Гаджиевой посвящена памяти А.-Х. Ш. Джанибекова. Но почему же в монографии не нашли отражения огромное этнографическое наследие этого ногайского просветителя?

Недостатки, отмеченные нами, ни в какой мере не умаляют достоинств рецензируемой работы. Мы уверены, что содержательная книга С. Ш. Гаджиевой будет благоклонно принята читателем.

Р. Х. Керейтов, Я. А. Федоров

¹ «Сборник Русского исторического общества», т. 41. СПб., 1884, с. 149.

² О. В. Маркграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, с. 253.

³ А. А. Шенников. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— «Славяно-русская этнография», Л., 1973, с. 62.

В 1975 г. в издательстве «Наука» вышла в свет книга Л. С. Грибовой «Пермский звериный стиль».

Автор этой работы — опытный этнограф, специалист в области искусства финно-угорских народов, хорошо знающий язык и устное творчество народа коми. Л. С. Грибова известна своими прежними исследованиями древнего искусства и исторических традиций в художественном творчестве коми¹. В них ею были затронуты отдельные вопросы пермского звериного стиля. Появление обобщающей работы, посвященной проблемам семантики этого сложного художественного явления, — закономерный результат творческих исканий Л. С. Грибовой.

Произведения пермского звериного стиля, преимущественно связанные с творчеством предков современных финно-угорских народов, позволяют полнее раскрыть идеологические представления и культурные связи древнего населения Приуралья. Они условно делятся на крупные зооморфные и зооантропоморфные бляхи плоского литья (культовые, «шаманские» предметы) и подвески и бляшки с изображениями зверей и животных (украшения).

Пермский звериный стиль детально изучал А. В. Шмидт. В своей неопубликованной, к сожалению, монографии «Некоторые мотивы искусства пермской чуди» и ряде отдельных статей² он начал разработку хронологии изображений пермского звериного стиля на основе сопоставления с другими видами археологических источников. В опубликованных статьях он несколько отошел от вывода о местных истоках зарождения этого стиля и при анализе изображений птиц по существу вернулся к старой гипотезе их восточного происхождения. А. В. Шмидт отметил религиозно-магическое значение птицевидных бляшек и предположил два способа их употребления: в качестве привесок к шаманским одеждам и приношений божеству³. Изучение этих же вопросов было продолжено в специальной монографии А. П. Смирнова⁴.

В послевоенное время пермский звериный стиль начал все больше привлекать внимание этнографов и искусствоведов. В. В. Чарнолуцкий попытался раскрыть содержание образов этого стиля на основе мифологии саамов⁵, рассматривая сами предметы как изображения духов-охранителей рода и племени. Однако вряд ли можно согласиться с его интерпретацией металлических бляшек как своеобразных иллюстраций к легенде о Мяндаше — человеко-олене или человеко-лосе.

В работе Н. С. Королевой⁶ и Л. С. Грибовой⁷ предметы звериного стиля исследуются в связи с поиском древних истоков современного народного искусства финно-угров.

Среди этих работ рецензируемая книга выделяется комплексным подходом к изучению проблем семантики преимущественно первой категории изображений (культовых блях плоского литья); это удачная попытка этнографа использовать собранный ею полевой материал при анализе образов пермского звериного стиля и характеристике идеологии древнего населения Приуралья.

Л. С. Грибова предпринимает попытку выявления социальной структуры древнего населения Урала на основе исследования семантики изображений пермского звериного стиля. При этом она привлекает различные источники (жилище, одежду, пищу, быт, фольклор, верования и обряды). Автор впервые знакомит читателя с некоторыми новыми археологическими находками.

¹ Л. С. Грибова. Историческая традиция в народном творчестве коми-пермяков. Автореф. канд. дис. М., 1969; *ее же*. Сложный образ пермского звериного стиля. — «Труды ИЯЛИ КФАН СССР», № 13, Сыктывкар, 1972; *ее же*. Древние мотивы в меховой мозаике северных коми. — Там же.

² А. В. Шмидт. Туйский всадник. — «Зап. коллеги востокословов», т. 1, 1925, *его же*. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — «Сб. МАЭ», т. VI, Л., 1927; Е. С. Богословский. Материалы к изучению научной деятельности А. В. Шмидта в Пермском университете. — «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», № 191, 1968, с. 151—153.

³ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, с. 126—153.

⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 28, М., 1952, с. 250—274; К. И. Корепанов. К истории изучения звериного стиля Прикамья. — «Проблемы истории докапиталистических формаций». М., 1978, с. 116, 117.

⁵ В. В. Чарнолуцкий. «Ящер» пермского звериного стиля. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXVIII, М., 1962; *его же*. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

⁶ См., например, Н. С. Королева. Народное искусство пермских финно-угров. Автореф. канд. дис. М., 1969.

⁷ Л. С. Грибова. Историческая традиция в современном искусстве коми-пермяков. — «В Уральское археологическое вешание. Тезисы». Сыктывкар, 1967; *ее же*. Образ человека в деревянной пластике коми-пермяков. — «Наш край», Кудымкар, 1970, вып. 4; *ее же*. Народное искусство коми. Сыктывкар. 1973.

Главная задача автора — раскрыть сущность сложных образов пермского звериного стиля, который, по ее мнению, являлся отражением единства сложной структуры родовых (тотемной) группы. Л. С. Грибова считает, что крупные металлические бляхи были родовыми, фратриальными и племенными знаками — символами, в которые вкладывался определенный социальный и религиозный смысл. Они отражали как общие мировоззренческие представления о различных жизненных средах (воздух, земля, вода, подземный мир), так и представления о соподчиненности подразделений социальной структуры (человек рода — своя родовая группа — фратрия — племя) и религиозных представлений (тотем и субтотемы). Автор значительно полнее раскрывает гипотезу, высказанную ранее А. С. Сидоровым и А. П. Смирновым о том, что изображения на крупных бляхах отражают представления древнего населения о вертикальном делении вселенной на несколько жизненных сфер.

По мнению Л. С. Грибовой, крупные бляхи служили своеобразными записями родовых преданий, средством закрепления все более усложнявшихся родовых генеалогий. Мелкие же бляшки и зооморфные украшения отражали родовую, фратриальную и племенную принадлежность их владельцев и способствовали соблюдению законов древней экзогамии.

В работе впервые широко рассмотрены вопросы генезиса, роли и значения ведущих зооморфных мотивов с эпохи неолита до современности, а также проблема художественной традиции в народном изобразительном творчестве.

Л. С. Грибова исследует вопрос о происхождении и этнической принадлежности приуральской чуди на основе анализа народных преданий. Автор приходит к выводу, что в них под «чудью» подразумевались предки современных коми-пермяков, а возможно, также и обских угров и самодийцев.

Автор развивает также выдвинутое ею ранее положение⁸ о связи культа предков («культ древних») с преданиями о чуди, а конкретных обрядов этого культа — с древними могильниками и святилищами коми-пермяков. Важным является вывод о табуировании имен тех тотемов (лося, утки), чьи имена полностью не произносились. Пережитки запретов сохранились до сих пор (с. 71, 72, 86).

Л. С. Грибова считает, что анализ предметов пермского звериного стиля поможет археологам при изучении вопросов этногенеза. «По сложным образам пермского звериного стиля, вероятно, можно будет определить племенной, фратриальный и даже родовой состав населения Приуралья, более того, наметить межфратриальные и межплеменные связи» (с. 117).

Однако некоторые положения, выдвинутые автором книги, по нашему мнению, являются спорными.

Л. С. Грибова явно преувеличивает значение тотемизма в системе религиозных представлений древнего населения Приуралья эпохи разложения родового строя, к которой и относятся почти все металлические изделия пермского звериного стиля.

Среди мотивов пермского звериного стиля образы домашних животных уже занимают важное место. Тем не менее автор неоднократно подчеркивает (с. 9, 30, 114), что среди изображений звериного стиля почти нет образов домашних животных, хотя сама же отмечает, что фигуры коня и быка присутствуют как в сложных композициях, так и самостоятельно, например на коньковых подвесках.

Л. С. Грибова полагает (с. 66), что полые фигурки, бляшки и шумящие подвески ломоватовского и родановского времени — это знаки родовой принадлежности Женщин, которые служили конкретной цели — строгому соблюдению законов экзогамии. Нет сомнения, что в основе этих изображений лежат древние тотемистические представления. Однако, на наш взгляд, едва ли все эти предметы могли выражать экзогамные взаимоотношения родовых коллективов, тем более, что, вероятно, первоначальный смысл, вкладываемый в эти изделия, был уже давно утрачен, и эти вещи использовались большей частью как украшения.

Древнейшие образы пермского звериного стиля в металлической пластике появляются в ананьинской культуре, в хозяйстве которой скотоводство и земледелие уже начинают выходить на передний план. Недаром А. В. Збруева отмечала синкретический характер верований ананьинских племен и говорила лишь о существовании у них пережитков тотемизма. Она считала, что уже в это время появляется представление о верховном женском божестве, складывается культ солнца⁹.

О том, что религиозные представления населения ломоватовско-родановского времени были более сложными и не исчерпывались пережитками тотемизма говорит и тот факт, что в композицию произведений звериного стиля чаще всего входили образы тех диких животных и птиц, с которыми были связаны общие представления об окружающем мире — например, лося (композиции с трехъярусным делением мира, изображение нескольких фигур лося в виде лучей свастики, отражающей культ солнца и т. д. — с. 74, 79), а также утки, образ которой был связан с легендами о происхождении мира (с. 87). Эти изображения не были локальными, а распространялись на большой территории.

Автор напрасно настаивает на том, что среди изображений звериного стиля «нет ни одного, который бы повторял другой, т. е. нет бляшек, литых по одной форме» (с. 55).

⁸ Л. С. Грибова. Культ «древних» у коми-пермяков. М., 1964.

⁹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30, М., 1952, с. 128—137.

Она сама опровергает это утверждение, приведя пример отливки четырех одинаковых изображений в одной форме (с. 59).

И такие примеры можно умножить. Крупная бляха из пос. Курган, опубликованная Л. С. Грибовой (табл. 11, рис. 4), найдена вместе с такой же, отлитой в одной с ней форме. В кладе, обнаруженном в 1929 г. в с. Редикор и хранящемся в Чердынском музее, есть два комплекта блях с изображением антропоморфных существ с признаками лосей. Оба комплекта отлиты в одной форме. Зооморфные подвески и пронизки (особенно коньковые) также отливались по несколько в одной форме. Некоторые поздние изображения, например бляхи с охотничьими сценами, изготавливались не только местными мастерами, но и ювелирами Волжской Булгарии¹⁰.

Как видим, ряд предметов звериного стиля не был уникальным. Однотипные изображения, отлитые серийно в разных мастерских, распространялись на большой территории, и по ним вряд ли можно выделять территории родов, фратрий и даже племен. Картографирование массовых находок (например, коньковых подвесок) позволяет выделить более крупные общности, типа формирующейся на основе союзов племен народности¹¹. В поздний период развития пермского звериного стиля скорее можно наблюдать упрощение, стилизацию, унификацию образов, а не их усложнение, как считает автор. Это, очевидно, связано с постоянным преодолением родо-племенной замкнутости, с созданием крупных объединений, что отразилось и в мировоззрении древнего населения. Автор пытается проследить эволюцию изображений звериного стиля только на основе анализа их семантики, не прибегая к сравнению стиля и орнаментации изображений с другими предметами из археологических раскопок, а также к датировке некоторых изображений по находкам в хорошо датированных археологических памятниках. Это несколько снижает схему эволюции, которая приведена в книге. Насущной задачей археологов является также кропотливая работа по статистике, систематизации и классификации предметов звериного стиля, созданию эволюционной шкалы изображений. Тогда станет более ясной и общая картина генезиса пермского звериного стиля. Использование отдельных, хотя и ярких предметов дает неполную картину.

Л. С. Грибова правильно считает, что так называемый пермский звериный стиль не является созданием только одного племени или народа, а включает в себя изображения, которые могут быть объяснены, исходя из фольклорных и этнографических материалов как пермских, так и угорских народов. Это можно объяснить как постоянными контактами, так и смешением разных этнических групп в процессе миграций, что прослеживается археологами на большом фактическом материале.

И все-таки, нам кажется, при внимательном изучении уральского звериного стиля можно выделить, по крайней мере, два его варианта — приуральский (пермский) и зауральский. Общими чертами обоих вариантов являются некоторые образы и композиции (голова медведя, лежащая между лап, хищная птица с одной или несколькими головами и человеческой личиной на груди, хищная птица, клюющая голову какого-то животного и т. д.)¹². Есть общее и в технике изготовления металлических изображений.

Однако для пермского варианта наиболее характерными являются сложные многофигурные композиции с изображением зооантропоморфных существ, нижняя часть которых оформлена в виде фигуры «ящера» или другого животного. В Зауралье они не получили распространения.

Для пермского варианта характерны также пронизки в виде «кричащих птиц», литые рельефные коньковые подвески. Даже общие для обоих вариантов образы воплощались в Приуралье и Зауралье по-разному. В Приуралье объемная голова медведя помещалась на шумящих подвесках, а в Зауралье плоские изображения медведя — на широких пластинчатых браслетах. В Приуралье изображения птиц с человеческой личиной на груди чаще имеют широкие плавно опущенные или развернутые крылья, а в Зауралье — более узкие, резко опущенные под прямым углом. Глаза птиц в Зауралье обычно обозначены кружками, а в Приуралье — овалами. Зауральские птицы имеют на голове изображения «ушей», характерных для филина. В Зауралье часто встречаются крупные сложные ажурные пряжки с звериными мотивами, которых почти нет в Приуралье. Имеются некоторые отличия и в технике изготовления. Для многих фигурок Зауральского варианта характерны простота и более грубое исполнение.

На Вычегде и Печоре, где контакты между пермяками и уграми были с древности более часты, чем в Прикамье, наблюдается смешение изображений пермского и зауральского вариантов. Причем прикамские черты заметнее прослеживаются на изображениях с бассейна Вычегды, а зауральские — с бассейна Печоры¹³.

¹⁰ В. Ю. Лещенко. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья. — «Сов. археология», 1970, № 3, с. 148.

¹¹ Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. — «Сов. археология», 1966, № 3, с. 81; *ее же*. Коньковые подвески междуречья Волги и Оки. — «Сов. археология», 1976, № 2.

¹² В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, М., 1953; В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. — «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1968, № 191, и др.

¹³ Г. М. Буров. Вычегодский край. М., 1965; *его же*. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967; Э. А. Савельева. Пермь Вычегодская. М., 1971; В. И. Канивец. Канинская пещера. М., 1964.

Книга Л. С. Грибовой, несмотря на высказанные замечания, имеет важное значение для изучения сложных вопросов идеологии и социальной истории древнего населения Урала. Она показывает, насколько назрела необходимость археологической классификации предметов звериного стиля. Автором поставлен ряд интересных вопросов и опубликован богатый новый этнографический и фольклорный материал, который может сам по себе послужить источником для изучения такого сложного явления, как пермский звериный стиль.

К. И. Корепанов, В. А. Оборин

* * *

Один из сложных вопросов искусства древних евразийских народов, условно называемого звериным стилем,— его семантика. Повсеместное существование звериного стиля и его художественные достоинства давно привлекают внимание исследователей. Но в литературе, рассматривающей проблемы его формирования, распространения и стилистики, попытки выяснения семантики занимают скромное место. Поэтому особенного внимания заслуживает исследование Л. С. Грибовой, посвященное пермскому звериному стилю, возникшему на рубеже нашей эры в результате слияния местных и южных его форм и достигшего наивысшего расцвета в III—VIII вв., в период ломоватовской культуры.

Автор, затрагивая проблему происхождения древнего искусства Прикамья, справедливо считает его местным явлением (стр. 5). Пермский звериный стиль появился как отражение особой идеологии, возникшей на базе ведения охотничье-рыболовецкого хозяйства (стр. 9), и может быть объяснен мифологическими представлениями народов Прикамья (стр. 5).

Утверждая тотемическую природу образов, отмеченную почти всеми исследователями древнего искусства Прикамья, Грибова свою задачу видит в попытке расшифровать общую смысловую характеристику пермского звериного стиля (стр. 6).

Публикация Грибовой ценна тем, что в ней использован большой этнографический и фольклорный материал. К наиболее удачным ее разделам относятся главы, где рассматриваются вопросы этнической принадлежности приуральской чуди и прослеживаются древние традиции народного искусства. Однако смысловая интерпретация автором конкретных образов и выводы о месте произведений звериного стиля в искусстве вызывают возражения.

Предваряя исследование, Грибова поясняет, что под сложными зооантропоморфными образами она понимает композиции с изображениями существ, обладающих признаками разных птиц и животных (стр. 7), и отвергает ошибочный, по ее мнению, метод, когда ученые сводят анализ композиций к изучению их отдельных частей (стр. 10). Но сама она тоже расчленила сложный образ на отдельные элементы и, подбирая мифологические или фольклорные аналогии к ним, рассматривает эти элементы изолированно друг от друга.

Суть исследования Грибовой сложных образов звериного стиля — в обосновании тезиса об их тотемно-генеалогической природе и использовании их в качестве родовых, фратриальных и племенных знаков, своеобразных записей родовых преданий (стр. 66). Предлагаемый автором вариант расшифровки — один из возможных, однако далеко не исчерпывающий, он недостаточно аргументирован и допускает неоднозначную трактовку. Приведем несколько примеров подобной интерпретации.

Так, в композициях с антропоморфными фигурами и существами с признаками птиц и зверей Грибова усматривает то сцену охоты (стр. 63; табл. X, рис. 3), то «выражение единства различных этносоциальных групп» (стр. 63; табл. X, рис. 1), или своего рода «ярлык» на право поедать тотемов противоположной фратрии (стр. 63), то, наконец, считает их своеобразными справками, удостоверяющими родословную предъявителя (стр. 63; табл. X, рис. 4).

То же самое относится к попытке объяснить сосуществование в одном культовом комплексе тотемных реликвий различных фратрий, чьи святилища «засекречивались от чужеродцев» (стр. 33, 103). Грибова предполагает, что, почитая своих тотемов, каждая фратрия «делала жертвоприношения в честь тотемов другой» (стр. 44), но не сообщает, каким образом ввиду запретов они осуществлялись. По ее мнению, на каждом капище совершались культовые отправления одной тотемической группы, о чем свидетельствует Гляденовское костыше, якобы принадлежавшее фратрии Медведя, так как на нем отсутствуют символы фратрии Лося (стр. 55). Между тем остеологический материал Гляденовского костыща содержит массу черепов и костей не только медведей, но и лосей¹. И среди ломоватовских бляшек² довольно часты парные воспроизведения

¹ Н. Н. Новокрещенных. Отчет по раскопке Гляденовского костыща. Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии, ф. 1, оп. 2, л. 41, 45, 51.

² А. А. Спицын. Шаманские изображения. — «Зап. Русского археологического общества», т. VIII, СПб., 1906, рис. 321, 324.

этих двух героев-соперников космогонической мифологии³. Гляденовское костыше было общеплеменным святилищем⁴. С какой же целью устраивались на нем ритуальные выкладки бытовых и художественных изделий и кому демонстрировалась родовая генеалогия? Вряд ли вещи с этих выкладок были рисуночными паспортами (стр. 53), иллюстрациями к генеалогическим мифам (стр. 65), иллюстрированной историей народа (стр. 115), ибо как тогда объяснить обычай тщательно маскировать на капищах художественные и бытовые предметы⁵ или уничтожать их по окончании ритуала⁶?

Грибова права, называя тотемизм исходным в сложении звериного стиля (стр. 25). Но в период, к которому относятся анализируемые произведения, пермские племена уже развивали производящие формы хозяйства и переживали процесс распада родовых коллективов, выделения знати⁷. Поэтому следовало расчлнить вопросы о возникновении художественных образов и об их позднем функционировании, очень удаленном от первоисточников, и о неизбежной при этом их сюжетной и смысловой трансформации.

Грибова предполагает зрительное сходство или действительную связь между зооморфными изображениями и обликом реальных животных. И хотя такая посылка допустима, она не всеобъемлюща. Вызывает сомнение также стремление автора видеть в пермском зверином стиле только отражение реальных дуально-экзогамных связей (стр. 26, 46, 53). Дуальная организация общества оказала глубочайшее влияние на мировоззрение человечества; «от ее корней произросли многие разветвления социального, религиозного, мифологического, эпического и сказочного творчества»⁸. Однако, как свидетельствует сама Грибова, расцвет пермского звериного стиля относится к периоду распада родовых отношений (стр. 116) и тем самым к периоду разложения дуальной организации. Тотемная символика, и ранее не замыкавшаяся в рамках родовой генеалогии, по мере сложения племенных объединений теряет изначальное значение. «Чем больше фратрия утрачивала значение брачной и гражданской единицы, тем сильнее возрастала ее церемониально-символическая роль»⁹.

Реконструкция смысла древних памятников, в значительной мере гипотетическая ввиду скудости и разрозненности привлекаемых источников, может считаться достоверной лишь при условии, что определена функция образов в произведениях звериного стиля. Грибова говорит об обрядовом назначении бляшек и о возможности их использования в качестве вотивных предметов, заменяющих реальную жертву, либо в инициальных церемониях приобщения к родовому тотему (стр. 55, 61). Однако среди художественной бронзы Гляденовского костыща много изображений женщин с детьми, супружеских пар, конных всадников. Нам неизвестны подобные жертвоприношения. Едва ли правомерно отделять так называемые вотивные изображения от всего ритуального комплекса.

Использование фольклорных источников, которые привлекает автор, на наш взгляд, требует постоянного соотнесения с комплексом мировоззренческих представлений.

Грибова, видимо, преувеличивает гносеологическую функцию первобытного творчества. Эта специфическая и главная для науки функция познания в искусстве играет подчиненную роль¹⁰. Пермский звериный стиль отражал определенные общественные представления и соотносился с общественной практикой, продолжением и одновременно идеально-оценочным выражением которой был ритуал (поведение, соответствующее детерминированной программе). Семантическая интерпретация пермского звериного стиля должна учитывать, следовательно, характеристики ритуально-обрядовых экспозиций древнекамских святилищ; среди них классическими являются ритуальные комплексы Гляденовского костыща. Непременной частью этих комплексов могла быть, например, одежда, надеваемая участниками ритуала. Исследователи традиционного народного костюма отмечают его связи не только с семейно-родовой¹¹, но и с космогонической символикой¹². Поиск скрытого смысла ритуальных систем — почти всегда путь наощупь. Но только он приближает нас к более достоверному знанию.

Композиционная схема, в основе которой лежит мотив предстояния двух или нескольких зооантропоморфных существ центральному антропоморфному изображению, формируется на протяжении существования ломоватовской культуры. Она обнаруживается в бляшках со сценами поклонения животных солярному символу, прослеживается в одиночных, явно связанных между собой профильных и фасных фигурках человеко-

³ А. Ф. Анисимов. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1958, с. 12, 13.

⁴ В. Ф. Генинг, В. А. Оборин. К вопросу о Гляденовской культуре.— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. XII, в. 1, 1960, с. 171.

⁵ Н. Н. Новокрещенных. Указ. раб., л. 55.

⁶ В. В. Иванов. Об одном архайском типе знаков искусства и пиктографии.— Сб. «Ранние формы искусства». М., 1972, с. 106; С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири.— «Сб. МАЭ», 1949, XI, с. 48.

⁷ О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, с. 159, 164.

⁸ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 291, 297.

⁹ Там же, с. 149.

¹⁰ М. Марков. Искусство как процесс. М., 1964, с. 74.

¹¹ В. Виноградов. Удмуртская одежда. Ижевск, 1974, с. 4.

¹² Б. А. Рыбаков. Макрокосм в микрокосмосе народного искусства.— «Декоративное искусство СССР», 1975, № 11.

лосей и в бляшках с двумя антропоморфными существами, стоящими перед сакральным центром, изображаемым в виде дерева, головки зверя, личины и, наконец, человека¹³. Эту схему автор должен был объяснить хотя бы предположительно.

Смысл образов и функциональные характеристики произведений пермского звериного стиля, бытовавших некогда в «мире жестов, а не записанного слова» и тем самым реализующих основные семантические ядра этих жестовых ситуаций, нельзя вывести целиком из мифологических и фольклорных источников. Повествовательный фольклор и изобразительное искусство — два довольно самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, компонента ритуально-обрядовой системы.

По всей вероятности, в обряде экспонировалась и космогоническая структура, получающая зримое воплощение в виде культово-почитаемых объектов: зверя, антропоморфного существа, космического дерева и т. д. «Собирание» частей этих объектов было главной целью религиозно-культового обряда.

При выяснении семантики звериного стиля очень трудно реконструировать содержание ритуала. Однако объединенные усилия специалистов различных областей знания способствуют проявлению контуров семантической системы, отражающей самые фундаментальные представления о единстве всего сущего, об извечном порядке и обновлении мироздания, системы, охватывающей разные аспекты положительных и отрицательных явлений¹⁴.

Заканчивая эту рецензию, необходимо сказать, что спорные моменты, отмеченные в книге Грибовой, вытекают в основном из общей неразработанности проблем народного искусства, не только архаического, но и более позднего. И все же во многом дискуссионная, работа эта направляет к новым размышлениям и исследованиям. В этом ее неоспоримое достоинство.

А. В. Доминяк

¹³ А. А. Спицын. Указ. раб., рис. 27, 107, 125, 135, 138, 196, 202, 215, 316, 319.

¹⁴ Ф. К. Вагнер. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, с. 48, 54.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Э. Г. Александренков. Индейцы Антильских островов. М., 1976, 231 с.

Книга Э. Г. Александренкова посвящена чрезвычайно интересной группе аборигенов Нового Света. Рассеянные на островах между двумя частями Америки — Северной и Южной, они создали своеобразную культуру (правильнее, впрочем, будет сказать — культуры), исследование которой имеет далеко не локальное значение. Изучение этнического и культурного облика антильских индейцев важно и потому, что их сложные взаимосвязи с коренными обитателями севера и юга материка до конца не выяснены. Наконец, именно аборигены Антиль оказались первой группой жителей Америки, вступившей в контакт с европейцами, и — первыми жертвами колонизаторов.

Изучение антильских индейцев осложнено также тем, что крайне узкий круг источников (аборигенов Больших Антиль успели описать лишь четыре автора, а их соседей на Малых Антилах — пять) пополнился археологическими и антропологическими материалами лишь в последние десятилетия (хотя и в наши дни приходится констатировать весьма слабую изученность Антиль в этих планах). В такой ситуации очень многое зависит от умения исследователя работать с источниками, четко определять их значение, скрупулезно анализировать содержащиеся в них подчас противоречивые известия. Хотя об индейцах Антиль написано немало (к книге приложен весьма обширный список литературы, занявший восемь страниц мелким шрифтом; он, несомненно, имеет самостоятельное научное значение), многие проблемы остаются нерешенными еще и в наши дни.

Все эти обстоятельства определили композицию книги. В первых двух ее главах анализируется круг источников и литературы, характеризуется уже сделанное предшественниками автора, определяется объем того, что могут дать немногочисленные, как уже отмечалось, источники. Здесь привлекают лаконизм, умение немногими словами выразить главное, четкость и аргументированность оценок. Э. Г. Александренков далек от ненужной категоричности. О том, что на данном уровне наших знаний вопрос о доколумбовых Антилах остается спорным, еще не решенным, говорится достаточно объективно. Свободно оперируя всей суммой данных о предмете исследования, автор, бесспорно, извлекает из этого материала максимум того, что было возможно.

Это сразу же ощущается при обращении к основной части книги. Прежде всего Э. Г. Александренков поставил перед собой задачу дать этническую классификацию коренного населения Антильских островов (гл. 3). Ему, на наш взгляд, удалось приве-

сти все сведения по этому вопросу, известные современной науке; выявить и объяснить ряд противоречий, встречающихся у хронистов и ранних путешественников. Главу завершает раздел о судьбах индейцев Антильских островов. Нельзя, однако, не посоветовать на чрезвычайную его краткость (всего 2 стр.!).

Автор дает почти исчерпывающее описание хозяйства, материальной культуры и положительных знаний коренных обитателей Вест-Индии (гл. 4). Здесь, в частности, привлекают внимание данные о сельскохозяйственных культурах (стр. 100—102), о своеобразных приемах рыбной ловли (стр. 103, 120). Очень интересен материал о лодках, и не только сам по себе: решение проблемы грузоподъемности лодок тесно связано и с возможностью подсчета индейского населения некоторых районов. Э. Г. Александренкову удалось далее показать, какие формы принимало разделение труда по полу у разных групп аборигенов (особенно удачны стр. 135—137, посвященные Малым Антилам). Пожалуй, только о положительных знаниях аборигенов можно было написать подробнее (впрочем, автор частично восполняет этот пробел в следующих главах; см., например, стр. 193).

В следующей главе (гл. 5) рассмотрено общество антильских индейцев. Известно, что именно этот круг проблем наименее разработан. Ученые уже давно спорят о том, какой стадии социального развития достигли аборигены на различных островах; далеко не во всех деталях ясны роль и функции касиков (вождей); нет у специалистов единого мнения и по поводу того, что представляли собою таино (нитаино), наборы... Интерпретируя немногочисленные, а подчас и противоречивые данные источников, Э. Г. Александренков убедительно доказывает, что общество наиболее развитого острова (Гаити) было «предклассовым, предгосударственным», причем отсутствие «сколь угодно широкого применения металлических орудий», а также приручения животных характерно не только для индейцев Гаити, но и для некоторых иных индейских обществ и даже для целого ряда других обществ, находящихся за пределами Нового Света (стр. 159, 160). Среди функций касиков автор выделяет их роль как военачальников, подчеркивая вместе с тем, что, несомненно, существовали касики «разных степеней». Очень интересны соображения о том, что описывать обитателей ряда островов как «невоинственных» — неправильно: источники такой оценки не подтверждают. Таино (нитаино), по мнению Э. Г. Александренкова, это лица, входившие в военную прослойку при «крупных вождях» (стр. 149), а наборы (набориа) — своеобразная категория слуг, которых можно было передавать от одного лица другому. Немало важных и интересных выводов и в разделе о семейных отношениях.

Последняя глава (гл. 6) посвящена религиозным представлениям и ритуалам. Детально проанализировав имеющиеся материалы, Э. Г. Александренков приходит к выводу, что на Малых Антилах в XVII в. религиозный ритуал отличался большей простотой, чем на Больших Антилах; правда, он справедливо замечает, что в XV в. картина могла быть иной (стр. 210).

В заключение монографии даны два небольших очерка: первый — о связях аборигенов Антиль с народами материка, второй — о сходстве и различиях между обществами Больших и Малых Антиль. Выводы Э. Г. Александренкова сводятся здесь к следующему. Более высокий уровень развития на Гаити (по сравнению с Малыми Антилами) «соответствует более развитым общественным отношениям»; но это более высокое развитие определили «не столько орудия труда, сколько широта применения мужского труда в производящем хозяйстве и улучшение техники производящего хозяйства» (стр. 220).

Монография Э. Г. Александренкова — первое в нашей науке исследование об антильских аборигенах. Можно утверждать, что пока не будут найдены какие-то новые источники или в ходе археологических исследований не будут обнаружены новые материалы, относящиеся к доколумбову периоду истории Вест-Индии, вряд ли удастся добавить что-либо принципиально важное к той характеристике индейцев Антильских островов, которая дана Э. Г. Александренковым.

Нельзя не отметить чрезвычайно, на наш взгляд, удачное оформление книги. Художник Н. В. Гарбузов, создавая обложку, очень выразительно и органично включил в ее оформление изображения подлинных предметов, найденных на Антилах.

А. Д. Дридзе

Изучение Африки в России (дореволюционный период). (Отв. ред. А. Б. Давидсон, Г. А. Нерсесов) М., 1977, 187 с.

Подготовленный в Институте Африки совместно со специалистами из других академических институтов сборник, посвященный дореволюционной российской африканистике, включает семь статей.

В небольшом очерке академика М. А. Коростовцева (стр. 5—15) — о становлении египтологии в нашей стране, отмечается, что интерес к Египту в России существовал издавна, а египтология как отрасль востоковедения начала формироваться у нас приблизительно в то же время, что и в других странах — после работ Ф. Шампольона. Оценка вклада в науку таких выдающихся ученых, как В. С. Голенищев, Б. А. Тураев, О. Э. Лемм, составляет основное содержание очерка. Работы каждого из них — важный этап в развитии не только русской, но и мировой египтологии. В. С. Голенищев был выдающимся археологом, собирателем и публикатором древнеегипетских письменных памятников, исследователем их текстов и языка; им же по существу начато было преподавание египтологии в Каирском университете. Высоко оценивает М. А. Коростовцев научные заслуги Б. А. Тураева — автора выдающегося труда по истории древнего Востока. Б. А. Тураев, сын своей эпохи, не был материалистом в исследовании исторического процесса; но М. А. Коростовцев обращает наше внимание на то, что в отличие от многих известных зарубежных востоковедов Б. А. Тураев был чужд предвзятых идей, априорных построений, равно как и ползучего эмпиризма, и вследствие этого в ряде случаев «он мог стихийно приблизиться к положениям исторического материализма» (с. 11). Значителен вклад в египтологию и особенно в коптологию (создателем которой в России он явился) О. А. Лемма. Автор очерка называет имена и других русских египтологов, отметив в заключение, что царизм был равнодушен к этой отрасли, и тем почетным местом, которое заняла русская египтология в мировой науке, она обязана лишь энтузиазму, таланту и громадному труду ее корифеев.

В статье Д. А. Ольдерогге (стр. 16—29) рассказывается об изучении африканских языков в России. Автор отмечает, что оно началось в конце XVIII в. в связи с подготовкой издания «Сравнительного словаря всех языков мира»; в этот словарь вошли сведения по 33 африканским языкам. Автор анализирует словарики этих языков, оценивает их содержание, источники, научное значение. Он подчеркивает, что этот «Словарь» Российской Академии наук «впервые в истории языковедения включил сведения по африканским языкам в материалы по всем языкам мира с целью сравнительного их изучения» (с. 22).

Охарактеризовав далее интересы в области африканских языков академика П. С. Палласа, дипломата И. А. Гулянова, филологов И. В. Негушила и А. Л. Погодина, путешественника В. В. Юнкера, автор особо отмечает ценность словарей, составленных последним при изучении народов верховьев Нила и Уэле, до сих пор мало исследованных в лингвистическом отношении. Д. А. Ольдерогге напомнил о больших заслугах российских ученых в изучении Египта и Эфиопии.

Статья М. Б. Горнунга и И. Н. Олейникова (стр. 30—71) посвящена географическому изучению Африки в России. В первой части их работы характеризуется период накопления знаний по географии Африки в нашей стране (до конца XVIII в.) — так сказать, донаучный период. Здесь интересны сведения о переводных изданиях по географии (включая карты), которые в XVIII в. были в России основным источником знаний о далеком континенте. Но раздел этот, на мой взгляд, неоправданно краток. В нем лишь сказано о давних связях народов Средней Азии, Закавказья, России с Африкой, но фактический материал очень скуден (из путешественников назван лишь А. Никитин). Между тем интересных фактов здесь можно было привести немало¹ — и они, конечно, известны авторам статьи, которые во введении к своей работе с удовлетворением отметили, что «кропотливый труд советских ученых вернул из прошлого десятки имен не только собственно исследователей, но также моряков и паломников, дипломатов и купцов, искателей приключений и других людей» (с. 30) — наших соотечественников, побывавших в Африке и принеших о ней на родину различные сведения — пусть не всегда ценные, далекие от научной строгости, но тем не менее постепенно обогащавшие и уточнявшие представление об этом континенте.

Время интенсивной работы по географическому исследованию Африки для России, как справедливо считают авторы, — в общем то же, что и для западноевропейских стран — XIX в., и деятельность российских ученых в этой области науки была весьма заметной и значимой, — тем более, если учесть, что в отличие от других стран Россия

¹ Хотя бы те, что содержатся в книгах: «Африка: встречи цивилизаций». М., 1970; «Африка глазами наших соотечественников», М., 1974.

не имела в Африке колониальных интересов. Вклад отечественных ученых в географическое изучение Африки — Северной, Северо-Восточной, Центральной, — проанализирован авторами хотя и кратко (порой даже бегло — это касается, в частности, оценки работ М. Г. Коковцова, А. С. Норова, А. А. Рафаловича и некоторых других), но достаточно убедительно и точно. Естественно, что основное внимание в статье уделено характеристике путешествий (и их научных результатов) Е. П. Ковалевского, много сделавшего в середине XIX в. для исследования Северо-Восточной Африки, В. В. Юнкера — одного из самых крупных исследователей Африки, посвятившего около двух десятилетий путешествиям и изучению северо-восточного и центрального регионов континента, А. К. Булатовича — крупнейшего исследователя Эфиопии. Интересен раздел об экспедиции С. Л. Шольца-Рогозинского в Камерун, так как имя этого путешественника до сих пор мало известно не только широкой общественности, но и многим африканистам. Исследование географических проблем Африки в России — свидетельство давнего и глубокого интереса к этому континенту у наших соотечественников, заключают авторы статьи, — интереса, который реализовался в серии важных работ, выполненных на высоком научном уровне.

Работа Л. Е. Куббеля (стр. 72—125) — первый обобщающий очерк истории этнографического изучения Африки в России. Л. Е. Куббель точно указал основной географический ареал деятельности русских ученых — Северо-Восточную Африку и отчасти восточные области Центрального Судана — и выделил три основных направления их исследований: а) изучение этнического состава населения, этническое картографирование, изучение этнолингвистических проблем; б) исследование хозяйственной деятельности жителей посещенных областей и их материальной культуры; в) изучение социальной структуры, политической организации, верований и обычаев и вообще духовной жизни народов, с которыми встречались путешественники. Основное внимание автор уделит анализу материалов Е. П. Ковалевского, В. В. Юнкера и А. К. Булатовича. При этом Л. Е. Куббель, указав, что названные выше три основные линии (или сферы) этнографического исследования Африки были намечены еще в книгах М. Г. Коковцова, последовательно сопоставляет результаты работ трех ведущих путешественников XIX в. с анализом аналогичных сюжетов у этого автора XVIII в. (называемого у нас иногда «первым русским африканистом»). Благодаря этому мы получаем картину развития идей, методов и традиций (из которых существеннейшие, как подчеркивает автор, — доброжелательность и объективность) в изучении африканских народов путешественниками и учеными России.

Нет нужды пересказывать материал этой статьи, как нет и возможности привести и охарактеризовать все оценки, сделанные в ходе исследования Л. Е. Куббелем. Хотелось отметить только, что осмысление материала того или иного путешественника, делаемое на основе знаний и идей современной науки, позволяет увидеть в нем больше (либо по-иному), чем это виделось, скажем, современникам путешественника и даже позднее. Например, спутник Е. И. Ковалевского Л. С. Ценковский высказал мысль о миграциях с начала XVI в. негроидных племен из Центрального Судана в междуречье Нила и Конго. В то время это было лишь интересное предположение. Сегодня об этих миграциях можно говорить уже значительно более уверенно и определенно, и Л. Е. Куббель с удовлетворением отмечает смелость научного мышления нашего соотечественника (стр. 81). Или, скажем, Е. П. Ковалевский описывает хозяйственные занятия народов верховья Нила: это конкретные, порой немногословные заметки. Л. Е. Куббель же на основе этого материала делает интересное обобщение: перед нами, указывает он, «целая гамма переходов от присваивающего хозяйства к производящему» (стр. 88). Таких примеров можно привести немало.

Вызывает сомнение лишь истолкование Л. Е. Куббелем того факта, что, в материалах А. К. Булатовича меньше всего данных о расселении основного этноса Эфиопии — амхара. Автор объясняет этот парадокс так: «видимо, А. К. Булатович понимал, что политические события, современником которых он был, предвещают быстрое изменение картины распределения амхарского населения по территории страны, и, может быть, поэтому воздержался от ее детального показа» (с. 85). Думаю, что в таком случае естественнее предположить, что А. К. Булатович, в высшей степени серьезно вникавший в проблемы страны, скорее скрупулезно зафиксировал бы существовавшую ситуацию, чем прошел бы мимо. По-видимому, здесь надо искать какое-то другое объяснение. Может быть, он не видел необходимости повторять то, что уже содержалось в работах об Эфиопии других авторов (зарубежных)?

Не вызывают сомнения вывод Л. Е. Куббеля о том, что в России «сложилась достаточно богатая и продолжительная традиция этнографического изучения народов Африканского континента» (с. 118); и его общая высокая оценка собранных русскими исследователями Африки этнографических материалов и многих сделанных ими обобщений как крупного вклада в мировую африканистику.

Статья Э. Шика «Е. П. Ковалевский против расизма» (с. 126—137), напечатанная впервые в «Советской этнографии» в 1946 г., интересна и сегодня не только как хорошая марксистская работа по истории российской африканистики, но и как содержательное выступление по одной из актуальных проблем современности — проблеме расизма и борьбы с ним. Автор подробно анализирует все высказывания Е. П. Ковалевского против расизма, против современного ему расистских концепций, против принижения африканцев, оскорбления их человеческого достоинства. Русский ученый, подчеркивает Э. Шик, «с возмущением отвергает ходячий взгляд на африканцев как на „низшую ра-

су"» (с. 127). Особый акцент автор статьи делает на том обстоятельстве, что, в отличие от других противников расизма того времени, Е. П. Ковалевский в своей критике этого позорного явления основывался на данных науки; он аргументированно доказывал единство человеческого рода, а те или иные явления культуры африканцев объяснял уровнем их социального развития, особенностями среды; он указывал на относительность многих культурных понятий и обычаев у разных народов. Э. Шик подчеркивает, что многие мысли Е. П. Ковалевского и теперь «не потеряли своей актуальности» (с. 136). С этим нельзя не согласиться.

«Очерк истории африканистики в Эстонии» А. Д. Дридзе (стр. 138—152) — результат кропотливых поисков автора в течение 15 лет.

Наиболее подробно представлена в очерке деятельность Х. Тийсмана, который находился в Африке в 1865—1868 гг. Он первым в нашей стране, отмечает А. Д. Дридзе, сделал этнографическое описание галла, первым же опубликовал текст на языке этого народа и нотную запись музыкального фольклора галла; он же первым в России исследовал народ ньяка.

Интересен материал о Ю. Юрисоне, Э. Овийре (изучавшем народ джага), У. Мазинге и особенно о Л. Блумере, создавшем первый букварь на языке масаи. Благодаря настойчивости А. Д. Дридзе, проявившего большое внимание ко всем именам эстонской африканистики, ее история предстала перед нами как интересный раздел отечественной истории этой науки.

Статья В. Б. Мириманова (с. 153—162), заключающая сборник, посвящена книге «Искусство негров» русского художника В. И. Матвея, положившего начало изучению искусства народов Тропической Африки в России. В. Б. Мириманов охарактеризовал состояние изученности африканского искусства в России в начале XX в., общую атмосферу в изобразительном искусстве того времени, отметил закономерность обращения многих художников к традиционному творчеству разных народов. Автор познакомил нас с биографией В. И. Матвея, с формированием его эстетических взглядов, показал, как тщательно изучал художник коллекции по африканскому искусству во многих музеях Европы. «Беспрецедентным,— подчеркивает В. Б. Мириманов,— не только для того времени, но и для гораздо более позднего периода было намерение В. И. Матвея осветить искусство Африки в историческом аспекте...» (стр. 158). Большой заслугой русского художника было и бескомпромиссное осуждение всевозможных заявлений о художественной «бедности», «отсталости», «внеисторичности» африканцев. Говоря, в частности, о Западной Африке, В. И. Матвей писал, что она «богата... и в смысле истории, и в смысле искусства. В создании мировой красоты она занимает почетное место...» (стр. 159).

Подробно проанализировав книгу В. И. Матвея, В. Б. Мириманов совершенно справедливо заключает, что она способствовала «утверждению равноправия» в афро-европейском культурном диалоге.

Статьи сборника, конечно, отличны одна от другой и по жанру (о чем мы уже сказали), и по объему, и по стилю. Но есть у них и общие черты. Это, прежде всего, высокий профессионализм, позволивший и в небольших по объему статьях не только точно поставить соответствующие теме важнейшие вопросы, но и глубоко их осветить, профессионализм, исключивший даже мелкие погрешности. Это и подлинный патриотизм и гордость за своих предшественников в науке, сделавших для нее, а значит, и для своей Родины так много; но этот патриотизм нигде не вступает в противоречие с научной добросовестностью — это патриотизм, исполненный достоинства, не требующего никакого преувеличения или приукрашивания заслуг отечественных ученых и путешественников.

Книга эта — не «подведение итогов». Скорее это важный, необходимый этап в создании фундаментального труда по истории африканистики в нашей стране, и это хорошо понимают и авторы, и редакторы сборника. Но сделано ими немало, и они заслуживают читательской благодарности. И еще: книга «Изучение Африки в России», показавшая, как глубоки традиции не только научного исследования африканских проблем в нашей стране, но и внимания, симпатии к африканским народам — хороший вклад в развитие и укрепление дружественных отношений между народами СССР и Африки.

С. Я. Козлов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1978 ГОДУ

Статьи

	№	Стр.
Аверкиева Ю. П. У истоков современной этнографии (К столетию выхода в свет «Древнего общества» Л. Г. Моргана)	1	15
Андреев И. Л. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытнообщинной формации в конспекте книги Л. Г. Моргана «Древнее общество»	1	34
Арсеньев В. Р. Бамбара: лингвистические и социальные аспекты этнической истории	3	59
Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм	2	3
Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (К определению предмета этнографии общения)	5	3
Богданова В. И. Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев	6	46
Волкова Н. Г. Новое и традиционное в культуре народов Закавказья	3	16
Вурм С. А. Современные тенденции развития социалингвистической ситуации в Папуа Новой Гвинее	5	53
Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры)	5	18
Долинова Н. А., Исмагулов О., Хить Г. Л. Дерматоглифика некоторых групп населения Индии	5	42
Дубова Н. А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы	4	34
Златковская Т. Д. К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев	3	47
Исмагулов О.—см. Долинова Н. А., Исмагулов О., Хить Г. Л.	5	42
Колева Т. А. Георгиев день у южных славян (обычай, связанные с животноводством)	2	25
Конституция развитого социализма	1	3
Котовская М. Г. Возникновение групп смешанного происхождения на северо-востоке Бразилии (XVI—XVIII вв.)	5	29
Мелик-Симонян К. А. Образ ведуна в традиционных африканских верованиях	2	39
Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнологических наук	4	3
Осинов В. Г. Первые контакты тогганцев с европейцами в XVII—XVIII вв.	4	46
Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе	2	15
Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX—начало XX в.)	6	14
Соломоник И. Н. Проблемы анализа народного театра кукол (художественный язык народного кукольного представления)	6	28
Стеценко С. Е. Развитие нйвой советской обрядности в Украинской ССР	6	3
Татаринова К. Л. Традиционная социальная структура общества масаев конца XIX—начала XX в. (Опыт реконструкции)	1	48
Томилов Н. А. Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири	4	9
Тульцева Л. А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков (по материалам среднерусской полосы)	3	31
Урысон М. И. Дарвин, Энгельс и некоторые проблемы антропогенеза	3	3
Хить Г. Л.—см. Долинова Н. А., Исмагулов О., Хить Г. Л.	5	42
Эжкель Б. М. Некоторые аспекты межэтнических контактов в Удмуртской АССР	4	22

	№	Стр.
Журов Р. Я. К вопросу о происхождении искусства (ответ оппонентам)	3	91
К дискуссии о происхождении искусства	3	105
Першиц А. И.—см. Смирнова Я. С., Першиц А. И.	6	61
Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества	4	58
Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»?	6	61
Столяр А. Д. Об археологическом аспекте проблемы генезиса анималистического искусства в палеолите Евразии	3	72

Из истории науки

Вилкуна К. Экспедиция Сакари Пяльси в Северо-Восточную Сибирь (1917—1919 гг.)	3	111
Като К., Туголуков В. А. Сибирь начала XIX века глазами японца	3	117
Леонтьева А. М. К истории высшего специального этнографического образования (Этнографическое отделение Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани)	2	53
Сабурова Л. М., Чистов К. В. Дмитрий Константинович Зеленин (К 100-летию со дня рождения)	6	71
Титова З. Д. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII века	1	59
Туголуков В. А.—см. Като К., Туголуков В. А.	3	117
Тумаркин Д. Д. Материалы первой русской кругосветной экспедиции как источник по истории и этнографии Гавайских островов	5	68
Чистов К. В.—см. Сабурова Л. М., Чистов К. В.	6	71

Сообщения

Айтберов Т. М. Недавно найденные алаты аварцев XVII века	6	111
Александров В. А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII — начало XVIII в.)	3	131
Арофкин Е. В. Фольклор как источник изучения материальной культуры (Ткань «китайка» в поэтическом творчестве украинского народа)	5	119
Баскаков Н. А. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Буюк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР	3	152
Березкин Ю. Е. Две группы иноплеменников на изображениях мочика (Перу)	1	126
Бутинова М. С. О роли религии и традиций в современной Меланезии (На примере жителей островов Адмиралтейства)	6	117
Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись Хэнтэй I	3	149
Гонтарь Т. А. Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX — первой четверти XX в.	4	88
Гохман В. И. К реконструкции древнетайской системы терминов родства	6	127
Грачева Г. Н. Многонациональный таймырский поселок Усть-Авам (Современное состояние и перспективы развития)	1	90
Гудченко З. С. Некоторые особенности архитектуры местечек Украины (Конец XVIII — начало XX в.)	5	109
Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы	3	139
Забоев А. С. Древний «денежный» счет коми	1	103
Ибрагимов М.-Р. А. К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI — начало XX в.)	2	83
Ибрагимов Х. О некоторых аспектах межэтнического общения в городах Дагестана (по данным о национально-смешанных браках в Махачкале)	3	124
Козенко А. В. О стандартизации методик изучения национально-смешанной брачности	1	72
Коростелев А. Д. Об одном возможном применении коэффициента этно-территориальной общности	2	63
Кочешков Н. В. Народное декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.)	4	107
Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу)	6	99
Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган	2	95
Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабане	4	123
Мещеряков А. Н. Эволюция синтоистского пантеона и социальная история Японии VI—VIII вв.	5	134
Миненко Н. А. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в.	2	72
Мынжасарова Ш. Ж. Народное ювелирное искусство казахов Западного Казахстана	4	96
Нагаева Л. И. Подражательные народные башкирские пляски	1	118

	№	Стр.
Пенжиев М. О кырином орошении и орошении лагымами в Туркменской ССР	1	98
Потапов Л. П. Исторические связи алтае-саианских народов с якутами (По этнографическим материалам)	5	85
Рабинович М. Г. Русская городская семья в начале XVIII в. (По переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г.)	5	96
Руквишников В. О. Этносоциальные аспекты расселения в городах Татарии (На примере Казани и Альметьевска)	1	77
Симакин С. А. Анимистические верования чинов	5	141
Суанкей Б. Земельные искн аборигенных народов Канады	4	131
Усманов М. А.—см. Кушева Е. Н., Усманов М. А.	6	99
Халилов Х.—см. Ходжайов Т. К., Халилов Х.	5	130
Ходжайов Т. К., Халилов Х. Новые материалы к палеоантропологии Древней Бактрии	5	130
Чагин Г. Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII—начало XX в.)	6	86
Чижикова Л. Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области	4	76
Шаловалова Г. Г. Диалог в русском свадебном обряде	1	110
Шервуд Е. А. Отражение в терминологии англо-саксонского языка развития этносоциальной структуры (VI—VIII вв.)	2	100
Шрамкова М. К. вопросу о взаимоотношении чешской фольклорной прозы и литературы	4	119
Поиски, факты, гипотезы		
Гусев В. Е. О реконструкции праславянского календаря (К проблеме этногенеза славян)	6	132
Красновская Н. А. Загадочные башни Сардинии	4	137
Липец Р. С. «Меч из редкостной бронзы...» (Отголоски эпохи освоения металлов в тюрко-монгольском эпосе)	2	107
Снесарев Г. П. Загадка Даку-Юнуса. (История одного поиска)	5	148
Чистов К. В. Японская сказка и русский читатель	3	155
Шиббаева Ю. А. Встреча с шаманкой	1	138
Хроника		
Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1977 году	4	148
Научная жизнь		
Авижанская С. А. Новые экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР	1	155
Гурвич И. С. Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки	6	157
Дмитриев В. А. Этнологический центр в Японии	3	164
Дробижева Л. М. Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социального образа жизни»	6	155
Жилина А. Н., Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.	6	144
Зеленчук В. С., Златковская Т. Д. О работе Научного совета по проблеме «Славяно-волошские связи и формирование молдавской народности»	2	123
Златковская Т. Д.—см. Зеленчук В. С., Златковская Т. Д.	2	123
Иванова Е. В. Выставка «Искусство Лаоса»	2	135
Козлов В. И., Трайде Д. Симпозиум, посвященный исследованию этнических явлений и процессов	1	147
Коротко об экспедициях	1	161
Коротко об экспедициях	2	137
Коротко об экспедициях	3	166
Коротко об экспедициях	4	162
Коротко об экспедициях	5	164
Коротко об экспедициях	6	164
Логашова Дж. Б. Вторая Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа	1	160
Международная конференция в защиту коренного населения Американского континента от дискриминации	2	131
Меркене Р. В. Конференция об итогах экспедиций литовских этнографов 1975—1976 гг.	3	163
Молотова Л. Н. Научная сессия «Изучение этнографических проблем современности и комплектование музейных фондов»	5	160
Новик Е. С. VII Всесоюзный семинар музыковедов-фольклористов	4	160
Новик Е. С. Отчетно-экспедиционные сессии Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР	6	160

	№	Стр.
Путилов Б. Н. Всесоюзная научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока»	1	149
Соколова В. К. IV Болгарский национальный симпозиум по проблемам фольклора	1	151
Соколова З. П. Первое региональное совещание по проблемам географии, истории, этнографии и языков народов Европейского Севера	2	130
Сухачев Н. Л. Симпозиум по ареальным исследованиям	5	162
Тер-Саркисянц А. Е.—см. Жилина А. М., Тер-Саркисянц А. Е.	6	144
Трайде Д.—см. Козлов В. И., Трайде Д.	1	147
Тумаркин Д. Д. Девятая всесоюзная конференция океанистов и австрало-ведов	4	158

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Тер-Акопян Н. Б. Новые зарубежные публикации литературного наследия К. Маркса и некоторые проблемы первобытной истории	1	163
--	---	-----

Общая этнография

Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. М. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества	3	173
Григулевич И. Р. И. А. Кривелев. История религий, т. 1 и 2	4	164
Кобычев В. П., Чеснов Я. В. <i>Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография</i>	4	167
Куббель Л. Е. А. М. Хазанов. Социальная история скифов	6	166
Мануш Лекса. Н. Е. Wedeck. With the assistance of W. Baskin. Dictionary of Gypsy life and lore	1	171
Марков Г. Е. Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры	4	170
Пименов В. В. Е. А. Веселкин. Кризис британской социальной антропологии	2	143
Покшишевский В. В. Andrzej Maryanski. Ludność świata	2	141
Покшишевский В. В. В. И. Козлов. Этническая демография	3	171
Пушкарев Л. Н. Этническая история и фольклор	5	168
Сусоколов А. А.—см. Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А.	3	173
Степанов Н. Н. <i>Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии</i> , вып. VII	5	170
Чеснов Я. В.—см. Кобычев В. П., Чеснов Я. В.	4	167
Чистов К. В. Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа	2	149
Шнирельман В. А. R. W. Bulliet. The camel and the wheel	2	145

Народы СССР

Андрианов Б. В. И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк)	1	176
Бутинова М. С., Соколова З. П. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX—начало XX в.)	2	153
Васильев В. И., Файнберг Л. А. Ю. Б. Симченко. Культура охотников на оленей Северной Евразии	2	158
Виноградов В. Б. <i>Кавказский этнографический сборник, VI</i>	6	169
Гречина О. Н. Л. Е. Генин. Отражение фольклора в библиотечно-библиографических классификациях и методика его классифицирования в свете современной фольклористики	1	178
Губогло М. Н. В. Маамяги. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.)	3	176
Доминяк А. В.—см. Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминяк А. В.	6	175
Дробижева Л. М. В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса	4	178
Кабо В. Р. А. В. Смоляк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX—начало XX вв.)	2	160
Керейтов Р. Х., Федоров Я. А. С. Ш. Гаджиева. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в.	6	173
Козлов В. И. <i>Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствovedения</i>	4	175
Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминяк А. В. Л. С. Грибова. Пермский звериный стиль (проблемы семантики)	6	175
Кочешков Н. В. К. П. Белобородова. Приамурские узоры	3	180
Мелетинский Е. М. Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси	2	169
Мухаметшин Ю. Г. Ф. Х. Валеев. Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище	2	165

	№	Стр.
Некрылова А. Ф. <i>Н. И. Савушкина</i> . Русский народный театр	1	179
Оборин В. А.—см. Корепанов К. И., Оборин В. А., Доминьяк А. В.	6	175
Окладников А. П. <i>И. С. Гурвич</i> . Культура северных якутов оленеводов (К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа)	5	175
Остапенко Л. В. <i>Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников</i> . Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра	4	173
Островский Г. С. <i>Н. Шкаровская</i> . Народное самодетельное искусство	2	172
Пилипенко М. Ф. <i>И. М. Браім</i> . Рыбалоўства у Беларусі	5	177
Пименов В. В., Федянович Т. П. Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья	5	173
Поляков С. П. В. П. <i>Дьяконова</i> . Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник	3	179
Рюитель И. Н., Чистов К. В. <i>Карельские причитания</i>	5	178
Соколова З. П.—см. Бутинова М. С., Соколова З. П.	2	153
Файнберг Л. А.—см. Васильев В. И., Файнберг Л. А.	2	158
Федоров Я. А.—см. Керейтов Р. Х., Федоров Я. А.	6	173
Федянович Т. П.—см. Пименов В. В., Федянович Т. П.	5	173
Хамиджанова М. А. З. А. <i>Широкова</i> . Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана	2	163
Чистов К. В.—см. Рюитель И. Н., Чистов К. В.	5	178
Шаронов А. М. <i>Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки</i>	1	181
Шуляев А. Д. <i>Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. VI, ч. 2 — Мокшанская свадебная поэзия</i>	3	182

Народы зарубежной Европы

Бараг Л. Г. <i>Українські народні казки Східної Словаччини, т. V</i>	4	182
Вийрес А. О., Шлыгина Н. В. <i>Suomen kansankulttuurin kartasto. Aineellinen kulttuuri</i>	3	184
Лутс А. А., Шлыгина Н. В. <i>Kustaa Vilkuna. Unternehmen Lachsfang. Die Geschichte der Lachsfischerei im Kemijoki</i>	2	174
Шлыгина Н. В.—см. Вийрес А. О., Шлыгина Н. В.	3	184
Шлыгина Н. В.—см. Лутс А. А., Шлыгина Н. В.	2	174

Народы зарубежной Азии

Алиев С. М. Б.-Р. <i>Логашова</i> . Туркмены Ирана	3	187
Анрианов Б. В., Семашко И. М. Н. Р. <i>Гусева</i> . Индунзм. История формирования. Культурная практика	5	182
Кочнев В. И. А. Н. <i>Седловская</i> . Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк)	4	184
Кычанов Е. И. Н. Л. <i>Жуковская</i> . Ламанизм и ранние формы религии	1	183
Мокеев А. М. R. <i>Dor. Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan</i>	2	178
Семашко И. М.—см. Анрианов Б. В., Семашко И. М.	5	182
Серебрякова М. Н. В. П. <i>Курылев</i> . Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время)	5	187
Членов М. А. W. A. L. <i>Stokhof. Preliminary Notes on the Alor and Pantar languages (East Indonesia)</i>	5	184

Народы Америки

Дридзо А. Д. Э. Г. <i>Александренков</i> . Индейцы Антильских островов	6	180
Зиберт Э. В. D. J. <i>Ray. The Eskimos of Bering Strait</i>	2	181
Файнберг Л. А. П. <i>Окладников, Р. С. Васильевский</i> . По Аляске и Алеутским островам	1	186

Народы Африки

Козлов С. Я. <i>Изучение Африки в России (дореволюционный период)</i>	6	182
Куббель Л. Е. А. <i>Гаудио</i> . Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли	4	188
Ягья В. С. К. П. <i>Калиновская</i> . Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции	1	188

СОДЕРЖАНИЕ

С. Е. Стеценко (Киев). Развитие новой советской обрядности в Украинской ССР	3
Г. Н. Симakov (Ленинград). Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.)	14
И. Н. Соломоник (Москва). Проблемы анализа народного театра кукол (Художественный язык народного кукольного представления)	28
В. И. Богданова (Ленинград). Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев	46

Дискуссии и обсуждения

Я. С. Смирнова, А. И. Першиц (Москва). Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»?	61
--	----

Из истории науки

Л. М. Сабурова, К. В. Чистов (Ленинград). Дмитрий Константинович Зеленин (К 100-летию со дня рождения)	71
--	----

Сообщения

Г. Н. Чагин (Пермь). Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII — начало XX в.)	86
Е. Н. Кушева (Москва), М. А. Усманов (Казань). К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу)	99
Т. М. Айтберов (Махачкала). Недавно найденные адаты аварцев XVII века	111
М. С. Бутинова (Ленинград). О роли религии и традиций в современной Меланезии (На примере жителей островов Адмиралтейства)	117
В. И. Гохман (Ленинград). К реконструкции древнетайской системы терминов родства	127

Поиски, факты, гипотезы

В. Е. Гусев (Ленинград). О реконструкции праславянского календаря (К проблеме этногенеза славян)	132
--	-----

Научная жизнь

А. Н. Жилина, А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.	144
Л. М. Дробизева (Москва). Международный симпозиум «Этнографические аспекты изучения социалистического образа жизни»	155
И. С. Гурвич (Москва). Советско-американское сотрудничество в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки	157
Е. С. Новик (Москва). Отчетно-экспедиционные сессии Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР	160
Коротко об экспедициях	164

Критика и библиография

Общая этнография

Л. Е. Куббель (Москва). А. М. Хазанов. Социальная история скифов	166
--	-----

Народы СССР

В. Б. Виноградов (Грозный). <i>Кавказский этнографический сборник, VI</i> .	170
Р. Х. Керейтов (Черкесск), Я. А. Федоров (Москва). <i>С. Ш. Гаджиева. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в.</i> .	173
К. И. Корепанов (Москва), В. А. Оборин, А. В. Доминьяк (Ростов-Ярославский) <i>Л. С. Грибова. Пермский звериный стиль (Проблемы семантики)</i> .	175

Народы Америки

А. Д. Дридзе (Ленинград). <i>Э. Г. Александренков. Индейцы Антильских островов</i>	180
--	-----

Народы Африки

С. Я. Козлов (Москва). <i>Изучение Африки в России (дореволюционный период)</i> .	182
---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1978 году . . .	185
---	-----

SOMMAIRE

S. Ye. Stietsenko (Kiev). Le développement des nouveaux rites Soviétiques en R. S. S. d'Ukraine	3
G. N. Simakov (Leningrad). Essai d'une typologie de l'économie d'élevage chez les Kirghiz (fin XIXe—début XXe siècle)	14
I. N. Solomonik (Moscou). Problèmes d'une analyse du théâtre populaire de marionnettes (représentation populaire de marionnettes—formes d'expression artistique)	28
V. I. Bogdanova (Leningrad). Quelques problèmes de la formation de la composition anthropologique des Touviniens modernes	46

Discussions et délibérations

Ya. S. Smirnova, A. I. Pierchits (Moscou). La soustraction: appréciation formationnelle ou «neutralité éthique»?	61
--	----

De l'histoire de la science

L. M. Sabourova, K. V. Tchistov (Leningrad). Dmitri Konstantinovitch Zielénine (pour le 100e anniversaire)	71
--	----

Communications

G. N. Tchaguine (Perm'). Propriétés des populations russes de la région de Kama du Nord (XVIIe—début XXe siècle)	86
Ye. N. Kouchéva (Moscou), M. A. Ousmanov (Kazan). Contribution au problème de la structure sociale des Wainakh (une lettre de 1657 adressée au tsar Alexis Mikhaïlovitch en provenance du djamaat de Chibouti)	99
T. M. Aitbierov (Makhatchkala). Les adat récemment trouvés des Avariens du XVIIe siècle	111
M. S. Boutinova (Leningrad). Du rôle de la religion et des traditions en Mélanésie contemporaine (d'après l'exemple des populations des îles de l'Amirauté)	117
V. I. Gokhman (Leningrad). Pour une reconstitution de l'ancien système des termes de parenté thaï	127
	191

Recherches, faits, hypothèses

V. Ye. Goussiev (Léningrad). De la reconstitution du calendrier Protoslave (contribution au problème de l'ethnogenèse des Slaves)	132
---	-----

Vie académique

A. N. Jilina, A. Ye. Ter-Sarkissiants (Moscou). Session Nationale consacrée aux résultats des recherches ethnographiques et anthropologiques sur le terrain aux années 1976 et 1977	144
L. M. Drobijéva (Moscou). «Aspects ethnographiques de la manière de vie socialiste» — un Symposium international	155
I. S. Gourvitch (Moscou). Collaboration soviéto-américaine dans le domaine de l'étude de l'interaction des peuples et des cultures aboriginales de la Sibérie du Nord et de l'Amérique du Nord	157
Ye. S. Novik (Moscou). Sessions de rapports des missions à la Commission Nationale de l'Union des compositeurs de l'U. R. S. S. pour l'oeuvre musicale populaire	160
Missions en bref	164

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

L. Ye. Koubbel (Moscou). A. M. Khazanov. Histoire sociale des Scythes	166
---	-----

Peuples de l'U.R.S.S.

V. B. Vinogradov (Grozny). <i>Recueil ethnographique caucasique</i> , VI	170
P. Kh. Kieréïtov (Tcherkiessk), Ya. A. Fiodorov (Moscou). S. Ch. Gadjeva. Culture matérielle des Nogaï aux XIXe — début XXe s.	173
K. I. Koriepanov (Moscou), V. A. Oborine, A. V. Dominiak (Rostov de Jaroslavl). L. S. Gribova. Le style animal de Perm (Problèmes de la sémantique)	175

Peuples de l'Amérique

A. D. Dridzo (Léningrad). E. G. Aléxandrienkov. Les Indiens des Antilles	180
--	-----

Peuples de l'Afrique

S. Ya. Kozlov (Moscou). <i>Etude de l'Afrique en Russie (la période prérévolutionnaire)</i>	182
---	-----

Index des articles et matériaux publiés par la revue en 1978	185
--	-----

Технический редактор Сироткина Т. И.

Сдано в набор 11.09.78	Подписано к печати 22.11.78	Т-18357	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 16,8	Уч.-изд. л. 20,1	Бум. л. 6 Тираж 2795 экз. Зак. 4296

Издательство «Наука». 103717 ГСП Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10